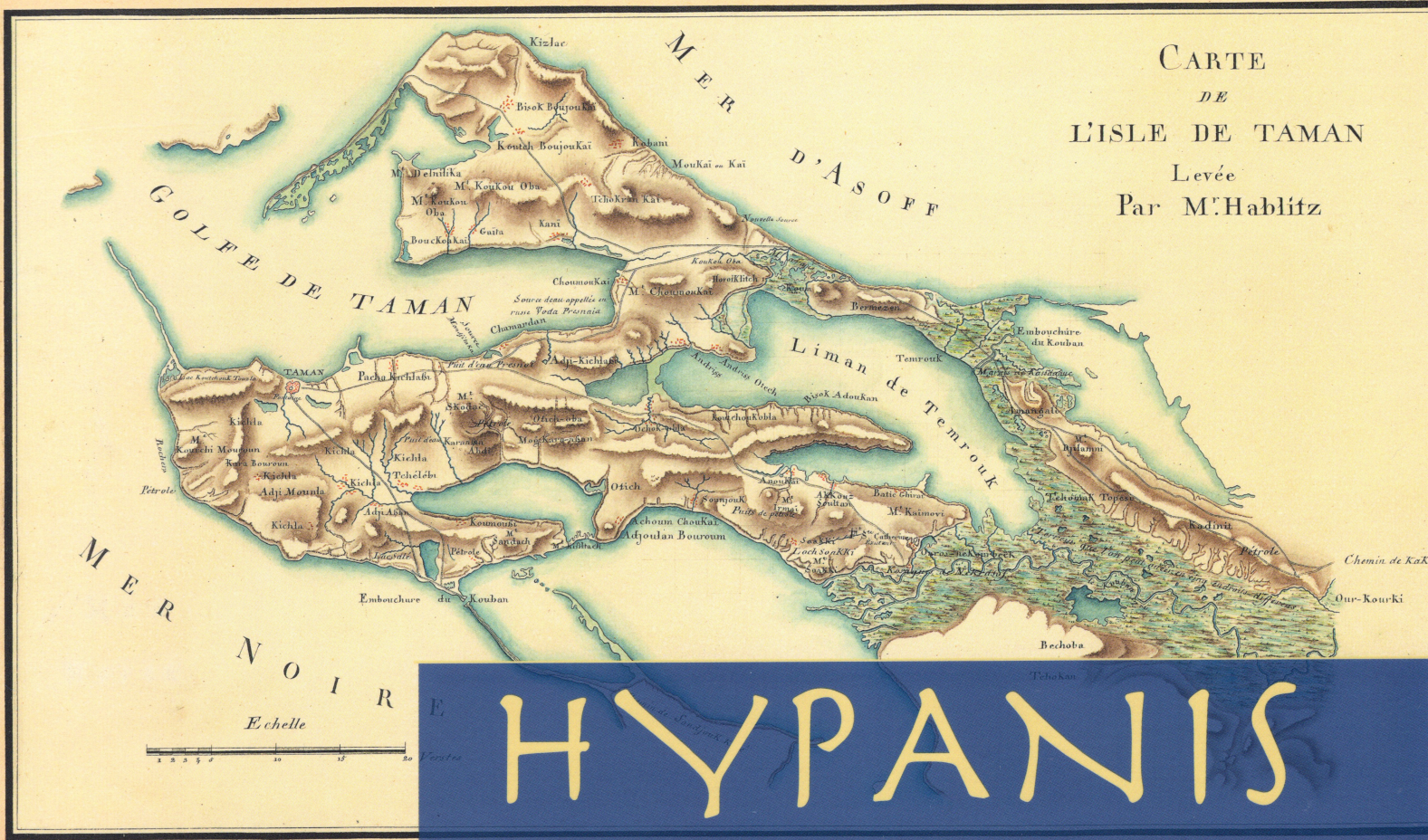

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ТОМ

ТРУДЫ ОТДЕЛА
КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ИА РАН

6

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

HYRANIS

ТРУДЫ ОТДЕЛА КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ИА РАН

Под общей редакцией В. Д. Кузнецова

6

МОСКВА 2024

УДК 902/904
ББК 63.4
Н99

Редколлегия:

О. М. Ворошилова (секретарь), Н. Д. Двуреченская, А. А. Завойкин,
В. Д. Кузнецов (главный редактор), А. А. Масленников

Рецензенты:

д. и. н. А. А. Масленников
к. и. н. Н. И. Сударев

*Утвержден на заседании
Ученого совета Института археологии РАН*

Н99 **Hypanis.** Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 6. – М.,
2024. 224 с.: илл.

ISBN 978-5-94375-419-7

Сборник научных статей по археологии, истории и нумизматике
Боспора античной эпохи и раннесредневекового периода.

В сборнике публикуются материалы работ, выполненных сотрудни-
ками отдела классической археологии ИА РАН по теме «Причерно-
морская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочев-
нические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилиза-
ций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-449-4
DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-449-4

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2024
© Авторы статей, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абрамзон М. Г., Горленко Д. А., Ефимова Ю. Ю., Копцева Н. В., Сапрыкина И. А.</i> Новые данные об источниках меди для Боспора в III в. н. э.: микроструктура и химический состав статеров Рескупорида V	5
<i>Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д., Остапенко С. Н.</i> Электровая гемигекта Кизика из Фанагории	19
<i>Абрамзон М. Г., Остапенко С. Н.</i> Монеты из подводных раскопок Фанагории	31
<i>Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М.</i> О полном ремennom снаряжении воинов позднеантичной Фанагории	51
<i>Голофаст Л. А., Сапрыкина И. А.</i> Свинцовый крест из раскопок Фанагории	73
<i>Журавлев Д. В., Хршановски Л., Чебышев Г. С.</i> Светильники с территории Азиатского Боспора в собрании Государственного исторического музея	87
<i>Завойкин А. А.</i> Азиатский Боспор	151
<i>Завойкина Н. В.</i> Новые материалы по истории Фанагории первых веков н. э.	187
<i>Кузнецов В. Д., Завойкин А. А., Чашук М. С.</i> Общественное здание (464) на «Верхнем городе» Фанагории	199
Список сокращений	221

CONTENTS

<i>Abramzon M. G., Gorlenko D. A., Yu. Yu. Efimova, Koptseva N. V., Saprykina I. A.</i> New Data on Copper Sources for the Bosporan Kingdom in the Third Century AD: Microstructure and Chemical Composition of Rhescuporis V' Staters	5
<i>Abramzon M. G., Kuznetsov V. D., Ostapenko S. N.</i> A Cyzicene Electrum Hemihecte from Phanagoria	19
<i>Abramzon M. G., Ostapenko S. N.</i> Coins from the Underwater Excavations at Phanagoria	31
<i>Voroshilov A. N., Voroshilova O. M.</i> On the Full Belt Equipment of Warriors in Late Antique Phanagoria	51
<i>Golofast L. A., Saprykina I. A.</i> Lead cross from the Excavations at Phanagoria	73
<i>Zhuravlev D. V., Chrzanovski L., Chebyshev G. S.</i> Lamps from the Asian Part of the Bosporos from the Collection of the State Historical Museum	87
<i>Zavoykin A. A.</i> Asian Bosporos	151
<i>Zavoykina N. V.</i> New Evidence on the History of Phanagoria in the First Centuries A.D.	187
<i>Kuznetsov V. D., Zavoykin A. A., Chashuk M. S.</i> A Public Building (No. 464) in the "Upper City" of Phanagoria	199
Abbreviations	221

М. Г. Абрамзон, Д. А. Горленко, Ю. Ю. Ефимова, Н. В. Копцева,
И. А. Сапрыкина¹

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИСТОЧНИКАХ МЕДИ ДЛЯ БОСПОРА В III В. Н. Э.: МИКРОСТРУКТУРА И ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ СТАТЕРОВ РЕСКУПОРИДА V

Аннотация. В статье представлены результаты исследования сплава биллонных статов Рескупорида V с датой $\Delta\Xi\Phi$ (564 г. б. э. = 267/268 г. н. э.) из Фанагорийского клада 2011 г. (CH XI, 231) с точки зрения геологического происхождения меди с целью определения потенциальных месторождений медных руд, использованных для их производства. Впервые выявлено присутствие хлора не только на поверхности монет, связанное с техникой применения специальных серебрющих паст на основе хлоридов серебра, но в некорродированном ядре монеты, богатом медью. Открытие хлорида меди в ядре монеты позволяет предполагать, что потенциальным сырьем для монетного сплава мог быть металл из зон окисления медных месторождений степей южного Предуралья или Казахстана, где сосредоточены многочисленные древние выработки. Например, это могли быть ближе всего расположенные к Боспору месторождения Джезказган, Коунрад, Саяк и другие в степях Сарыарки (Северный Казахстан), или рудники в Оренбуржье, в верхних горизонтах зон окисления которых, разрабатываемых еще в бронзовом веке, встречается атакамит.

С другой стороны, источники хлорсодержащей меди могли, естественно, располагаться где-то значительно ближе к Боспору: хлор и хлориды меди присутствуют в зонах окисления всех месторождений меди, независимо от их генезиса. Если в стратиформных месторождениях (медистых песчаниках), а также в условиях семиаридного климата (степи, пустыни/полупустыни) отмечено несколько более высокое содержание хлора, то необходимо помнить о высоких концентрациях хлора в морской воде. Возможно, зона окисления медного месторождения, откуда поступал металл на боспорский монетный двор, находилась в непосредственной близости от побережья Черного моря – на Южном Кавказе (например, в одной только Западной Грузии зарегистрировано несколько десятков центров выплавки меди в позднем бронзовом и раннем железном веках), или в северо-восточной Анатолии.

И хотя вопрос о возможных источниках меди для чеканки монет на Боспоре до сих пор остается открытым², тем не менее, установленный факт использования в боспорском монетном производстве металла из хлорсодержащих медных руд представляет собой важный шаг для решения нерешенных вопросов предыдущих исследований.

Ключевые слова. Боспор, Рескупорид V, статеры, микроструктура, монетный сплав, источники медного сырья, микроанализ, металлография, археометрия.

M. G. Abramzon, D. A. Gorlenko, Yu. Yu. Efimova, N. V. Koptseva, I. A. Saprykina
NEW DATA ON COPPER SOURCES FOR THE BOSPORAN KINGDOM
IN THE THIRD CENTURY AD: MICROSTRUCTURE AND CHEMICAL
COMPOSITION OF RHESCUPORIS V' STATERS

Abstract. This article presents the results of a study on the alloy composition of billon staters of Rhescuporis V, dated $\Delta\Xi\Phi$ (564 BE – AD 267/268), from the Phanagoria 2011 Hoard (CH XI, 231). The study aims to determine the potential sources of copper ore used in the coin production by analysing the geological origin of the copper. For the first time, the presence of chlorine has been detected not only on the surface of the coins (which was attributed to the technique of applying special silvering pastes based on silver chlorides), but also within the uncorroded copper-rich core of the coins. The discovery of copper chloride in the coin core allows for a suggestion that the raw material for the coinage alloy could have been sourced from the oxidation zones of copper deposits in the steppes of the southern Ural Mountains or from

¹ Исследование выполнено в рамках тем «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4) и «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг.» (номер ЕГИСУ № НИОКТР 122011200265-6).

² Чтобы доказать экспорт металла из того или иного месторождения (если оно не было исчерпано), потребуются дальнейшие исследования состава элементов-примесей в металле, например, методом ICP-MS.

Kazakhstan, where numerous ancient mines are found. These could include deposits such as Dzhezkazgan, Kounrad, Sayak, and others in the Saryarka steppe (northern Kazakhstan) or mines in Orenburg, where atacamite is found in the upper horizons of oxidation zones that were exploited starting from the Bronze Age.

On the other hand, sources of chlorine-containing copper may also have been located much closer to the Bosphoros. Chlorine and copper chlorides are present in the oxidation zones of all copper deposits, regardless of their genesis process. While strata-formed deposits (copper-bearing sandstones) and semi-arid climates (steppes, deserts/semi-deserts) tend to have a slightly higher chlorine content, it is also important to note the high chlorine concentration in seawater. It is possible that the oxidation zone of the copper deposit which supplied metal to the Bosporan mints was located near the Black Sea coast – possibly in the South Caucasus (Western Georgia alone has several dozen copper-smelting centres from as early as the Late Bronze and Early Iron Ages) or in northeastern Anatolia.

Although the question of potential copper sources for Bosporan coinage remains open (further studies using methods such as ICP–MS are required to establish the elemental composition of impurities in the metal and to verify the fact of export from specific deposits), the established fact that chlorine-containing copper ores were used in Bosporan coinage production represents an important step in answering the questions that arose in previous studies.

Keywords. Bosphoros, Rhescuporis V, staters, microstructure, coinage alloy, copper raw material sources, microanalysis, metallography, archaeometry.

Одним из наиболее сложных и одновременно перспективных для исследования вопросов в изучении металлургии боспорской монетной чеканки является вопрос выявления рудных источников сырья, поступавшего на Боспор в различные исторические периоды. Среди потенциальных источников меди для чеканки монеты на Боспоре в римское время предполагались медно-колчеданные и медно-пирротиновые месторождения Балкано-Карпатского региона, Урала, Кавказа, Северо-Западной Анатолии.³ Выявление особенностей свиты микропримесей в медно-серебряном монетном сплаве может указывать на использование металла из того или иного месторождения и иногда свидетельствовать об изменении источника его поступления. Между тем, металл (серебро или медь), используемый для изготовления монет, не обязательно получали из одного источника: на монетном дворе в переплавку шел разный металл, получаемый из различных источников, а также старые монеты. Третий век н. э. представляет особый интерес: монетное производство на Боспоре в эту эпоху, особенно при Рескупориде V, функционирует в условиях напряженной политической и экономической ситуации в Северном Причерноморье, сопровождавшейся вторжениями на Боспор сармато-аланских и германских племен Меотиды, в результате которых прерывались связи с традиционными источниками экспорта металла. Монетный двор в Пантикапее испытывал дефицит не только в серебре, но и меди.

В середине 3 в. н. э. в монетном деле Рима и клиентского Боспора протекают сходные кризисные процессы – дезинтеграция монетной системы, кризис денежного обращения, инфляция, порча монеты и попытки властей придать обесцененным монетам с медным ядром вид «серебряных» денег. Для этого применялись схожие технологические приемы обогащения серебром поверхности римских антонинианов и боспорских статов. Результаты исследований металлургии боспорской серебряной чеканки этого столетия показывают использование техники обедненного серебрения (*depletion-silvering*), плакирования, а также применения серебрящих паст, содержащих хлориды серебра, натрия, аммония и ртути, гидротартрат калия и мел.⁴

³ См.: Абрамзон и др. 2021, 406–406; 2022, 316–317.

⁴ Abramzon, Efimova, Koptseva, Saprykina, Smekalova 2023.

В ходе дополнительной серии анализов, проведенных в ЦКП НИИ «Наноста-ли» МГТУ им. Г. И. Носова на выборке из 6 статеров Рескупорида V с датой $\Delta\Xi\Phi$ (564 г. боспорской эры = 267/268 г. н. э.)⁵ из Фанагорийского клада 2011 г. (СН XI, 231)⁶ было впервые выявлено присутствие хлора не только в участках поверхности монеты, обогащенной серебром, но и в ее некорродированном ядре, богатом медью. Данный факт объясняется не коррозией, техникой монетного производства или технологическим процессом выплавки меди, но характеристиками медного сырья, поступавшего на монетный двор Пантикапея из определенных рудных источников – месторождений с хлорсодержащими медными рудами, возможно, располагавшихся в зонах семиаридного климата (степи, пустыни/полупустыни). Это могли быть рудные месторождения, разрабатываемые в древности, например, в южном Предуралье или Казахстане. С другой стороны, возможно, зона окисления медного месторождения, откуда экспортировался металл на боспорский монетный двор, могла находиться непосредственной близости от побережья Черного моря, например, в Восточном Причерноморье (Южный Кавказ) или северной Анатолии.

Методика исследования

Металлографический анализ статеров из выборки проводился на стереомикроскопе Meiji TECHNO RZ-B при увеличениях 7,5 крат, с использованием системы компьютерного анализа изображений Thixomet PRO. Изображение микроструктуры с помощью цифровой камеры вводилось в компьютер и затем анализировалось с применением специализированных программ.

Микроструктура и поверхность монет исследовалась с помощью сканирующего электронного микроскопа (СЭМ) JSM 6490 LV во вторичных электронах.

Для микроанализа, исследования толщины покрытия, а также наличие диффузионного слоя и структуры монетного сплава, с гурта статера № 1879 были изготовлены поперечные шлифы по стандартной методике на линии пробоподготовки фирмы Buehler.

Рентгеноспектральный микроанализ (РСМА) проводился с использованием специальной приставки к сканирующему микроскопу – энергодисперсионного спектрометра INCA Energy. Качественный и количественный анализ проводился в локальной области, а также строились карты распределения элементов по поверхности монеты.

Рентгенофазовый анализ выполнялся на дифрактометре SHIMADZUXRD-7000 с использованием излучения хромового анода. Анализ осуществлялся в интервале углов 2θ от 50 до 130°. Режим съемки – непрерывный, со скоростью 1°/мин. При съемке исследуемый монета располагалась параллельно линейному фокусу рентгеновской трубки.

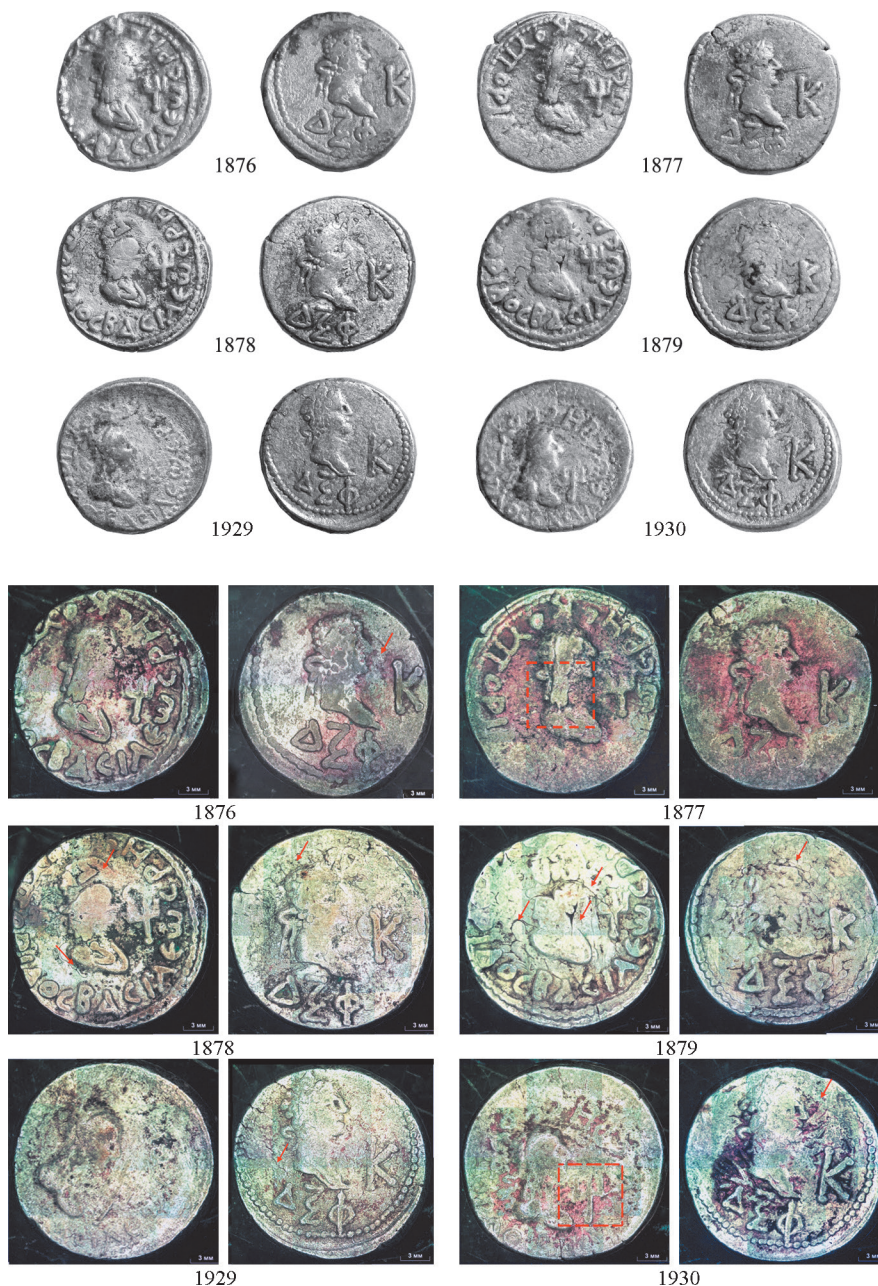
Результаты исследования

Все монеты 267/268 г. н. э. из выборки перечеканены из дореформенных статеров 261/262 и 262/263 гг. н. э. Визуальный анализ статеров № 1876, 1877, 1878 и 1930 показал, что серебристый цвет на поверхности монет наблюдается преимущественно на выпуклых элементах чеканного рельефа, а также локальных участках монетного поля – вперемешку с участками красного и темного оттенков (рис. 1). Монеты № 1879 и 1929, напротив, имеют характерный серебристый цвет и блеск по всей поверхности.

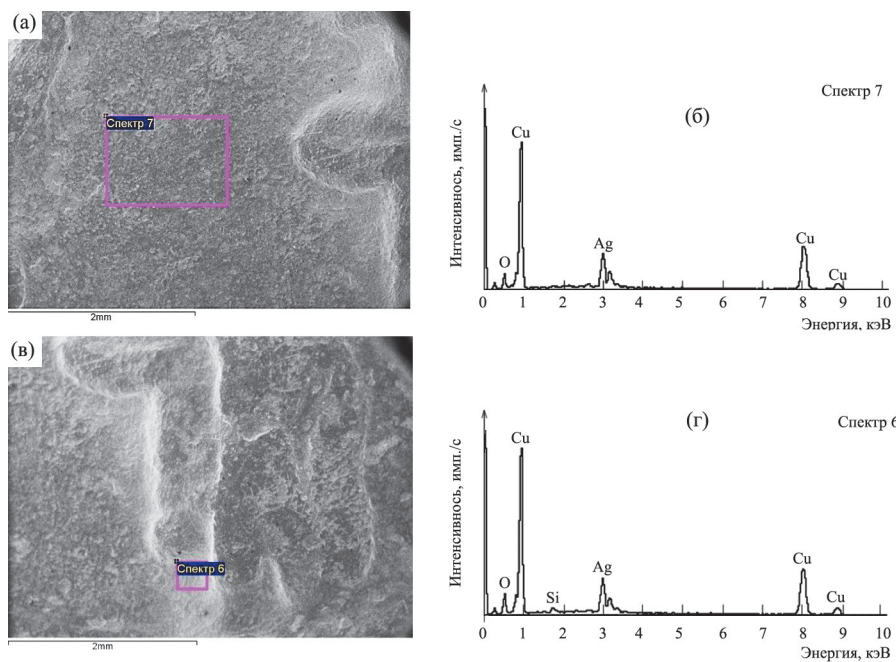
⁵ Тип: Анохин 1986, 171, № 715.

⁶ Абрамзон, Кузнецов 2017, № 1876, 1877, 1878, 1879, 1929 и 1930. Место хранения – ГИАМЗ «Фанагория».

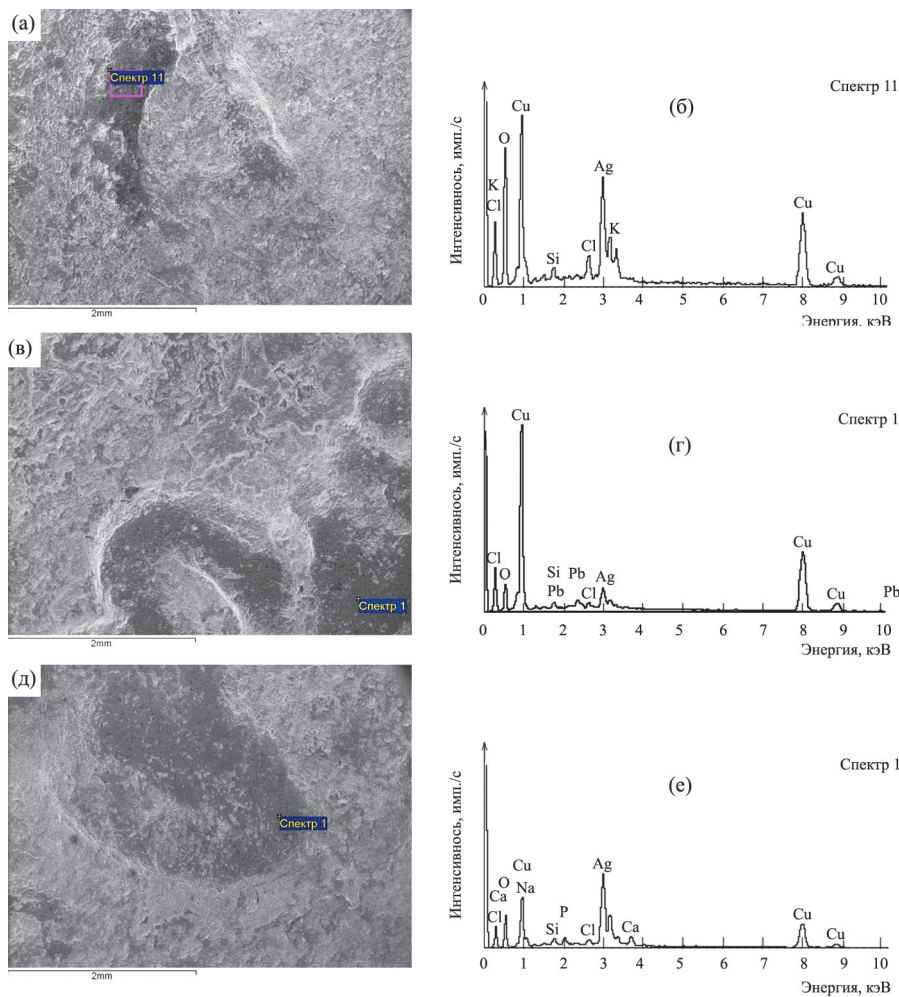
Рис. 1. Статеры 267/268 г. н. э.
из Фанагорийского клада 2011 г.
(увел. $\times 7,5$)

Исследование химического состава поверхности статеров методом РСМА выявило присутствие в рентгеновских спектрах всех монет пиков серебра, меди и кислорода (как, например, показано для статера № 1877 на рис. 2. а, б). При этом фиксировали характеристические рентгеновские спектры сканированием по площади выбранного участка микрошлифа (рис. 3. а, б) и с выбором анализируемой области в точке (рис. 3. в–е). Серебро и медь представляют основные компоненты монетного сплава, а наличие кислорода объясняется присутствием окислов меди на поверхности монет, образовавшихся в результате процесса коррозии во время пребывания монет в культурном слое. Участки с красным оттенком и темно-окрашенные являются, соответственно, красным оксидом меди Cu_2O и черным оксидом CuO , которые образуются в виде тонкой пленки на поверхности медных сплавов в результате взаимодействия с атмосферой. Сильно окисленные участки

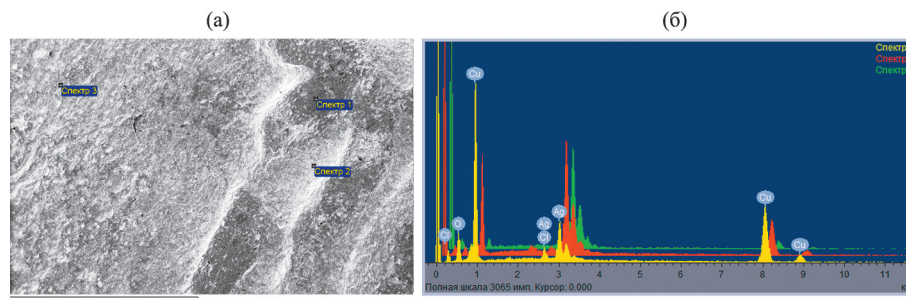

Рис. 2. Электронное изображение (а, в) и характеристические рентгеновские спектры (б, г) с монетного поля (а, б) и в углублении чеканного рельефа (в, г) поверхности статера № 1877

Рис. 3. Электронное изображение (а, в, д) и характеристические рентгеновские спектры (б, г, е) с выпуклых участков чеканного рельефа поверхности статеров № 1876 (а, б), 1878 (в, г), № 1930 (д, е)

Рис. 4. Электронное изображение поверхности (а) статера № 1876 и наложение характеристических рентгеновских спектров (б) с различных участков чеканного рельефа: с выпуклости (спектр 1), углубления (спектр 2) и монетного поля (спектр 3)

выглядят темными при визуальном осмотре. В некоторых случаях, в спектрах обнаруживаются пики кремния (рис. 2. в, г; 3), что объясняется наличием не удаленных остатков почвенных загрязнений. Кроме того, в спектрах наблюдаются пики свинца, фосфора, железа, алюминия, хлора, кальция, калия и натрия (рис. 3).

Соотношение количества элементов в разных частях рельефа поверхности статеров хорошо иллюстрирует сравнение интенсивностей пиков элементов в спектрах (рис. 4). Оно обнаруживает, что на поверхности каждой из монет характер распределения серебра и меди не равномерный. Максимальное количество серебра фиксируется в углублениях чеканного рельефа и на монетном поле (без рельефа), а минимальное – на выпуклых элементах чеканного рельефа. Наибольшее содержание меди, наоборот, присутствует на выпуклых элементах чеканного рельефа.

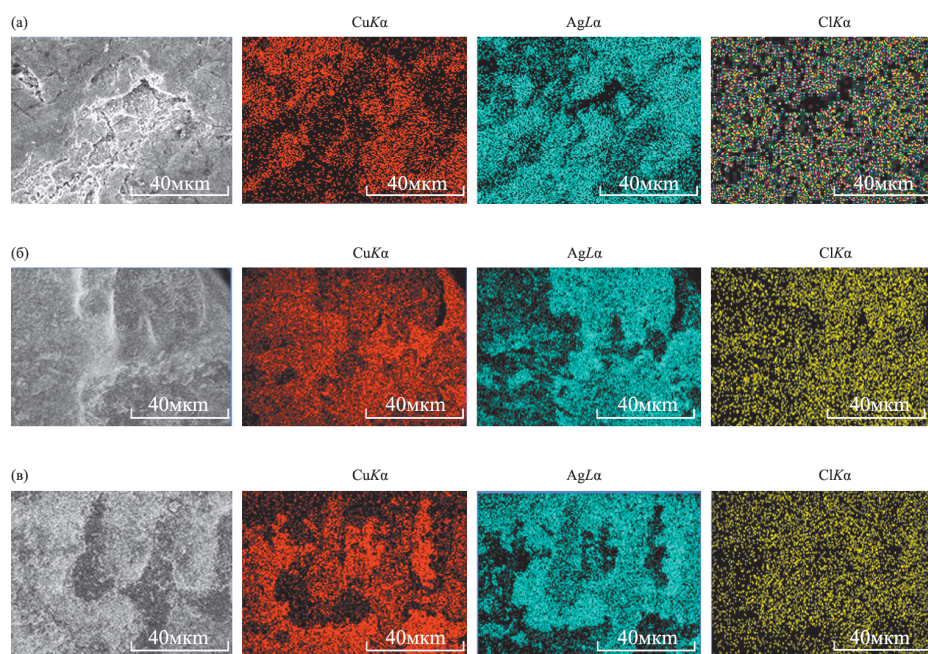
Количественный анализ показал, что на выпуклых участках чеканного рельефа в металле монет содержится 21–61% Ag и 10–53% Cu (при 20–26% кислорода), в углублениях чеканного рельефа – 21–80% Ag и 8–65% Cu (при 8–24% кислорода), на монетном поле – 16–87% Ag и 5–65% Cu (при 7–20% кислорода).

РСМА по площади шлифа на гурте статера № 1879 с получением изображения в характеристическом излучении (картировании) дает наглядную картину распределения элементов на выбранном участке шлифа. Карты распределения элементов по поверхности статеров подтверждают неоднородность распределения элементов. В участках поверхности монет, которые при визуальном осмотре имеют серебристый цвет, при картировании наблюдается локализация серебра, а в участках с красноватым цветом – медь (рис. 5).

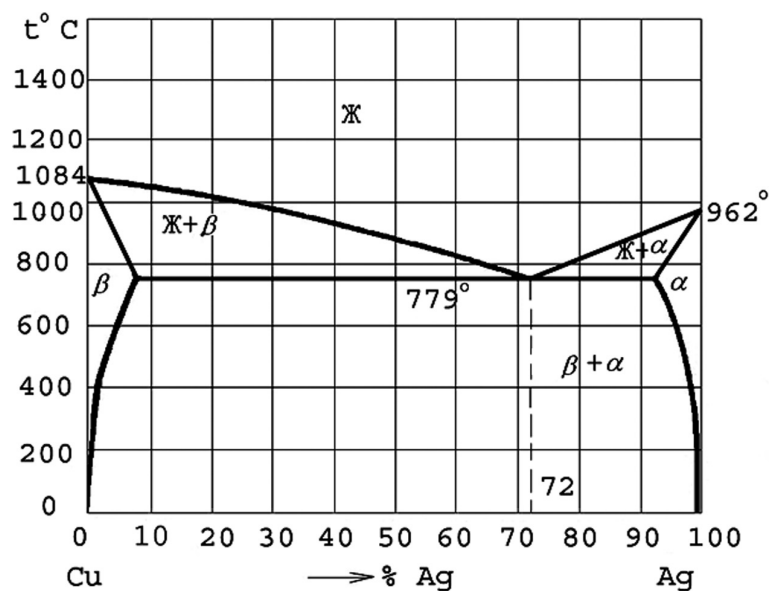
Сопоставление результатов РСМА и визуального анализа позволяет сделать заключение, что, во-первых, на поверхности монет присутствовало серебряное покрытие, о чем свидетельствует наличие достаточно крупных «чешуек» серебра произвольной формы, содержащих до 87% Ag на отдельных участках монетного поля и углублений чеканного рельефа, которые пострадали в меньшей степени при истирании монет в процессе обращения. Во-вторых, исследуемые монеты были изготовлены из сплавов на основе меди с содержанием серебра в пределах около 30%. Суммарное содержание свинца, фосфора, железа, алюминия не превышает 1–2%. Эти элементы являются примесями, которые всегда присутствуют даже в сплавах меди, очищенных посредством самых современных технологий, в силу особенностей их получения.

Следует отметить, что во всех случаях содержание обнаруженного на поверхности монет хлора составляло от 0,4 до 1,5%. При этом, как показало картирование, он распределялся обычно более или менее равномерно по всей исследованной поверхности (рис. 5. а). Достаточно часто в участках локализации серебра его содержание было несколько больше, чем в участках локализации меди (рис. 5. б, в). При ранее проведенных исследованиях рентгеноструктурным анализом⁷ на поверхности таких монет помимо твердых растворов на основе

⁷ Abramzon et al. 2020, 529–533; Abramzon, Efimova, Koptseva, Gorlenko, Saprykina, Smekalova 2023, 1127–1133.

Рис. 5. Распределение серебра и меди по поверхности: а – участков статера № 1876 (а), № 1877 (б), 1930 (в), выделенных на рис. 1

Рис. 6. Диаграмма состояния Cu–Ag

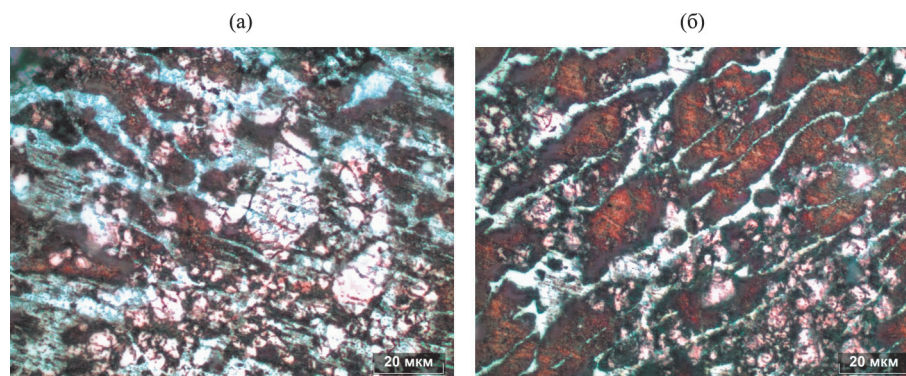
меди и серебра и закиси меди был обнаружен хлорид серебра (AgCl), а наличие наряду с этим таких элементов как натрий, кальций и магний связывалось с технологией серебрения поверхности монет путем использования специальных паст, в которых присутствовали хлорсодержащие компоненты.⁸

Однако в исследуемых монетах большое количество хлора наблюдалось на участках с высоким содержанием меди и низким – серебра (рис. 3. В–Г). Такие участки очень часто обнаруживались на выпуклых участках чеканного рельефа, где слой серебряного покрытия был сильнее изношен, или на монетном поле, где серебряное покрытие практически отсутствовало.

Микроанализ поперечного шлифа, изготовленного на гурте статера № 1879, на основе анализа диаграммы состояния Cu-Ag (рис. 6) позволил сделать

⁸ Anheuser 1997, 127; Vlachou 2002, 461.

Рис. 7. Характерная микроструктура поверхностных участков (а) и центральной части (б) поперечного шлифа, изготовленного на гурте статера № 1879

заключение, что в структуре монетного сплава в данном случае темная составляющая представляет собой дендриты (зерна) первичного β -твердого раствора серебра в меди, а светлая «пестрая» (двухфазная) составляющая, расположенная между этими зернами, является эвтектикой и состоит из β -твердого раствора серебра в меди и α -твердых растворов меди в серебре, соотношение которых составляет примерно 30% и 70% (рис. 7).

Локальный РСМА (рис. 8) показал, что в составе сплава присутствует 66–69% Cu и 25–27% Ag (рис. 9. а, б), в первичных дендритах – 85–90% Cu и 5–8% Ag, а в эвтектике – 7–8% Cu и 86–92% Ag, что хорошо согласуется с предельной растворимостью компонентов в α - и β -твердых растворах.

Особо обращает на себя внимание, что локальный РСМА и картирование свидетельствуют о присутствии хлора не только на поверхности исследуемых статеров, но и в центральных участках микрошлифа в поперечном сечении гурта статера № 1879 (рис. 8; 10. а, б). При этом, также выявлена локализация хлора в областях, богатых медью, в частности – в первичных дендритах твердого раствора на основе меди (рис. 11), где содержание хлора составляет 1,5–3,5%.

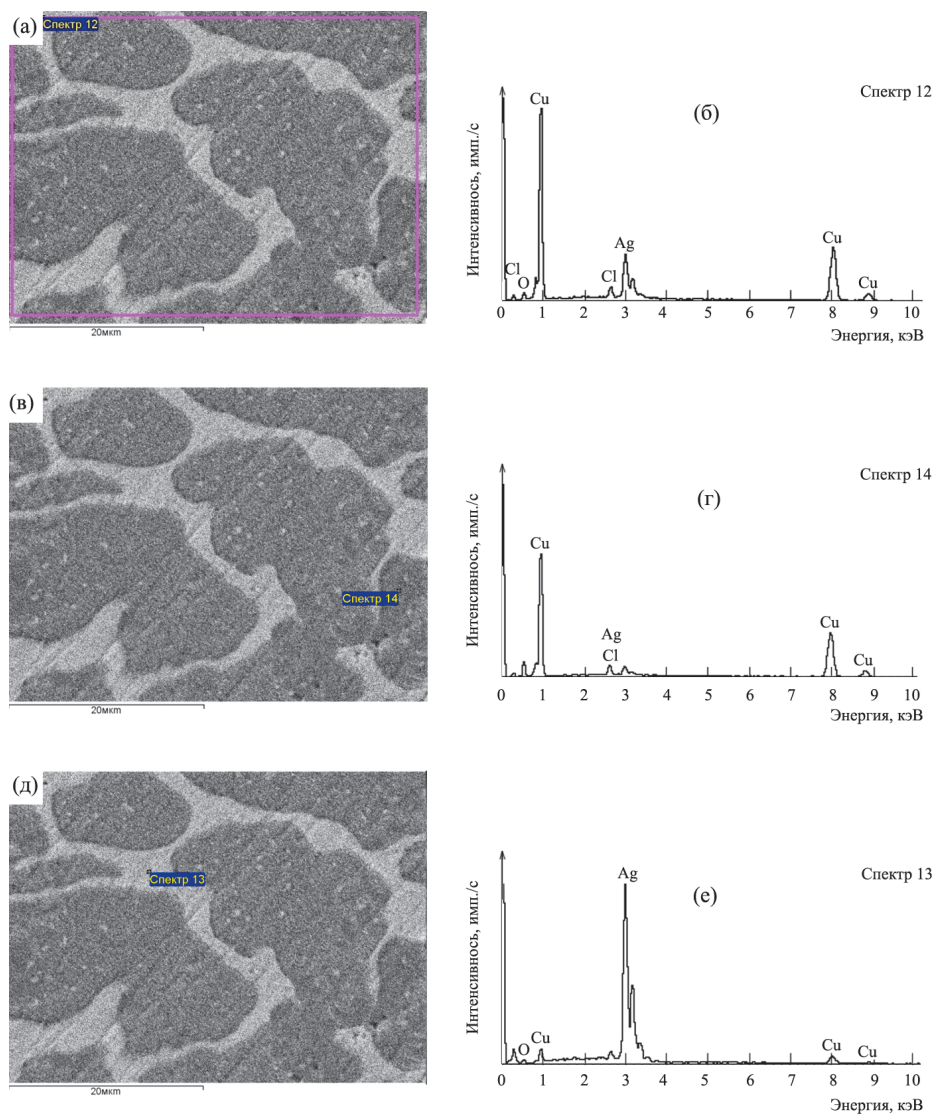
Для установления фазового состава монетного сплава статеров был проведен рентгеноструктурный анализ. Он выявил на поверхности монет наличие твердого раствора серебра в меди (1% Ag и 99% Cu), твердого раствора меди в серебре (97% Ag и 3% Cu) и окислов меди (CuO и Cu_2O), а на микрошлифе статера № 1879 помимо этих веществ обнаружен хлорид меди (CuCl) (рис. 12).

Результаты картирования показали также, что поверхностный слой статера № 1879 на глубине до 20–30 мкм обогащен серебром (рис. 9. а). При этом не только на поверхности, но и на некоторой глубине вблизи нее обнаруживаются слои, содержащие до 81–94% Ag (рис. 9. б). Такое распределение серебра вблизи поверхности монет может быть результатом воздействия пластических сдвигов на эти участки при перечеканке монет 261/262 и 262/263 г. н. э., которые имели поверхностный слой богатый серебром, в статеры 267/267 г. н. э.

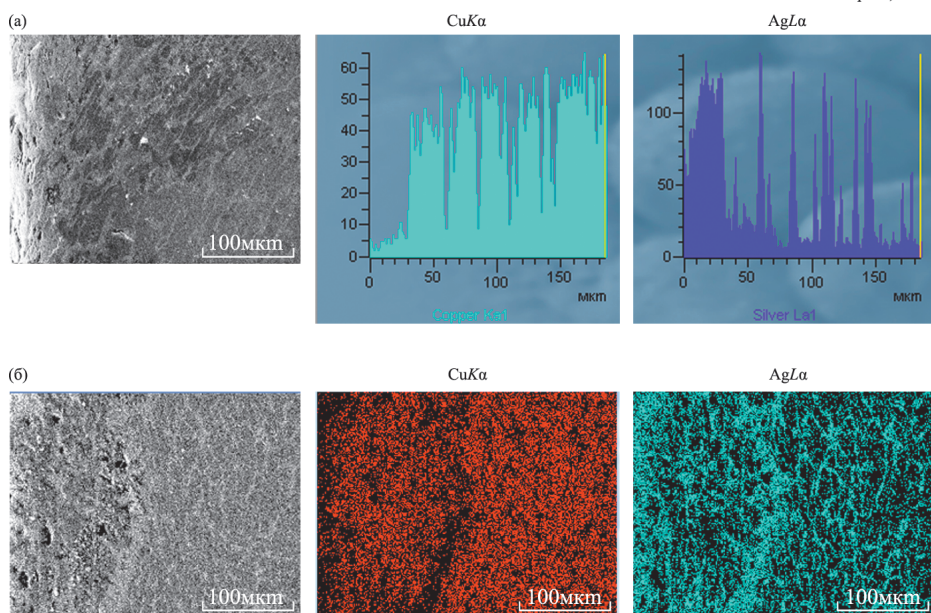
Круг потенциальных источников медного сырья⁹

Полученные данные отличаются от результатов ранее выполненных исследований статеров Фарсанза и Фофорса 286/7 г. н. э. из того же клада, которые свидетельствовали, что хлор присутствует только в тех участках, где локализуется серебро, что связано с техникой нанесения серебряного покрытия при помощи специальных хлорсодержащих паст.¹⁰ В настоящем же исследовании было выявлено присутствие хлора на выпуклых участках чеканного рельефа монет, где

⁹ Авторы искренне благодарят за ценные консультации к. г. -м. н. М. Н. Анкушева, м. н. с. Южно-Уральского федерального научного центра минералогии и геоэкологии УрО РАН, а также д. г. -м. н. Е. В. Белогуб, руководителя лаборатории прикладной минералогии и минерагении Института Минералогии УрО РАН.
¹⁰ Abramzon, Efimova, Koptseva, Saprykina, Smekalova 2023, 50–52.

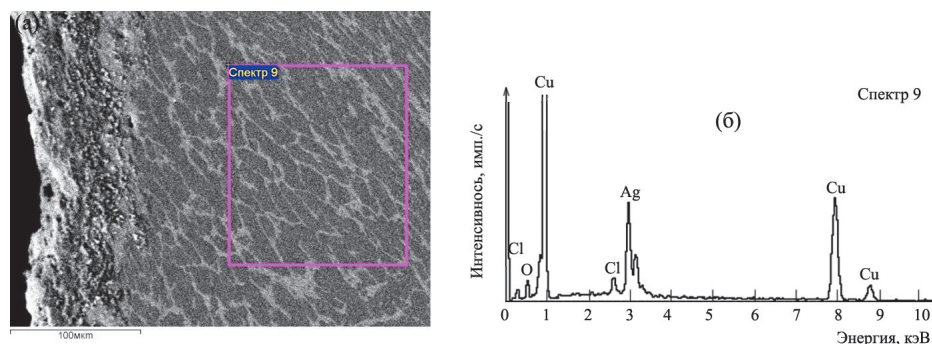

Рис. 8. Электронное изображение микроструктуры поперечного шлифа статера № 1879 (а, в, д) и характеристические рентгеновские спектры (б, г, е) с указанной площади микрошлифа (б), с дендритов (г) и эвтектики (е)

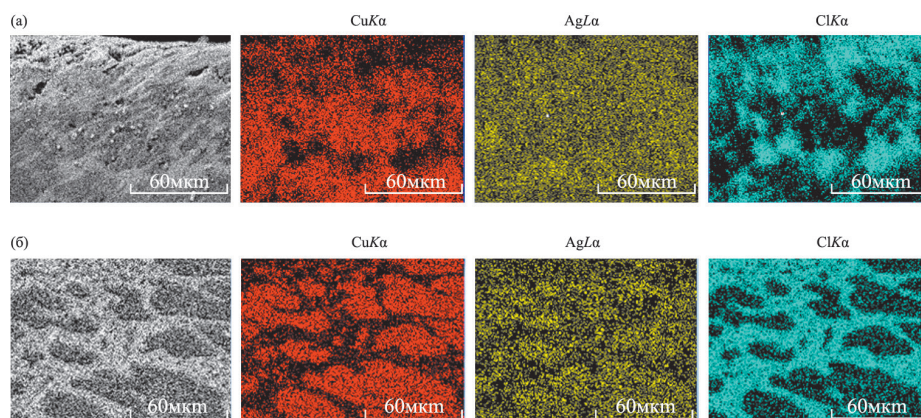

Рис. 9. Распределение меди и серебра по линии, перпендикулярной поверхности (а) и по площади (б) микрошлифа на гурте статера № 1879

Рис. 10. Электронное изображение микроструктуры поперечного шлифа статера № 1879 (а) и характеристический рентгеновский спектр с указанной площади микрошлифа (б)

Рис. 11. Распределение меди, хлора и серебра вблизи поверхности (а) и в центральной части (б) микрошлифа на гурте статера № 1879

слой серебряного покрытия сильно истерт, или на монетном поле, где серебряное покрытие отсутствовало, а содержание меди было высоким. Более того, в некорродированном ядре статера № 1879 обнаружено присутствие хлорида меди.

Хлориды меди, в частности атакамит и некоторые другие (однозначно не установленные), часто встречаются в древних шлаках, что свидетельствует о их новообразовании при процессе выплавки металла из руд.¹¹ В шлаках, как и в случае центральных участков микрошлифа в поперечном сечении гурта статера № 1879, не приходится говорить о археологизации образца (как в случае пленок на поверхности древних бронзовых артефактов, статуй или монет). В шлаке медные включения надежно защищены его инертной силикатной составляющей, а хлориды меди в некорродированном ядре статера № 1879 – слоем металла от внешних воздействий. Отсюда, рассматриваемая ситуация радикально отличается от случаев, когда хлор преимущественно разъедает многочисленные локальные примеси меди, случайным образом рассеянные в серебряной матрице, вызывая образование вредных соединений медь–хлор, включая $\text{Cu}_2\text{Cl}(\text{OH})_3$ (атакамит и его полиморфы) и, вероятно, CuCl (нантокит), которые, как правило, связаны с циклической коррозией меди, т. н. «бронзовой болезнью».¹² Кроме того, недавняя публикация результатов исследования выборки из 15 римских монет из серебра и меди показала три случая присутствия хлора в верхнем корродированном слое и единственный раз (0,23% против 1,5–3,5% в нашем случае – Авт.) – в некорродированном ядре монеты.¹³

Таким образом, можно было бы предположить, что хлориды меди в сплаве боспорских статеров, так же как в древних металлургических шлаках, могли образоваться при выплавке металла, вероятно, при слабовосстановительной-слабоокислительной атмосфере плавки. Но для образования галогенидов меди

¹¹ Анкушев и др. 2020, 23–25; Григорьев 2013.

¹² Ingo et al. 2018.

¹³ Huisman et al. 2023, 17, tabl. 2.

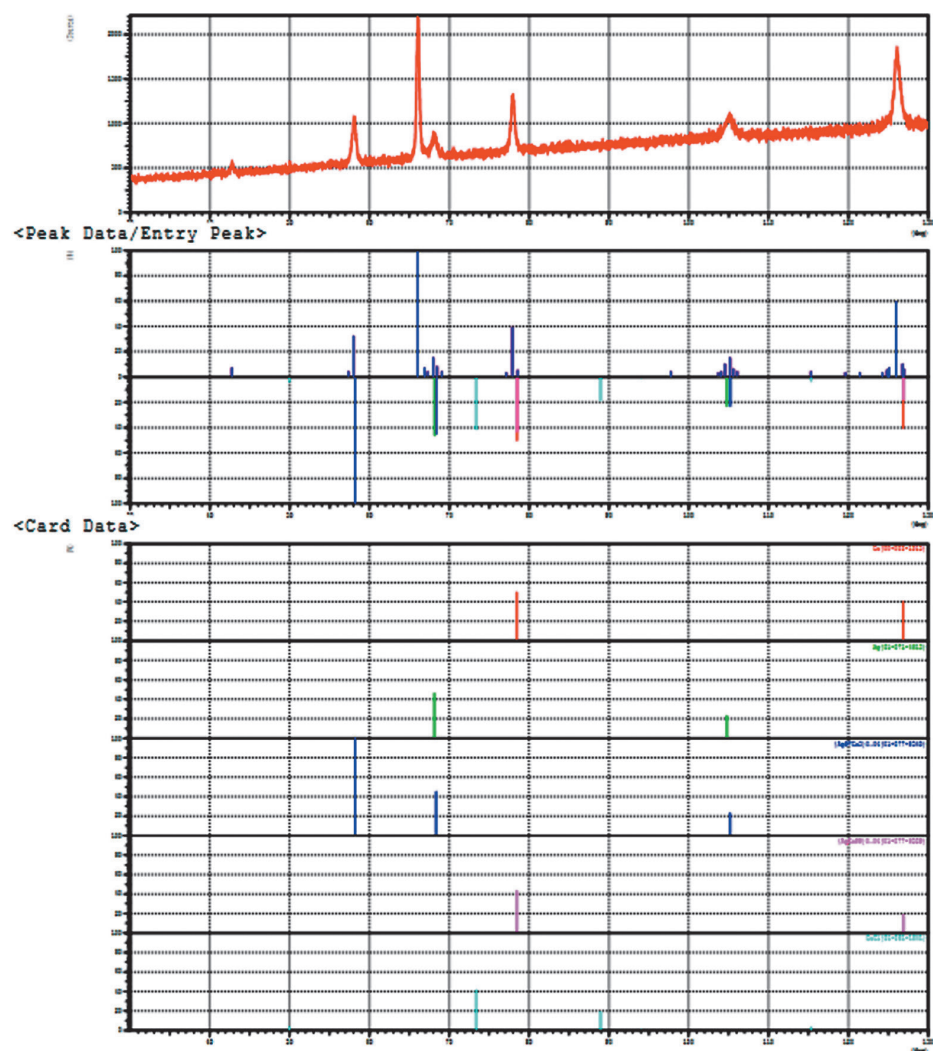

Рис. 12. Результаты рентгеноструктурного анализа поверхности микрошлифа на гурте статера № 1879

No.	Card	Chemical Formula	S	L	d	I	R
		Chemical Name (Mineral Name)		Dx	WT%	S.G.	
1	00-003-1015	Cu	0.095	1.000 (3/ 8)	0.832	----	0.832
		Copper (Copper)		----	----	----	----
2	01-071-4613	Ag	0.337	1.000 (3/ 9)	0.800	----	0.800
		Silver (Silver)		10.49		Fm-3m	
3	01-077-6540	(Ag97Cu3)0.04	0.327	1.000 (3/ 9)	0.777	----	0.777
		Copper Silver		10.45		Fm-3m	
4	01-077-6539	(AgCu99)0.04	0.689	1.000 (3/ 8)	0.643	----	0.643
		Copper Silver		8.96		Fm-3m	
5	01-081-1841	CuCl	0.097	0.333 (2/16)	0.776	----	0.259
		Copper Chloride		4.13		F-43m	

большое количество хлора должно присутствовать в меднорудной шихте. Использование в качестве флюсов хлорида было зафиксировано, например, в восточноанатолийском поселении Норшун Тепе.¹⁴ Однако целенаправленное использование хлоридов (соли) в металлургии боспорской чеканки представляется весьма сомнительным. Намного реальнее выглядит предположение о высоких содержаниях хлора в самой рудной шихте, из которой добывался металл, экспортировавшийся на Боспор. Находки галогенидов в зонах гипергенеза служат показателем аридных, в том числе и криогенных, условий их формирования.¹⁵

¹⁴ Zwicker 1980, 13–26.

¹⁵ Яхонтова, Зверева 2000.

Это отсылает к использованию руды из верхних горизонтов зоны окисления медных месторождений степей или пустынь/полупустынь. Так, например, в стекле шлаков от выплавки медных руд из стратиформных месторождений Предуралья (медистых песчаников) фиксируются значимые содержания хлора.¹⁶

Возможно, это свидетельствует об использовании в качестве исходных рудных источников месторождений с хлорсодержащими медными рудами. Например, таким сырьем мог быть атакамит – медная руда, состоящая из хлористой меди и гидроокиси меди $\text{CuCl}_2 \cdot 3\text{Cu}(\text{OH})_2$. Минерал встречается в зоне окисления медных месторождений в аридном климате. Нередко атакамитом обогащены верхние горизонты медистых песчаников, которые вырабатываются в первую очередь. Атакамит, в частности, известен в Казахстане (месторождения Акчагыл, Джебказган, Саяк 1, Самомбет, Чокпак, Сарыадыр, Усакбюрат, Кызыл-Эспе, Гулынад, Беркара, Коунрад и др.), Центральной Азии, во многих рудниках Рудного Алтая, в Предуралье (месторождения Еленовское, Блявинское, Медно-рудянское, Краснотурьинское и т. д.).

Отсюда можно предположить, что сырьем для монетного сплава исследуемых статеров могла являться медь, производившаяся переработкой хлорсодержащих руд из месторождений Предуралья или Северного/Центрального Казахстана, где сосредоточены многочисленные древние выработки. Например, это могли быть ближе всего расположенные к Боспору месторождения Джебказган, Коунрад, Саяк и другие в степях Сарыарки (Северный Казахстан),¹⁷ или рудники в Оренбуржье, в верхних горизонтах зон окисления которых, разрабатываемых еще в бронзовом веке, встречается атакамит.¹⁸ В наших предыдущих исследованиях сплавов позднебоспорских статеров уже высказывалась гипотеза о возможном использовании на боспорском монетном дворе металла, полученного из медистых песчаников Урала.¹⁹ Торговые связи античных центров Северного Причерноморья и Боспора со степями Предуралья и Казахстана прослеживаются по масштабному поступлению туда античного импорта.²⁰

С другой стороны, источники хлорсодержащей меди могли, естественно, располагаться где-то значительно ближе к Боспору: хлор и хлориды меди присутствуют в зонах окисления всех месторождений меди, независимо от их генезиса. Если в стратиформных месторождениях (медистых песчаниках), а также в условиях семиаридного климата (степи, пустыни) отмечено несколько более высокое содержание хлора, то необходимо учитывать высокие концентрации хлора в морской воде. Наиболее вероятным представляется предположение, что зона окисления медного месторождения, откуда поступал металл на боспорский монетный двор, находилась поблизости от побережья Черного моря – в Восточном Причерноморье (Южный Кавказ) или северо-восточной Анатолии. Например, в одной только Западной Грузии зарегистрировано несколько десятков центров выплавки меди в позднем бронзовом и раннем железном веках.²¹ Однако часть данных месторождений в этих густонаселенных районах была исчерпана еще в древности, что затрудняет определение конкретного потенциального источника.

Выводы

Итак, исследование небольшой выборки статеров Рескупорида VI из Фанагорийского клада позволило сделать несколько важных выводов. Во-первых, впервые установлено, что статеры 261/262 и 262/263 гг. н. э., из которых пере-

¹⁶ Анкушев 2021, 72–84.

¹⁷ Маргулан 2001, 21.

¹⁸ Анкушев 2019, 100.

¹⁹ Абрамзон и др. 2021, 402–413.

²⁰ Bezrukov 2015.

²¹ Erb-Satullo et al. 2017, 159–180.

чеканивались статеры 267/268 г., были изготовлены из сплава на медной основе Cu–Ag с содержанием около 30% Ag и 70% Cu. При этом некорродированное медное ядро монет включает 1,5–3,5% Cl. Во-вторых, этот факт заставляет предполагать поступление меди на монетный двор в Пантикапее в середине 3 в. н. э. из месторождений с хлорсодержащими медными рудами. Хотя вопрос о конкретных источниках меди для чеканки монет до сих пор остается открытым. Чтобы доказать экспорт металла из того или иного месторождения (если оно не было исчерпано), требуются дальнейшие исследования свиты элементов-примесей в металле²², например, методом ICP–MS). Тем не менее, установленный факт использования в боспорском монетном производстве металла из хлорсодержащих медных руд представляет собой важный шаг в направлении решения вопросов, поставленных предыдущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Гунчина О. Л., Сапрыкина С. А. 2022. Рентгенофлуоресцентный анализ боспорских сестерциев I–II вв. н. э. из клада с поселения Коржевский 6 (Краснодарский край) // КСИА 269, 311–319.
- Абрамзон М. Г., Ефимова Ю. Ю., Копцева Н. В., Сапрыкина И. А. 2021. Рентгенофлуоресцентный анализ и рентгеноспектральный микроанализ позднебоспорских статеров из Фанагорийского и Гай-Кодзорских кладов: монетная техника и возможные источники медного сырья // КСИА 262, 402–413.
- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. 2017. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории (Фанагория 5). Москва.
- Анкушев М. Н. 2019. Минералогия шлаков древних металлургических производств Южного Зауралья. Дисс... канд. геолого-минерал. наук. Миасс.
- Анкушев М. Н., Блинов И. А., Алаева И. П., Виноградов Н. Б., Петров Ф. Н., Анкушева П. С. 2021. Минеральные включения в металлических изделиях позднего бронзового века в Южном Зауралье // Минералогия 7/4, 72–84.
- Анкушев М. Н., Блинов И. А., Корякова Л. Н., Виноградов Н. Б., Шарапова С. В., Петров Ф. Н., Григорьев С. А. 2020. Оксиды и галогениды меди в древних металлургических шлаках Южного Зауралья // Минералы: строение, свойства, методы исследования 11, 23–25.
- Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- Григорьев С. А. 2013. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. Челябинск.
- Маргулан А. Х. 2001. Сочинения. В 14-ти томах. Т. 2. Сарыарка. Горное дело и металлургия в эпоху бронзы. Джекказган – древний и средневековый металлургический центр (городище Милькудук). Алматы.
- Яхонтова Л. К., Зверева В. П. 2000. Основы минералогии гипергенеза. Учебное пособие. Владивосток, 2000.
- Abramzon M. G., Baryshnikov M. P., Efimova Yu. Yu., Koptseva N. V., Saprykina I. A., Smekalova T. N. 2020. X-Ray Microanalysis of Surface of the AD 286/287 Staters of Thothorses: New Data on the Silvering Process of the Bosporean Coins // J. Surf. Invest.: X-ray, Synchrotron Neutron Tech. 14/3, 529–533
- Abramzon M. G., Efimova Yu. Yu., Koptseva N. V., Gorlenko D. A., Saprykina I. A., Smekalova T. N. 2023. Surface Silvering and Silver Enrichment of the Surface Layer of AD 253/4 Bosporean Staters: Electron Probe Microanalysis Data // J. Surf. Invest.: X-ray, Synchrotron Neutron Tech. 17/5, 1127–1133.
- Abramzon M. G., Efimova Yu. Yu., Koptseva N. V., Saprykina I. A., Smekalova T. N. 2023. The Metallurgy of Bosporean Silver Coinage: Third Century AD (Colloquia Antiqua 37). Leuven–Paris–Bristol.

²² Между тем Дж. Вуд, М. Понтинг и К. Батчер считают этот путь «тупиковым» для исследователей, поскольку рафинирование серебра с использованием свинца (купельция) для повышения чистоты серебра, а также чеканка серебряных монет, обесцвеченных медью, не только удаляют из серебра примеси, такие как легко окисляемые недорогие металлы (например, свинец, медь и т. д.), которые впоследствии распадаются на производственные отходы, но также вводят в серебро свинец и медь (и любые примеси, связанные с этими металлами), сверх уже присутствующих (Wood et al. 2023).

- Anheuser K. 1997. Where is All the Amalgam Silvering? // P. Vandiver, J. R. Druzik, J. F. Merkel (eds.), *Materials Issues in Art and Archaeology V* (Materials Research Society 462). Pittsburgh, 127–34.
- Bezrukov A. 2015. Trade and Economic Contacts between the Volga and Kama Rivers Region and the Classical World (BAR Intern. Ser. 2727). Oxford.
- Erb-Satullo N. L., Gilmour B. J. J., Khakhutaishvili N. 2017. The Ebb and Flow of Copper and Iron Smelting in the South Caucasus // *Radiocarbon* 60/1, 159–180.
- Huisman H., Ackermann R., Claes L., van Eijck L., de Groot T., Joosten I., Kemmers F., Kerkhoven N., de Kort J.-W., Lo Russo S., Ngan-Tillard D., van Os B., Peter M., Pümpin C., Vaars J., Zhou Zh. 2023. Change lost: Corrosion of Roman Copper Alloy Coins in Changing and Variable Burial Environments // *Journal of Archaeological Science: Reports* 47, 103799, 1–21 [<https://pdf.sciencedirectassets.com/311230/>]
- Ingo G. M., Riccucci C., Pascucci M., Messina E., Giuliani C., Fierro G., Di Carlo G. 2018. Integrated Analytical Methodologies for the Study of the Corrosion Products Naturally Grown on Roman Ag-Based Artefacts // *Applied Surface Science* 446, 279–286.
- Vlachou C., McDonnell J. G., Janaway R. C. 2002. Experimental Investigation of Silvering in Late Roman coinage // *Materials Research Society Symposia Proceedings* 712, 461–70.
- Wood J. R., Ponting M., Butcher, K. 2023. Mints not Mines: a Macroscale Investigation of Roman Silver Coinage // *Internet Archaeology* 61 [<https://doi.org/10.11141/ia.61.10>].
- Zwicker U. 1980. Investigations on the Extractive Metallurgy of Cu/Sb/As Ore and Excavated Smelting Products from Norsun-Tepe (Keban) on the Upper Euphrates (3500–2800 B. C.) // W. A. Oddy (ed.), *Aspects of Early Metallurgy* (British Museum Occasional Papers 17). London, 13–26.

М. Г. Абрамзон, В. Д. Кузнецов, С. Н. Остапенко

ЭЛЕКТРОВАЯ ГЕМИГЕКТА КИЗИКА ИЗ ФАНАГОРИИ¹

Аннотация. Публикуется редкая кизикская электривая гемигекта (1/12 статера) 400–330 гг. до н. э., найденная при раскопках Фанагории. На ней изображен коленопреклоненный Персей с гарпой и головой Горгоны в руках (Hurter, Liewald 2004, Nr. 162). Серия электра с типом Персея включает статер, гекту, гемигекту и мисгемигекту. До сих пор был известен всего один экземпляр гемигекты. На хоре Фанагории был найден статер с типом Персея, к которому присоединяется теперь и публикуемая гемигекта той же серии.

Мелкие и мельчайшие фракции кизикского статера – гекты и гемигекты – исключительно редки на Боспоре и во Фракии в отличие от Березани и Ольвии, или Истрии, где они обычны. Кроме клада из Патрея 1998 г. (СН XI, 4), содержавшего три гекты и гемигекты вместе с пантикапейским серебром, всего семь единичных находок фракций кизикского электра зарегистрированы на Боспоре: в Пантикапее, Гермонассе, Фанагории, Кепах, на поселении Тамань 3.

Между тем, в эпиграфике Боспора неоднократно упоминаются гекты, гемигекты и мисгемигекты, что подтверждает использование боспорянами разменного кизикского электра при совершении международных сделок. Особый интерес представляет фанагорийское граффито 4 в. до н. э., в целом синхронное публикуемой находке, в котором упоминаются гемигекты в связи с хлебной торговлей: неизвестный фанагорийский купец молит Гермеса помочь продать ему хлеб по три гемигекты за медимн. Поскольку курс кизикского статера на Боспоре был заметно выше, чем в Афинах, это делало торговлю боспорским хлебом очень выгодным делом. Так, например, в 328/7 г. до н. э. курс составлял на Боспоре 28 аттических драхм за статер против 21 драхмы и 4 оболы в Афинах (Demosth. Contra Phorm. XXXIV. 23), где цены на хлеб доходили порой до 11 драхм за медимн.

Учитывая исключительную редкость единичных находок кизикского электра, особенно мелких фракций статера на Боспоре, гемигекта из Фанагории представляет большой интерес для изучения истории обращения кизикинов в Северном Причерноморье и их роли в черноморской хлебной торговле.

Ключевые слова. Фанагория, кизикины, гемигекта, черноморская хлебная торговля 4 в. до н. э.

M. G. Abramzon, V. D. Kuznetsov, S. N. Ostapenko

A CYZICENE ELECTRUM HEMIHECTE FROM PHANAGORIA

Abstract. This is a publication of a rare Cyzicene electrum hemihecte (1/12 stater) uncovered during excavations at Phanagoria, dating back to 400–330 BC. The hemihecte features an image of a kneeling Perseus holding a harpe and the head of the Gorgon Medusa (Hurter, Liewald 2004, no. 162). The Perseus series of electrum includes the stater, hecte, hemihecte, and myshemihecte, with only one specimen of the hemihecte recorded until today. A stater depicting Perseus was previously found in the chora of Phanagoria, now complemented by this hemihecte from the same series. Small and fractional denominations of Cyzicene staters – such as hectae and hemihectae – are rare in the numismatic landscape of the Bosporos and Thrace, in contrast to areas like Berezan, Olbia, or Istrus, where they are more commonly found. Aside from the Patraeus 1998 hoard (СН XI, 4), which included three hectae and hemihectae mixed with Panticapaeon silver, only seven separate finds of Cyzicene electrum fraction have been recorded in the Bosporos, specifically in Kerch, Hermonassa, Phanagoria, Kepoi, and the Taman 3 Settlement.

Bosporan epigraphy frequently mentions hectae, hemihectae, and myshemihectae, indicating that Cyzicene electrum was commonly used as small change by Bosporans in international trade transactions. Of particular interest is a fourth century BC Phanagorian graffito, roughly contemporaneous with the published find, which mentions hemihectae in connection with the grain trade: an unidentified Phanagorian merchant appeals to Hermes for help in selling grain at a rate of three hemihectae per medimnos. Since the Cyzicene stater's exchange rate

¹ Исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

was notably higher in the Bosporan Kingdom than in Athens, trading Bosporan grain became highly profitable. For instance, in 328/7 BC, the Bosporan Kingdom rate was 28 Attic drachmas per stater, compared to 21 drachmas and 4 obols in Athens (Demosth. *Against Phormio* XXXIV. 23), where the grain price, at times, rose to 11 drachmas per medimnos.

Given the exceptional rarity of single Cyzicene electrum finds, particularly smaller fractions of stater in the Bosphoros, this hemihecte from Phanagoria offers valuable insights into the circulation of Cyzicene electrum in the Northern Black Sea region and its role in the Black Sea grain trade.

Keywords. Phanagoria, Cyzicene electrum, hemihecte, Black Sea grain trade.

В 2021 г. во время археологических работ на городище Фанагории на раскопе «Нижний город» была найдена электровая гемигекта Кизика.² Находка непосредственно не связана с окружающим археологическим контекстом – слоем ранневизантийского времени, и происходит, по-видимому, из каких-то объектов позднеклассической эпохи, разрушенных хозяйственными ямами римского и раннесредневекового периодов. Учитывая исключительную редкость единичных находок кизикского электра (особенно мелких фракций статера) на Боспоре и, в частности, в Фанагории³, публикуемая гемигекта представляет большой интерес для изучения истории обращения кизикинов в Северном Причерноморье в качестве основной международной валюты.

1. Нумизматический комментарий

Кизикин относится к типу: *Л. с.* Персей, обнаженный, безбородый, в хламиде, накинутой на плечи, и остроконечной шапке с крыльями, опустившийся на правое колено, вправо, голова повернута влево; в правой руке держит гарпу, в левой руке, положенной на левое колено и закутанной в плащ, – за волосы голову Горгоны Медузы; внизу тунец вправо. *О. с.* Вдавленный квадрат. Е1 гемигекта. Вес – 1.342 г. Диаметр – 9 мм (рис. 1).

Лит: См. Hurter, Liewald 2004, 32, Nr. 162, Taf. 7. 162.

Кизикины данного типа представлены полной серией номиналов (статер⁴, гекта⁵, гемигекта⁶, мисгемигекта⁷), из которых гемигекта – самая редкая фракция: до сих пор был известен единственный экземпляр, проданный на аукционе Münz-Zentrum (Кельн) в 1997 г. и включенный в список новых номиналов кизикского электра в специальной статье С. М. Хуртер и Х.-Й. Ливалда.⁸ Кизикины с типом Персея относятся к III группе (475–410 гг. до н. э.), по классификации Г. фон Фритце⁹, или к пятой группе (400–330 гг. до н. э.), по классификации А. Бэлдуин Бретт.¹⁰

Наиболее многочисленны в серии электра с типом Персея с головой Горгоны статеры. Отметим находку такого статера и на территории сельской округи Фанагории – рядом со ст. Старотитаровская¹¹, к которой теперь присоединяется публикуемая гемигекта той же серии из Фанагории.

В отделе реставрации Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория» был проведен анализ элементного состава металла гемигекты по методу неразрушающего безэталонового РФА. Исследование выполнялось на РФА-спектрометре M1 Mistral (Bruker). Стандартное время измерения составило 30 сек., напряжение – 50кV. Анализ выполнялся с отбором проб с трех точек на поверхности монеты для корреляции полученных результатов (см. табл. 1). Интерпретация результатов выполнена по средним значениям содержания элемента в сплаве, полученным в результате обработки данных.¹²

² Место хранения: Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория». Инв. № ФМ-КП 133/128 Н 5136; ГК 44604965.

³ Это второй кизикин из Фанагории за всю историю ее исследований. В 1962 г. Археологическая экспедиция ГМИИ им. А. С. Пушкина приобрела статер типа «полуфигура Геи, держащей на вытянутых руках младенца Эрихтония» (Fritze 1912, 12, Nr. 157; Taf. V, 5; Baldwin Brett 1974, 196, no. 1500), найденный местными жителями в пос. Приморский (западная окраина городища и некрополь Фанагории). Издан: Голенко 1977; Абрамзон 2013, 23–24, 37; цв. вкл. 7. 1. Место хранения: ГМИИ им. А. С. Пушкина. Инв. № 211331.

⁴ Greenwell 1887, 89, no. 74, pl. III, 26; Fritze 1912, 12, Nr. 162, Taf. V, 10; Baldwin Brett 1974, 202, no. 1548; SNG France 5310–311.

⁵ Baldwin Brett 1974, 202, no. 1549; SNG France 5312.

⁶ Hurter, Liewald 2004, 32, Nr. 162.

⁷ SNG France 5313.

⁸ Hurter, Liewald 2004, 32, Nr. 162.

⁹ Fritze 1912, 11–14, Nr. 130–181.

¹⁰ Baldwin Brett 1974, 201–204, nos. 1541–1553.

¹¹ Гарбузов и др. 2011, 146, рис. 18. 15; 152, прим. 114.

¹² Авторы искренне благодарят заведующую отделом реставрации Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория» О. Л. Гунчину за проведенные исследования.

Рис. 1. Гемигекта Кизика из раскопок Фанагории 2021 г.

Таблица 1. Элементный состав металла гемигекты Кизика из Фанагории (данные РФА)

№ анализа	Au	Ag	Cu	Zn	Sn	Pb	Bi	Fe
1a	62.59	33.51	3.71	–	0.14	–	0.05	–
1b	61.59	32.67	3.59	0.04	0.11	0.12	–	0.09
1c	62.36	33.74	3.69	–	0.10	0.03	0.07	–
В среднем	62.18	33.30	3.66	0.01	0.11	0.05	0.06	0.03

Результаты анализа показывают высокую концентрацию золота в сплаве монеты – выше 600 пробы, несмотря на принадлежность данного кизикина к финальной группе. Это подтверждает результаты исследований кизикинов Орловского и Мирмекийского кладов¹³, а также статеров и их фракций от 1/6 до 1/48 из Музея Израиля (209 экз.)¹⁴, выявивших значительные и беспорядочные колебания состава кизикского электра, не зависящие ни от номинала, ни от времени выпуска.

2. Обращение мелких номиналов кизикского электра на Боспоре

2.1. Нумизматические данные

Мелкие фракции кизикского статера – гекты и гемигекты – исключительно редко встречаются на Боспоре и во Фракии¹⁵ в отличие от Ольвии, где они обычны¹⁶, или Истрии. Отмечено, что в Северное Причерноморье в первый период обращения кизикинов (конец 6 – начало 5 в. до н. э.) поступали преимущественно именно фракции кизикского статера вместе с мелким электром других малоазийских полисов. Но во второй период (вторая четверть 5 – конец 4 в. до н. э.) кизикские статеры представляют здесь единственный вид международной валюты, обслу-

¹³ Булатович 1970, 84; Abramzon, Frolova 2007, 23; Абрамзон и др. 2020, 73–82.

¹⁴ См.: Gitler et al. 2020, 393–400; Абрамзон и др. 2020, 69–72.

¹⁵ Карышковский 2003, 216–217. Суммируя находки кизикинов всех хронологических групп в Ольвии, Западном Причерноморье, Центральной Фракии и на Боспоре, П. О. Карышковский (2003, 217, табл. 53) не упоминает ни одной фракции в боспорских находках и всего одну во фракийских.

¹⁶ По данным П. О. Карышковского, из 18 найденных в Ольвии кизикинов, 12 представляли гекты и гемигекты. См. Карышковский 2003, 302–303, № 1–9, 12, 18, 19. Типы: von Fritze 1912, Nr. 13, 33, 39 (?), 48 (два экз.), 53, 62, 93, 129; Карышковский 2003, 302, № 3. К этим находкам присоединяется ранняя гекта (тип: Hurter, Liewald 2006, 11, Nr. 16/2. Taf. 2, 16.2) из раскопок Ольвии в 2011 г. (Крутилов, Буйских 2016).

живающей крупные торговые операции региона с Балканской Грецией, в первую очередь хлебную торговлю, и служат в качестве средства накопления сокровищ.¹⁷

На Боспоре на данный момент зарегистрировано шесть кладов кизикского электра (иногда смешанного с пантикапейскими золотыми статерами или мелким серебром).¹⁸ Самый ранний из этих комплексов – найденный в Патрее в 1998 г. маленький кошелек содержал три фракции кизикского статера: гекту и две гемигекты или гекты, а также серебряный пантикапейский триобол.¹⁹ Мы датировем комплекс 480–460 гг. до н. э.²⁰ Сомнительный «клад» из Гермонассы 1866–1867 гг. (IGCH 1012 = CH XI, 17), если только это не разрозненные монеты (см. ниже), включал 2 кизикских статера и 3 гекты. Остальные боспорские клады, как и все известные в Причерноморье, содержат только статеры и относятся уже к 4 в. до н. э. Мирмекийский клад 2003 г.²¹ датируется 400–375 гг., все остальные – 330-ми гг., маркируя финальный этап обращения кизикинов в Причерноморье (равно как и в Восточном Средиземноморье).

Замечено, что в первой хронологической группе кизикского электра (по классификации Г. фон Фритце) статеров немного по сравнению с фракциями. Особенно многочисленны гекты второй группы; затем чеканка кизикских фракций заметно сокращается – четвертая группа представлена уже в основном статерами.²² Вот почему кизикины, встреченные в составе кладов, а также вне территории городов Причерноморья, обычно являются статерами, а не фракциями, причем на Боспоре преобладают статеры последних хронологических групп.²³

Существует мнение, что роль кизикинов в Ольвии и Истрии несколько отличалась от той, что они играли на Боспоре и во Фракии, где обращалось многочисленное местное серебро мелких номиналов, а кизикский элекстр являлся в первую очередь излюбленным международным платежным средством.²⁴ В Ольвии же, где серебро появилось значительно позже, мелкие и мельчайшие фракции кизикских статеров до середины 5 в. до н. э. могли встретиться разве только с дельфинами, ценность которых была очень низка. Младшие номиналы кизикского электра стали в Ольвии деньгами и при отсутствии местной чеканки серебра заменяли последнее на местном денежном рынке. Если принять во внимание, что малоазийский элекстр часто выпускался в виде мельчайших фракций – гект, гемигект, мисгемигект, тартемориев и даже гемитартемориев (т. е. монет достоинством в 1/6, 1/12, 1/24, 1/48 и 1/96 статера), то такое использование чужого электра на местных денежных рынках Ольвии или Истрии приходится считать естественным – небольшие размеры этих монет здесь никого не смущали, а самый младший из практически обращавшихся номиналов – мисгемигект (кизикские тетартемории очень редки) весом 0.63–0.66 г приближалась по стоимости к серебряной драхме эгинской системы; гемигекты же соответствовали примерно эгинской дидрахме или статеру, или 8 аттическим оболам.²⁵ Отсюда одиночные находки кизикских гект и гемигект в Ольвии и в Истрии являются закономерными, как и их отсутствие на Боспоре, где для расчета с иноземными купцами и для накопления сокровищ использовались статеры.²⁶

Однако Патрейский кошелек 1998 г. свидетельствует об обращении на Боспоре кизикских гект и гемигект параллельно с мелким пантикапейским серебром. Пересечение мелких фракций кизикского электра и местного серебра в кладах и повседневном денежном обороте Причерноморья классической эпохи не представляется экстраординарным явлением. Например, известен синхронный Патрейскому кошельку клад из Апамеи Мирлеи на берегу Мраморного моря в Вифинии (IGCH 1234), сокрытый ок. 460 г., в котором кизикские гекты и гемигекты пере-

¹⁷ Vinogradov 1999, 139–140; Bulatovich 2002; Захаров 2016; Mielczarek 2020.

¹⁸ См. CH XI, 4, 16, 17, 18, 20, 21. Имеются не проверенные данные еще о двух кладах – из окрестностей Акры на поселении Заветное-5 и Пантикапея (Розов 2017, 319, прим. 32).

¹⁹ Абрамов, Болдырев 2001, 144; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 61; Zakharov 500–504.

²⁰ CH XI, 4.

²¹ Abramzon, Frolova 2007; CH XI, 16.

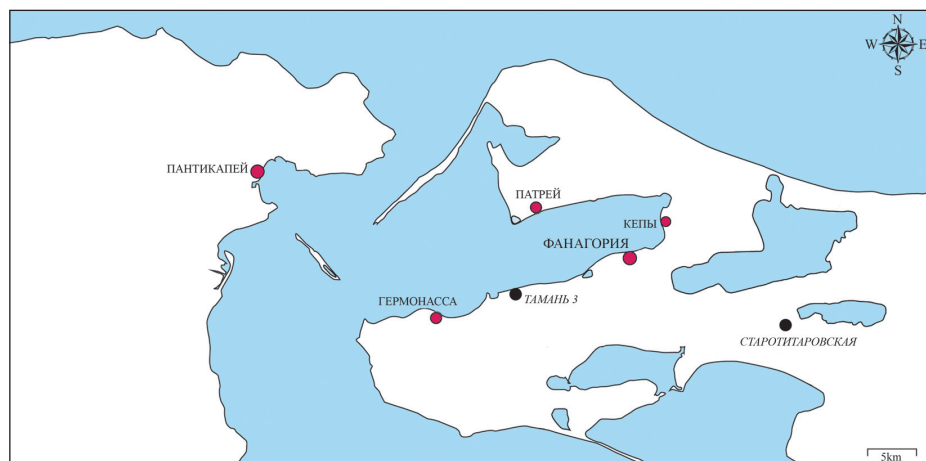
²² Булатович, Редина 2021, 58.

²³ Карышковский 1960, 9.

²⁴ Карышковский 2003, 217; Шелов 1956, 82–83.

²⁵ Карышковский 2003, 217. Свидетельство Кратеса у Поллука (гемигекта равна восьми аттическим оболам) вызывает, по мнению Карышковского, многие сомнения.

²⁶ Там же.

Рис. 2. Локализация находок мелких фракций кизикского электра на Боспоре

секаются с серебряными фракциями статов Кизика, Лампсака и неизвестного центра, а также электровой гектой Фокеи (всего 29 электровых фракций и 312 серебряных). Нет необходимости здесь подробно говорить об устойчивых связях Боспора с этим регионом Вифинии. Напомним только о кладе кизикинов из Принкипо в Мраморном море (IGCH 1239), сокрытом в 335–334 гг., в котором присутствовали пантикапейские золотые статеры и лампсакины. Эти деньги считаются нажитыми на причерноморской торговле.²⁷ Доминирование же мелких номиналов электра и серебра вообще характерно для денежного обращения этой эпохи.²⁸

На Боспоре данные кладов дополняют единичные находки кизикинов, которые также демонстрируют безусловное преобладание статов: в сводке В. Н. Розова учтено 16 кизикинов из боспорских находок, 13 из которых – статеры (та же картина характерна и для Фракии). Остальные находки представлены гектами и гемигектами.²⁹ Так, в Керчи найдена гекта типа «воин, проверяющий стрелу»³⁰ (см. прилож., № 6), в Кепях – гемигекта типа «краб, держащий в клешнях голову тунца»³¹ (прилож., № 2), на поселении Тамань 3 («Седьмой километр») – гекта с протомой крылатого кабана³² (прилож., № 4). К этому ряду примыкают и три гекты, найденные в размытой морем прибрежной части Гермонассы в 1866–1867 гг.³³ Таким образом, на данный момент мы располагаем сведениями о находках на Боспоре уже десятка кизикских гект и гемигект (рис. 2).

Обращает на себя внимание то, что кроме мелкого электра на Боспор исключительно редко поступали и ранние анэпиграфные серебряные гемииболы Кизика типа «протома кабана/голова льва».³⁴ Так, два экземпляра найдены на античном поселении Приморский 23³⁵, еще один – в составе так называемого «клада» из Тирамбы 1949 г. (СН XI, 10).³⁶

2.2. Эпиграфические свидетельства

Целый ряд граффити из Северного Причерноморья указывает на особую роль здесь кизикского электра, причем не только статов, но и мелких фракций.³⁷ Так, в граффито с Березани, представляющем запись булочника 6 в. до н. э., упоминаются гекта и пять раз гемигекта.³⁸ В свинцовом письме первой половины 5 в. до н. э. из Ольвии, найденном в 2010 г., слово ЕКТАΣ рассматривают как фракцию кизикского статера.³⁹

Приведенный выше (и в приложении) перечень находок младших номиналов кизикского электра на Боспоре корректирует вывод П. О. Карышковского

²⁷ Regling 1931, 41–46; Булатович, Редина 2021, 84.

²⁸ Напомним, например, об огромном кладе 1867 г. из Ориоля в Галлии, сокрытом ок. 470–460 гг., содержавшем ранние мелкие серебряные номиналы Массалии, Велии, Фокеи, Эгины и неопределенных центров Ионии. См. IGCH 2352 (с библиографией).

²⁹ Розов 2017, 319–320.

³⁰ Из собрания Иверсена: Greenwell 1887, 98, no. 93.

³¹ См.: Булатович 1985; Фролова 2010, 22, № 46, табл. IV. 16695.

³² См.: Строкин 2007, 358, прим. 5; 379, рис. 2. 21; Гарбузов и др. 2011, 142, рис. 14. 1.

³³ В литературе сложилось мнение о происхождении этих гект из небольшого клада кизикинов (IGCH 1012 = СН XI, 17), однако справедливее будет видеть в них разрозненные находки из разрушенных культурных слоев городища. См. Розов 2017, 318–319 (с литературой).

³⁴ SNG v. Aulock 7331–7332; SNG France 5373.

³⁵ Розов 2014, 275, рис. 1. 5, 6; 393, № 5, 6.

³⁶ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 74, № 52.

³⁷ Краткий обзор документов см. Булатович, Редина 2021, 29–35.

³⁸ Виноградов 1971, 66; Vinogradov 1999, 139–140. Новая интерпретация см. Яйленко 2017, 339–340.

³⁹ Митина 2017.

о почти полном отсутствии младших фракций статера в денежном обращении этого региона. Более того, фракции кизикского статера неоднократно упоминаются в деловых записях жителей Боспора. Например, в граффито конца 5 – начала 4 в. до н. э. из Зенонова Херсонеса (SEG XL, 643) фигурируют гекты и мисгемигекты. Безусловно, речь здесь идет о номиналах кизикского электра.⁴⁰ В свинцовом письме из Патрея последней четверти 5 в. до н. э., ближе к рубежу 5 и 4 вв. до н. э., приводится список должников некоего Писта с перечислением взыскиваемых сумм, среди которых фигурируют статер и гемистатер золота вместе с фракциями пантикапейской драхмы. Издатели письма справедливо полагают, что под «золотом» в письме подразумевается электровая чеканка Кизика, но ошибаются в следующем: «Нет сомнений в том, что в письме речь идет о денежных единицах, а не мерах веса. Об этом свидетельствует специально оговоренная формулировка, что расплатиться следует золотыми *статером* и *гемистатером*».⁴¹ Поскольку в системе номиналов кизикского электра гемистатер отсутствует, следует, что в письме фигурируют не денежные единицы, а сумма долга в полтора кизикина, которую необходимо было взыскать именно золотом (электрием). В таком случае, ее можно было бы погасить, например, одним статером и тремя гектами, или просто девятью монетами достоинством в гекту. По крайней мере, смысловой контекст документа определенно заставляет предполагать наличие у должника разменного кизикского электра.⁴²

Ниже мы отдельно рассмотрим чрезвычайно важный документ из Фанагории, который выступает ценным источником информации о ценах на хлеб на Боспоре в 4 в. до н. э.

3. Упоминание гемигект в связи с хлебной торговлей в граффито из Фанагории

Особый интерес в связи с публикуемой находкой представляет фанагорийское граффито третьей четверти 4 в. до н. э. (раскопки 1955 г.), представляющее обращение неизвестного фанагорийского купца к покровителю торговли Гермесу с просьбой дать ему выручить за медимн хлеба три полугекты.⁴³ Впервые издавший документ Ю. Г. Виноградов счел надпись оракулом и датировал его 5 в. до н. э., придя к выводу о цене медимна пшеницы в 9,25 драхм. В новой интерпретации граффито переиздал В. П. Яйленко, высчитавший по курсу кизикина равному 28 аттическим драхмам на Боспоре (Demosth. Contra Phorm. XXXIV. 23), что 3 гемигекты = 7 драхмам, и это есть цена зернового хлеба за медимн в 320-е гг. до н. э. Однако поскольку граффито датируется третьей четвертью 4 в., когда курс кизикина был другой (24 драхмы за кизикин, по выкладкам ряда исследователей), В. П. Яйленко говорит о 3 гемигектах = 6 драхмам за медимн, полагая, что в какой-то год второй или третьей четверти столетия цена поднялась до 5–6 драхм против обычных 4–4,5, и торговец молится за «хорошую» цену.⁴⁴ Яйленко правильно отметил, что расчет в гемигектах не означает, что фанагориец был мелким торговцем, поскольку и крупные поставки зерновых оценивались в мелких фракциях (см. выше упомянутое письмо из Зенонова Херсонеса).

В 4 в. до н. э. появляется большое количество письменных источников, сообщающих о поступлении боспорского хлеба в Афины и свидетельствующих об огромных масштабах хлебной торговли Боспора.⁴⁵ Колебания цены на зерновой хлеб в Афинах 4 в. до н. э. хорошо известны: например, в 330/329 г., как следует из той же речи Демосфена против Формиона (Demosth. XXXIV. 39), хлеб подорожал

⁴⁰ Сапрыкин, Масленников 2007, 132–135, № 694.

⁴¹ Завойкина, Павличенко 2016, 243.

⁴² То же должно касаться двух писем из Никония 4 в. до н. э., в которых также упоминаются статер и гемистатер (Дана и др. 2019, 227–231; Awianowicz 2011, 237–239); речь предположительно идет о кизикском статере (Дана и др. 2019; Mielczarek 2014, 27–28; Булатович, Редина 2021, 30).

⁴³ Виноградов 1971; Яйленко 1996, 176–179.

⁴⁴ Яйленко 1996, 176–179. Однако в более поздней своей работе В. П. Яйленко (2017, 358) говорит о том, что речь против Формиона дает современный ей курс – той самой третьей четверти 4 в. до н. э. Таким образом, граффито из Фанагории и речь Демосфена принадлежат одному времени, когда стоимость медимна зернового хлеба на Боспоре составляла 7 драхм, а не 6.

⁴⁵ Кузнецов 2000, 111–114.

до 11 драхм за медимн, и только ввоз больше 10 000 медимнов пшеницы позволил распределить его между гражданами по 5 драхм вместо установившейся цены.

4. Еще раз о курсе кизикского электра в Афинах, Ольвии на Боспоре в 4 в. до н. э.

Публикуемая находка дает повод сравнить курс кизикина в Афинах, Ольвии и на Боспоре в рассматриваемое время.⁴⁶ В 4 в. до н. э. в денежном обращении Ольвии и Боспора⁴⁷ происходят существенные изменения, связанные с изменением роли золота в денежном обращении греческого мира. Переход денежных функций к золоту в важнейших греческих центрах выражался не только в резком увеличении объема чеканки золотых монет, но и сопровождался заметным уменьшением стоимости золота: если во времена Геродота относительная стоимость золота и серебра выражалась рации 1:13, то немногим ранее времени Александра курс установился более-менее твердо – 1:10 (с колебаниями).⁴⁸ Около 330 г. закончилась чеканка кизикинов последней хронологической группы (400–330 гг.).⁴⁹

В 4 в. до н. э. кизикины свободно обменивались на аттическую драхму и монеты других центров (лампсакины, ольвийские статеры и т. д.). О курсе свидетельствуют разные литературные и эпиграфические источники⁵⁰, например, платежные документы Парфенона⁵¹, судебная речь против Формиона (Demosth. XXXIV. 23), списки выплат фороса Геллеспонтом⁵², ольвийский декрет Каноба (IOSPE I² 24.23–25)⁵³ и т. д.

В Афинах во времена Платона (428/427 или 424/423–348/347 гг. до н. э.) разница в стоимости золота и серебра составляла 1:12. От 1:12 и 1:11 около 350 г. до н. э. рация упало до 1:10 в 337 г. Из речи против Формиона следует, что курс кизикского статера в Афинах в 328/327 г. равнялся 21 драхме 4 оболам, а рацию золота к серебру составляло 1:10. В 330/329 и 329/328 гг. это соотношение было 1:9,5, а в 305/304 г. – опять 1:10. Таким образом, курс кизикского статера в Афинах испытывал колебания.⁵⁴

В Ольвии, где одной из целей декрета Каноба⁵⁵ было установление официального курса кизикина, превратившегося в товар, который мог лишь эпизодически выполнять роль денег, кизикский статер весом ок. 16 г приравнивался к 10,5 серебряным ольвийским статерам весом ок. 12 г. Таким образом, обменный курс электра к серебру составляет 7,875. Декрет Каноба стал актом, который прекратил свободное обращение кизикинов в Ольвии в качестве заменителя собственной серебряной монеты. Кизикины перестали быть деньгами в Ольвии как таковыми и рассматривались как обладающие определенным весом слитки металла.⁵⁶ Задача декрета состояла в концентрации запасов кизикинов в Ольвии.⁵⁷ Однако другие исследователи говорят о курсе кизикского статера равном 8,5 ольвийским статерам⁵⁸ и рацию стоимости электра к серебру как 1:6,375. По подсчетам С. Псома, в середине 4 в. курс кизикского статера в Ольвии составлял 23 аттических драхмы и 1 обол при рацию стоимости золота к серебру 1:11,5.⁵⁹

О курсе кизикинов на Боспоре в третьей четверти 4 в. до н. э. свидетельствует упомянутая речь Демосфена против Формиона (Demosth. XXXIV. 23), из которой следует, что там кизикский статер равнялся 28 аттическим драхмам, а Афинах – 21 и 2/3 драхмы.⁶⁰ Таким образом, на Боспоре курс был заметно выше, чем в Афинах и Ольвии. Т. Н. Смекалова и Ю. Л. Дюков, исходя из своего вывода о постепенной редукции содержания золота в кизикинах, говорят о параллельном снижении их курса, но только в Афинах. При этом в Северном Причерноморье

⁴⁶ Сравнение курсов кизикина в Афинах, Ольвии и на Боспоре см.: Смекалова, Дюков 2001, 41–45 (с литературой); Psoma 2020, 72–74 (с литературой); в Ольвии – см. Карышковский 2003, 230.

⁴⁷ См. Остапенко 2017 (с литературой).

⁴⁸ Карышковский 2003, 226.

⁴⁹ Baldwin Brett 1974, 201.

⁵⁰ Thompson 1971, 574–588; Eddy 1970, 13–22; Figueira 1998, 524–527; Psoma 2020 (с литературой).

⁵¹ Eddy 1977, 109–110.

⁵² Eddy 1973, 48–54.

⁵³ Карышковский 2003, 206–210; Яйленко 2017, 355–351.

⁵⁴ См. Psoma 2020, 73.

⁵⁵ О декрете Каноба см.: Виноградов, Карышковский 1976; Яйленко 2017; Dubois 1996, no. 14.

⁵⁶ Карышковский 2003, 209–210, 224, 230.

⁵⁷ Яйленко 2017, 358.

⁵⁸ Dubois 1996.

⁵⁹ Psoma 2021, 74.

⁶⁰ В третьей четверти 5 в., например, кизикин обменивался по курсу на 27 аттических драхм при рацию золота к серебру 1:13,3 и 1:14, и даже 1:13 – к концу Архидамовой войны. К 408 г. кизикин обменивался на 25–26 драхм, а ко времени написания речи против Формиона – на 21 драхму и 4 оболы. См.: Vogaert 1963; Eddy 1973, 47–40; Psoma 2020, 72–73.

кизикины сохраняли первоначальную высокую стоимость, не связанную с содержанием золота в монетах, и дольше всего задержались в обращении.⁶¹

Учитывая выводы С. Псома⁶², мы видим в середине – третьей четверти 4 в. до н. э. следующую картину курсов:

– Афины: в 328/327 г. до н. э. 1 кизикский статер = 21 аттическая драхма 4 обола. Рацио 1:10,

– Ольвия: в сер. 4 в. 1 кизикский статер = 23 аттические драхмы 1 обол. Рацио 1:11,5,

– Боспор: в 328/327 г. до н. э. 1 кизикский статер = 28 аттических драхм. Рацио: 1:13,6.

Таким образом, кизикский статер имел разный курс обмена в различных городах Понта и иногда мог доходить до 28 аттических драхм за статер.⁶³ Безусловно, это делало очень выгодной черноморскую хлебную торговлю, поскольку последняя обслуживалась именно кизикинами.⁶⁴

Заключение

Итак, суммирование находок мелкого электра Кизика в Истрии, на Березани, Левке⁶⁵, Ольвии создает впечатление, что основной поток мелких фракций направлялся в Северо-Западное Причерноморье, как и полагал П. О. Карышковский. Однако уже десяток фракций статера, зарегистрированных на Боспоре – в кладах и в единичных находках, свидетельствует о распространении мелкого электра и здесь, причем представлены кизикины от самой ранней группы (до 550 г. до н. э.) до последней (400–330 гг.). Надо полагать, что к 4 в. до н. э. никакой разницы в роли кизикинов в денежном обращении Ольвии и Боспора не было: повсюду мы встречаем статеры и мелкие фракции, причем о важности последних в повседневном денежном обороте свидетельствуют деловые записи жителей Северного Причерноморья от Березани до Боспора. Обращает внимание то, что на Боспоре только одна находка происходит с его европейской стороны, все остальные – с Таманского п-ова.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список фракций кизикского статера, найденных на Боспоре

Группа 1. 600–550 гг. до н. э.⁶⁶

1. Гекта

Л.с. Тунец головой вниз между двумя головами тунцов, повернутыми вправо и влево; по сторонам от рыб две точки.

О.с. Вдавленный квадрат.

Вес – 2,65 г. Диаметр – 11 мм.

Место находки: Патрей, 1998 г. (клад).

Лит.: Cf. Hurter, Liewald 2006, 11, no. 19, pl. 2. 19.1.

Изд.: Абрамов, Болдырев 2001, 144; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 61, № 1; Zakharov 2011, 502, no. 1, pl. 1. 1, 1a.

2. Гемигекта

Л.с. Краб, держащий в клешнях голову тунца.

О.с. Вдавленный квадрат.

⁶¹ Смекалова, Дюков 2003, 45.

⁶² Psoma 2021, 74.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Mielczarek 2020.

⁶⁵ См. Булатович, Редина 2021, 154–156.

⁶⁶ Периодизация по классификации А. Балдуин Бретт (Baldwin Brett 1974).

Вес – 1,34 г. Диаметр – 8 мм.
 Место находки: Кепы, 1960-е гг.
 Место хранения: ГИМ, инв. № 16695.
 Лит.: Cf. Baldwin Brett 1974, 187, no. 1408.
 Изд.: Булатович 1985; Фролова 2004, 52, № 4, табл. I. 4, 4a; 2010, 22, № 46, табл. IV. 16695.

Группа 2. 550–500 гг. до н. э.

3. Гекта (или гемигекта?)

Л.с. Голова Афины в шлеме с гребнем влево; справа тунец головой вниз.
 О.с. Вдавленный квадрат.
 Диаметр – 10 мм.
 Место находки: Патрей, 1998 г. (клад).
 Лит.: Cf. Greenwell 1887, 62, no. 27. Pl. II. 4; Fritze 1912, 6, Nr. 63, note 2; Hurter, Liewald 2002, 28, no. 18. Pl. 2. 18a.⁶⁷
 Изд.: Абрамов, Болдырев 2001, 144; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 61, № 2; Zakharov 2011, 502, no. 2. Pl. 1. 2, 2a.

4. Гекта

Л.с. Протома крылатого кабана влево; внизу тунец влево.
 О.с. Вдавленный квадрат.
 Вес – 2.61. Диаметр – 12 мм.
 Место находки: Тамань 3, 1997 г.
 Лит.: Cf. Fritze 1912, 61.
 Изд.: Строкин 2007, 358, прим. 5; 379, рис. 2. 21; Гарбузов и др. 2011, с. 142, рис. 14. 1.

Группа 3. 500–460 гг. до н. э.

5. Гекта (гемигекта?)

Л.с. Собака стоит влево; правая передняя лапа поднята, хвост поднят над спиной; внизу тунец влево.
 О.с. Вдавленный квадрат.
 Диаметр – 11 мм.
 Место находки: Патрей, 1998 г. (клад).
 Лит.: Cf. Baldwin Brett 1974, 193, nos. 1470 ($\frac{1}{6}$), 1471 ($\frac{1}{12}$); SNG France 5 231, 232 ($\frac{1}{6}$), 233–235 ($\frac{1}{12}$).
 Изд.: Абрамов, Болдырев 2001, 144; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 61, № 3; Zakharov 2011, 502, no. 3. Pl. 1. 3, 3a.

Группа 4. 460–400 гг. до н. э.

6. Гекта

Л.с. Обнаженный воин в коринфском шлеме с гребнем опустился на правое колено, вправо; держит стрелу обеими руками, на левом запястье висит лук; слева тунец головой вниз.
 О.с. Вдавленный квадрат.
 Место находки: Керчь. Собрание Иверсена.

⁶⁷ Все приведенные здесь экземпляры – гекты. Гемигекты нам не известны.

Вес – 2.688 г.

Лит.: Cf. Greenwell 1887, 98, no. 93; Fritze 1912, 6, Nr. 117.

Изд.: Greenwell 1887, 98, no. 93.

Группа 5. 400–330 гг. до н. э.

7. Гемигекта

Л.с. Персей, обнаженный, безбородый, в хламиде, накинутой на плечи, и остроконечной шапке с крыльями, опустившийся на правое колено, вправо, голова повернута влево; в правой руке держит гарпу, в левой руке, положенной на левое колено и закутанную в плащ, – за волосы голову Горгоны Медузы; внизу тунец вправо.

Вес – 1.342 г. Диаметр – 9 мм

Место находки: Фанагория, раскоп «Нижний город», кв. А1, шт. 22, 2021 г.

Место хранения: ГИАМ «Фанагория».

Лит.: Cf. Hurter, Liewald 2004, 32, Nr. 162. Pl. 7. 162.

Издается впервые.

Не определенные

8–10. Гекты

Тип не определен.

Место находки: Гермонасса, 1866–1867 гг.

Лит.: IGCH 1012 = CH XI, 17. Против см. Розов 2017, 318–319.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г. 2013. Золотые античные и византийские монеты из фанагорийских находок // ПИФК 2, 22–43.
- Абрамзон М. Г., Бутягин А. М., Смекалова Т. Н., Сапрыкина И. А., Хаврин С. В., Чистов Д. Е., Быковская Н. В. 2022. Электроновые монеты Кизика из собраний Государственного Эрмитажа и Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: рентгенофлуоресцентные исследования (Археометрия Причерноморья 7). Санкт-Петербург.
- Абрамзон М. Г., Фролова Н. А. 2007–2008. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.) (БИ Suppl. 2). Симферополь–Керчь.
- Абрамов А. П., Болдырев С. И. 2001. «Клады» 1998 г. из Патрея // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 1. Санкт-Петербург, 143–146.
- Булатович С. А. 1970. Клад кизикинов из Орловки // ВДИ 1, 73–86.
- Булатович С. А. 1985. Находка кизикина на Таманском полуострове // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев, 36–38.
- Булатович С. А., Редина Е. Ф. 2021. Электроновые монеты Кизика в собрании Одесского археологического музея НАН Украины. Каталог. Одесса.
- Виноградов Ю. Г. 1971. Новые материалы по раннегреческой экономике // ВДИ 1, 64–76.
- Виноградов, Ю. Г., Карышковский, П. О. 1976. Ольвийский декрет Каноба о деньгах // ВДИ 4, 21–42.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Строкин В. Л., Сударев Н. И. 2011. Освоение греками Таманского полуострова в VI–V вв. до н. э. // ДБ 15, 90–172.
- Голенко К. В. 1977. Кизикский статер, найденный на Таманском полуострове // М. М. Кобылина (ред.), История и культура античного мира. Москва, 37–40.

- Дана М., Бруяко И. В., Секерская Н. М. 2019. Новый эпиграфический документ из Нико-
ния // *Материалы по археологии Северного Причерноморья* 14. Одесса, 225–232.
- Завойкина Н. В., Павличенко Н. А. 2016. Письмо на свинцовой пластине из Патрея //
А. А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 2* (Фанагория 4).
Москва, 230–249.
- Захаров Е. В. 2016. Новый взгляд на периодизацию обращения электровых монет Кизи-
ка // *ПриПОНТийский меняла: Деньги местного рынка* (Материалы IV Международ-
ного нумизматического симпозиума). Севастополь, 42–45.
- Захаров Е. В. 2019. «Кизикские статеры на Боспоре»: взгляд через 70 лет // *Боспор
Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Основные
итоги и перспективы исследований* (Боспорские чтения XX). Симферополь–Керчь,
211–215.
- Карышковский П. О. 1960. Об обращении кизикинов в Ольвии // *НЭ* 2, 3–13.
- Карышковский П. О. 2003. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. –
IV в. н. э.). Одесса.
- Крутилов В. В., Буйских А. В. 2016. находка ранней монеты Кизика в Ольвии // *Археоло-
гія і давня історія України* 1 (18), 89–91.
- Кузнецов В. Д. 2000. Афины и Боспор: хлебная торговля // *РА* 1, 107–120.
- Митина В. В. 2017. Еще один эпиграфический источник из Ольвии // Д. А. Костромичев
(ред.), *Античные реликвии из Херсонеса: Открытия, находки, теории. Материалы
международной научной конференции. Севастополь, 10–12 октября 2017 года.*
Саки, 159–164.
- Остапенко С. Н. 2017. Некоторые аспекты денежного обращения Боспора в VI–III вв.
до н. э. // *ПИФК* 4, 120–144.
- Розов В. Н. 2014. Новые находки греческих привозных монет на территории Таманского
полуострова // *ДБ* 18, 272–307.
- Розов В. Н. 2017. О Таманском кладе кизикинов 1997 г. // *ДБ* 21, 311–327.
- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора
(*BI Suppl.* 1). Симферополь–Керчь.
- Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л. 2001. Монетные сплавы государств Северного Причерно-
морья: Боспор, Ольвия, Тира. Санкт Петербург.
- Строкин В. Л. 2007. АПОЛ[лония Боспорская] или [храм] АПОЛ[лона]? // *ДБ* 11, 330–379.
- Фролова Н. А. 2004. Кизикины из собрания Государственного исторического музея //
ВДИ 4, 40–58.
- Фролова Н. А. 2010. Античные золотые монеты в собрании Государственного историче-
ского музея (от античности до Византии). Москва.
- Шелов Д. Б. 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. Москва.
- Яйленко В. П. 1996. Псевдоэпиграфика античного Северного Причерноморья // *История
и культура древнего мира. Российско-болгарский сборник статей и учебных мате-
риалов в честь Т. В. Блаватской.* Москва, 175–222.
- Яйленко В. П. 2017. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. –
VII в. н. э. (Исторические исследования). Санкт Петербург.
- Abramzon M., Frolova N. 2007. Le trésor de Myrmekion de statères cyzicènes // *RN* 163, 15–44.
- Baldwin Brett A. 1974. *Catalogue of Greek Coins.* Museum of Fine Arts. Boston.
- Awianovicz B. 2011. A New Hellenistic Ostrakon from Niconion // *Zeitschrift für Papyrologie und
Epigraphik* 178, 237–239.
- Bogaert R. 1963. Le cours du statère de Cyzique aux Ve et IVe siècles avant J. C. // *L'Antiquité
Classique* 32.1, 85–119.
- Dubois L. 1996. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont.* Geneva.
- Eddy S. 1970. The Value of Cyzicene Stater at Athens in the Fifth Century // *American Numis-
matic Society Museum Notes* 16, 13–22.
- Eddy S. 1973. Some Irregular Amount of Athenian Tribute // *American Journal of Philology* 94/1,
48–54.

- Eddy S. 1977. The Gold in the Athena Parthenos // *American Journal of Archaeology* 81/1, 109–110.
- Figueira T. 1998. *The Power of Money: Coinage and Politics in the Athenian Empire*. Philadelphia.
- Fritze H. von. 1912. Die Elektronprägung von Kyzikos // *Nomisma* VII, 1–45.
- Gitler H., Goren Y., Konuk K., Tal O., van Alfen P., Weisburd D. 2020. XRF Analysis of Several Groups of Electrum Coins // P. van Alfen, U. Wartenberg (eds.), *White Gold. Studies in Early Electrum Coinage*. New York–Jerusalem, 379–422.
- Greenwell W. 1887. *The Electrum Coinage of Cyzicus*. London.
- Hurter S., Liewald H.-J., 2002. Neue Münztypen der Kyzikener Elektronprägung // *SNR* 81, 21–39.
- Hurter S., Liewald H.-J., 2004. Neue Nominale in der Elektronprägung von Kyzikos // *SNR* 83, 27–37.
- Hurter S. M., Liewald, H.-J. 2006. Die frühesten Typen der Elektronprägung von Kyzikos. Thunfische, Thunfischköpfe und –hinterhälften // *SNR* 85, 5–17.
- Mielcharek M. 2014. On the Coin Circulation in Ancient Nikonion // «ПриПОНТийский меняла: Деньги местного рынка». Тез. докладов и сообщений III Международного Нумизматического Симпозиума (Севастополь 29.08. – 2.09. 2014 г.). Севастополь, 27–28.
- Mielcharek M. 2020. Cyzicene Electrum Coinage and the Black Sea Grain Trade // P. von Alfen, U. Wartenberg (eds.), *White Gold. Studies in Early Electrum Coinage*. New York–Jerusalem, 665–688.
- Psoma S. E. 2020. White Gold and Electrum in Literary Sources and Inscriptions // P. von Alfen, U. Wartenberg (eds.), *White Gold. Studies in Early Electrum Coinage*. New York–Jerusalem, 65–82.
- Regling K. 1931. Die Griechische Goldschatz von Prinkipo // *Zeitschrift für Numismatik* XLI, 1–46.
- Thompson W. E. 1971. The Official Tariff of the Kyzikene Stater at Athens // *L'Antiquité Classique* 40/2, 574–588.
- Vinogradov J. G. 1999. Archaische und frühklassische Epigraphik in Nördlichen Pontosraum // *Atti dell' XI Congresso Internazionale di Epigrafica Greca e Latina*. Roma, 139–141.
- Zakharov E. V. 2011. The Hoard of Cyzicenes from the Settlement of Patraeus (Taman Peninsula) // N. Holmes (ed.), *Proceedings of the XIVth International Numismatic Congress – Glasgow 2009*. Glasgow, 500–504.

М. Г. Абрамзон, С. Н. Остапенко

МОНЕТЫ ИЗ ПОДВОДНЫХ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ¹

Аннотация. В статье рассматриваются монеты из подводных раскопок в Фанагории. Большая часть из них была найдена у причала римского и ранневизантийского времени (рубеж 3–4 – середина 6 в. н. э.). Монеты, собранные в акватории Фанагории, свидетельствуют о торговых контактах города и служат хронологическим индикатором для датировки периодов функционирования причала римского и ранневизантийского времени. Рядом с причалом было собрано более 1000 монет, главным образом боспорских статов 3–4 вв. н. э., а также небольшое количество более ранних боспорских монет и римских монет 3–5 вв. н. э. Атрибутировано 133 монеты. Часть монет происходит из остатков застройки прибрежной террасы города, затопленной в первые века н. э. в результате трансгрессии моря. Самые ранние пантикапейские монеты датируются 4–3 вв. до н. э. Медные монеты Херсонеса и Феодосии представляют собой свидетельства черноморской морской торговли 4–3 вв. до н. э.: они маркируют транзитные пункты перипла от порта Фанагории на запад (и наоборот) вдоль побережья Крыма.

Статеры Рескупорида V говорят о том, что клетки ряжа были построены в то время пока биллон этого царя все еще представлял главное средство денежного обращения. Клады показывают, что биллонные статеры оставались в обращении, по крайней мере, еще в начале 290-х гг. н. э. Рядом с ряжем найдены и статеры Тейрана, который успешно действовал против пиратов в 278 г. н. э. Не исключено, что ряж мог уже существовать в этот момент. Большая часть монет принадлежит Фофорсу и Рескупориду VI.

Особый интерес представляют варварские подражания римским денариям с типом идущего Марса, завезенные, бесспорно, из портов Горгиипии или Бат, вокруг которых концентрируются основные находки таких монет. Заметную группу образуют 9 римских монет 3–5 вв. Две провинциальные монеты принадлежат дворам Византия (Каракалла) и г. Эги (Этрускилла). Монеты Константина I, Криспа и Констанция II маркируют начало основного притока римской императорской монеты на Боспор в правление Константина и семьи. Три монеты Констанция II 351–355 гг. свидетельствуют об использовании ряжа в начале второй половины 4 в. и прямом сообщении между портами Фанагории и Константинополя. Самая поздняя монета из района мола принадлежит Льву I Макелле (457–474).

Ключевые слова. Фанагория, подводные раскопки, боспорские монеты, римские монеты, варварские подражания.

M. G. Abramzon, S. N. Ostapenko

COINS FROM THE UNDERWATER EXCAVATIONS AT PHANAGORIA

Abstract. This is an examination of coins uncovered during the underwater excavations at Phanagoria, primarily near the Roman and Early Byzantine piers (dating from the late third and early fourth centuries to the mid-sixth century AD). The coins found in the harbour provide evidence of Phanagoria's trade connections and serve as chronological markers for dating the different phases of the piers' use. Over a thousand coins were uncovered near the pier, most of them being Bosphoran staters from the third–fourth centuries AD, alongside a smaller number of earlier Bosphoran coins and Roman coins from the third–fifth centuries AD. A total of 133 coins were identified and catalogued. Some coins were found at the remains of the city's coastal terrace, which was submerged due to flooding in the early centuries AD. The earliest coins from Panticapaeum date back to the fourth–third centuries BC. Bronze coins from Chersonesus and Theodosia reflect the Black Sea maritime trade of the fourth–third centuries BC, indicating the cities as key transit points along the coast of Crimea for Phanagoria's trade routes to the West.

Staters dating the reign of Rhescuporis V suggest that the pier's cells were constructed when his billon coinage was still in circulation, likely continuing into the 290s AD. Staters of Teiranes, discovered near the stone pier, imply that the pier was operational by the time Teiranes was fighting piracy in AD 278. The majority of the coins found were staters of Thothorses and Rhescuporis VI.

¹ Исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

Of particular interest are the barbaric imitations of Roman denarii of the type of walking Mars, most likely brought from the ports of Gorgippia or Baty, where similar coins are commonly found. Another significant group includes nine Roman coins from the third–fifth centuries AD, with two provincial coins from the mints of Byzantium (Caracalla) and Aegeae (Etruscilla). Coins of Constantine I, Crispus, and Constantius II mark the influx of Roman imperial coinage to the Bosphoros during Constantine's reign. Three coins of Constantius II, dating between AD 351 and 355, confirm the pier's activity in the early second half of the fourth century and direct trade between Phanagoria and Constantinople. The latest coin from the stone pier area is a bronze piece of Leo I (457–474).

Keywords. Phanagoria, underwater excavations, Bosporan coins, Roman coins, barbaric imitations.

Начиная с 2005 г. в акватории Фанагории проводятся подводные исследования причала римского и ранневизантийского времени, состоявшего первоначально из трех деревянных клетей (ряжа), забитых камнем из разрушенных общественных зданий в городе и надгробиями из некрополя. Установлено, что строительство ряжа происходило, по крайней мере, в два этапа. На первом этапе были построены центральная и южная клетки, на втором – из-за недостаточной глубины для подхода судов у северного торца центральной клетки к северу от нее сооружена отдельно еще одна клеть. Конструкция из клетей была воздвигнута в конце 3 – начале 4 в. н. э. Активное использование клетей прекратилось на рубеже 4 и 5 вв. из-за продолжающейся трансгрессии моря; находки более позднего времени здесь полностью отсутствуют. Позднее к северной клетке был пристроен мол или новый причал, отходящий от нее в направлении на северо-восток. Комплекс керамики, собранной в районе нового причала, говорит о его строительстве в середине – второй половине 5 в. Прекращение функционирования причала синхронизируется с сообщением Прокопия Кесарийского о разрушении Фанагории и Кеп соседними племенами (Procop. Caes. De bell. VIII. 5. 28)², случившимся, как теперь установлено, между 545 и 554 гг.³

Установить время строительства причала и периоды использования различных его частей позволяет изучение всего комплекса находок, обнаруженных рядом с ним. Так, например, для выкладки поверхности северной клетки ряжа были использованы надгробие с эпитафией и несколько надписей, позднейшая из которых датируется 220 г. н. э.⁴ Анализ керамики показал, что основная ее масса датируется 4 – началом 5 в. н. э., гораздо меньше представлена керамика второй половины 3 в. н. э. Этот факт позволил датировать строительство ряжа временем не ранее конца 3 – начала 4 в. н. э. Керамика же из района мола датируется второй половиной 5 – первой половиной 6 в. Данный комплекс, представляющий исключительно привозную керамику, свидетельствует об ассортименте ввозимых в 5–6 вв. в город товаров и позволяет определить направление торговых связей Фанагории в 5 – первой половине 6 в.⁵: ее основными контрагентами являлись центры Причерноморья и Восточного Средиземноморья, особенно города западной части Малой Азии.⁶

Коллекция стекла из раскопок мола тоже укладывается в рамки 5–6 вв., что полностью соответствует керамическому комплексу из него.⁷

Между тем монеты, найденные при раскопках в акватории Фанагории, так же свидетельствуют о торговых контактах города и служат хронологическим индикатором для датировки периодов функционирования причала римского и ранневизантийского времени. Вокруг его северной и центральной клетей, в завале камней мола и под ним было собрано более 1000 монет, главным

² Голофаст, Ольховский 2016, 71; 2019, 43–44.

³ Голофаст 2021а; 2021б, 52–53; Абрамзон, Остапенко 2022, 103.

⁴ Кузнецов 2007, 227–238.

⁵ Голофаст 2021б, 50–51, 74.

⁶ Там же, 51–70.

⁷ Голофаст, Ольховский 2019, 66.

Таблица 1. Хронологическое распределение единичных монет из подводных раскопок

Монетные дворы/ правители	Века до н. э.				Века н. э.					Всего
	4	3	2	1	1	2	3	4	5	
Херсонес	1									1
Пантикапей	2	2	1	2						7
Фанагория			1							1
Феодосия		1								1
Синопа				1						1
Полемон I				1						1
Аспург					2					2
Савромат I						3				3
Рескупорид V							7			7
Тейран							3			3
Фофорс							39	23		62
Радамсад								3		3
Рескупорид VI								23		23
Неопр. статеры								6		6
Имитации								2		2
Византий, Каракалла							1			1
Эги, Этрусцилла							1			1
Константин I								2		2
Крисп								1		1
Констанций II								3		3
Лев I									1	1
Римские неопр. 4–5 вв.									1	1
Итого:	3	3	2	4	2	3	54	61	1	133

образом боспорских статеров 3–4 вв. н. э., а также небольшое количество более ранних боспорских и римских монет 4–5 вв. н. э.⁸

В целом, нумизматический материал происходит из трех пунктов акватории, исследованных в разное время: в 2005–2011 гг. работы проводились в районе клетей ряжа и каменного мола причала римского и ранневизантийского времени; в 2013 г. был открыт причал 5–3 вв. до н. э., расположенный восточнее причала римского и ранневизантийского времени, и был заложен шурф в наиболее удаленной от берега его части; в 2017 г. производились раскопки на площади 10×8 м в 110 м от берега и в 10 м восточнее края насыпи причала 5–3 вв. до н. э., на склоне которой лежит корабль 1 в. до н. э. Из последнего раскопа происходят, в частности, боспорские монеты 4–1 вв. до н. э. вместе с синхронной керамикой.⁹ Из всей массы найденных монет поддаются реставрации и определению 133 экз. Хронологически материал распределяется следующим образом:

Часть монет данной выборки не связана с ряжем и происходит из остатков застройки прибрежной террасы города, затопленной в первые века н. э. в результате трансгрессии моря. Самые ранние монеты относятся к 4–3 вв. до н. э. Это пантикапейские тетраалк и дихалк серии ок. 330–315 гг. до н. э.¹⁰ (№ 2, 3; рис. 1) и дихалки с головой быка в $\frac{3}{4}$ на реверсе¹¹ начала 3 в. до н. э.¹² (№ 4,

⁸ Голофаст, Ольховский 2016, 50.

⁹ Авторы искренне благодарят руководителя подводного отряда Фанагорийской экспедиции ИА РАН С. В. Ольховского за консультации, касающиеся археологического контекста монетных находок.

¹⁰ Анохин 1986, № 111, 112.

¹¹ Там же. № 132.

¹² Вместе с монетами 4–3 вв. до н. э. найдено более 20 фрагментированных чернотерракотовых сосудов, в том числе и канфары (готовятся к публикации С. В. Ольховским).

Рис. 1. Тетрахалк. Пантикапей, ок. 330–315 гг. до н.э. (№ 2)

Рис. 2. Кошелек с пантикапейскими монетами 3 в. до н.э. А, Б – общий вид; В, Г – расчистка одной из монет с луком и стрелой влево, ΠΑΝ на реверсе

5). К ним примыкает небольшой кошелек с пантикапейской медью типа «голова сатира/лук и стрела» периода денежного кризиса 3 в. до н.э.¹³ (рис. 2). Медные монеты Херсонеса ок. 350–330 гг. (№ 1) и Феодосии¹⁴ ок. 250–225 гг. (№ 9), напротив, представляют свидетельства черноморской морской торговли 4–3 вв. до н.э., маркируя транзитные пункты перипла от порта Фанагории на запад (и наоборот) вдоль побережья Крыма. К 2–1 вв. до н.э. относятся всего 5 монет: Пантикапей-Кесария – 2 экз. (№ 7, 8), Фанагория – 1 (№ 10), Синопа – 1 (№ 11), Полемон I – 1 (№ 12); к 1–2 вв. н.э. – 5 монет: 2 – Аспурга (№ 13, 14) и 3 – Савромата I (№ 15–17). Таким образом, всего 17 монет из приведенной выборки приходится на период с 4 в. до н.э. по начало 2 в. н.э.

Абсолютная масса монет (115 шт.) принадлежит 3–4 вв. н.э. – времени строительства и наиболее активного функционирования синхронного причала. О хозяйственной жизни, кипевшей в гавани Фанагории в эту эпоху, свидетельствует богатый археологический материал, особенно – собранный у северной и центральной клетей. Нескольких тысяч свинцовых грузил и бронзовых рыболовных крючков, найденных рядом с ними, говорят о роли рыбной ловли, а огромное количество фрагментов разбитой при транспортировке и разгрузке погрузке керамической тары – о размахе торговли вином, маслом, нефтью.¹⁵

Статеры Рескупорида V (№ 18–22) свидетельствуют о том, что клетки были построены в то время пока биллон этого царя все еще представлял главное средство денежного обращения. Клады СН XI, 213, 215–227 показывают хронологический отрезок с 252/253 по 291/292 гг. Таким образом, биллонные статеры Рескупорида V оставались в обращении, по крайней мере, еще в начале 290-х гг., как демонстрирует Судакский клад 1958 г. (СН XI, 227). Фанагорийский клад 2011 г. (СН XI,

¹³ Количество монет не известно: комплекс сохранен не расчищенным.

¹⁴ Монета Феодосии происходит из шурфа в мористой (самой удаленной от берега) части причала 5–3 вв. до н.э.

¹⁵ Ольховский, Голофаст 2016, 49.

Рис. 3. Статеры Фофорса (№ 32, 38) и Рескупорида VI (№ 93, 98)

231), сокрытый в 307/308 г. н. э., на две трети состоявший из статеров Рескупорида V, представляет уже свидетельство демонетизации биллона Рескупорида V и полного вытеснения его медными статерами Фофорса, Радамсада и Рескупорида V. Вторая половина 3 в. н. э. – тревожное время, отмеченное походами меотийских племен в провинции Империи через территорию Боспора, который иногда придерживался политики компромисса и предоставлял свои суда и порты пиратам, например, для похода боранов и готов на Питуунт в 255–256 гг. н. э. (Zosim. I. 31–35). Рядом с ряжем найдены и статеры Тейрана 276/277 и 278/279 гг. (№ 25–27), который успешно действовал против пиратов в 278 г. н. э. Не исключено, что ряж мог уже существовать в этот момент. Большая часть монет, как отмечалось выше, принадлежит Фофорсу (61 экз.) и Рескупориду VI (22) (рис. 3).

Обращают на себя внимание находки привозных медных монет 3 в. н. э. Принято считать, что бронзовые монеты выпускались только для локального обращения и редко циркулировали за пределами места их чеканки.¹⁶ Отсюда они, бесспорно, могли быть собраны только в тех портах перипла, где останавливалось судно. Одна из найденных у ряжа римских провинциальных монет представляет чекан Византия от имени Каракаллы (№ 124; рис. 4). Данный тип (очень редкий) чеканился 209–217 гг.¹⁷, однако сильная потертость монеты говорит о занесении ее в порт Фанагории не ранее середины – второй половины 3 в. н. э. Другая редкая находка – монета киликийского города Эги, отчеканенная в 249–250 гг. от имени Этрусциллы, жены Траяна Деция (№ 125). Эта монета могла быть занесена в порт Фанагории готам и сармато-аланами, возвращавшимися из набега до Киликии в 276 г. н. э., если это только не более раннее свидетельство малоизвестных торговых контактов между Фанагорией и югом Малой Азии.

Два северокавказских подражания римскому денарию с типом идущего Марса (№ 122, 123) завезены, бесспорно, из портов Горгиппии или Бат: основная концентрация находок данных монет охватывает южную и юго-восточную периферию Боспора от Анапы (Горгиппии) до Краснодара и Новороссийска (Бат), а также прилегающие западные районы Северного Кавказа. Они нередко встречаются и на Тамани, например, в Фанагории и Келах, а также проникают и на Европейский Боспор, о чем говорят находки их в Пантикапее, Тиритаке и Китее. Оба экземпляра из акватории Фанагории относятся к пятой группе, по классификации В.Н. Клешинова, датируемой ок. 300–350 гг.¹⁸ Одна из монет – из латуни с небольшим содержанием серебра – около 4% (№ 122), вторая – из латуни без серебра (№ 123; рис. 5).

Рис. 4. Монета Византия. Каракалла, 209–217 гг. н. э. (№ 124)

¹⁶ Gitler, Kahanov 2008, 391 (с библиографией).

¹⁷ Cf. Schönert-Geiss 1972, 86, Nr. 1589

¹⁸ Клешинов 2016, № 455, 522.

Рис. 5. Подражание римскому денарию с типом идущего Марса. Кон. 3 – нач. 4 в. н. э. (№ 123)

Таблица 2. Данные РФА о химическом составе сплава подражаний римским денариям с типом идущего Марса¹⁹

№ по списку	№ пробы	Ag	Cu	Zn	Sn	Pb
122	проба 1	5.32	84.92	4.06	0.21	–
123	проба 1		80.47	11.46	2.99	0.50
	проба 2		78.96	11.35	1.91	0.57
	среднее		79.71	11.40	2.45	0.53

Отметим, что подражания римскому денарию с типом идущего Марса составляют небольшую, но довольно заметную группу в монетном комплексе Фанагории.²⁰ Обращение этих подражаний на рынках Боспора представляется важным фактом для характеристики боспорской экономики 3 в. н. э.²¹ и первой половины следующего столетия.

Заметную группу в выборке образуют семь медных римских императорских монет 4–5 вв. Все они завезены в Фанагорию морским путем. Подчеркнем, что это пятая часть всех римских монет, найденных в Фанагории за последние полвека (33 экз. без учета 5 монет-подвесок с отверстиями). Шесть монет принадлежат Константину I, Криспу и Констанцию II (№ 126–131), они маркируют начало основного притока римской императорской монеты в Фанагорию (и на Боспор в целом), который приходится на правление Константина и семьи. Самая поздняя монета из района мола принадлежит чекану Льва I Макеллы (457–474 гг. н. э.) (№ 132). Доминируют выпуски монетного двора Константинополя (4 экз.), по одной монете принадлежат дворам Гераклеи (№ 126) и Сиссии (№ 128). Сохранность остальных не позволяет идентифицировать монетные дворы.

Таким образом, публикуемая выборка монет из портовых сооружений демонстрирует, что ряз функционировал особенно активно в правление Фофорса: его чекан (61 экз.) почти втрое превышает над чеканом Рескупорида VI (23 экз.). Кроме многочисленных единичных монет Фофорса встречаются и кошельки. Один из них (CH XI, 230) содержал 9 статов 289/290–302/303 гг. н. э.²²

Отдельно следует сказать о монетах 4 в. н. э. – статах Рескупорида VI вкуче с монетами Константина и семьи. Их общее количество (28) более чем вдвое меньше, чем число статов Фофорса. Это говорит о снижении активности функционирования конструкции из клеток во времена Рескупорида VI и Константина. Интересно при этом, что заметное количество монет (9) отно-

¹⁹ Авторы выражают искреннюю благодарность за проведенное исследование начальнику отдела реставрации ГИАМЗ «Фанагория» О. Л. Гунчиной.

²⁰ Обзор находок см.: Абрамзон, Кузнецов, Остапенко 2019; Abramzon 2024.

²¹ Шелов 1962, 67.

²² Абрамзон, Кузнецов 2017, 13–14.

Рис. 6. Боспорские монеты из подводных раскопок Фанагории

сится к 319 г. н. э.: 8 – Рескупорида VI и одна – Криспа. Эмиссии 320-х – начала 330-х гг. представлены минимальным числом монет. Возможно, это маркирует финал периода эксплуатации конструкции из клеток из-за дальнейшей трансгрессии моря. С другой стороны, три однотипные монеты Констанция II 351–355 гг. (№ 128–130) свидетельствуют о продолжавшемся использовании ряжа в начале второй половины 4 в. и прямом сообщении между портами Фанагории и Константинополя. Наконец, монета Льва I (№ 131) из района мола говорит об использовании этого причала во второй половине 5 в., что согласуется с датировками керамического материала и стеклянных изделий отсюда.

Таблица 3. Хронологическое распределение монет 3–5 вв., собранных у ряжа

Даты / правители	Рескупорид V	Тейран	Фофорс	Радламсад	Рескупорид VI	Имитации	Каракалла	Этрусцилла	Константин I	Крисп	Констанций II	Лев I
209–217							1					
243/244	1											
248/249	1											
249/250								1				
251–257	1											
252/253	1											
263/264	1											
264/265	1											
266/267	1											
276/277		2										
278/279		1										
285/286			2									
286/287			3									
289/290			2									
290/291			2									
291/292			3									
293/294			1									
294/295			1									
295/296			5									
296/297			4									
297/298			9									
298/299			3									
299/300			5									
301/302			2									
302/303			5									
304/305			4									
305/306			2									
Не опр.			10									
310/311				2								
313–314									1			
316/317				1								
319										1		
319/320					8							
320/321					1							
321/322					1							
323/324					2							
324/325					1							
325/326–326/327					1							
326									1			

330/331					3								
Не опр. 318–341					7								
Не опр. 3–4 вв.					6								
300–350						2							
351–355												3	
457–474													1
Не опр. Римские 4–5 вв.												1	
Итого:	7	3	62	3	23(+6)	2	1	1	2	1	3(+1)	116	

Рис. 7. Статеры Фифорса и Рескупорида VI из раскопок ряжа

Рис. 8. Варварские подражания римским денариям с типом идущего Марса и римские монеты из раскопок причала римского и ранневизантийского времени

**КАТАЛОГ²³
АВТОМНЫЙ ПЕРИОД**

ХЕРСОНЕС

Ок. 350–330 гг. до н. э. (после 339 г. до н. э.?)

АЕ. Л.с. Квадрига вправо, в колеснице стоит Дева; в правой вытянутой руке держит факел, в левой – поводья. О.с. Обнаженный коленопреклоненный воин влево; на голове шлем; в правой руке держит копье наперевес, в левой большой овалный щит; внизу ХЕР.

1. Ф-08-190 18 4.1

Cf. *SNG BM* I 734–744;
SNG Moskau 3220–3268.
Изд.: Абрамзон 2013, 63.
Рис. 1. 14.

ПАНТИКАПЕЙ

Ок. 330–315 гг. до н. э.

АЕ. Л.с. Голова бородатого сатира вправо. О.с. Протома грифона вправо; внизу осетр влево; ПАН.

²³ Номерам каталога соответствуют номера в фототаблицах.

2. Ф-17-68; 22 Cf. *SNG BM* I 871.
 ФМ-КП 75/102
 Н 552;
 ГК 21302239

АЕ. Л.с. Голова безбородого сатира вправо. О.с. Протома Пегаса вправо; ΠΑΝ.

3. Ф-17-74; 15 Cf. *SNG BM* I 873.
 ФМ-КП 75/104
 Н 554;
 ГК 21302298

Ок. 300–290 гг. до н. э.

АЕ. Л.с. Голова бородатого сатира влево. О.с. Голова быка в $\frac{3}{4}$ влево; вокруг ΠΑΝ.

4. Ф-17-69 17 Cf. *SNG BM* I 890–893
 5. Ф-17-75; 16
 ФМ-КП 75/105
 Н 555;
 ГК 21302286

Ок. 120–110 гг. до н. э.

АЕ. Л.с. Голова бородатого сатира в плющевом венке влево. О.с. Рог изобилия между шапками Диоскуров; внизу ΠΑΝΤΙ.

6. Ф-09-265 16 2.34 Cf. *SNG BM* I 924–925

ΠΑΝΤΙΚΑΠΕΪ как КЕСАРИЯ

13–12 гг. до н. э.

АЕ. Л.с. Голова Афродиты Урании в калафосе и покрывале вправо. О.с. Жезл; ΚΑΙ ΣΑ ΡΕ ΩΝ; справа внизу Η.

7. Ф-10-172 21 3.19 Cf. *RPC* I 1936; *SNG*
Stanc. 614–615.
 8. Ф-13-12 21 4.86

ФЕОДОСИЯ

Ок. 250–225 гг. до н. э.

АЕ. Л.с. Голова Афины вправо. О.с. Лук в горите и палица; ΘΕΥ.

9.   Φ-13-37;   18   3.41   Cf. *SNG BM* I 970.
      ΦМ-КП 75/33
      Н 483;
      ГК 21302128

ФАНАГОРИЯ

Ок. 200–110 гг. до н. э.

АЕ. *Л.с.* Голова бородатого сатира в плющевом венке вправо. *О.с.* Лук и стрела с опереньем в виде кадуцея вправо; внизу ΦΑ.

10.   Φ-17-76   13   Cf. *SNG BM* I 990–994.

СИНОПА

Ок. 85–65 гг. до н. э.

АЕ. *Л.с.* Голова Зевса в лавровом венке вправо. *О.с.* Орел на молниях влево; внизу ΣΙΝΩΠΗΣ.

11.   Φ-11-156   Cf. *SNG BM* I 1543–1544.

РИМСКИЙ ПЕРИОД

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

Полемон I (15/14–9/8 гг. до н. э.)

АЕ. *Л.с.* Голова Персея влево, слева гарпа. *О.с.* Герма, справа пальмовая ветвь, перевязанная лентой; слева ΒΑΕ, справа внизу Ζ.

12.   Φ-17-34;   21   6.30   Cf. *SNG Stanc.* 965; *BAR*
      ΦМ-КП 46/36   1102, pl. XXXVIII. 20–28;
      Н 393;   XXXIX. 1–9.
      ГК 12531245

Аспург (14/15–37/38)

14/15–37 г. н. э.

АЕ. *Л.с.* Голова Аспурга в царской повязке влево, справа ϞΑΒ, слева внизу ΒΙ. *О.с.* ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΤΙΒΕΡΙΟΥ. Голова Тиберия в лавровом венке вправо.

13.   Φ-10-170   21   6.55   Ср. Фролова 1997/1,
  табл. XV. 11.

После 18 марта 37 г. н. э.

АЕ. Л.с. Голова Аспурга в царской повязке вправо; слева **ΒΑΡ**, справа внизу ΙΒ.
О.с. ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ. Голова Гая в лавровом венке вправо.

14. Φ-17-35; 20 7.49 Ср. Анохин 1986, № 320.
 ФМ-КП 46/37
 Н 394;
 ГК 12531260

Савромат I (93/94–123/124)

Сестерции

98/99–103/104 гг. н. э.

АЕ. Л.с. ΤΙ ΙΟΥΛΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Курульное кресло с венком на нем, справа скипетр с бюстом императора, слева щит с копьем. **О.с.** Венок, в нем ΜΗ.

15. Φ-10-171 26 4.75 Ср. Фролова 1997/1,
 табл. XLII. 1–9?
 16. Φ-08-245 26 10.14 То же?

103/104–108/109 гг. н. э.

АЕ. Л.с. ΤΙ ΙΟΥΛΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст Савромата I вправо.
О.с. Венок, внутри ΜΗ.

17. Φ-08-250 22 5.02 Ср. Фролова 1997/1,
 табл. XLIV. 6, 16.

Рескупорид V (242/243–276/277)

Статеры

18. Φ-08-249 19 6.44 243/244 г. н. э. Ср. Фролова 1997/2,
 табл. XXXVIII. 15.
 19. Φ-08-189 19 1.76 248/249 г. н. э.? Ср. Абрамзон, Кузнецов
 2017, № 321–335.
 20. Φ-07-86 19 7.44 252/253 г. н. э. **О.с.** Справа точка.
 21. Φ-11-206 21 6.13 264/265 г. н. э. Ср. Абрамзон, Кузнецов
 2017, № 1216?
 22. Φ-08-248 22 7.33 266/267 г. н. э. Ср. Фролова 1997/2, табл.
 LV. 20.

Двойные денарии

АЕ. Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟ. Бюст царя вправо. **О.с.** Богиня восседает на троне влево; справа *.

23.	Ф-08-257	18	4.88	Ок. 251–257 г. н. э.	Ср. Фролова 1997/2, табл. LX. 21.
24.	Ф-10-187	16	4.46	Ок. 263/264 г. н. э.	Там же, табл. LXI. 1.

Тейран (275/276–278/279)

Статеры

25.	Ф-07-89	18	1.86	276/277 г. н. э.	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 2328. Половинка монеты.
26.	Ф-08-244	18	3.36	276/277 г. н. э.	Там же, № 2320.
27.	Ф-09-269	20	4.18	278/279 г. н. э.	Там же, № 2382.

Фофорс (285/286–309/310)

Статеры

28.	Ф-08-198	19	5.80	285/286 г. н. э.	О.с. ФПЄ. Ср. Казаманова, Кропоткин 1961. Рис. II. 4 ²⁴ ; Анохин 1986, № 730; 2011, № 2110; Фролова 1997/2, табл. LXVIII. 1.
29.	Ф-10-173	19	6.18	285/286 г. н. э.	То же.
30.	Ф-07-84	19	7.34	286/287 г. н. э.	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 2417.
31.	Ф-10-184	20	6.41	286/287 г. н. э.	То же.
32.	Ф-08-185	20	2.63	286/287 г. н. э.	Там же, № 2402–2405.
33.	Ф-10-174	20	6.24	289/290 г. н. э.	Ср. https://bosporan-kingdom.com/735-4182/15.html .
34.	Ф-08-262	19	5.51	289/290 г. н. э.	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 2456.
35.	Ф-08-191	19	4.91	290/291 г. н. э.	Там же, № 2472?
36.	Ф-10-181	18	7.10	290/291 г. н. э.	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 2476.
37.	Ф-08-241	19	5.86	291/292 г. н. э.	Там же, № 2483.
38.	Ф-11-215	19	7.83	291/292 г. н. э.	Ср. Фролова 1997/2, табл. LXX. 27.
39.	Ф-09-264	18	5.12	291/292 г. н. э.	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 2490.
40.	Ф-08-269	19	6.07	293/294 г. н. э.	Там же, № 2511.
41.	Ф-08-260	19	6.22	294/295 г. н. э.	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 2535.
42.	Ф-08-243	19	6.62	295/296 г. н. э.	То же. Анохин 2011, № 2115.
43.	Ф-08-258	19	6.69	295/296 г. н. э.	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 2563.

²⁴ Л. Н. Казаманова и В. В. Кропоткин (1961) полагают, что это варварское подражание, Н. А. Фролова (1997/2) и В. А. Анохин (1986) – регулярный чекан с ошибкой резчика.

44.	Ф-10-175	17	6.49	295/296 г. н. э.	Там же, № 2569.
45.	Ф-11-214	20	5.91	295/296 г. н. э.	Там же, № 2598.
46.	Ф-08-265	19	7.50	295/296 г. н. э.	Там же, № 2605.
47.	Ф-08-266	19	6.68	296/297 г. н. э.	Там же, № 2711.
48.	Ф-08-195А	19	5.37	296/297 г. н. э.	Там же, № 2724.
49.	Ф-11-219	19	6.41	296/297 г. н. э.	Там же, № 2641.
50.	Ф-10-182	19	5.83	296/297 г. н. э.	Там же, № 2651?
51.	Ф-10-179	19	4.35	297/298 г. н. э.	Там же, № 2814 или 2882?
52.	Ф-09-266	18	4.68	297/298 г. н. э.	Там же, № 2793.
53.	Ф-10-179	19	4.35	297/298 г. н. э.	Там же, № 2814 или 2882?
54.	Ф-09-266	18	4.68	297/298 г. н. э.	Там же, № 2793.
55.	Ф-10-183	18	6.91	297/298 г. н. э.	Там же, № 2751.
56.	Ф-08-259	19	6.06	297/298 г. н. э.	Там же, № 2817.
57.	Ф-11-210	20	5.80	297/298 г. н. э.	Там же, № 2842.
58.	Ф-08-253	20	5.99	297/298 г. н. э.	Там же, № 2899
59.	Ф-09-268	18	5.54	298/299 г. н. э.	Там же, №2977?
60.	Ф-10-180	19	5.28	298/299 г. н. э.	Там же, № 3021–3022.
61.	Ф-11-218	19	5.61	298/299 г. н. э.	Там же, № 3100.
62.	Ф-08-267	19	6.14	299/300 г. н. э.	Там же, № 3156.
63.	Ф-10-177	18	5.42	299/300 г. н. э.	Там же, № 3185?
64.	Ф-08-256	20	6.94	299/300 г. н. э.	Там же, № 3210.
65.	Ф-11-211	19	4.96	299/300 г. н. э.	Там же, № 3253.
66.	Ф-10-176	19	6.61	299/300 г. н. э.	Там же, № 3281.
67.	Ф-09-267	18	4.47	301/302 г. н. э.	Ср. Анохин 2011, № 2135.
68.	Ф-08-261	18	5.52	301/302 г. н. э.	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 3410.
69.	Ф-10-178	18	6.27	302/303 г. н. э.	Там же, № 3414.
70.	Ф-11-213	20	7.38	302/303 г. н. э.	Там же, № 3488.
71.	Ф-08-254	19	6.83	302/303 г. н. э.	Там же, № 3518.
72.	Ф-08-255	18	7.19	302/303 г. н. э.	Там же, № 3548.
73.	Ф-11-220	18	6.52	302/303 г. н. э.	Там же, № 3599.
74.	Ф-08-264	19	6.63	304/305 г. н. э.	Там же, № 3636–3643.
75.	Ф-11-222	19	6.17	304/305 г. н. э.	То же.
76.	Ф-07-85	19	6.68	304/305 г. н. э.	Л.с. Тот же штампель.
77.	Ф-08-263	20	6.61	304/305 г. н. э.	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 3644.
78.	Ф-08-242	18	5.30	305/306 г. н. э.	Там же, № 3657.
79.	Ф-08-268	19	5.60	305/306 г. н. э.	То же.
80.	Ф-07-87	19	6.43	Дата не ясна	О.с. ...ПФ = 583–588 гг. б.э.
81.	Ф-08-184	19		Дата не ясна	
82.	Ф-08-186	19	2.6	Дата не ясна	Л.с. Справа ☉. После 294/295 г. н. э.
83.	Ф-08-187	18	2.8	Дата не ясна	То же.
84.	Ф-08-192	18	4.7	Дата не ясна	
85.	Ф-08-196	18	5.3	Дата не ясна	Л.с. Справа ☉.
86.	Ф-08-197	18	2.8	Дата не ясна	

87.	Ф-08-199	19	6.0	Дата не ясна	
88.	Ф-08-235	19		Дата не ясна	Л.с. Справа ●●. О.с. Слева ●●. После 294/295 г. н. э.
89.	Ф-08-247	19	4.73	Дата не ясна	О.с. ...qФ.

Радамсад (309/310–318/319)

Статеры

90.	Ф-11-216	18	6.49	310/311 г. н. э.	Ср. Фролова 1997/2, табл. LXXXI. 7.
91.	Ф-08-251	18	6.17	310/311 г. н. э.	Ср. https://bosporan-kingdom.com/756-4571/6.html .
92.	Ф-08-271	19	7.17	316/317 г. н. э.	Ср. Фролова 1997/2, табл. LXXXIII, 12.

Рескупорид VI (318/319–341/342)

Статеры

93.	Ф-08-188	20	5.99	319/320 г. н. э.	Ср. Анохин 1986, № 765а; Фролова 1997/2, табл. LXXXVIII. 12.
94.	Ф-10-185	19	6.70	319/320 г. н. э.	То же.
95.	Ф-08-246	19	5.01	319/320 г. н. э.	Ср. https://bosporan-kingdom.com/765-4472/18.html .
96.	Ф-08-270	19	5.60	319/320 г. н. э.	Ср. Абрамзон и др. 2019, № 412.
97.	Ф-11-207	19	3.24	319/320 г. н. э.	
98.	Ф-11-212	18	3.71	319/320 г. н. э.	Ср. Фролова 1997/2, табл. LXXXVII. 26.
99.	Ф-11-205	20	7.35	319/320 г. н. э.	Там же, табл. LXXXVIII. 2.
100.	Ф-11-217	18	3.50	319/320 г. н. э.	Там же, табл. LXXXVIII. 4.
101.	Ф-11-208	18	6.75	320/321 г. н. э.	Там же, табл. LXXXIX. 29.
102.	Ф-11-221	19	2.40	321/322 г. н. э.	Там же, табл. XC. 16.
103.	Ф-08-181	18		323/324 г. н. э.	Там же, табл. XCIV. 24.
104.	Ф-08-272	18	3.96	323/324 г. н. э.	Ср. Абрамзон и др. 2019, № 561.
105.	Ф-08-183	18		325/326 или 326/327 г. н. э.	О.с. Справа орел или Ника. Дата не видна.
106.	Ф-09-24	19	4.83	330/331 г. н. э.	Ср. Фролова 1997/2, табл. CXI. 24.
107.	Ф-09-263	19		330/331 г. н. э.	Ср. Фролова 1997/2, табл. CXI. 25; Анохин 2011, № 2202; Абрамзон и др. 2019, № 1052.
108.	Ф-11-209	19	3.68	330/331 г. н. э.	То же.

109.	Ф-08-182	20	3.5	Дата не ясна	О.с. ...IX = 318/319–322/323 гг.
110.	Ф-08-193	18	3.00	Дата не ясна	Л.с. Справа трезубец. О.с. Справа орел на сфере. ...КХ. После 323/324 г. н. э. Ср. Анохин 1986, № 770а, 771б, 772а.
111.	Ф-08-194			Дата не ясна	
112.	Ф-08-201		3.3	Дата не ясна	После 323/324 г. н. э.
113.	Ф-08-202		2.0	Дата не ясна	
114.	Ф-08-203			Дата не ясна	
115.	Ф-09-262	19	3.93	Дата не ясна	Л.с. Справа трезубец.

Не атрибутируемые статеры конца 3 – 4 вв. (Тейран – Рескупорид VI)

116.	Ф-07-88	18	5.00	Дата не ясна	Фофорс или Рескупорид VI
117.	Ф-08-228	19		Дата не ясна	Л.с. Справа звезда. Рескупорид VI?
118.	Ф-08-232	19		Дата не ясна	
119.	Ф-08-233	19		Дата не ясна	
120.	Ф-08-234	19		Дата не ясна	
121.	Ф-08-236	19		Дата не ясна	

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ (ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ПЕРИФЕРИЯ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА)

Подражания римским денариям с типом идущего Марса

Ок. 300–350 гг. до н. э.

АЕ. Л.с. Схематичное изображение головы императора вправо; вокруг лучи. О.с. Схематичное изображение Марса с копьем, идущего влево; справа и слева от головы два полумесяца, в поле слева и справа по кружку.

122.	Ф-13-11	18	1.48		Ср. Клецинов 2016, № 455 (этот пара штемпелей). Изд.: Абрамзон, Кузнецов, Остапенко 2019, 405. Рис. 1. 4; Abramzon 2024, 78. Pl. 1. 11.
------	---------	----	------	--	--

АЕ. Л.с. В центре круг из точек и дужек, от него отходят лучи с точками на концах, между лучами точки; справа россыпь точек. О.с. Схематичное изображение Марса с копьем, идущего вправо; вокруг четыре точки, внизу по кругу слева 4 дужки, справа 3 дужки и точка.

123.	Ф-08-273	19	1.83		Ср. Клецинов 2016, № 522 (эта пара штемпелей).
------	----------	----	------	--	--

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Провинциальные монеты

ВИЗАНТИЙ

Каракалла (198–217)

209–217 гг.

АЕ. *Л.с.* ΑΝΤΩΝΙΝΟΣ ΑΥΓΟΥΣΤΟΣ. Бюст Каракаллы в лавровом венке, плаще, вправо. *О.с.* ΒΥΖΑΝ/ΤΙΩΝ. Гигиеня стоит вправо и кормит змею, которую держит в левой руке.

124. Φ-08-252 22 4.55

Cf. Schönert-Geiss 1972, 86, Nr. 1589. Taf. 87.

ЭГИ (КИЛИКИЯ)

Траян Деций (249–251)

249/250 г. н. э.

АЕ. *Л.с.* ΕΡ ΚΥΠΡΕ ΕΤΡΟΥΣΚΙΛΛΑ ΣΕΒΑ. Драпированный бюст Этрускиллы вправо; за плечами полумесяц; на голове диадема. *О.с.* ΑΙΓΣΑΙΩΝ ΝΕΩΚΟΡΟΝ ΘΕΟΦΙΛΟΥΣ. Бюст городской богини в покрывале и башенной короне вправо.

125. Φ-13-60 23 4.99

О.с. В поле S-QC = 296 г. цезар. э. *Cf.* BMC 21, 26, no. 38; RPC IX 1454.

Римские императорские

Константин I Великий (306–337)

ГЕРАКЛЕЯ

313–314 гг. н. э.

АЕ. *Л.с.* IMP C FL VAL CONSTANTINVS PF AVG. Бюст Константина I в панцире, вправо; на голове лавровый венок. *О.с.* IOVI CONS – ERVATORI AVGG. Юпитер, обнаженный, в плаще, накинутом поверх левого плеча, стоит влево, опираясь на скипетр; в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве. Слева в поле **Є**. Под обрезом SMHT.

126. Φ-07-8259 22

Cf. RIC 7, 542, no. 5. Изд.: Абрамзон 2013, 83, рис. 5. 137.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ ДВОР

326 г. н. э.

АЕ. *Л.с.* CONSTAN–TINVS AVG. Голова Константина I в лавровом венке вправо. *О.с.* PROVIDEN–TIAE AVGG. Ворота лагеря с двумя башенками, без дверей; сверху звезда.

127. Ф-10-169

Для типа: cf. *RIC* 7, 330, по. 287. Изд.: Абрамзон 2013, № 136.

Крисп (317–326)

СИСЦИЯ

319 г. н. э.

АЕ. *Л.с.* IVL CRIS–PVS NOV C. Бюст Криспа в плаще и панцире вправо; на голове лавровый венок. *О.с.* VICT LAETAE PRINC PERP. Две Виктории стоят лицом друг к другу и держат щит с надписью VOT/PR, стоящий на алтаре. Под обрезом *ASIS*.

128. Ф-11-147

Cf. *RIC* 7, 435, no. 87.
Изд.: Абрамзон 2013, 83, рис. 5. 138.

Констанций II (337–361)

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

15 марта 351 – 6 ноября 355 г. н. э.

АЕ. *Л.с.* DN CONSTANTIVS P F AVG. Бюст Констанция II в плаще и панцире вправо; на голове жемчужная диадема. *О.с.* FEL TEMP RE–PARATIO. Воин в шлеме, влево, держит щит в левой руке и поражает копьем упавшего всадника, чей щит лежит на земле справа. Всадник, бородатый и без головного убора, обернулся лицом к воину и поднимает левую руку. Под обрезом CONSA.

129. Ф-11-57 17 2.25

Cf. *RIC* 8, 458, no. 118.
Изд.: Абрамзон 2013, 83, рис. 5. 139.

130. Ф-11-178 17

Изд.: Абрамзон 2013, 83, рис. 5. 140.

131. Ф-11-179 17 1.69

Лев I Макелла (457–474)

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

457–474 гг. н. э.

АЕ II

АЕ. Л.с. DN LEO PE-RPET AVG. Бюст Льва в плаще и панцире вправо; на голове жемчужная диадема. О.с. SALVS R-PVRLICA. Император со штандартом и шаром в руках стоит влево, левой ногой попирая пленника. Под обрезом CON.

132. Ф-09-251 21 Cf. *RIC* 10, 291, no. 658.
Изд.: Abramzon 2011, 253,
Taf. 1. 3; Абрамзон 2013,
83, рис. 5. 154.

Не определяемые римские монеты 4–5 вв.

АЕ. Л.с. Голова императора вправо. О.с. Не ясно.

133. Ф-11-192

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г. 2013. Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории // В. Д. Кузнецов (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 1 (Фанагория 1). Москва, 61–107.
- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. 2017а. Клад позднебоспорских статов из Фанагории (Фанагория 5). Москва.
- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д., Остапенко С. Н. 2019. Северокавказские подражания римским денариям из раскопок Фанагории 2010–2018 гг. // МАИЭТ XXIV, 402–406.
- Абрамзон М. Г., Новичихин А. М., Сапрыкина И. А., Смекалова Т. Н. 2019. Третий Гай-Кодзорский клад позднебоспорских статов. Москва.
- Абрамзон М. Г., Остапенко С. Н. 2022. Клад из слоя пожара VI в. в Фанагории // РА 1, 97–108.
- Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- Анохин В. А. 2011. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев.
- Голофаст Л. А. 2021а. Амфоры VI в. с изображением меноры из Фанагории // РА 4, 53–64.
- Голофаст Л. А. 2021б. Фанагория 4–7 вв. по сведениям письменных источников и данным археологии // *Hesperis* 3, 42–57.
- Голофаст Л. А., Ольховский С. В. 2016. Комплекс керамики из подводного фундамента в акватории Фанагории А. А. Завойкин (ред.), Фанагория. Результаты археологических исследований 2 (Фанагория 4). Москва, 46–82.
- Голофаст Л. А., Ольховский С. В. 2019. Комплекс стекла из подводного фундамента в акватории Фанагории // *Hesperis* 1, 43–72.
- Казаманова Л. Н., Кропоткин В. В. 1961. «Варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса // ВДИ 1, 128–136.
- Клецинов В. Н. 2016. Римско-сарматский денарий конца II – середины IV в. н. э. Москва.
- Кузнецов В. Д. 2007. Новые надписи из Фанагории // ВДИ 1, 227–243.
- Фролова Н. А. 1997. Монетное дело Боспора (середина I в до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. I–II. Москва.
- Шелов Д. Б. 1962. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. // НЭ 3, 56–129.
- Abramzon M. 2011. The Roman and Early Byzantine Coins from the 1988, 2005–2010 excavations at Phanagoria // N. Povalachev, V. Kuznetsov (Hrsg.), *Phanagoria, Kimmerischer Bosphoros, Pontos Euxeinos (Altertümer Phanagoreias 1)*. Göttingen, 251–274.
- Abramzon M. 2024. Barbarian Imitations of Bosporan Staters and Roman Denarii from Phanagoria // *Tractus Aevorum* 11 (1), 68–83.
- Gitler H., Kahanov Y. 2002. The Ascalon 1988 Hoard (*CH* 9, 548). A Periplus to Ascalon in the Late Hellenistic Period? // *Coin Hoards. IX. Greek Hoards (RNSSP 35)*. London, 259–268.
- Schönert-Geiss E. 1972. Die Münzprägung von Byzantion. Teil II. Kaiserzeit. Berlin.

А. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова

О ПОЛНОМ РЕМЕННОМ СНАРЯЖЕНИИ ВОИНОВ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ФАНАГОРИИ¹

Аннотация. Консолидация материалов из захоронений носителей воинской субкультуры, похороненных без оружия, может существенно расширить источниковую базу военной археологии эпохи великого переселения народов. Маркером принадлежности к воинскому сословию в боспорских некрополях является костюм, в частности – ременное снаряжение, амуниция мужчин и мальчиков, захороненных в позднеантичных гробницах Боспора. Обязательным атрибутом портупей, поясов, иногда обуви и других элементов обмундирования эпохи переселения народов является металлическая фурнитура: пряжки, реже – наконечники ремней и их распределители. Самые информативные контексты содержат максимально полный набор этой фурнитуры.

Целью публикации является обзор и интерпретация редких наиболее полных наборов ременной гарнитуры, происходящих из Фанагории. Ременное снаряжение воинов позднеантичной Фанагории из склепов 34/2005 и 315/2019, в которых были обнаружены останки знатных воинов и их потомков, позволяют сделать предварительные выводы о вариативности портупей боспорских всадников этого времени. Изученные археологические контексты свидетельствуют об использовании воинами нескольких разновидностей портупей. Первый вид портупей имел поясной ремень и два плечевых ремня, перекрещенных на груди воина. Второй вид портупей представлял собой ремень-перевязь на правом плече, спускавшийся к левому бедру. Сопоставление археологических реконструкций портупей с древними изображениями воинов позволило предположить, что первый тип соответствует «иранской» портупее, когда меч крепится ремнями на поясе воина. Второй тип интерпретируется как «римская» портупея, когда меч носится на портупейном ремне через плечо. Установленный факт крепления восточного клинкового оружия боспорского воина в соответствии с римским каноном является яркой иллюстрацией глубокого проникновения традиций Восточной Римской империи и сасанидского Ирана в воинскую аристократическую культуру Боспора Киммерийского в эпоху Великого переселения народов.

Ключевые слова. Северное Причерноморье, Боспор, Фанагория, Римская империя, Иран, эпоха Великого переселения народов, гуннское время, некрополь, склеп, воины, элита, всадники, оружие, снаряжение, портупея, ременная фурнитура, пряжки.

A. N. Voroshilov, O. M. Voroshilova

ON THE FULL BELT EQUIPMENT OF WARRIORS IN LATE ANTIQUE PHANAGORIA

Abstract. The consolidation of burial materials from members of the warrior subculture buried without any weapons can significantly broaden the source base for the military archaeology of the Great Migration period. For Bosporan necropoli, one can associate the buried with the warrior class by their attire, specifically by belt gear and ammunition belonging to men and boys buried in Bosporan tombs of the late antiquity. Metal fittings, such as buckles, and, less commonly, belt tips and belt distributors, are the essential elements of harnesses, belts, occasionally, footwear, as well as other components of equipment dating to the Great Migration period. The most informative contexts possess the most complete sets of said fittings.

The following publication aims to review and interpret rare, particularly complete sets of belt gears from Phanagoria. The belt equipment of late-antique Phanagorian warriors, found in crypts 34/2005 and 315/2019, where the remains of noble warriors and their descendants were discovered, allows for preliminary conclusions about the variability of Bosporan cavalry harnesses of this period. The archaeological contexts studied indicate that warriors used several types of harnesses.

The first type featured a waist belt and two shoulder straps crossed over the warrior's chest. The second type consisted of a strap worn across the right shoulder, descending to the left hip.

¹ Исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 12201 1200269-4).

Comparing archaeological reconstructions of these harnesses with ancient depictions of warriors suggests that the first type corresponds to the “Iranian” harness, where the sword is secured at the level of the warrior’s waist. The second type is interpreted as the “Roman” harness, where the sword is worn on a strap across the shoulder.

The already established practice of the Bosporan warriors “wearing” the Eastern bladed weapons in accordance with the Roman tradition illustrates the deep influence of the Eastern Roman Empire and Sasanian Iran on the warrior aristocratic culture of the Cimmerian Bosphoros during the Great Migration period.

Keywords. Northern Black Sea region, Bosphoros, Phanagoria, Roman Empire, Iran, Great Migration period, Hunnic era, necropolis, crypt, warriors, elite, cavalry, weaponry, equipment, harness, belt fittings, buckles.

Военное дело Боспорского царства всегда находилось в эпицентре научного интереса историков и, конечно, археологов. На современном этапе изучения основным источником новой информации о древних воинах и их культуре остается археология. Следует отметить, что непосредственно оружие довольно редко встречается в боспорских погребальных комплексах. В полной мере это наблюдение актуально и для некрополей позднеантичного времени. Упомянутое обстоятельство минимизирует круг комплексов для изучения воинской культуры жителей боспорских городов и поселений. Между тем, в позднеантичное время воинские традиции глубоко проникают в костюм боспорской знати², формируя представительный корпус археологических маркеров воинской субкультуры актуальных и без обязательного присутствия в археологическом комплексе предметов вооружения и/или снаряжения боевого коня. Консолидация материалов из захоронений носителей воинской субкультуры, похороненных без оружия, может существенно расширить источниковую базу военной археологии эпохи Великого переселения народов. Одним из упомянутых маркеров принадлежности к воинскому сословию в боспорских некрополях является костюм, в частности, ременное снаряжение, амуниция мужчин и мальчиков, захороненных в позднеантичных гробницах Боспора. Обязательным атрибутом портупей, поясов, иногда обуви и других элементов обмундирования эпохи переселения народов является металлическая фурнитура: пряжки, реже – наконечники ремней и их распределители. Самые информативные контексты те, где встречен максимально полный набор этой фурнитуры. Целью данной публикации является обзор и предварительная интерпретация этих редких наиболее полных наборов ременной гарнитуры, происходящих из некрополя Фанагории.

Важной для изучения позднеантичного ременного снаряжения фанагорийцев стала находка воинского погребения 34 (рис. 1) в 2005 г. при масштабных раскопках на Восточном некрополе древнего города.³ В ходе этих работ был открыт участок позднеантичного кладбища с 26 погребениями.⁴ Несколько захоронений были совершены в 4 в., однако большинство этих комплексов датируются временем D₁–D₂ средневропейской системы хронологии, то есть концом 4 – серединой 5 в. На это, прежде всего, указывают остатки поясной гарнитуры.⁵ Следует отметить, что элементы ременной фурнитуры, в первую очередь пряжки, являются одним из главных датирующих материалов в комплексах этой эпохи.

Итак, интересующий нас набор металлических элементов ременного снаряжения был найден на останках воина из грунтового склепа (рис. 1, 2). Гробница оказалась не грабленной и весь археологический контекст сохранился *in situ*. Погребальное сооружение представляло собой типичную для этого времени конструкцию. Дромос в виде прямоугольной шахты, ориентированной

² Ворошилов, Ворошилова 2023, 301.

³ Медведев 2009, 180–185.

⁴ Медведев 2013, 330–402.

⁵ Там же, 397.

Рис. 1. Склеп 34/2005: 1 – вид с северо-запада; 2 – фото камеры со стороны дромоса; 3 – погребение воина в камере склепа (по: Медведев 2009)

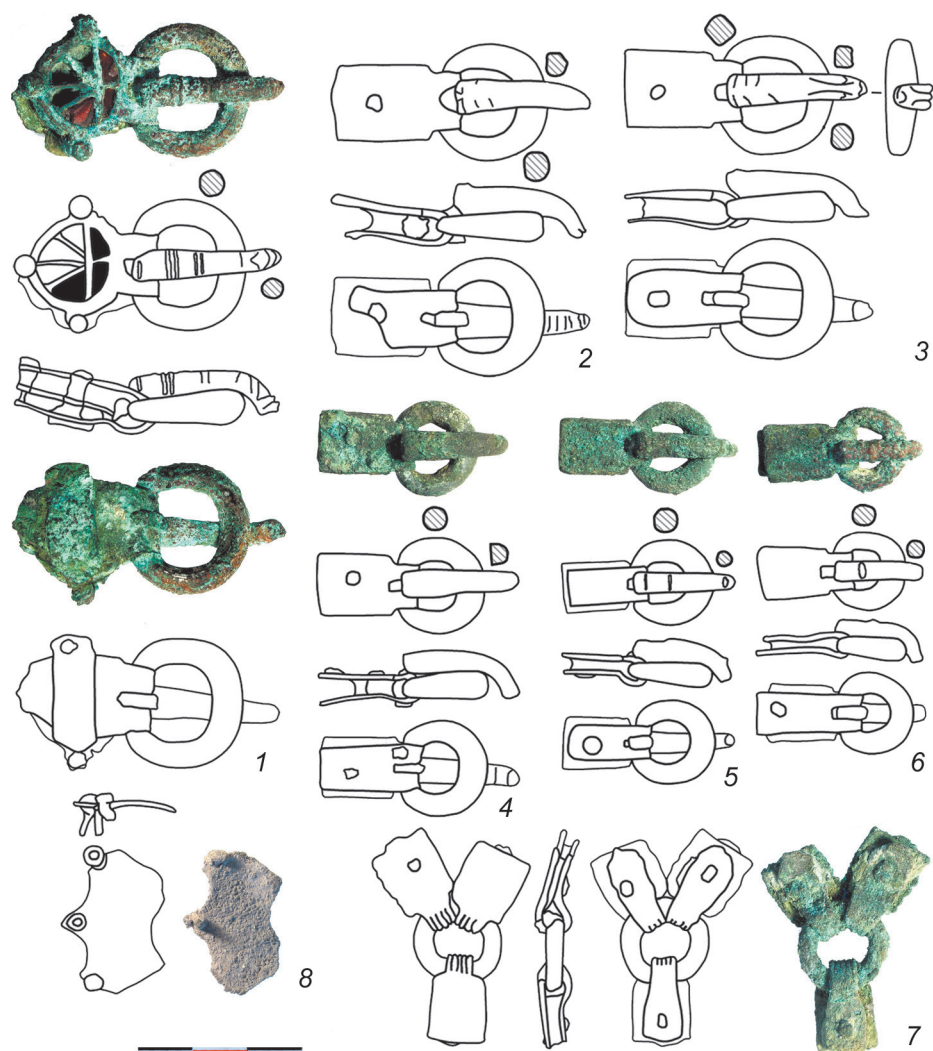
по линии ЮЮВ – ССЗ, с ровным горизонтальным полом и вертикальными стенами вел в камеру склепа. Вход в нее располагался в южной торцевой стене дромоса и был заложен кладкой из сырцового кирпича плохого качества. Камера находилась на одной оси с дромосом. В ее центре на полу и было обнаружено единственное в склепе захоронение. Скелет мужчины 40–49 лет⁶ обнаружен лежащим на спине, вытянуто, головой на север ко входу в камеру (рис. 2). Справа от черепа обнаружен разнообразный погребальный инвентарь: железный наконечник копья, стеклянный кубок, небольшая краснолаковая миска и остатки напутственной пищи в виде куса грудины барана. В области живота найдены три бронзовые портупейные пряжки, железный нож, серебряная накладка и бронзовая заклепка. Чуть ниже на поясе обнаружена еще одна пряжка, украшенная вставками. На стопах обнаружено по одной обувной бронзовой пряжке. На левой ноге рядом с пряжкой находилось бронзовое кольцо-распределитель с тленом от кожаных ремней. Инвентарь погребения довольно подробно рассмотрен автором раскопок при публикации комплекса⁷, что позволяет нам не останавливаться

⁶ Все антропологические определения, фигурирующих в данной публикации, сделаны заведующей лабораторией контекстуальной антропологии ИА РАН д. и. н. М. В. Добровольской.

⁷ Медведев 2009, 181–182.

Рис. 2. Склеп 34/2005: 1 – чертёж погребения; 2 – фото погребения; 3 – верхняя часть скелета с находками; 4 – португейский гарнитур *in situ*; 5 – обувной гарнитур *in situ* (по: Медведев 2009)

Рис. 3. Склеп 34/2005. Детали ремЕННОГО гарнитура: 1 – поясная пряжка; 2, 3 – портупейные парные пряжки; 4 – портупейная малая пряжка; 5, 6 – обувные пряжки; 7 – распределитель ремней; 8 – накладка (по: Медведев 2009)

на его интерпретации, а сосредоточится на изучении контекста находок, интересующего нас в первую очередь ремЕННОГО снаряжения.

На останках всадника-копейщика было обнаружено максимальное для одного набора из Фанагории количество металлических элементов ремЕННОГО снаряжения. Детально рассмотрим все предметы и контекст, в котором они располагались.

Прежде чем переходить к описанию предметов отметим, что сохранность органических материалов в комплексе была очень плохой, в частности человеческий скелет сохранился по большому счету в виде пятна костного тлена, фрагментарно уцелели лишь трубчатые кости ног. Поэтому никаких остатков самих кожаных ремней не сохранилось. Не уцелели (как это иногда случается в фанагорийских комплексах) и отпечатки их в грунте (глине), так как пол погребальной камеры находился в супесчаном слое, который поглощает большинство отпечатков органики. Таким образом, организацию ремней снаряжения на теле воина возможно реконструировать исключительно на основе анализа положения и ориентации металлических компонентов набора.

Перед тем как приступить к анализу материала, оговорим его состав. К металлическим предметам ремЕННОЙ фурнитуры, происходящим из комплекса, безусловно принадлежат все пряжки и распределитель ремней (рис. 3). Кроме этого

одна позиция погребального инвентаря, интерпретированная А. П. Медведевым предположительно как украшение верхней части рукояти ножа или его ножен⁸, на наш взгляд, вполне может являться деталью ременного снаряжения. Речь идет о серебряной накладке с тремя заклепками (рис. 3. 8). Не отвергая полностью интерпретацию исследователя, которая имеет право на существование, со своей стороны обратим внимание на близость абриса этого предмета и положения заклепок на нем форме щитка самой крупной и богато украшенной поясной пряжки. Рискнем предположить, что эта пластина могла быть частью портупеи, усиливавшей, например, место крепления плечевых ремней к поясному на спине воина. В данном случае единая с пряжкой стилистика косвенно свидетельствует в пользу высказанного предположения. Нахождение этого предмета рядом с небольшим железным ножом никак не противоречит высказанной гипотезе. Между тем, принимая во внимание зыбкость всех возможных интерпретаций предмета не самой лучшей сохранности, оставим его в стороне от основных реконструкций и сосредоточимся на однозначном контексте.

Итак, весь комплекс ременной фурнитуры локализуется на теле воина в двух основных зонах:

- туловище (4 предмета: 1 + 1 + 2 пряжки) (рис. 2. 1–4);
- стопы (рис. 2. 1, 2, 5): левая (2 предмета: пряжка, распределитель), правая (1 предмет – пряжка).

Сложным и в тоже время наиболее информативным является контекст, оставшийся от ремней на туловище воина.

Самая яркая находка комплекса – наиболее крупная пряжка, выполненная в стиле клуазоне с гранатовыми вставками (рис. 3. 1), обнаружена лежащей лицевой стороной вверх строго по центру фигуры на уровне пояса. Ее ориентация строго горизонтально поперек тела язычком влево не оставляет сомнений что этот элемент являлся частью самого крупного из ремней – поясного. Судя по размерам пряжки, он был самым широким, а пряжка крепилась к его правому окончанию.

На уровне 20–25 см выше поясного ремня, на груди воина найдены две парные пряжки (рис. 3. 2, 3), симметрично расположенные лицевой стороной вверх. Левая пряжка при этом ориентирована язычком к правому плечу, а правая – к левому. С высокой долей вероятности эти застёжки являлись частью плечевых ремней портупеи, перекрещивавшихся на груди воина. Размер пряжек говорил о том, что эти ремни были ощутимо уже поясного.

Последний элемент портупеи – самая маленькая пряжка (рис. 3. 4), которая была найдена чуть ниже парных у правого предплечья. Ее ориентация строго вверх к правому плечу позволяет говорить еще об одном, самом узком ремне портупеи, проходившем вдоль правого бока воина от плеча до пояса или ниже. Не исключено, что этот ремень предназначался для крепления ножен клинкового оружия (меча?). К этому вопросу мы вернемся ниже.

Кратко остановимся на ремнях обуви (рис. 2. 1, 2, 5). От них на левой стопе сохранилась пряжка и металлический распределитель на три ремня (рис. 3. 6, 7). Положение этих элементов следующее. Пряжка найдена лежащей лицевой стороной вниз. Принимая во внимание, что левая стопа воина была повернута вправо и лежала на полу своей правой стороной, предположим, что пряжка располагалась на обуви справа язычком вперед. Распределитель найден на левой, внешней стороне стопы, крепившийся к нему задний ремень, судя по всему, охватывал пятку и крепился с внутренней стороны стопы к пряжке. Нижний из двух

⁸ Медведев 2009, 181.

Рис. 4. Склеп 315/2019. Погребальные камеры: 1 – северная; 2 – южная

передних ремней проходил под стопой, а верхний – над стопой. Объединялись они, вероятно, с внутренней стороны стопы в один ремень, к окончанию которого и пристёгивалась металлическая фурнитура. На правой ноге обувь крепилась одной пряжкой (рис. 3. 5), которая при разложении обуви и тела сползла на пол склепа и лежала с внешней стороны развернутой вправо стопы.

Обращает на себя внимание интересная особенность металлического распределителя: все три петли ремennых обойм, охватывающие металлическое кольцо в центре устройства, на перегибе имитируют складки кожаного ремня.

Характерная «волнистость» внешней поверхности обойм выполнена довольно реалистично и не выглядит случайной. Принимая во внимание отсутствие на правой ноге металлического распределителя, позволим себе предположить, что на этой ноге устройство ремней было выполнено по аналогичной схеме посредством исключительно ременной конструкции. Не исключено, что имитация кожаной петли на металлической фурнитуре свидетельствует о большей распространённости именно кожаной конструкции. Следовательно, возможна экстраполяция реконструкции монтажа обувных ремней на археологические контексты с металлическими пряжками обуви без металлических распределителей.

Заканчивая характеристику набора ременной фурнитуры из погребения 34/2005 отметим, что все его элементы выполнены в единой стилистике. Все пряжки имеют прямоугольный щиток, округлую рамку и массивный язычок ее охватывающий. В центре щитка обоймы находится заклепка. Эта конструкция в полной мере соответствует и устройству обойм ремней распределителя. Особняком, конечно, стоит поясная пряжка, щиток которой выполнен в стиле клуазоне. Однако и она формой рамки, язычка, своими пропорциями и размером в полной мере соответствует стилистике остальных вещей. Отдельно стоит оговорить зооморфное оформление окончания язычка. Этот признак достоверно выявлен у трех самых крупных пряжках гарнитура – поясной и портупейных парных. При публикации в качестве материала из которого изготовлены все элементы ременного гарнитура указана бронза⁹, хотя реставрация предметов не проводилась. Основанием такой интерпретации материала, вероятно, послужил зеленый цвет окислов на поверхности предметов. Между тем, наш опыт раскопок фанагорийского некрополя свидетельствует в пользу того, что ременные элементы подобной сохранности и цвета в подавляющем большинстве случаев после реставрации «становятся» серебряными и имеют привлекательный внешний вид белого металла.

Резюмируя наши наблюдения, можно определенно сказать, что все металлические элементы ременного снаряжения из воинского погребения 34/2005 являются частями единого серебряного набора воинского ременного снаряжения. Их положение свидетельствует о наличии у воина портупей с поясным ремнем и двумя верхними (плечевыми) ремнями, перекрещенными на груди. Помимо этого, вдоль правого бока воина проходил еще один ремень, который мог использоваться для подвешивания клинкового оружия – меча.

Еще одним знаковым открытием для изучения амуниции позднеантичных воинов на Боспоре, сочетавшим в себе максимальное количество металлических элементов ременного снаряжения, полноту гарнитура, информацию о локации вещей в комплексе и максимально возможную сохранность контекста стал двухкамерный грунтовый склеп (погребение 315/2019), открытый в Фанагории летом 2019 г. Он представлял собой грандиозное грунтовое сооружение с дромосом в виде глубокого прямоугольного колодца и двух погребальных камер, вырубленных к югу и северу от него. В каждой из них было обнаружено по 7 гробов. Бросается в глаза большое количество детских захоронений. Так, в северной камере склепа из семи гробов пять были детскими, несколько меньше детей было обнаружено в южной камере – три захоронения.

Для нашего исследования важно, что в одном погребальном комплексе склепа обнаружены нетронутыми единовременные захоронения двух воинов и троих детей с полными наборами портупейной фурнитуры.¹⁰ Это позволяет полноценно сопоставить комплексы элементов костюма и воинской амуниции из погребений с оружием и без него.

⁹ Медведев 2009, 182.

¹⁰ Хранятся в Государственном музее-заповеднике «Фанагория»: ФМ-КП-88/29-45 АН206-222.

Кратко разберем интересующие нас захоронения в склепе. Все они совершены в однотипных деревянных гробах, занесенных в склеп если не одновременно, то за непродолжительный период. Погребенные в обеих камерах ориентированы головами в сторону входа в камеру. В северной камере обнаружено захоронение знатного воина, обладателя дорогого всаднического меча с рукоятью, украшенной золотом (Ворошилов, Ворошилова 2019; Казанский 2022, 181) и трех детей. Из южной камеры происходит захоронение воина с копьем.

Северная камера. Гроб 2 (рис. 5–7). Погребение воина-мечника.

В гробу обнаружен скелет взрослого мужчины возрастом около 50 лет с сильно развитой мускулатурой плеча. Реконструируемый рост по расстоянию от крайней точки черепа до крайней точки пяточных костей составлял 164 см. Мужчина лежал вытянуто на спине головой на юг, руки погребенного вытянуты вдоль тела. Ноги параллельны, стопы упираются в углы гроба пальцами.

На правой тазовой кости обнаружена имитация римской монеты из золотой фольги без изображения. Скорее всего этот золотой кружок был использован в качестве «обола Харона». Он мог быть спрятан в одежде, заткнут за пояс или положен в кошелек на поясе.¹¹ Подобная практика известна в позднеантичных комплексах столичной элиты Азиатского Боспора.¹²

У шейки левой бедренной кости обнаружен крупная серебряная поясная пряжка с прямоугольным щитком (рис. 5. 1–4). Основание фасетированного язычка декорировано рельефным выступом-площадкой с насечками в виде креста, окончание язычка опускается ниже середины толщины рамки (рис. 6. 1). Рамка пряжки имеет утолщение в передней части.

Между бедренными костями скелета, ближе к левой ноге обнаружена менее массивная пряжка (рис. 5. 1–4) без щитка. Расположение говорит о том, что она могла быть портупейной и, не исключено, служить для крепления ножен меча. В пользу этой гипотезы свидетельствует сильная сработанность внутренней части рамки и язычка (рис. 6. 2) в отличие от других пряжек ременного гарнитура из этого гроба. Особенности износа этого элемента портупейи говорит о постоянных нагрузках на него, что в свою очередь свойственно ремням для подвеса клинкового оружия. Подтверждает этот тезис и находка тяжелого длинного меча в тайнике камеры склепа, безусловно принадлежавшего этому воину.

Два идентичных комплекта серебряной обувной фурнитуры обнаружены у костей стоп мужчины (рис. 5. 1–3, 5–7). Каждый из комплектов состоял из пряжки с овальным щитком (рис. 6. 3, 4), наконечника ремня (рис. 7. 1, 2) и двух лунниц (рис. 7. 3–7). Пряжки и наконечники ремней сохранились хорошо. Четыре серебряные пластинчатые лунницы имеют различную сохранность, от вполне целых предметов до тлена (рис. 6. 1–3; 7. 3–7). Крепились они при помощи трех заклепок, внутренние шляпки имели полусферическую форму, а внешние были дополнительно декорированы выпуклыми шляпками, от которых сохранились лишь отпечатки. Следует отметить, что под окислами лунницы сохранившейся в виде отпечатка прослежена (рис. 7. 6) структура ткани и темный органический тлен (кожа сапога?). Между правой и левой стопой, ближе к костям левой ноги, был найден железный предмет конусовидной формы, заостренный с одной стороны. Сохранность железа очень плохая. Не исключено, что этот предмет мог быть шипом шпоры на левой ноге.

Южная камера. Гроб 3 (рис. 8, 9). Погребение всадника-копейщика.

В гробу обнаружен скелет взрослого мужчины возрастом около 30 лет. Реконструируемый рост по расстоянию от крайней точки черепа до крайней точки пяточных

¹¹ Абрамзон и др. 2020, 34–35, рис. 1. 5.

¹² Абрамзон и др. 2016, 10–11; Ворошилов, Ворошилова 2018, 134.

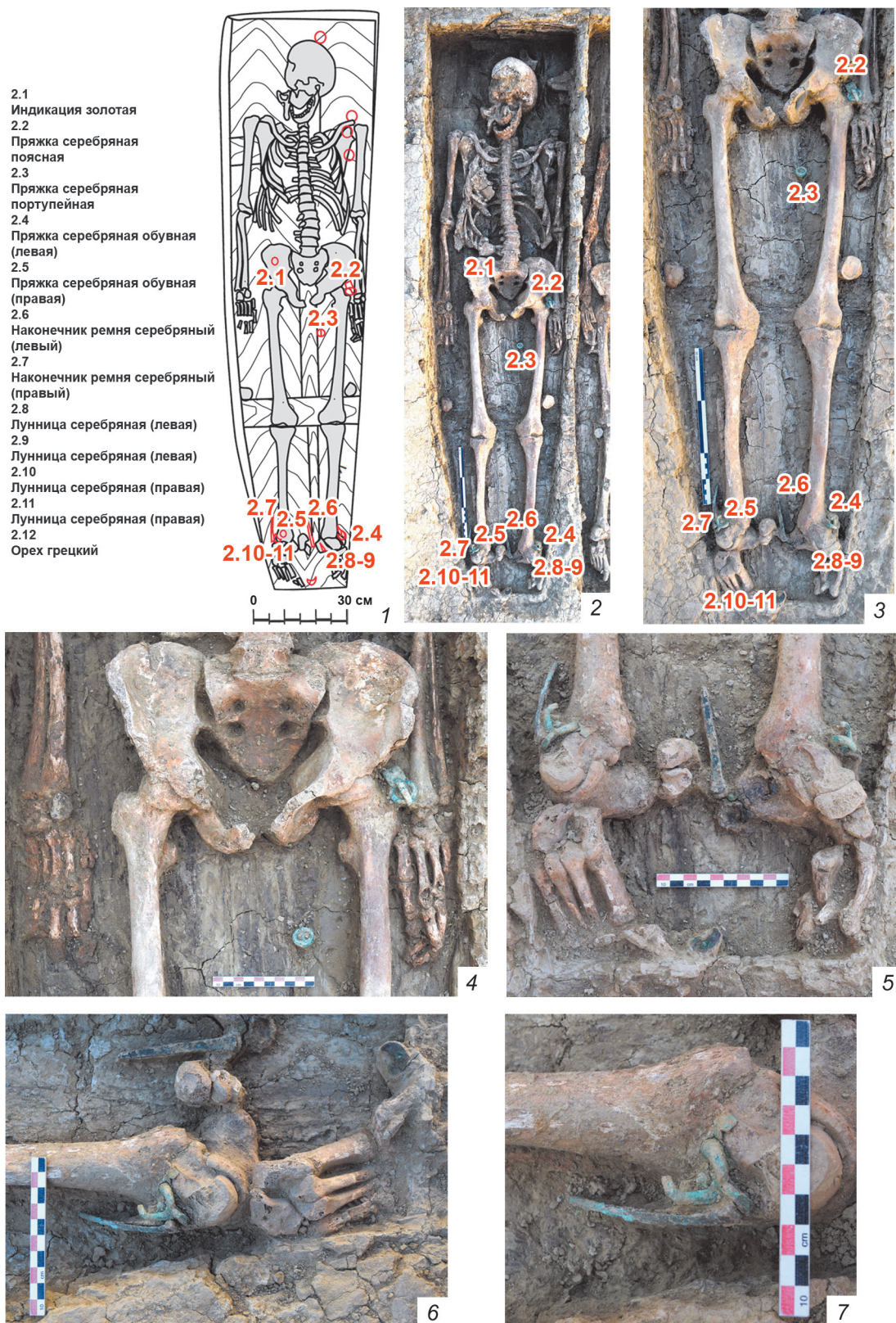
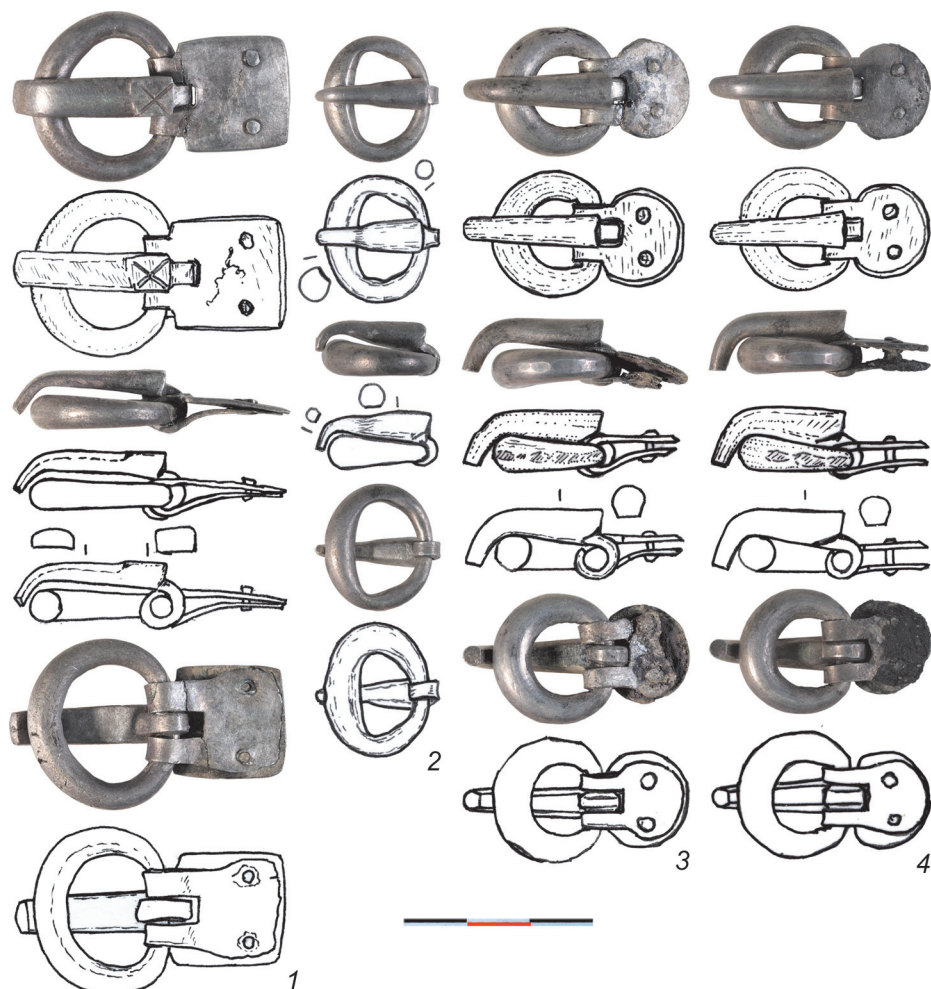

Рис. 5. Склеп 315/2019. Северная камера. Гроб 2: 1 – чертеж; 2 – фото содержимого гроба; 3 – нижняя часть скелета с находками; 4 – портупейный гарнитур *in situ*; 5 – обувной гарнитур *in situ*; 6, 7 – элементы обувного гарнитура у правой ступни

Рис. 6. Склеп 315/2019. Северная камера. Гроб 2: Пряжки: 1 – поясная; 2 – портупейная; 3, 4 – обувные

костей составлял 156 см. Мужчина лежал вытянуто на спине головой на север, руки погребенного вытянуты вдоль тела и прижаты к стенкам гроба, кисть левой руки запястьем находится под тазовой костью, пальцами частично на бедренной кости. Ноги параллельно вытянуты, стопы завалены влево. На лицевой части черепа, поверх зубов сомкнутых челюстей обнаружена золотая имитация монеты, которая была вложена умершему под нижнюю губу над подбородком.¹³ У правой стопы обнаружен небольшой лепной горшок с растробовидным горлом. На крышке гроба у её восточной кромки над локтевым суставом левой руки лежало оружие воина – копье, от которого сохранился железный наконечник копья в деревянном футляре.

Снаряжение всадника включало ременной гарнитур, оформленный в едином стиле и состоявший из четырех серебряных однотипных пряжек без щитка, отличавшихся размерами. Гарнитур состоял из двух наборов – портупейного и обувного.

На костях крестца симметрично располагались две пряжки. С левой стороны самая крупная – поясная, справа – менее крупная, портупейная.

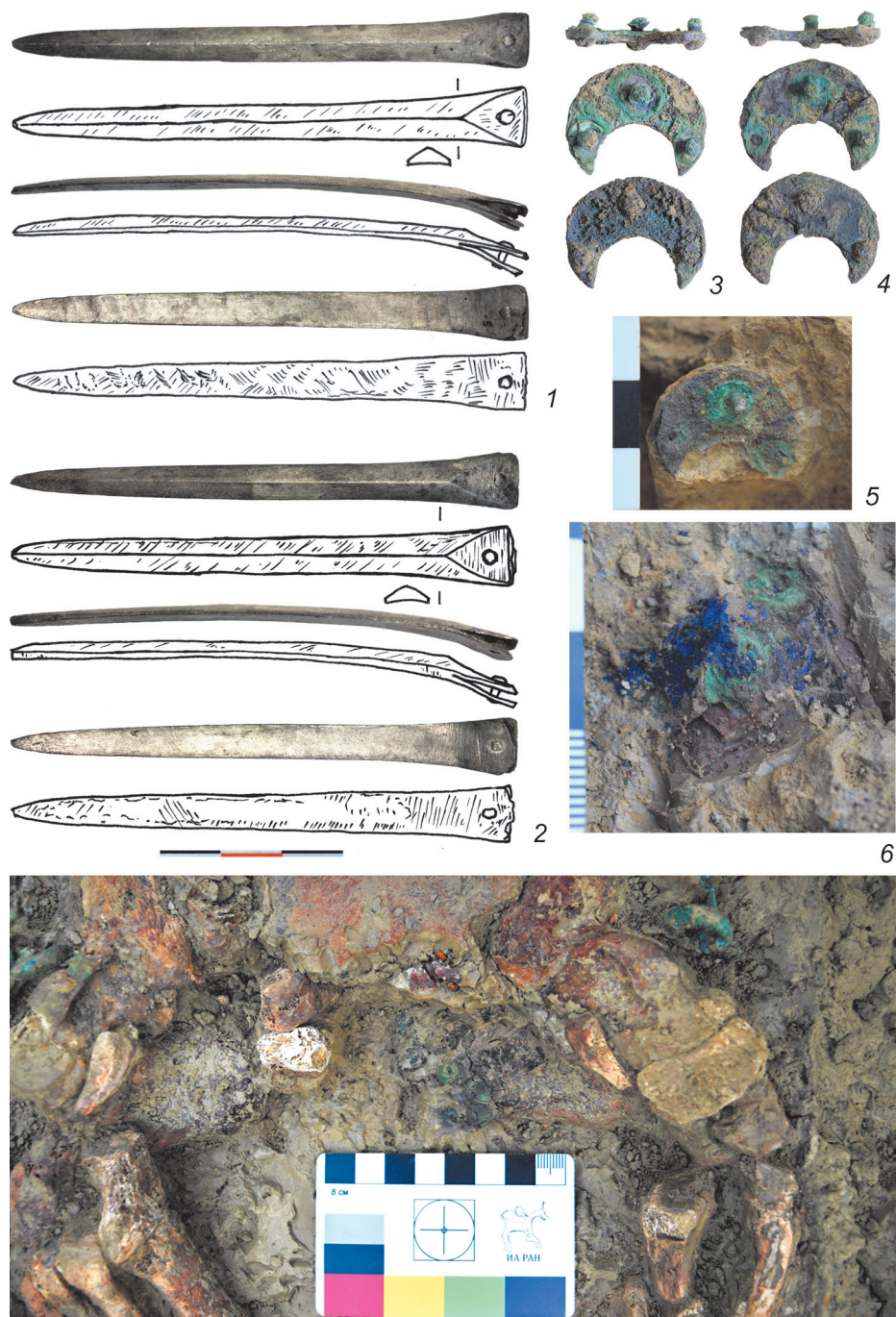
Две одинаковые и самые мелкие пряжки были обнаружены у голени мужчины.

Северная камера. Гроб 4 (рис. 10). Погребение мальчика 5–6 лет с портупейным ременным гарнитуром.

В гробе обнаружен скелет ребенка мужского пола возрастом 5–6 лет. Реконструируемый рост по расстоянию от крайней точки черепа до крайней точки

¹³ Абрамзон и др. 2020, 29, 34.

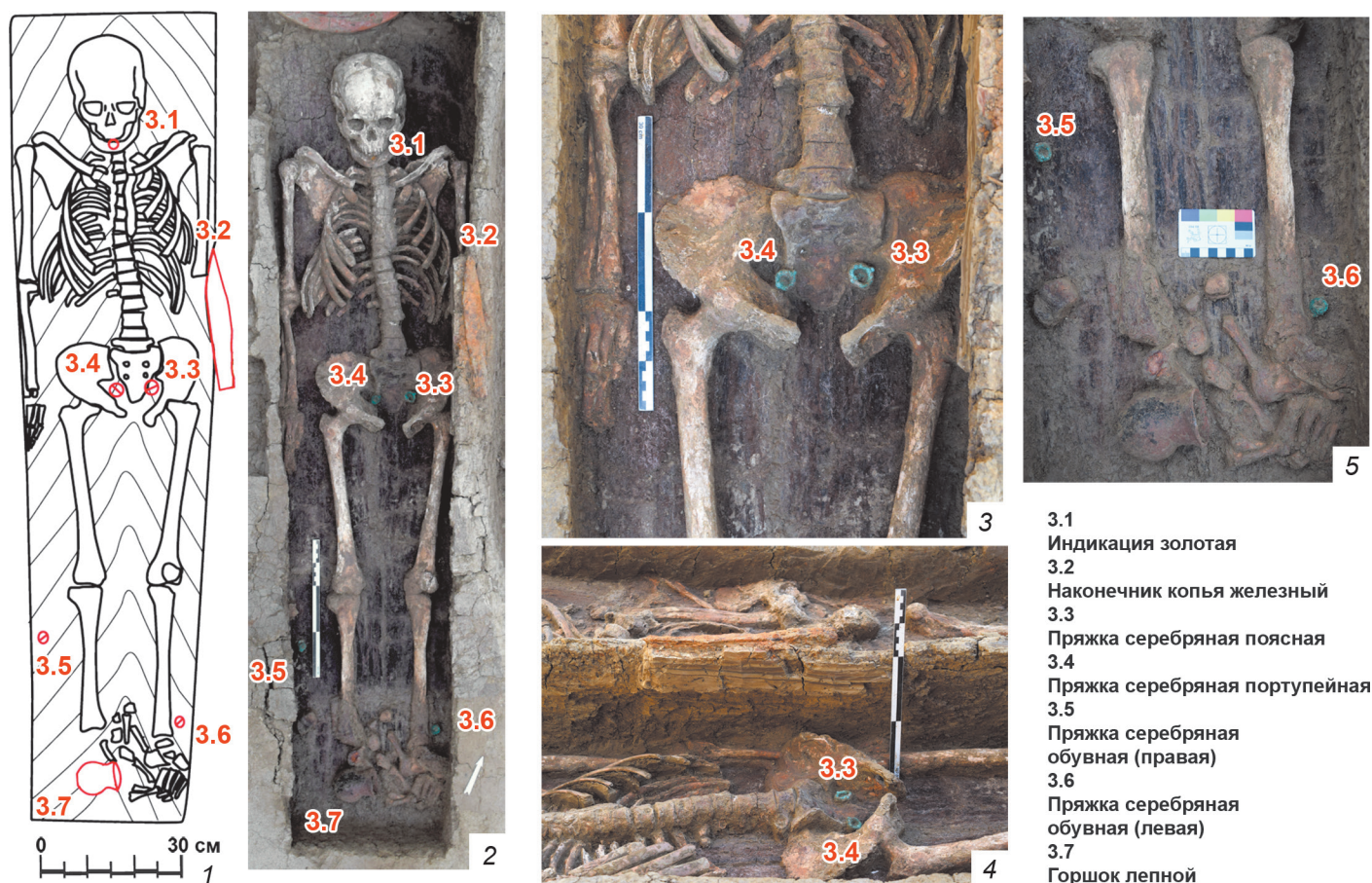
Рис. 7. Склеп 315/2019. Северная камера. Гроб 2: 1, 2 – наконечники ремней; 3–7 – лунницы

пяточных костей составлял 92 см. Ребенок лежал вытянуто на спине головой на юг, руки погребенного вытянуты вдоль тела и прижаты к туловищу, ноги параллельны. У нижней челюсти обнаружена золотая индикация с монеты Констанция II, которая была вложена умершему в рот.¹⁴ У запястья левой руки ребёнка лежала стеклянная бусина каплевидной формы.

Костюм мальчика украшал серебряный портупейный гарнитур из двух пряжек без щитков. Однотипные пряжки различались размером. Крупная поясная застежка обнаружена по центру живота и ориентирована язычком вправо, что позволяет реконструировать пояс – поперек туловища с пряжкой на левом

¹⁴ Абрамзон и др. 2020, 28, 34.

- 3.1 Индикация золотая
- 3.2 Наконечник копья железный
- 3.3 Пряжка серебряная поясная
- 3.4 Пряжка серебряная портупейная
- 3.5 Пряжка серебряная обувная (правая)
- 3.6 Пряжка серебряная обувная (левая)
- 3.7 Горшок лепной

окончании. Меньшая по размеру портупейная пряжка найдена у правого бедра и ориентирована окончанием язычка вверх, что свидетельствует о вертикальной ориентации этого портупейного ремня.

Северная камера. Гроб 5 (рис. 11, 12). Погребение мальчика 7 лет с портупейным и обувным ременным гарнитуром.

В гробу обнаружен скелет ребенка возрастом около 7 лет. Реконструируемый рост по расстоянию от крайней точки черепа до крайней точки пяточных костей составлял 113 см. Ребенок лежал вытянуто на спине головой на юг, руки погребенного вытянуты вдоль тела и прижаты к туловищу, ноги параллельны.

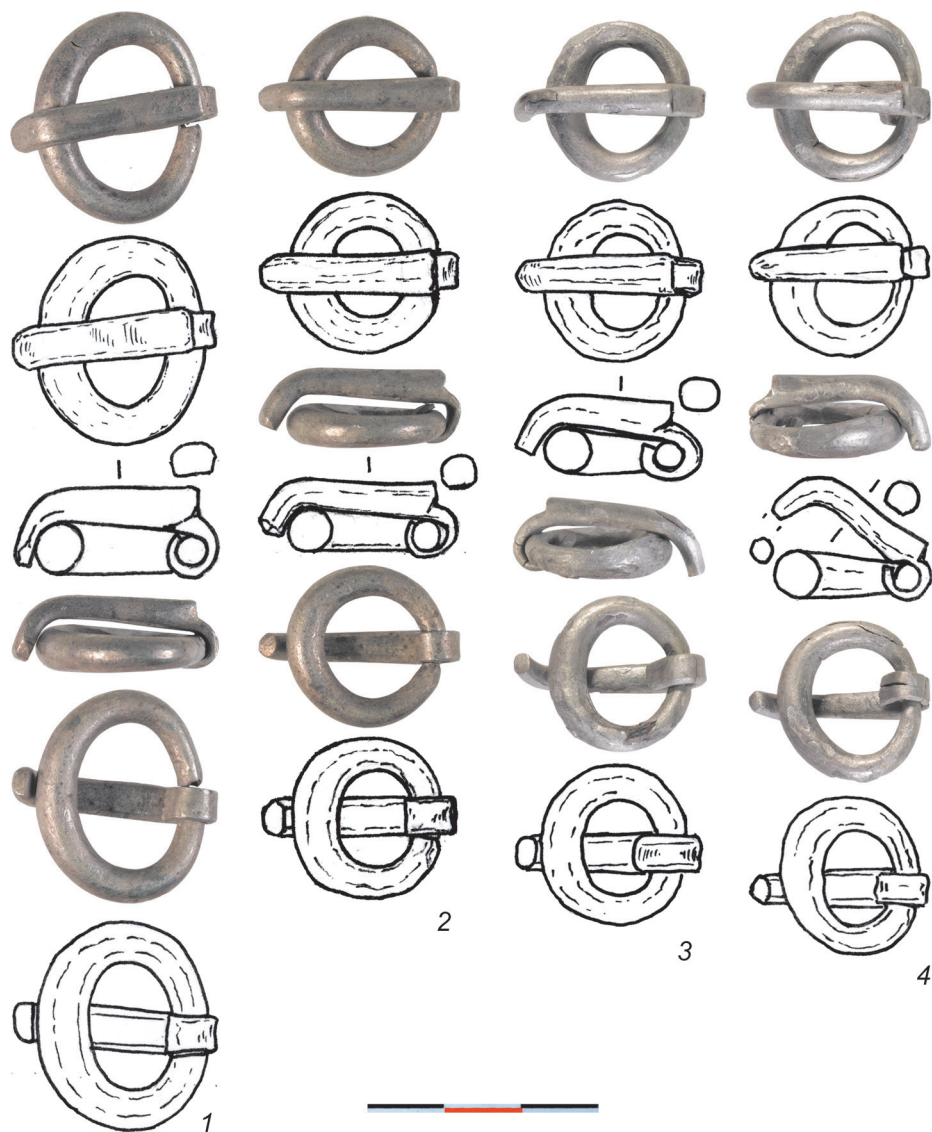
В области живота удалось расчистить портупею, состоявшую из двух серебряных пряжек без щитков и сохранившихся в глине отпечатки кожаных ремней в виде черного жирного тлена.

Однотипные пряжки ремней портупеи различались размером. Крупная поясная застежка обнаружена по центру живота и ориентирована язычком вправо. Рядом с ней зафиксирован отпечаток кожаного ремня с пряжкой на левом окончании пояса. Меньшая по размеру портупейная пряжка найдена выше правого бедра на боку ребенка и ориентирована окончанием язычка вправо и вверх. Рядом с ней так же удалось зафиксировать тлен кожаного ремня, отходившего от пояса под углом 45 градусов вверх и вправо.

На месте стоп мальчика лежали две более мелкие обувные пряжки. Форма их рамки и язычка аналогична портупейной фурнитуре, отличаются они наличием

Рис. 8. Склеп 315/2019. Южная камера. Гроб 3: 1 – чертеж; 2 – фото содержимого гроба; 3, 4 – портупейный гарнитур *in situ*; 5 – обувной гарнитур *in situ*

Рис. 9. Склеп 315/2019. Южная камера. Гроб 3: Пряжки: 1 – поясная; 2 – портупейная; 3, 4 – пряжки обувные

прямоугольных щитков. Возможно, их края были фасетированы, но сохранность этих элементов застежек не позволяет сделать однозначный вывод на этот счет.

Рамки и язычки всех пряжек гарнитура имеют «поздние» признаки в виде граней или фасеток,¹⁵ их форма характерна для предметов финала 4 – первой половины 5 в.

Северная камера. Гроб 6 (рис. 13). Погребение мальчика с имитациями портупейного ременного гарнитура.

Гроб имел длину 120 см и максимальную ширину около 30 см. Эти показатели важны для реконструкции роста и примерного возраста ребёнка, так как кости в гробу оказались очень плохой сохранности, а анатомический порядок верхней части скелета был существенно нарушен, нижняя часть пострадала меньше. Попробуем сравнить сопоставимые размеры детских гробов, рост и возраст погребённых в них детей. Длина гроба 4 составляла 102 см, ширина – 33 см, рост мальчика 5–6 лет составлял около 92 см. Соответствующие размеры гроба 5: длина 145 см, ширина 46 см. в нем обнаружен ребенок 7 лет ростом около 113 см. Таким образом, размеры гроба 6 попадают в метрический створ этих

¹⁵ Малашев 2000, 209.

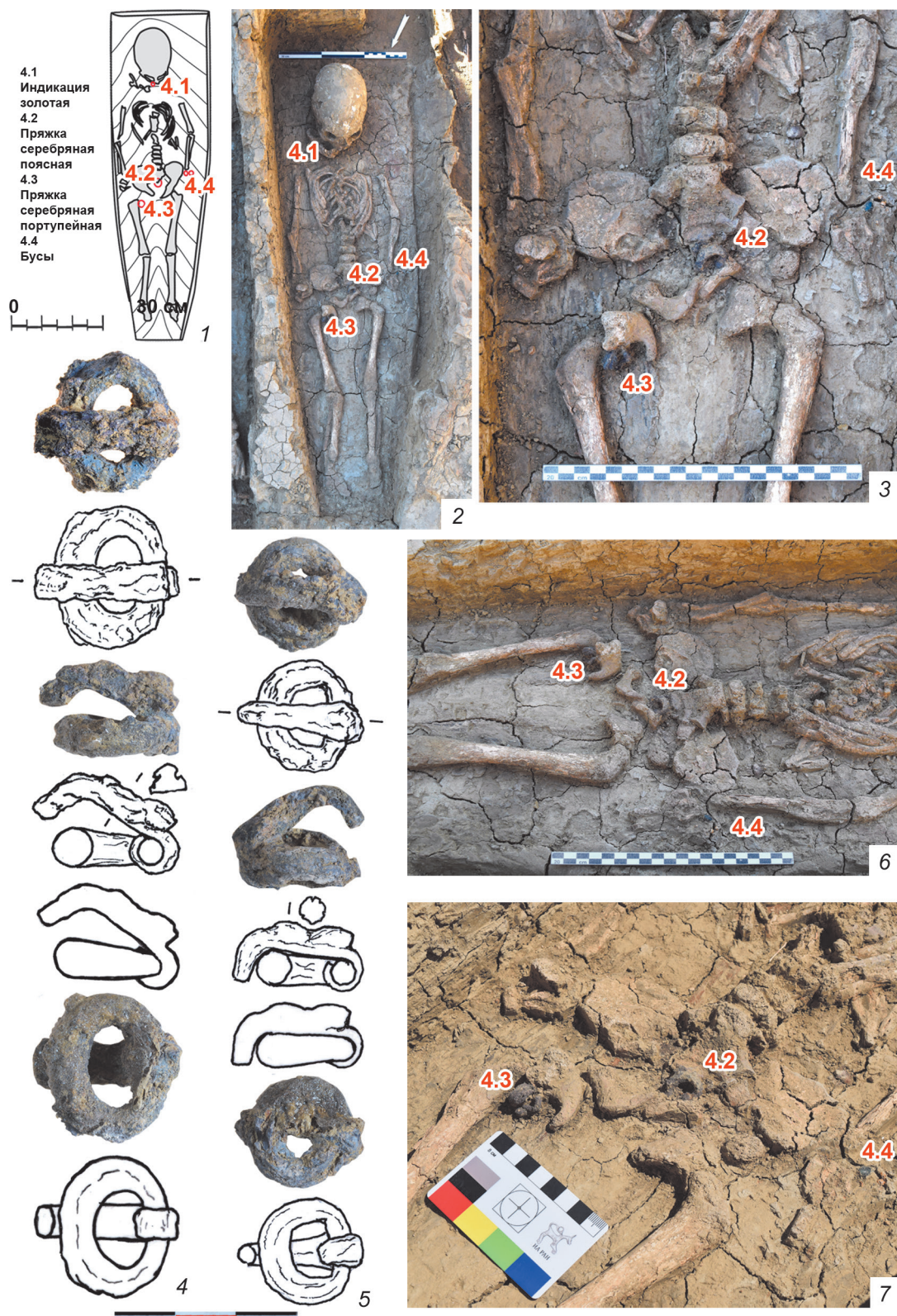
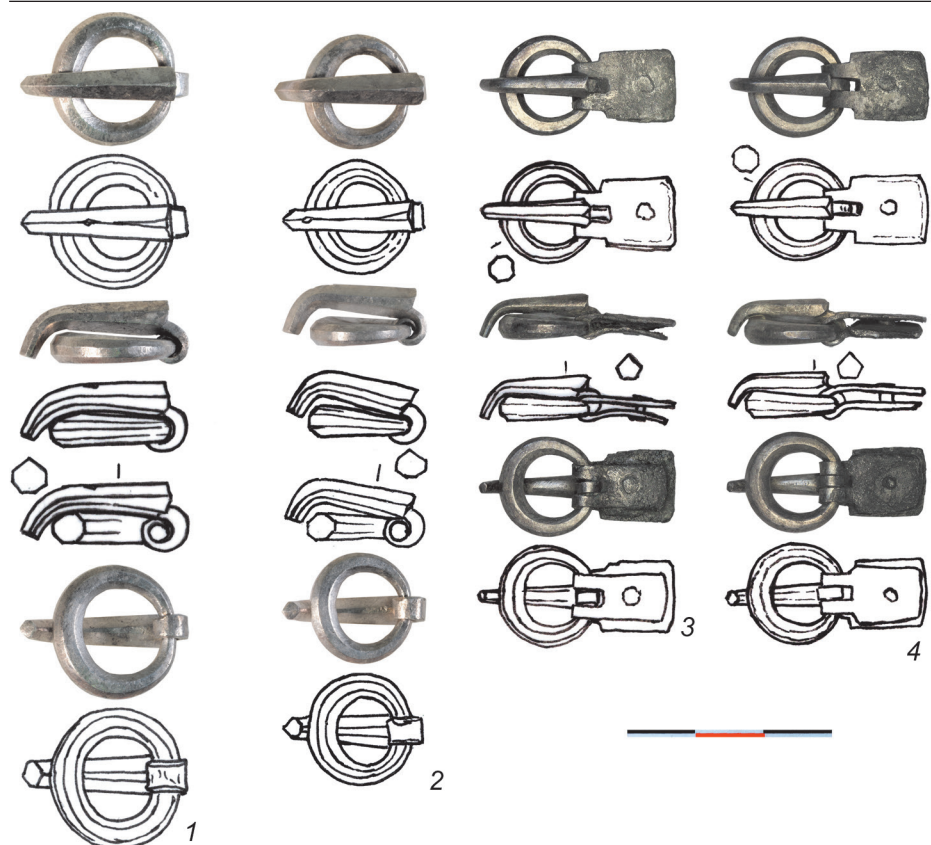

Рис. 10. Склеп 315/2019. Северная камера. Гроб 4: 1 – чертеж; 2 – фото содержимого гроба; 3, 6, 7 – портупейный гарнитур *in situ*; 4 – пряжка поясная, 5 – пряжка портупейная

Рис. 11. Склеп 315/2019. Северная камера. Гроб 5: 1 – чертеж; 2 – фото содержимого гроба; 3–6 – портупейный гарнитур и тлен кожаных ремней *in situ*, 7 – обувной гарнитур *in situ*

Рис. 12. Склеп 315/2019. Северная камера. Гроб 5. Пряжки: 1 – поясная; 2 – портупейная; 3, 4 – обувные

конструкций с погребениями детей 5–6 и 7 лет, это обстоятельство позволяет нам предположить, что возраст мальчика из гроба 6 составлял около 6–7 лет.

В погребении обнаружен стеклянный кубок. Фрагмент стеклянного сосуда, железный нож и имитации металлических деталей ремennого гарнитура из серебряной фольги посредственной сохранности.

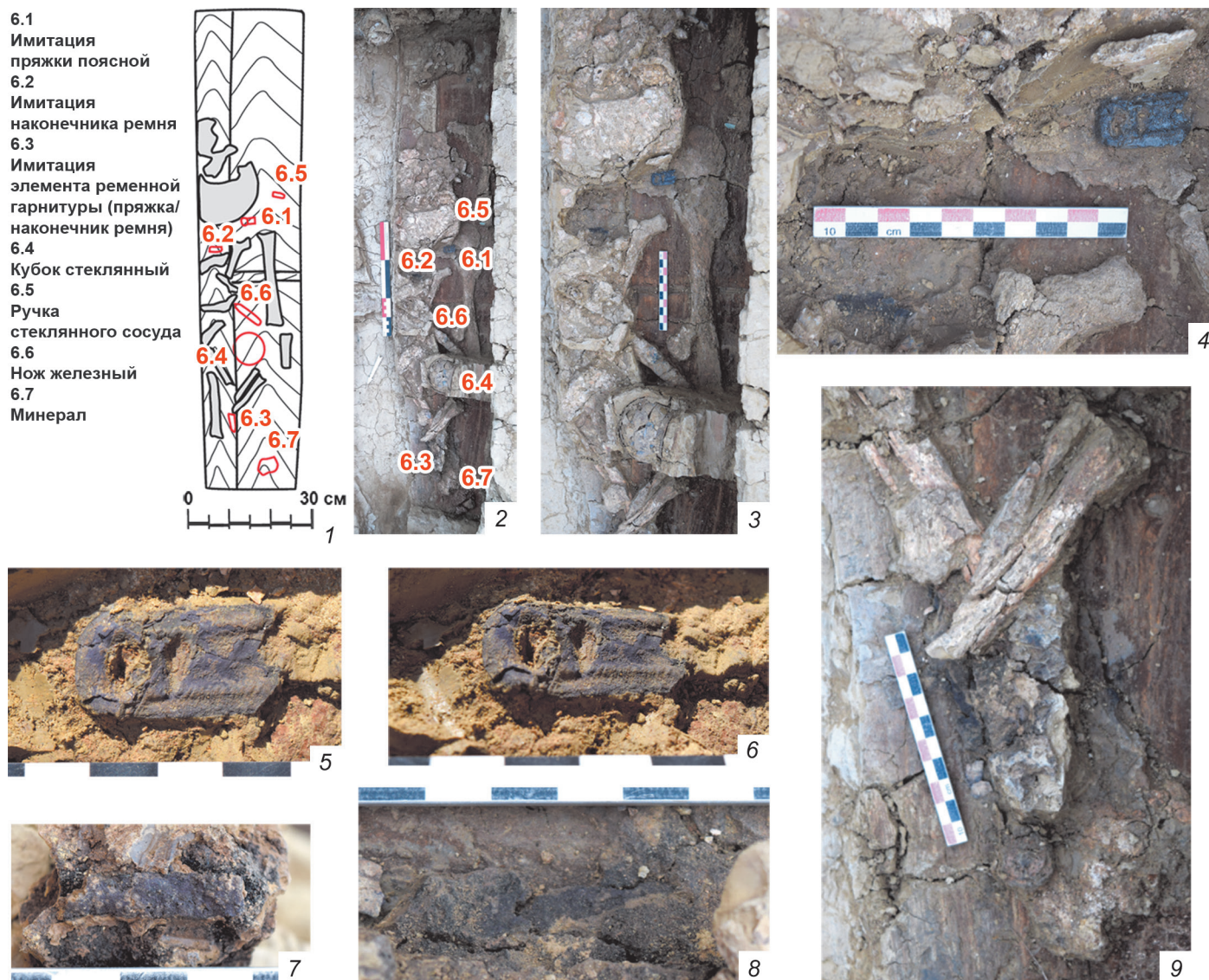
Портупейный набор состоял из «пряжки» и «наконечника» ремня, выполненных в едином стиле и подходивших друг к другу по размеру. Имитация пряжки обнаружена на животе «язычком» вправо она изображает пряжку с овальной рамкой и прямоугольным щитком, остатков язычка не зафиксировано. Щиток обрамлен рельефным орнаментом в виде бордюра с косым рифлением, внутри ограниченной им области удалось зафиксировать выпуклое изображение животного. Подобные изделия известны в позднеантичном некрополе Фанагории, изготавливались они из золотой или серебряной фольги и происходят из погребений, относимых к ступени D₂ центральноевропейской системы хронологии.¹⁶ Наконечник ремня имел прямоугольную вытянутую форму с закругленными на конце углами. Он обнаружен неподалеку от пряжки в области правого бедра.

Еще одна имитация металлического элемента гарнитуры была выявлена у голени ребенка. Скорее всего это был еще один наконечник ремня из серебряной фольги, но плохая сохранность предмета не позволяет однозначно подтвердить этот вариант интерпретации.

Обнаруженные в описанных выше захоронениях склепа 315/2019 элементы ремennых гарнитуров характерны для фазы D₁–D₂ Европейской хронологической системы позднеримского времени¹⁷ и датируются второй половиной 4 – первой половиной 5 в. н. э. Таким образом погребения в склепе совершены в раннегунское время, как в прочем и подавляющее большинство известных сегодня

¹⁶ Ворошилова 2011, 323.

¹⁷ Tejral 1997; Щукин 2005, 324–326.

Рис. 13. Склеп 315/2019. Северная камера. Гроб 6: 1 – чертеж; 2 – фото содержимого гроба; 3, 4 – портупейный гарнитур *in situ*; 5, 6 – имитация пряжки *in situ*; 7 – имитация наконечника ремня *in situ*; 8, 9 – имитация у правой ноги *in situ*

комплексов позднеантичного некрополя Фанагории.¹⁸ Нижнюю дату гробницы возможно ограничить датировкой нумизматического материала (пяти золотых индикаций и имитаций монет), который органично дополняет более широкие хронологические позиции других категорий погребального инвентаря и позволяет говорить, что захоронения были совершены не ранее последней трети 4 в. – после 366 г.¹⁹

Формы пряжек и наконечников ремней из склепа вполне соответствуют основному ассортименту ременной фурнитуры из фанагорийского некрополя раннегунгского времени. Есть среди них и довольно редкие находки. Например, ближайшие аналогии наконечникам ремней и лунницам из гроба 2 происходят из погребений Крыма второй половины/последней четверти 4 – первой половины 5 в. Это элементы ременной гарнитуры из могильников Сувлу-Кая,²⁰ Дружное, Лучистое.²¹ К относительно редким находкам можно отнести гарнитур детской погребальной портупей из гроба 6. Необходимым представляется отметить сходство его набора элементов с золотым набором из детского погребения 4 в. 280/2017.²²

¹⁸ Ворошилов, Ворошилова 2021, 283–284.

¹⁹ Абрамзон и др. 2020, 35.

²⁰ Волошинов, Масыкин 2022, 155, рис. 9. 1, 2.

²¹ Айбабин, Хайрединова 2017, рис. 53, 79.

²² Ворошилов, Ворошилова 2017.

До открытия гробницы 315/2019 большого количества сохранившихся *in situ* совместных захоронений знатных мужчин-воинов и их потомков мужского пола известно не было. Напомним, что в склепе выявлено два захоронения профессиональных воинов и погребения мальчиков 5–7 лет с элементами ременной гарнитуры в костюме. Их родственные связи (если даже и не самые близкие) выглядят довольно убедительным предположением на фоне контекста, в котором эти захоронения обнаружены.

Сопоставление костюма взрослых мужчин из этого комплекса с одеждой детей выявило подражательное сходство детского мужского костюма реальному воинскому снаряжению воинов. Кроме того, прослежена связь реалистичности детского костюма с возрастом мальчика.²³ Старший мальчик (гроб 5) имел полный набор ременного гарнитура (портупейя и обувь), в полной мере соответствующий набору воина из южной камеры: поясная, портупейная и две обувные пряжки. Если сделать скидку на высокий социальный статус погребенного во втором гробу воина и счесть его нарядные обувные комплексы с наконечниками ремней за одну учетную единицу, то детское снаряжение будет полностью соответствовать и ему. Расположение серебряных деталей ремней у ребенка соотносится с облачением профессионального воина во втором гробу. Более младший ребенок (гроб 4) имел только портупейный набор, но и у него ремни и их фурнитура располагалась на теле так же, как и у воинов. Даже у самого юного носителя воинских традиций ремни, украшенные имитациями пряжек и наконечников ремней, соответствуют «взрослому» воинскому костюму.

Приведенные наблюдения касаются комплектности набора детской ременной фурнитуры, ее типологической однородности и включенности в общую схему расположения ремней снаряжения на теле индивида мужского пола. Что касается самих пряжек, то «детские» предметы отличаются от «взрослых» явной грацильностью, иногда даже изяществом некоторых комплектов. Не вызывает сомнений, что они изготавливались мастерами специально для детского костюма. При этом совершенно логично, что на детских пряжках уже невозможно найти той изношенности, которая отмечалась для фурнитуры взрослых воинов (например, сработанная портупейная пряжка у всадника из 2-го гроба, за которую, вероятно, крепился тяжелый меч).

Практика специального изготовления дорогой фурнитуры для детских ременных гарнитуров в столичных мастерских выглядит вполне реалистичной, наравне с изготовлением специальной погребальной фурнитуры.²⁴ Высокий социальный статус и состоятельность военной элиты крупного для своего времени города делал вполне доступными для нее подобные детали детского костюма. Стоит отметить, что подобные вещи встречаются не только в склепах, но и в относительно более простых погребальных сооружениях, в том числе и могилах. Это обстоятельство свидетельствует о сопричастности воинской субкультуре не только знати, но и рядовых горожан.

Очевидно, что маркером принадлежности погребенного мужчины к престижному воинскому сословию является не только найденное вместе с ним оружие, но и ременное снаряжение – металлические элементы воинского снаряжения. Зафиксированная в Фанагории трансляция в детском костюме изначально утилитарных воинских аксессуаров (таких как портупейя и ремни обуви) подтверждает глубокое проникновение воинских традиций в городскую культуру позднеантичной столицы Азиатского Боспора.

Видимым проявлением высокой значимости воинской субкультуры эпохи Великого переселения народов для городской элиты стало использование

²³ Ворошилов, Ворошилова 2023, 301.

²⁴ Ворошилов, Ворошилова 2018, 137–138.

элементов воинского снаряжения в детском костюме, который в значительной степени подражал одежде воинов-всадников. Не вызывает сомнений, что мужская мода населения Боспора раннегунского времени, формировалась под влиянием всаднической культуры. Это справедливо и для детского костюма, основные элементы которого копировали детали снаряжения всадников. В тоже время нельзя исключать и встречный процесс, при котором сложившаяся мода на элементы всаднической амуниции в одежде знатных мужчин ретранслировала ее внешние маркеры на традиционный костюм всего мужского населения в независимости от возраста. В любом случае можно с уверенностью утверждать, что погребальные комплексы взрослых мужчин и мальчиков, погребенных без оружия, но в полной амуниции могут выступать в роли полноценного источника для изучения воинских традиций Боспора в позднеантичную эпоху.

Находки наиболее полных наборов ременного снаряжения воинов позднеантичной Фанагории из склепов 34/2005 и 315/2019, в которых были обнаружены *in situ* останки знатных воинов и их потомков, позволяют нам сделать предварительные выводы о вариативности портупеи боспорских всадников этого времени.

Изученные археологические контексты свидетельствуют об использовании воинами позднеантичной Фанагории нескольких разновидностей портупеи. Наиболее информативными для этой реконструкции являются два комплекса – 34/2005 и 315/2019 (северная камера, гроб 2), где предметы после разложения тел воинов и обрушения сводов камер максимально сохранили свое положение на скелете. Остальные контексты не столь однозначны в возможных интерпретациях и требуют рассмотрения на более широком фоне аналогичных ситуаций.

Итак, на сегодняшний день нам удалось реконструировать два основных типа портупеи воинов позднеантичного Боспора, остальные случаи, вероятно, являются разновидностями и синтетическими вариациями этих основных типов ременного снаряжения и требуют дальнейшего детального изучения.

Первый тип портупеи выявлен у всадника-копейщика из погребения 34/2005 (рис. 14. 1). Положение элементов его ременного снаряжения свидетельствует о наличии у воина портупеи с поясным ремнем и двумя верхними (плечевыми) ремнями, перекрещенными на груди. Помимо этого, вдоль правого бока воина проходил еще один ремень, который мог использоваться для подвешивания клинкового оружия – меча. На всех трех ремнях верхней портупеи пряжки ориентированы язычком вверх. Поясная пряжка направлена язычком влево.

Второй вид портупеи достоверно зафиксирован на теле всадника-мечника из погребения 315/2019 (северная камера, гроб 2) (рис. 14. 2). Контекст находок пряжек в этом комплексе отражает ношение меча на широком ремне-перевязи слева, при этом сам ремень опирался на правое плечо и спускался от него к левому бедру, где и застегивался самой крупной пряжкой гарнитура. Вторая, меньшая по размеру, пряжка, вероятно фиксировала один из ремней нижней портупеи, возможно являясь нижней точкой крепления ножен.

Как уже было сказано выше, остальные наборы ременной гарнитуры Фанагории имеют менее выразительный археологический контекст. Положение пряжек на теле остальных погребенных мужского пола из склепа 315/2019 имеет яркий, но не однозначный контекст с довольно обширной вариативностью интерпретаций. Тем не менее, уже сейчас можно сказать, что облако возможных реконструкций в той или иной степени будет формироваться вокруг выделенных нами основных типов. Представляется перспективным дальнейшее изучение всей совокупности

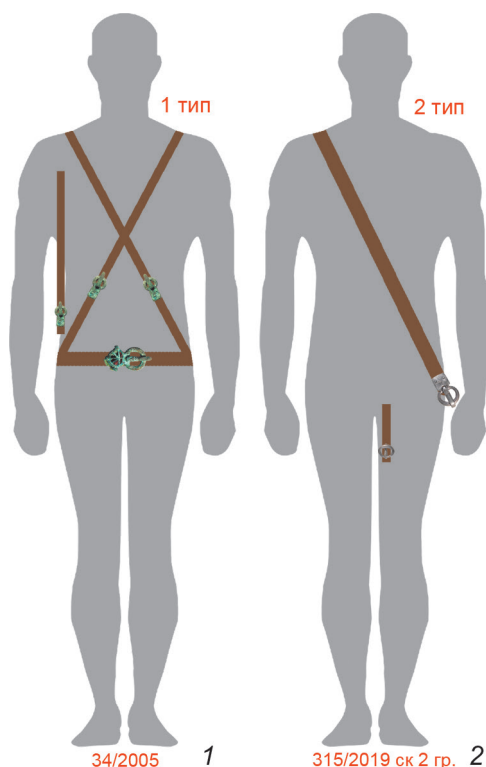

Рис. 14. Реконструкция портупей воинов

комплексов с ременным снаряжением гунского времени по представленной в этой статье схеме. Не вызывает сомнений, что реализация этого проекта позволит в будущем детализировать наши представления о воинском ременном снаряжении Боспора Киммерийского эпохи Великого переселения народов.

Подводя итог, целесообразно сравнить полученные на основе анализа археологического материала результаты с данными изобразительных источников. Благодаря проделанной М. М. Казанским работе²⁵ по систематизации изображений портупей позднеантичного времени и эпохи Великого переселения народов, это можно сделать весьма эффективно. Сопоставление наших «археологических» реконструкций портупей с изображениями воинов позволяет предположить, что первый тип может быть соотнесен с «иранской» портупеей, когда меч крепится ремнями на поясе воина. Второй выделенный нами тип портупей более однозначно, чем первый, может быть интерпретирован как «римская» портупея, когда меч носится на портупейном ремне через плечо.

На фоне проделанной нами реконструкции портупей и ее сопоставления с данными изобразительных источников довольно ироничной выглядит выявленная ситуация организации паноплии знатного воина из склепа 315/2019. Как нам удалось выяснить, этот воин-всадник носил свой «иранский» меч²⁶ на ярко выраженной «римской» портупее. Это наблюдение в очередной раз свидетельствует о том, что паноплия и престижный воинский костюм позднебоспорской знати формируется и развивается в синкретическом русле двух традиций, связанных с великими державами древности – римско-византийской и иранской.²⁷ Установленный факт крепления восточного клинкового оружия боспорского воина в соответствии с римским канонам является яркой иллюстрацией глубокого проникновения традиций Восточной Римской империи и сасанидского Ирана в воинскую аристократическую культуру Боспора Киммерийского в эпоху Великого переселения народов.

²⁵ Казанский 2023, 141–148.

²⁶ Ворошилов, Ворошилова 2019, 174–181.

²⁷ Казанский, Мастыкова 2023, 181.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., Сапрыкина И. А. 2016. Новые находки золотых индикаций в Фанагории // А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 2 (Фанагория 4). Москва, 7–24.
- Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2020. Золотые индикации из позднеантичного склепа Фанагории // *Нурanis* 2, 27–36.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2017. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2018. Позднеантичное захоронение с погребальным ремненным гарнитуром из Фанагории // ПИФК 3, 125–142.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2019. Тайник в позднеантичном склепе Фанагории (предварительная публикация) // КСИА 257, 174–181.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2021. Позднеантичный склеп из кургана на южном некрополе Фанагории // КСИА 262, 283–294.
- Ворошилова О. М. 2011. Об имитациях деталей ремненной гарнитуры из некрополя Фанагории // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. Санкт-Петербург, 321–324.
- Волошинов А. А., Масыкин В. В. 2022. Могильник Сувлу-Кая III – первой половины V в. в Юго-Западном Крыму: особенности погребального обряда и инвентаря // Могильник римского времени Фронтное 3. Варвары на границах Империи. Москва, 146–173.
- Казанский М. М. 2022. «Парадные» мечи эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском // МАИЭТ XLIV, 177–201.
- Казанский М. М. 2023. Два вида портупей в позднеимперское время и в эпоху Великого переселения народов // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. XV Международная Византийская Семинар. Симферополь, 141–148.
- Казанский М. М., Масыкова А. В. 2023. Престижное оружие, конское снаряжение и воинский убор эпохи великого переселения народов на Боспоре Киммерийском // МАИЭТ XXVIII, 161–217.
- Малашев В. Ю. 2000. Периодизация ремненных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону (Материалы и исследования по археологии Дона 1). Ростов-на-Дону, 194–232.
- Медведев А. П. 2009. Воинское погребение из Восточного некрополя Фанагории // *Ostrogothica*. Археология Центральной и Восточной Европы позднеимперского времени и Эпохи Великого переселения народов. Харьков, 180–185.
- Медведев А. П. 2013. Позднеантичный некрополь Фанагории 4–5 вв. (раскопки 2005 г.) // В. Д. Кузнецов (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 1 (Фанагория 1). Москва, 330–402.
- Щукин М. Б. 2005. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). Санкт-Петербург.
- Tejral J. 1997. Neue Aspekte der frühvolkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum. Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno.

Л. А. Голофаст, И. А. Сапрыкина

СВИНЦОВЫЙ КРЕСТ ИЗ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ

Аннотация. В статье представлен свинцовый крест, найденный в 2021 г. в Фанагории на раскопе «Нижний город». Крест, несмотря на простоту и непримечательность, заслуживает особого внимания, поскольку на сегодняшний день это всего лишь третья безусловно относящаяся к христианству находка в городе.

Простые свинцовые кресты редко фиксируются в центрах Средиземноморско-Причерноморского региона. Исключение составляют лишь балканские провинции Византийской империи и пограничные с ними территории, где они происходят, главным образом, из портовых городов и пунктов, расположенных вдоль торговых путей. Этот факт послужил основанием для предположения об их использовании в качестве защитных пломб для опечатывания различных товаров. Скорее всего, такие кресты служили не гарантией качества товара, а амулетами, призванными охранять товар в долгом путешествии от станций отправления до дальних рынков. По-видимому, не случайно, что их делали из свинца, которому с древних времен приписывали магическую апотропейную силу.

К сожалению, большая часть свинцовых неорнаментированных крестов относится к разряду случайных находок, а информация об обстоятельствах их обнаружения в ходе раскопок отсутствует. Однако некоторое их количество, найденное в более или менее надежных датированных контекстах, позволяет относить их к середине/концу 9–12 вв.

Концентрация таких крестов на Балканском полуострове, где даже открыто несколько мастерских по их производству, свидетельствует о том, что практика их использования в качестве товарных пломб-амулетов была характерна преимущественно для этого региона. Возможно, фанагорийский экземпляр попал в город именно с Балкан, чему не противоречат и результаты анализа изотопного состава свинца, из которого он изготовлен.

В Северном Причерноморье такие кресты зафиксированы лишь в портах Сугдеи и Херсонеса. Их отсутствие в других приморских городах Северного Причерноморья, вероятнее всего, объясняется тем, что исследования в их портовой части пока не проводились. Что касается Фанагории, которая была на протяжении всей своей истории одним из крупнейших портов Северного Причерноморья, то несмотря на масштабные раскопки прилегающей к порту территории и подводные исследования в акватории города, здесь был найден всего один крест рассматриваемого типа. Скорее всего, это можно объяснить тем, что ко времени наибольшего распространения торговых свинцовых крестов-амулетов, которое приходится на 10–11 вв., Фанагория уже прекратила свое существование как город.

Свинец креста был исследован методом РФА и изотопной масс-спектрометрии по методу Pb-Pb; проведенные анализы показали, что для изготовления этого изделия был использован переработанный «старый» свинец, добытый еще в античности. Такой свинец длительное время циркулировал на торговых путях в Эгейском и Черном морях, из него изготавливались в том числе византийские печати.

Ключевые слова. Торговые амулеты-пломбы, Северное Причерноморье, Балканы, РФА, масс-спектрометрия, рудные источники.

L. A. Golofast, I. A. Saprykina

LEAD CROSS FROM THE EXCAVATIONS AT PHANAGORIA

Abstract. Discussed below is a lead cross found at Phanagoria during the 2021 excavations of the “Lower City”. Despite its simplicity and inconspicuous appearance, the cross warrants special attention as it is only the third find that can definitively be associated with Christianity in the city.

Simple lead crosses are rarely found in the centres of the Mediterranean and Black Sea regions. Serving as an exemption are the Balkan provinces of the Byzantine Empire and the

adjacent territories, where such crosses are primarily found in port cities and along trade routes. This fact has led to the hypothesis that they were used as protective seals for various goods. It is possible that these crosses were not a guarantee of the quality of the goods, but, rather, amulets intended to protect the goods during their long journey. It seems as no coincidence that they were made from lead, a material traditionally believed to possess magical apotropaic powers.

Unfortunately, most of the unornamented lead crosses are classified as random finds, and there is no context or information about the circumstances of their discovery during excavations. However, a small number of these crosses found in more or less dated contexts suggest that they can be attributed to the middle-late 9–12th centuries.

The abundance of said crosses in the Balkans, where several workshops for their production have been discovered, indicates that the practice of using them as common seals-amulettes was characteristic mainly to this region. It is very possible that the Phanagorian specimen came to the city from the Balkans, which is also confirmed by the isotopic analysis of the lead from which it was made.

In the Northern Black Sea region such crosses have only been recorded in the ports of Sudak and Chersonesus. Their absence in other coastal cities of the Northern Black Sea is most likely due to the lack of research in the port areas of the cities. As for Phanagoria, one of the largest ports of the Northern Black Sea throughout its history, despite extensive excavations in the area surrounding the port and underwater research in the city's neighbouring waters, only one cross of the type has been found. This is due to the fact that by the time the lead crosses-amulets were most common, during the 10–11th centuries CE, Phanagoria had already ceased to exist as a city.

The lead of the cross was analysed using X-ray fluorescence (XRF) and isotopic mass spectrometry (Pb-Pb) methods. The results showed that the cross was made from recycled, "old" lead, which was mined during antiquity. This lead had circulated for a long time along trade routes in the Aegean and Black Seas, and was used to make, among other things, Byzantine seals.

Keywords. Trade amulet-seals, Northern Black Sea region, Balkans, XRF, mass spectrometry, ore sources.

В 2021 году на раскопе «Нижний город» в верхнем слое был найден свинцовый вытянутый по вертикали крест со слегка расширяющимися ветвями с ровными прямоугольными в сечении концами и фронтальным круглым отверстием для подвешивания диаметром 3,3 мм (рис. 1). Вертикальная стойка (*staticulum*) несколько шире перекладины (*patibulum*); верхняя ветвь на 5 мм длиннее нижней. Поверхность креста хорошо заглажена. Высота креста – 4,2 см, ширина – 2,65 см, толщина – 0,4 см.

Крест, несмотря на свою простоту и непримечательность, заслуживает особого внимания, поскольку на сегодняшний день это лишь третья безусловно относящаяся к христианству находка в Фанагории.¹

В публикациях материалов из раскопок различных центров Северного Причерноморья удалось выявить два экземпляра свинцовых неорнаментированных крестов с боковым отверстием, найденные в могильнике у с. Лучистое в погребении первой половины 7 в.², и крест довольно внушительных размеров (3,5×4,7 см) из раскопок 1903 г. в центральной части Херсонеса.³ Кроме того, свинцовые крестики находили в ходе подводных исследований⁴ у подножья мыса, контролирующего вход в бухту, где располагался порт Херсонеса. Здесь были обнаружены остатки здания средневекового архива, обрушившегося в воду со всем его содержимым. Несколько крестиков попали в публикацию как материал, сопутствовавший находкам многочисленных (около тысячи) моливдовулов⁵. Вряд ли найденные в ходе этих исследований крестики имели какое-то отношение к архиву. Скорее, туда они попали случайно: мыс был крайне опасным местом для входящих в бухту

¹ Голофаст 2022, 70.

² Хайрединова 2007, 153, рис. 1. 2; 2. 1, 2.

³ ИАК 1905, 79; Залеская 2012, 263, рис. 1.

⁴ Авторы признательны Николаю Александровичу Алексеенко за предоставленную информацию.

⁵ Алексеенко 2006, 11, рис. 2.

Рис. 1. Свинцовый крест из раскопок Фанагории

кораблей, поскольку постоянно подвергался опасным северо-западным ветрам, способным выбросить корабль на скалы. Остается надеяться, что при будущих исследованиях непосредственно в порту Херсонеса таких крестов будет найдено значительно больше. Довольно большая коллекция свинцовых крестов была собрана в ходе подводных исследований в акватории бухты Лимена-Кале (г. Судак), которая на протяжении 7–15 вв. являлась морской гаванью византийского торгово-ремесленного города Сугдеи–Солдаи, а в конце 10 в. становится еще и одним из военно-морских центров фемы Сугдея или фемы Эвксинского Понта.⁶

В других регионах Средиземноморья и Причерноморья свинцовые кресты встречаются чрезвычайно редко. Исключение составляют лишь балканские провинции Византийской империи и пограничные с ними территории, где неорнаментированных свинцовых крестов найдено довольно много. Они зафиксированы в Болгарии⁷, Румынии⁸, Сербии⁹ и Далмации на побережье Адриатического моря (территория современных Хорватии и Черногории).¹⁰ Причем находят их, главным образом, в портовых городах и пунктах, расположенных вдоль торговых путей, в частности вдоль Дуная и его притоков, куда стекались торговые караваны и где концентрировались товары. Причем, как отмечают археологи, находят их именно в местах складирования товаров. Это позволило выдвинуть предположение об использовании таких крестов в качестве защитных пломб «нетрадиционной структуры» для опечатывания керамических сосудов, в которых перевозили масло, вино или какие-то другие товары, что служило гарантией их качества.¹¹ Например, найденный в Хлинча-Яссы (Румыния) свинцовый крест происходит с места скопления византийской белоглиняной керамики, что дало основание сделать вывод, что им был опечатан контейнер с керамическими изделиями.¹² В этом смысле особенно показательна находка таких крестов при подводных работах вблизи Судакской крепости. В средние века здесь располагался порт византийской Сугдеи со складскими помещениями и зданием, в котором хранились документы с подвешенными к ним печатями. В результате обрушения портовых сооружений в море попало огромное количество изделий из свинца:

⁶ Кузьминов 2004, 442.

⁷ Большое количество простых свинцовых крестов разных вариантов, хранящихся в различных музеях Болгарии, опубликовано Л. Дончевой-Петковой и Г. Атанасовым (Дончева-Петкова 2011, 429–434, кат. № 673–736, табл. CXLVI–CXLIX; Атанасов 2007, 211, табл. LXIX, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287–289).

⁸ Diaconu, Vilceanu 1972, 161, pl. 18.5–6; Spinei 1975, 235, fig. 2. 3; 5. 2; Mănușu-Adameșteanu 2020, 159, 464, cat. No. 65; Custurea, Paraschiv-Talmatchi 2011, 139–140, pl. III. 22–24.

⁹ Марjanовић-Вујовић 1987, 19, 60–61, nos. 80–82; Залеская 2012, 265.

¹⁰ Vinski 1970, 54–55, pl. IV. 1–8; Марjanовић-Вујовић 1977, 60.

¹¹ Spinei 1975, 237; Марjanовић-Вујовић 1987, 19, 60; Залеская 2012; Zaleskaya 2015, 559; Кузьминов 2004, 446.

¹² Spinei 1975, 235–237, fig. 2. 3; Залеская 2012, 265.

моливдовулов, крестиков, моделей якорей, различных колец, грузиков, которые оказались рассеянными в прибрежной полосе на площади в несколько десятков квадратных метров.¹³

Таким образом, места обнаружения подавляющего количества свинцовых крестов не оставляют сомнений в их связи с перевозкой товаров. Однако они вряд ли могли служить гарантией качества товара. Известные на сегодняшний день товарные пломбы, использовавшиеся еще с античности, состоят из двух половинок, между которыми «запечатывали» шнуры от товарной связки (от шнуров остается сквозное отверстие, идущее через все поле пломбы). Именно так устроены найденные в Британии массивные свинцовые пластины-печати римского времени со знаками когорт и легионов, которые прикреплялись к перевозимым товарам, или хорошо известные средневековые товарные пломбы округлой формы из Дрогичина.¹⁴

Крест с обычным отверстием можно было просто привесить к товару, что никак не гарантировало его качество. Поэтому более логично предположить, что такие крестики служили амулетами, призванными охранять товар в долгом путешествии от станций отправления до дальних рынков.¹⁵ Такое же назначение, скорее всего, имели свинцовые модели якорей, найденные вместе со свинцовыми крестиками в порту Сугдеи.¹⁶ Якорь также был одним из важнейших христианских символов: как якорь является опорой корабля в море, так вера в спасение и надежда на будущее Воскресение выступает опорой души христианина. Неудивительно, что крест и якорь иногда соединяли в одном знаке. Такая символика сделала якорь очень популярным среди моряков, и модели якорей, по-видимому, использовали при перевозке товаров по морю. Стоит отметить находку двух форм для отливки моделей якорей в Херсонесе: один найден в засыпи второй половины 6 в., второй – в слое 11–12 вв. Причем оба происходят из прибрежных районов города: один с Северного берега, второй – из Портового района.¹⁷

Скорее всего, не случайно, что подобные амулеты делали из свинца, которому с древних времен приписывали магическую апотропейную силу, предохранявшую от зловредных влияний¹⁸, а для христиан он был связан со святостью, поэтому неудивительно, что свинец утверждается в качестве предпочитаемого материала для изготовления амулетов и ампул для святой воды и мирра, во множестве вывозившихся со Святой земли паломникам.¹⁹ К тому же свинец крайне легкоплавкий металл и отливать из него было гораздо легче, чем из любого другого металла, что было немаловажно при изготовлении востребованных, но не требовавших тщательной доработки изделий.

К сожалению, большая часть свинцовых неорнаментированных крестов относится к разряду случайных находок, а информация об обстоятельствах их обнаружения в ходе раскопок отсутствует. Однако ряд экземпляров происходит из более или менее надежно датированных контекстов. В с. Новосел в Болгарии такой крест найден в слое с монетами Романа I и Константина VII, что позволяет отнести его к 50-м годам 10 в.²⁰ Концом 10 – началом / 30-ми гг. 11 в. датируются кресты, найденные в Одерцы, Безмер, Цар Асен, Руйно, Скала. К этому же времени относится крест из могилы, открытой на некрополе у восточных ворот Плиски. К 10–11 вв., но не позднее 60-х годов 11 столетия, относятся и остальные свинцовые кресты, происходящие из раскопок в самой Плиске.²¹ В Диногетии-Гарван в Добрудже два свинцовых креста найдены в слое середины 11 в. – 1122 г.²², а четыре креста из Новиодунума датируются 10–11 вв.²³ По мнению Г. Атанасова, на территории епархии Доростол свинцовые кресты

¹³ Степанова 2001, 97; Кузьминов 2004, 442.

¹⁴ Мусин 2021, 291.

¹⁵ Марјановић-Вујовић 1987, 19.

¹⁶ Шаповалов 1990; 2002; Фарбей, Шаповалов 2012.

¹⁷ Шаповалов 2002, 276–277, рис. 1. 9, 10.

¹⁸ Georgousakis 2022.

¹⁹ Атанасов 2007, 211–212, 409; Дончева 2007, 11; Атанасов, Дончева 2011, 94.

²⁰ Дончева-Петкова 2011, 199.

²¹ Дончева-Петкова 2011, 199, 200.

²² Mănușu-Adameșteanu 2020, 159, cat. 65; Spinei 1975, 159, № 65.

²³ Mănușu-Adameșteanu 2020, 341–344.

появляются в середине 9 в. одновременно со свинцовыми медальонами, пика бытования достигают в конце 9 – первой половине 10 в., а бытуют до 12–13 вв., хотя в комплексах этого времени встречаются крайне редко.²⁴ Г. Марьянович-Вуйович по фрагментам амфор, в сочетании с которыми находят простые свинцовые кресты, датирует их в рамках конца 10–12 вв.²⁵; З. Вински по материалам раскопок в Хорватии – 11-м веком, хотя не исключает конец 10 столетия.²⁶

Таким образом, время бытования свинцовых неорнаментированных крестов укладывается в рамки середины/конца 9–12 вв., хотя изредка они встречаются и в ранних комплексах: 7-м веком датируются уже упоминавшиеся кресты из могильников Лучистое и Mijele в Черногории²⁷; отмечаются их находки в комплексах ранневизантийского времени в Добрудже.²⁸

Следы изготовления таких крестов зафиксированы в центре по обработке цветных металлов, открытом в с. Новосел в Болгарии, в Плиске, где в открытых торгово-ремесленных помещениях найдены и сами кресты, и огромное количество свинцовых слитков и капель.²⁹ Судя по находкам крестов с не удаленными излишками металла, вылезшими при литье за пределы формы, производились они и в нескольких мастерских, расположенных на территории епархии Доростол: в Друстаре на Дунае, Пькьюл луй Соаре (остров на Дунае в Румынии), Цар Асен и Руйно.³⁰ Здесь следует отметить, что изготовление таких крестов не требовало особых навыков и умений, и производить их могли в мелких кустарных мастерских.

Среди свинцовых неорнаментированных крестов встречаются экземпляры, использовавшиеся в качестве нательных крестов, например, кресты, найденные в погребениях могильников Лучистое, Mijele в Черногории, на некрополе у восточных ворот Плиски и у церкви св. Пантелеймона в Нише (Сербия).³¹ Фанагорийский крест явно не относится к их числу. Он, во-первых, слишком велик и массивен (размеры известных нам нательных крестов значительно меньше), а, во-вторых, имеет не боковое отверстие для подвешивания, характерное для нательных крестов, а фронтальное, что создавало бы определенные неудобства при ношении. Просмотр многочисленных коллекций нательных крестов из разных центров и регионов показывает, что нательные кресты с фронтальным ушком встречаются, но крайне редко.³² Подавляющее их количество имеет боковое отверстие или петельку, развернутую перпендикулярно плоскости креста.³³

Массивность фанагорийского креста, его размеры и фронтальное отверстие говорят в пользу его использования в качестве торговой пломбы-амулета, попавшего в Фанагорию вместе с каким-то товаром. Сомнение в таком его назначении может вызвать очень хорошее качество изготовления, что отличает его от других изделий подобного рода. Однако среди предметов, безусловно служивших торговыми амулетами, встречаются экземпляры очень хорошего качества. Так, в порту Сугдеи найдена очень реалистично выполненная модель якоря с хорошо обработанной после извлечения из формы поверхностью.³⁴

Особо следует остановиться на отмеченной особенности формы фанагорийского экземпляра: его верхняя ветвь на 0,5 см длиннее нижней. Крест, поперечная балка-*ratibulum* которого расположена в нижней части креста, часто называют перевернутым крестом или крестом св. Петра по форме креста, на котором в 67 г. н. э. в Риме был распят св. апостол Петр. Согласно церковному преданию, он был распят головой вниз по его собственной просьбе, поскольку считал себя недостойным умереть той же смертью, какой умер Иисус Христос. Именно такая форма обычно служит дополнительным аргументом в пользу использования таких крестов в качестве торговых пломб-амулетов. В середине века кресты

²⁴ Атанасов 2007, 211–212, 295.

²⁵ Марьянович-Вуйовић 1987, 19, 60.

²⁶ Vinski 1970, 54–55, pl. IV. 5.

²⁷ Vinski 1968, 108–109, fig. 45. Цит. по: Хайрединова 2007, 153.

²⁸ Атанасов 2007, 211–212.

²⁹ Дончева-Петкова, 2011, 199–200.

³⁰ Атанасов 2007, 409, табл. LXIX. 275, 277.

³¹ Ercegović-Pavlović 1980, 59–60; цит. по: Залеская 2012, 264.

³² Долаберидзе 1973, 59, табл. I. 3; II. 6; Хамайко 2010, рис. 2. 20; Олейников 2019, рис. 3. 1.

³³ Долаберидзе 1973, 59, табл. I. 4, 6; II. 1–3; III. 2–4; Gill 1986, 269, cat. nos. 623–629; Голофаст и др. 1991, кат. № 176–178, 195; Димитров 1995, обр. 6; Пескова, Строкова 2012, кат. № 58–61; Турова 2013, 94–97, рис. 13, 3–9; Cleymans, Talloen 2018, fig. 5; Олейников 2019 и т. д.).

³⁴ Фарбей, Шаповалов 2012, 402, рис. 1г.

такого типа широко использовались в оккультной практике и магии: любая противоположность, будь то перевернутое изображение или ретроградная надпись, наделялась свойствам амулета. Действительно, кресты схожего с фанагорийским варианта преобладают среди крестов, которые находят вдоль торговых путей, в портовых городах и в центрах, служивших перевалочными пунктами.³⁵ Однако, скорее всего, верхняя ветвь на таких крестах кажется длиннее за счет той ее части, на которой располагается рельефно не выделенное отверстие для подвешивания, т. е. на самом деле это обычные равноконечные кресты с одинаковой длиной верхней (до отверстия для подвешивания) и нижней ветвей.³⁶

Отсутствие торговых крестов-амулетов в других районах средиземноморско-причерноморского региона и их концентрация на Балканском полуострове, где даже открыто несколько мастерских по их производству, свидетельствуют о том, что практика использования свинцовых крестов в качестве товарных пломб-амулетов была характерна только для этого региона и, соответственно, ими печатали либо товары местного производства, либо привозные товары, которые на местных рынках перекладывали в другую тару и печатали для отправки по назначению. Следует отметить, что именно на Балканах и именно в 9–10 вв. огромной популярностью пользовались свинцовые медальоны с изображениями крестов, находки которых в Болгарии исчисляются сотнями.³⁷ Все это позволяет сделать предположение, что фанагорийский экземпляр был привезен, скорее всего, именно с Балкан. Связи Северного и Северо-Восточного Причерноморья с Балканами в 10–12 вв. подтверждается рядом находок.³⁸ Восточно-средиземноморскому происхождению фанагорийского креста не противоречат и приведенные ниже результаты анализа изотопного состава свинца, из которого он изготовлен.

Большое количество крестов-амулетов, выявленных в ходе подводных исследований затопленных портовых сооружений Сугдеи и в припортовой части Херсонеса неудивительно, поскольку это были два крупнейших портовых города Северного Причерноморья. Отсутствие подобных находок в других приморских центрах региона, вероятнее всего, объясняется тем, что исследования в их портовой части пока не проводились. Этого нельзя сказать о Фанагории, крупном порту на азиатской стороне Боспора, где, несмотря на многолетние масштабные раскопки прилегающей к морю территории, найден всего один крест-амулет. Не обнаружены кресты и среди многочисленных изделий из свинца (главным образом, грузил разной формы) в ходе подводных исследований в акватории Фанагории.³⁹ Скорее всего, это объясняется тем, что к 10–11 вв., на которые приходится пик бытования торговых свинцовых крестов-амулетов, она уже потеряла статус крупного порта. После разгрома конца 9 в. Фанагорию уже нельзя было назвать городом. На ее месте возникло несколько мелких поселений, и Константин Багрянородный (913–959) даже не упоминает ее при описании пролива: составители итинерария, которым он пользовался, знали на его восточной стороне только Таматарху, которая к тому времени стала играть роль главного торгового и политического центра региона.⁴⁰

Методика аналитического исследования

Анализ химического состава металла креста выполнен методом безэталонового неразрушающего рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) на портативном спектрометре 5i Tracer (Bruker). Метод заключается в получении и обработке спектров выхода флуоресцентного излучения, возбуждаемых рентгеновским

³⁵ Залеская 2012, 263–264, рис. 2, 3.

³⁶ См.: Кузьминов 2004, 444–445, рис. 2. 1–6; Залеская 2012, рис. 2, 3.

³⁷ Дончева 2007; Атанасов, Дончева 2011.

³⁸ Асташова, Сарачева 2007, 20–26, рис. 4. 1; Залеская 2012; Малахов 2013, 186, 188, рис. 2. 3; Zaleskaya 2015; Майко 2018.

³⁹ Авторы признательны С. В. Ольховскому за предоставленную информацию.

⁴⁰ Кузнецов, Голофаст 2010, 421, 423.

излучением. Анализ выполнялся площадным методом (размер коллиматора 8 мм); время измерения составило 60 сек. Точность получаемых данных варьируется от 0,001 до 0,01%, при программной обработке спектров процентное содержание элементов приводится к 100%.

Изучение изотопного состава Pb в металле креста проводилось методом многоколлекторной масс-спектрометрии с ионизацией вещества в индуктивно связанной плазме (MC-ICP-MS) на многоколлекторном масс-спектрометре NEPTUNE (Thermo, Германия) в Лаборатории изотопной геохимии и геохронологии ИГЕМ РАН (аналитик – А. В. Чугаев)⁴¹. Аналитические работы по анализу изотопного состава свинца в микропробах состояли из нескольких стадий и основывались на использовании традиционных методик, адаптированных для археологических предметов из металлов.⁴²

Результаты и обсуждение

Результаты анализа по методу РФА, выполненные для креста, показали следующий состав металла: содержание свинца (Pb) – 98%, содержание олова (Sn) – 1,52%, примесь железа, зафиксированная на поверхности (скорее, здесь речь идет об оксиде железа, приводящего к почернению поверхности), составляет ок. 0,48%. Олово не является элементом, сопутствующем свинцу в руде; его присутствие, скорее, указывает на использование для изготовления креста переработанного свинца со следами оловянного припоя (PbSn/Sn).⁴³ Иных микропримесей в свинце не зафиксировано, что указывает на исходную хорошую степень очистки (рафинирования) металла, использовавшегося для изготовления исследуемого образца.

Сам свинец относится к легкоплавким металлам, металлический свинец простой восстановительной плавкой выплавляется из руды при низкой температуре (t° плавления свинца ок. 330°C). На территории Европы известны разрабатывавшиеся на свинец, в основном в период средневековья, крупные месторождения, расположенные в регионах Верхний и Нижний Гарц, Верхняя Саксония, Фогтланд, Тюрингия, Тироль, Рудные горы, Чешско-Моравское плато, Рейнская область, Верхняя и Нижняя Силезия.⁴⁴ Проблемой является отсутствие надёжно подтвержденных данных об их разработке до 10/11–12 вв., после прекращения добычи в позднеримский период.⁴⁵ В то же время, одним из наиболее распространённых типов руды для получения свинца является галенит (PbS), разрабатывавшийся в древности, преимущественно, на добычу серебра, где свинец представлял собой побочный продукт процесса извлечения серебра из оксида свинца методом купелирования.⁴⁶ Античные рудники, разрабатывавшиеся на серебро, расположены в Малой Азии, Южной Иберии, в Восточном Средиземноморье, Центральной Европе, в римской Британии, в Центральном Иране.⁴⁷ На части рудников добыча прекратилась в позднеримское время и не осуществлялась до 9–10 вв. Считается, что до этого момента продолжали разрабатываться лишь рудники, расположенные в восточном Средиземноморье (Греция – Эгейское море – Балканы – западная часть Центральной Турции), при этом с 5–6 вв. н. э. из оборота были выведены самые крупные, известные с античности месторождения в Лаврионе (Аттика) и Таврских горах (Анатолия).⁴⁸

Для креста были измерены изотопные отношения $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$; данные представлены в таблице (табл. 1). Следует сразу отметить, что сопоставление данных по изотопному составу Pb в металле (свинце) креста

⁴¹ Авторы выражают к. г. -м. н. А. В. Чугаеву свою искреннюю признательность.

⁴² Чугаев, Чернышев 2012.

⁴³ Karagiorgou et al. 2021, 1191, 1201.

⁴⁴ Rozmus, Szmoniewski 2008.

⁴⁵ Ströbele et al. 2015. Исключение здесь могут составлять месторождения, расположенные на территории Англии, разработку которых исследователи относят к середине 8 в. н. э. (Kershaw, Merkel 2023).

⁴⁶ Baron et al. 2009, 2094–2095; Gauthier, Téreygeol 2013, 145; Чугаев, Сапрыкина 2022; и др.

⁴⁷ Angelini et al. 2019; Baron et al. 2011; Birch et al. 2019, 21; 2020, 102; Blichert-Toft et al. 2022; Durali-Mueller et al. 2007; Gale, Stos-Gale 1981; Niederschlag et al. 2003; Stos-Gale, Gale 2009; Stos-Gale, Davis 2020; Vaxevanopoulos et al. 2021; 2022a; 2022b; и др.

⁴⁸ Karagiorgou et al. 2021, 1195–1200.

Таблица 1. Результаты анализа изотопного состава Pb в пробе свинцового креста из Нижнего города Фанагории

Шифр	$^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$	$^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$	$^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$
ФАН-42	18,8121	15,6632	38,8132

затруднено из-за небольшого объема опубликованных анализов изотопного состава Pb в свинце археологических объектов 9–10 вв. Сужает поле для сравнительного анализа и небольшое количество известных месторождений свинцовых руд, разрабатывавшихся в 9–10 вв., среди всего массива месторождений.⁴⁹ Для сравнения результатов, полученных по изотопному составу Pb креста с раскопа «Нижний город» Фанагории, были привлечены данные по изотопному составу Pb в образцах галенита из шахт Лавриона⁵⁰, из рудных месторождений раннесредневековой Англии⁵¹, Балкан⁵², Рейнской области⁵³; также использованы данные по изотопному составу Pb в свинцовых византийских печатях начала 6 – первой половины 14 в. из коллекции Р. Фейнда⁵⁴, в свинцовых слитках к. 1 в. до н. э. из затонувшего в Адриатическом море у берегов региона Феррара корабля⁵⁵, а также данные, полученные для свинца из керамической скульптуры 5 в. до н. э. в виде головы, найденной в Керченской бухте.⁵⁶

Сравнение результатов изучения свинца фанагорийского креста с изотопным составом Pb в металле перечисленных выше опорных выборок представлено на рисунках (рис. 2–5). Как следует из приведенных данных на Pb-Pb диаграммах, свинец креста лежит за пределами изотопного состава Pb образцов из рудных месторождений раннесредневековой Англии, Балкан (Болгария, Сербия) и Рейнской области (рис. 2, 3). Это указывает, что для изготовления находки из раскопа «Нижний город», скорее, использовался свинец, добытый за пределами расположения известных для средневековья месторождений Англии, Центральной (Германия, Польша) и Южной (Болгария, Сербия) Европы, ставших, преимущественно с 10/11–12 вв., основными регионами добычи металлов. В свою очередь, Pb-Pb диаграммы с полем значений отношений $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, а также с линией смещения в координатах $^{206}\text{Pb}/^{207}\text{Pb}$ vs $^{208}\text{Pb}/^{207}\text{Pb}$, составленных с использованием более раннего материала (античного, римского, византийского периодов), показывает большую близость свинца фанагорийского креста с изотопными характеристиками галенита из шахт Лавриона, свинца из скульптуры 5 в. до н. э., римских свинцовых слитков и византийских печатей начала 6–10 в. (рис. 4, 5). В то же время, сложно однозначно отождествить источник свинца, использовавшегося для изготовления креста, с Лаврионом (из которого получен, в том числе, свинец из Керченской бухты), или с источником свинца для отливки римских слитков (горы Пангеон, Халкидики⁵⁷), или византийских печатей (Киклады, Халкидики, горы Пангеон⁵⁸). Скорее всего, здесь был использован переплавленный мешаный свинец, в том числе, из античных отходов добычи серебра с разных месторождений Восточного Средиземноморья. Его появление в слое «Нижнего города» Фанагории в хазарский период может указывать на включенность этого региона в существовавшие в Эгейском и Чёрном морях торговые пути, где длительное время (вплоть до средневековья) циркулировал такой переработанный «старый» свинец.⁵⁹

Благодарности: приносим искреннюю признательность А. А. Песковой, И. А. Стерлиговой и Т. Ю. Яшаевой за консультации и предоставленную литературу; А. В. Чугаеву за проведенный анализ изотопного состава по методу Pb-Pb.

⁴⁹ Tomczyk 2022, fig. 4.

⁵⁰ <https://brettscaife.net/lead/data/index.html>

⁵¹ Kershaw, Merkel 2023, 263, tab. 4.

⁵² Reclaw et al. 2024, tab. 2.

⁵³ Ströbele et al. 2015, 466, tab. 1.

⁵⁴ Karagiorgou et al. 2021, 1189, tab. 2.

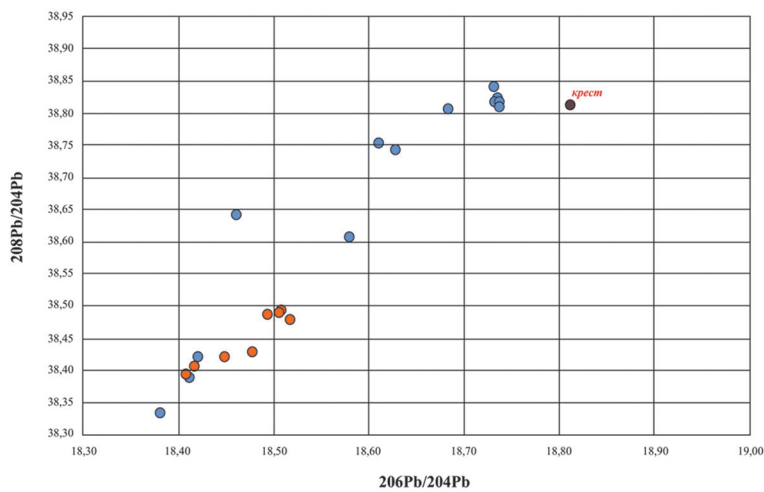
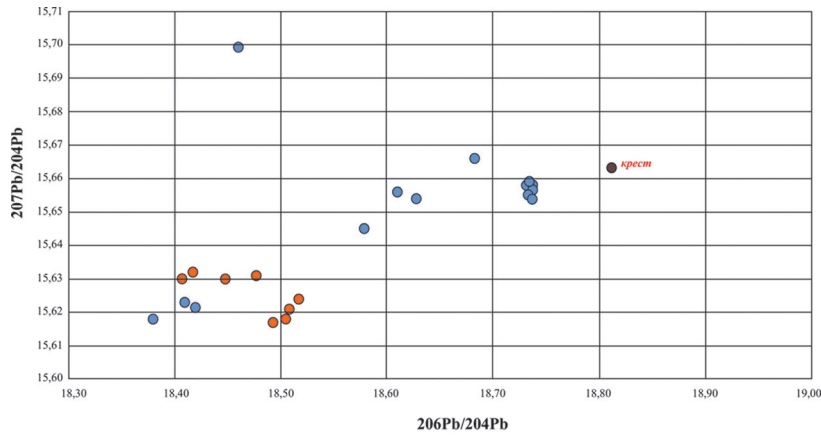
⁵⁵ Bode et al. 2021, tab. 3.

⁵⁶ Кашкаров и др. 2021.

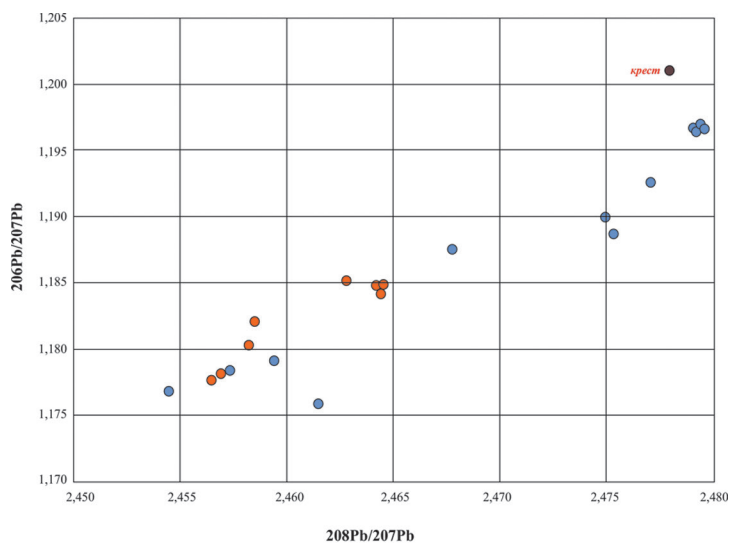
⁵⁷ Bode et al. 2021.

⁵⁸ Karagiorgou et al. 2021, 1195.

⁵⁹ Ibid. 2021, 1202.

- - крест из Нижнего города Фанагории
- - образцы из месторождений свинца Центральной Европы, Балкан (IX/X-XIII вв.)
- - образцы из месторождений свинца Англии (Йорк) (сер. VIII-XI вв.)

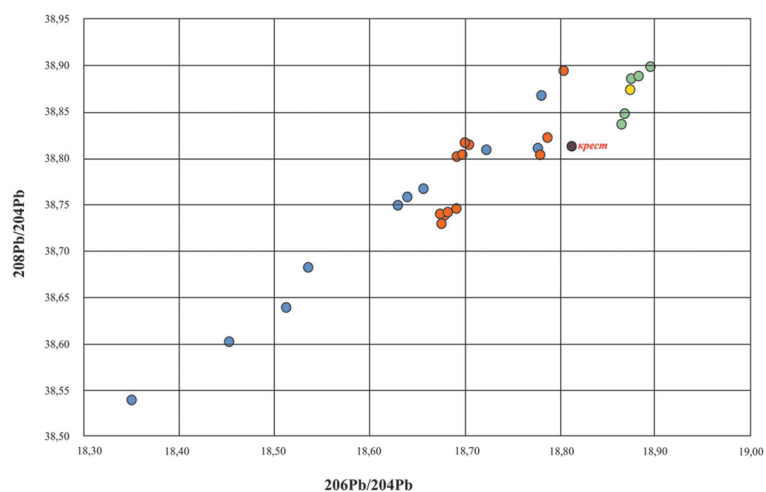
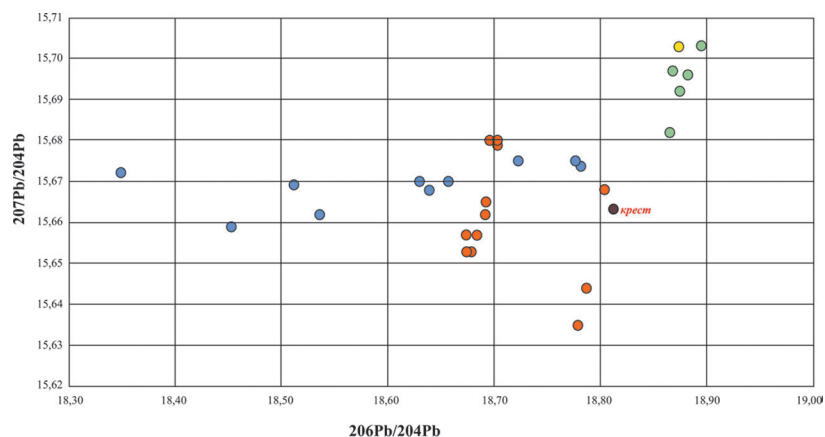

- - крест из Нижнего города Фанагории
- - образцы из месторождений свинца Центральной Европы, Балкан (IX/X-XIII вв.)
- - образцы из месторождений свинца Англии (Йорк) (сер. VIII-XI вв.)

Рис. 2. Сопоставление изотопного состава Pb в свинце креста из Фанагории с изотопным составом свинца сер. 8–13 в. из месторождений в Центральной Европе, на Балканах, в Англии (Kershaw, Merkel 2023, 263, tab. 4; Rec aw et al. 2024, tab. 2; Str bele et al. 2015, 466, tab. 1)

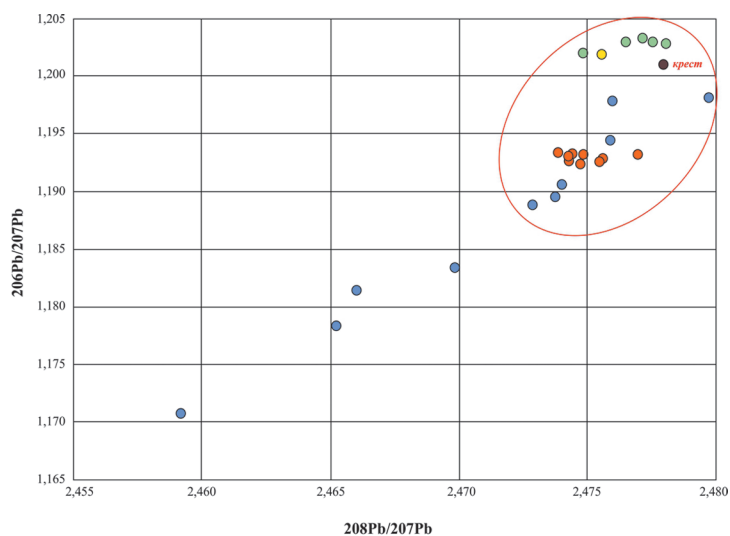
Рис. 3. Сопоставление изотопного состава Pb в свинце креста из Фанагории с изотопным составом свинца сер. 8 – 13 в. из месторождений в Центральной Европе, на Балканах, в Англии (окончание)

Рис. 4. Сопоставление изотопного состава Pb в свинце креста из Фанагории с изотопным составом галенита из шахт Лавриона (<https://brettscaife.net/lead/data/index.html>) и античного свинца из находок в районе Керченской бухты, из региона Феррара, коллекции византийских печатей (Кашкаров и др. 2021; Bode et al. 2021, tab. 3; Karagiorgou et al. 2021, 1189, tab. 2)

- - крест из Нижнего города Фанагории
- - свинец из Керченской бухты
- - византийские печати из коллекции Р.Фейнда
- - образцы из Лавриона
- - римские слитки из затопленного корабля
- - образцы из месторождений свинца Англии (Йорк) (сер. VIII-XI вв.)

Рис. 5. Сопоставление изотопного состава Pb в свинце креста из Фанагории с изотопным составом галенита из шахт Лавриона и античного свинца из находок в районе Керченской бухты, из региона Феррара, коллекции византийских печатей (окончание)

- - крест из Нижнего города Фанагории
- - свинец из Керченской бухты
- - византийские печати из коллекции Р.Фейнда
- - образцы из Лавриона
- - римские слитки из затопленного корабля

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеевко Н. А. 2006. «Херсонский архив печатей»: миф или реальность? // Херсонесский сборник 15, 8–16.
- Асташова Н. И., Сарачева Т. Г. 2007. Коллекция сирийских энколпионов в археологическом собрании ГИМ // *Sacrum et profanum*. II. Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: Праздники и будни. Севастополь–Краков, 19–26.
- Атанасов Г. 2007. Християнският Дуросторум-Дръстър. Доростолската епархия през Късната античност и Средновековието IV–XIV в. История, археология, култура и изкуство. Велико Търново.
- Атанасов Г., Дончева С. 2011. Свинцовые медальоны с изображениями крестов эпохи Первого Болгарского царства (IX–XI вв.) // Памятники материи и духа (*Stratum plus* 6). Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса, 93–113.
- Голофаст Л. А. 2022. Христианство в Фанагории // *Huqanis* 4, 69–106.
- Голофаст Л. А., Романчук А. И., Рыжов С. Г., Антонова И. А. 1991. Византийский Херсон. Каталог выставки. Москва.
- Димитров Я. 1995. Църква и некропол във външния град на Плиска (края на X–XI в.) // Плиска–Преслав 7. Шумен, 43–70.
- Долаберидзе Р. М. 1973. Археологический материал из села Шенако (Тушетия). Тбилиси.
- Дончева С. 2007. Медалиони от средновековна България. Шумен.
- Дончева-Петкова Л. 2011. Средновековни кръстове-энколпиони от България (IX–XIV). София.
- Залеская В. Н. 2012. Кресты св. Петра как печати // Искусство христианского мира 12. Москва, 263–266.
- Известия Археологической комиссии. Вып. 16. Санкт-Петербург, 1905.
- Кашкаров П. К., Ковальчук М. В., Макаров Н. А., Яцишина Е. Б., Грешников Э. А., Анциферова А. А., Волков П. А., Говор Л. И., Ольховский С. И., Преснякова Н. Н., Светогоров Р. Д. 2021. Происхождение свинца в составе античной керамической скульптуры из Керченской бухты // *Кристаллография* 66/1, 159–168.
- Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А. 2010. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК 1, 393–429.
- Кузьминов А. В. 2004. Средневековые кресты-пломбы из находок в бухте Лимена-Кале // Сугдейский сборник I. Киев–Судак, 442–446.
- Майко В. В. 2018. Болгарские христианские раритеты в материальной культуре Восточного Крыма X – первой половины XIII вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Традиции и инновации (Боспорские чтения XIX). Симферополь–Керчь, 275–280.
- Малахов С. Н. 2013. Средневековые энколпионы и кресты-тельники из Верхнего Прикубанья // Н. Е. Берлизов (ред.), Древности Западного Кавказа 1. Краснодар, 179–190.
- Марјановић-Вујовић Г. 1987. Крстови од VI до XII века из збирке Народног музеја. Београд.
- Мусин А. Е. 2021. Пломбы из Дрогичина и «дрогичинские» пломбы: новое в изучении средневековых свинцовых пломб Восточно-Центральной Европы // *Археологические вести* 31, 290–318.
- Олейников О. М. 2019. Нателные кресты Десятинного-1 раскопа в Новгороде // В. Ю. Коваль (ред.), Звучат лишь имена. К юбилею А. А. Мединцевой. Москва, 323–351.
- Пескова А. А., Строкова Л. В. 2012. Христианские древности Византии в «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. Санкт-Петербург–Киев.
- Степанова Е. В. 2001. Судакский архив печатей: предварительные выводы // *АДСВ* 32, 97–108.
- Турова Н. П. 2013. Пещерный христианский комплекс Иограф на юге Крыма // *Stratum plus* 6, 79–105.
- Хайрединова Э. А. 2007. Раннесредневековые кресты из юго-западного Крыма // *МАИЭТ* XIII, 151–182.

- Чернышев И. В., Чугаев А. В., Шатагин К. Н. 2007. Высокоточный изотопный анализ Pb методом многоколлекторной ICP-масс-спектрометрии с нормированием по $^{205}\text{Tl}/^{203}\text{Tl}$: оптимизация и калибровка метода для изучения вариаций изотопного состава Pb // *Геохимия* 11, 1155–1168.
- Чугаев А. В., Чернышев И. В. 2012. Источники поступления серебра для изделий из погребений ранних кочевников Южного Приуралья по результатам изучения изотопного состава Pb высокоточным методом MC-ICP-MS // *Влияния ахемендской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.)*. Т. 1. Москва, 239–246.
- Чугаев А. В., Сапрыкина И. А. 2022. Эволюция источников монетного серебра на Боспоре в V–IV вв. до н. э. – II–III вв. н. э. по данным изотопного анализа Pb // *МАИЭТ XXVII*, 462–485.
- Фарбей А. М., Шаповалов Г. И. 2012. Новые находки votивных якорей в бухте Лимена-Каде близ Судака // *Сугдейский сборник V*. Киев–Судак, 401–406.
- Шаповалов Г. И. 1990. Votивные якоря из Черного моря // *СА* 3, 259–260.
- Шаповалов Г. И. 2002. О находках культовых моделей якорей в Крыму // *Сурож, Сугдея, Солдая в истории и культуре Руси–Украины (Материалы науч. конф. (16–22 сент. 2002 г.))*. Киев–Судак, 276–279.
- Angelini I., Canovaro C., Venturino M., Artioli G. 2019. The Silver Treasure of Marengo: Silver Provenancing and Insights into Late Antiquity Roman and Gallo-Roman Hoards // *Archaeological and Anthropological Sciences* 11/9, 4959–4970.
- Baron S., Le-Carlier C., Carignan J., Ploquin A. 2009. Archaeological Reconstruction of Medieval Lead Production: Implications for Ancient Metal Provenance Studies and Paleopollution Tracing by Pb Isotopes // *Applied Geochemistry* 24, 2093–2101.
- Baron S., Tămaş C. G., Cauuet B., Munoz M. 2011. Lead Isotope Analyses of Gold-silver Ores from Roşia Montană (Romania): a First Step of a Metal Provenance Study of Roman Mining Activity in Alburnus Maior (Roman Dacia) // *Journal of Archeological Science* 38/5, 1090–1100.
- Birch T., Kemmers F., Klein S., Seitz H.-M., Höfer H. E. 2020. Silver for the Greek Colonies: Issues Analysis and Preliminary Results from a Large-scale Coin Sampling Project // K. A. Sheedy, G. Davis (eds.), *Mines, Metals, and Money. Ancient World Studies in Science, Archaeology and History (The Royal Numismatic Society. Special Publication 56)*. London, 101–148.
- Birch T., Westner K. J., Kemmers F., Klein S., Höfer H. E., Seitz H.-M. 2019. Retracing Magna Graecia's Silver: Coupling Lead Isotopes with a Multi-standard Trace Element Procedure // *Archaeometry* 62/5, 1–28.
- Blichert-Toft J., Callataÿ F., Telouk P., Albarède F. 2022. Origin and Fate of the Greatest Accumulation of Silver in Ancient History // *Archaeological and Anthropological Sciences* 14, Article 64.
- Bode M., Hanel N., Rothenhöfer P. 2021. Roman Lead Ingots from Macedonia – the Augustan Shipwreck of Comacchio (prov. Ferrara, Italy) and the Reinterpretation of its Lead Ingots' Provenance Deduced from Lead Isotope Analysis // *Archaeological and Anthropological Sciences* 13/163.
- Cleymans S., Talloen P. 2018. Protection in Life and Death: Pendant Crosses from the Cemetery of Apollo Klarios at Sagalassos, Turkey // *European Journal of Archaeology* 21/2, 280–298.
- Custurea G., Paraschiv-Talmatchi C. 2011. Small Crosses from the Byzantine Period Discovered on the Danube-Pontic Territory // *Etudes Byzantines et Post-Byzantines VI*, 135–148.
- Diaconu P., Vişceanu D. 1972. *Păciul lui Soare. Cetatea bizantină I*. Bucureşti.
- Durali-Mueller S., Brey G. P., Wigg-Wolf D., Lahaye Y. 2007. Roman Lead Mining in Germany: its Origin and Development through Time Deduced from Lead Isotope Provenance Studies // *Journal of Archaeological Science* 34/10, 1555–1567.
- Ercegović-Pavlović S. 1980. Les necropolis romaines et médiévales de Mačvanska Mitrovica // V. Popović (ed.), *Simium XII. Recherches archéologiques en Syrmie*. Beograd.
- Gale N. H., Stos-Gale Z. 1981. Lead and Silver in the Ancient Aegean // *Scientific American* 244/6, 176–193.

- Gauthier J., Téreygeol F. 2013. Small Scale Reduction of Argentiferous Galena: First Experimental Approach of Ores Assaying Techniques // *Accidental and Experimental Archaeometallurgy*. London, 143–148.
- Georgousakis D. S. 2022. Binding Power of Lead: Magica and Amuletic Uses of Lead in Late Antique and Byzantine Periods // *Journal of the Turkish Institute of Archaeology and Cultural Heritage* 2, 199–224.
- Gill M.V. 1986. The Small Finds // R.M. Harrison, *Excavations at Saraçhane in Istanbul*. Vol. I. The Excavations, Structures, Architectural Decoration, Small Finds, Coins, Bones, and Molluscs. Princeton, 226–277.
- Karagiorgou O., Merkel S., Wołoszyn M. 2021. A Contribution to the Technology and Sources of Lead in Byzantium: Lead Isotope Analysis of Ten Byzantine Seals // *Byzantinische Zeitschrift* 114/3, 1161–1203.
- Kershaw J., Merkel S. 2023. International Trade in Outland Resources: the Mining and Export of Lead in Early Medieval England in Light of New Isotope Data from York // *Medieval Archaeology* 67/2, 249–282.
- Lead Isotope Ratios for Mediterranean Ores. 2020. Brettiscaife.net. <https://brettiscaife.net/lead/data/index.html>.
- Mănușcu-Adameșteanu G. 2020. *Civilisation Byzantine. I. Témoignages chrétiens d'époque byzantine au nord de la Dobroudja, départements de Tulcea et de Constanta, Xème–XIVème siècles. Deuxième partie. Catalogue*. București.
- Niederschlag E., Pernicka E., Seifert T., Bartelheim M. 2003. The Determination of Lead Isotope Ratios by Multiple Collector Icp-MS: A Case Study of Early Bronze Age Artefacts and their Possible Relation with Ore Deposits of the Erzgebirge // *Archaeometry* 45/1, 61–100.
- Reclaw J., Sierpień P., Karasiński J., Kamenov G., Powell W., Marciniak-Maliszewska B., Kałaska M. 2024. The Origin of Lead Artifacts from Novae: Applications of Pb Isotopes in Identifying the Provenance of Roman Artifacts from N. Bulgaria // *Heritage Science* 12, 40. <https://doi.org/10.1186/s40494-024-01151-2>.
- Rozmus D., Szmoniewski B. Sz. 2008. Early Medieval Lead Processing in the Slavic Territories and the Possible Mention of Trade in Lead by Ibrāhīm ibn Ya'qūb // *Revista Peuce. Serie nouă VI*, 323–330.
- Spinei V. 1975. Les relations de la Moldavie avec Byzance et la Russie au premier quart du IIe millénaire à la lumière des sources archéologiques // *Dacia. Revue d'archéologie et d'histoire ancienne. Nouvelle série XIX*, 227–242.
- Stos-Gale Z., Gale N. 2009. Metal Provenancing Using Isotopes and the Oxford Archaeological Lead Isotope Database (OXALID) // *Archaeological and Anthropological Sciences* 1, 195–213.
- Stos-Gale Z.A., Davis G. 2020. The Minting/Mining Nexus: New Understandings of Archaic Greek Silver Coinage from Lead Isotope Analysis // K. A. Sheedy, G. Davis (eds.), *Mines, Metals, and Money. Ancient World Studies in Science, Archaeology and History (Metallurgy in Numismatics 6)*. London, 87–100.
- Ströbele F., Hildebrandt L.H., Baumann A., Pernicka E., Markl G. 2015. Pb Isotope Data of Roman and Medieval Objects from Wiesloch near Heidelberg, Germany // *Archaeological Anthropology Sciences* 7, 465–472.
- Tomczyk C. 2022. A Database of Lead Isotopic Signatures of Copper and Lead Ores for Europe and the Near East // *Journal of Archaeological Science*, 146, 105657. doi.org/10.1016/j.jas.2022.105657.
- Vaxevanopoulos M., Blichert-Toft J., Davis G., Albarède F. 2022a. New Findings of Ancient Greek Silver Sources // *Journal of Archaeological Science* 137, 105474. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2021.105474>.
- Vaxevanopoulos M., Davis G., Milot J., Blichert-Toft J., Malod-Dognin C., Albarède F. 2022b. Narrowing Provenance for Ancient Greek Silver Coins Using Ag Isotopes and Sb Contents of Potential Ores // *Journal of Archaeological Science* 145, 105645. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2022.105645>.

- Vinski Z. 1968. Krstoliki nakit epohe seobe naroda u Jugoslaviji // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. Serija III, 3, 103–166.
- Vinski Z. 1970. O postojanju radionica nakita starohrvatskog doba u Sisku // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. Serija III, 4, 45–91.
- Zalesskaya V. 2015. The Relationship of Byzantine Chersonesus with the Danubian Provinces in the 6th–10th Centuries AD // G. R. Tsetschladze, A. Avram, J. Hargrave (eds.), *The Danubian Lands Between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC–10th Century AD)*. Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities (Belgrade, 17–21 September 2013). Oxford, 559.

Д. В. Журавлев, Л. Хршановски, Г. С. Чебышев

СВЕТИЛЬНИКИ С ТЕРРИТОРИИ АЗИАТСКОГО БОСПОРА В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ¹

Аннотация. В собрании Государственного исторического музея хранится значительная коллекция керамических светильников из Северного Причерноморья и Средиземноморья 6 в. до н. э. – 5 в. н. э. Значительная часть этих светильников была найдена на памятниках Азиатского Боспора. Важно отметить, что рассматриваемые светильники выявлены не только на городищах, но также в некрополях и отдельных культовых комплексах. Отдельного внимания заслуживает светильник типа «корона» из святилища Деметры со святилища Береговой 4.

Светильники Азиатского Боспора происходят из раскопок 19 в. (К. К. Герц), 30-х – 70-х годов 20 в. (работы В. Д. Блаватского, Н. И. Сокольского, Н. П. Сорокиной и других исследователей), и из раскопок последних лет (Д. В. Журавлев). Авторы ставят вопрос об импорте и местном производстве разных типов осветительных приборов античного и позднеантичного времени. Большинство публикуемых в статье светильников издаются впервые.

Ключевые слова. Светильник, хронология, иконография, местное производство.

D. V. Zhuravlev, L. Chrzanovski, G. S. Chebyshev
LAMPS FROM THE ASIAN PART OF THE BOSPOROS FROM THE COLLECTION
OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM

Abstract. The collection of the State Historical Museum contains a significant collection of ceramic oil lamps from the Northern Black Sea region and the Mediterranean region of the 6th century BC – 5th century AD. An important part of these lamps comes from sites of the Asian Bosphoros. It should be noted that the studied objects were found not only in settlements, but also in cemeteries and separately located cult complexes. Corona lamp from the sanctuary of Demeter from site Beregovo 4 deserve special attention.

The lamps of the Asian Bosphoros come from excavations of the 19th century (K. K. Goertz), from the 30s to the 70s of the 20th century (excavations by V. D. Blavatsky, N. I. Sokolsky, N. P. Sorokina and other researchers), and from excavations in recent years (D. V. Zhuravlev). The authors raise the question of the import and local production of various types of lighting devices of ancient and late antique periods. Most of the lamps published in the article are published for the first time.

Keywords. Lamp, chronology, iconography, local production.

В собрании Государственного исторического музея хранится значительная коллекция керамических светильников² из Северного Причерноморья и Средиземноморья. Лишь небольшая часть этой коллекции была опубликована³, остальные светильники дождаются издания.

Авторы решили посвятить эту публикацию светильникам из раскопок памятников Азиатского Боспора.⁴ Изучение античных осветительных приборов долгие годы не было приоритетной темой для отечественных исследователей. В нашей статье представлены светильники из раскопок К. К. Герца, В. Д. Блаватского, А. П. Смирнова, А. С. Башкирова, Н. И. Сокольского, Н. П. Сорокиной, Б. Г. Петерса, Д. В. Журавлева и других исследователей. Мы не ставили перед собой задачу указания всех аналогий для публикуемых светильников, важнее было ввести в научный оборот значительную коллекцию, которая долгие годы была неиз-

¹ Рисунки светильников выполнены в разные годы А. Н. Ворошиловым, И. В. Рукавишниковой, А. Н. Трифионовой, Г. С. Чебышевым, П. Д. Курныковой; фото – И. А. Седеньковым. Мы благодарны хранителю коллекций с Азиатского Боспора в ГИМ Г. А. Ломтадзе за помощь в работе.

² Мы сознательно не включили в нашу публикацию многочисленные обломки светильников, атрибуция которых вызывает вопросы. В статью также не включены фрагменты светильников из поселения Ахтанизовская 4 (раскопки Г. А. Ломтадзе). Некоторые коллекции, в первую очередь из раскопок Н. И. Сокольского, переданные в свое время из ИА РАН, находятся в музее на временном хранении и в обработке, поэтому точные музейные номера для них отсутствуют.

³ Chrzanovski, Zhuravlev 1998; Журавлев, Хршановски 2003; и др.

⁴ Обзор коллекций с Азиатского Боспора в Историческом музее см. Журавлев 2010.

вестна специалистам. Осознаем, что впоследствии потребуются коррективы и уточнения, касающиеся как места находки и инвентарного номера в музее, так и датировки отдельных экземпляров. Для удобства читателей представлен список распределения светильников по памятникам, из раскопок которых происходят рассматриваемые нами предметы (Прилож. 1).

Howland Type 12-A

К этому типу относятся открытые однорожковые светильники с коническим выступом в центре дна. Носик широкий и толстый, его основание находится на уровне нижней части тулова, овальное отверстие для фитиля проходит близко к плечикам. Дно светильника плоское, но поднимается в центре конический выступ. От более распространенного в Северном Причерноморье Howland type 16B они отличаются менее уплощенной формой плечиков. Именно на примере типа 12A Хоуландом отмечается возросший уровень качества покрытия лаком по сравнению с более ранними изделиями данной категории. В зависимости от глины и специфики окрашивания лаком в качестве центров производства выделяется Аттика, Иония, Коринф и, вероятно, Пелопоннес. Исследователь предлагает для данного типа хронологический разброс со второй половины 6 в. до н. э. по начало 5 в. до н. э. Находки подобных ламп широко представлены в Средиземноморье и Причерноморье.⁵

Светильники из нашей коллекции являются изделиями восточногреческого производства, но точно определить центр пока не представляется возможным. Поэтому указываем «Иония» в центре производства, отчетливо понимая неполноту этого определения.

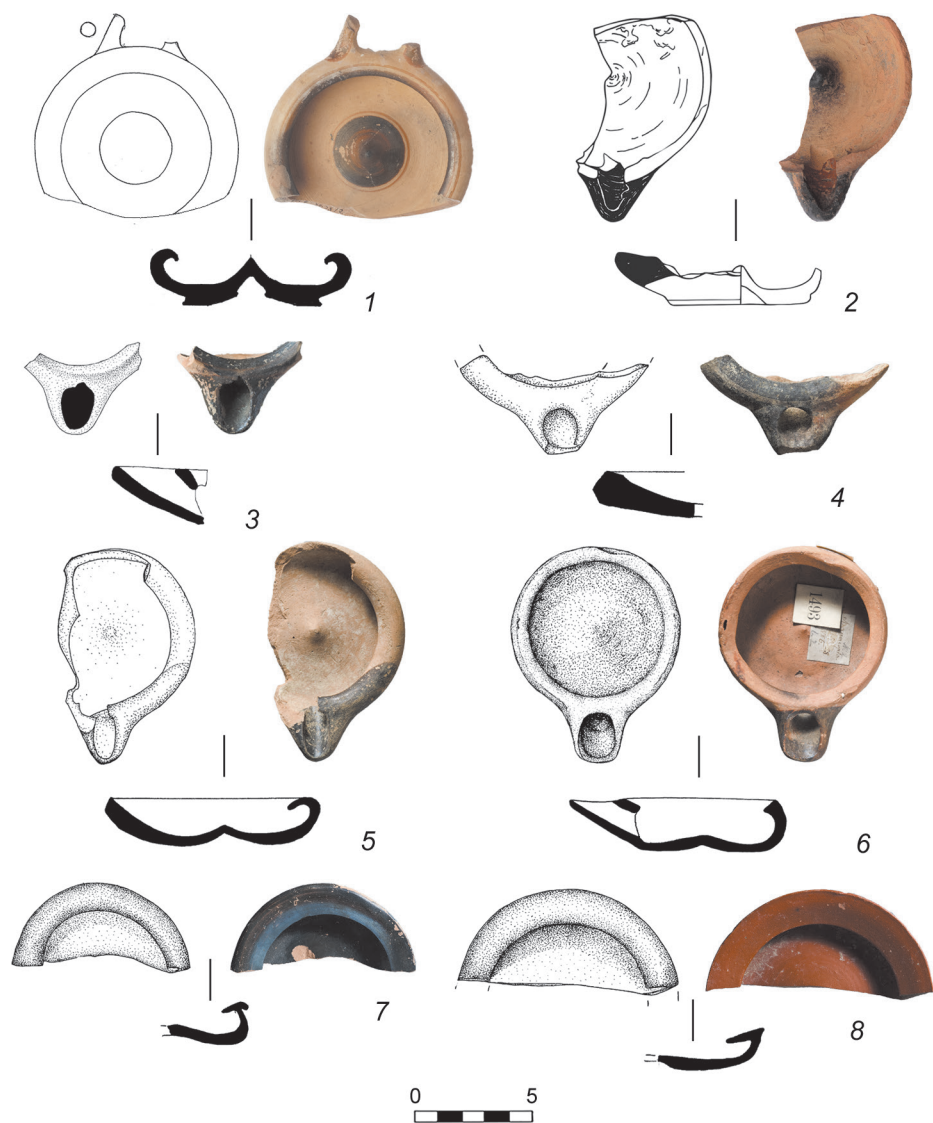
Кат. 1 (табл. 1. 1). Светильник открытый с коническим выступом в центре дна. Тулово низкое округлой формы. Плечи вертикально загнуты внутрь вместилища. Сохранились корни горизонтальной петлевидной ручки. Небольшая часть плечиков и конический выступ покрыты черным и бурым лаком с подтеками. Глина светло-красная. Сохранность: отломана ручка и часть с рожком. Пос. Голубицкая 2. Раскоп 2, кв. 38, шт. 2, № 178. Раскопки Д. В. Журавлева, 2012 г.⁶ Размеры: Н – 2,3 см; l – 8,7 см; d – 8 см. ГИМ 114524. Оп. Б 2105/168. Иония. Вторая половина 6 в. до н. э.

Кат. 2 (табл. 1. 2). Светильник открытый с коническим выступом в центре дна. Тулово низкое округлой формы. Рожок вытянут, приподнят, подтреугольной формы. Рожок и конический выступ покрыты черным и бурым лаком с подтеками. Глина светло-красная. Фрагментирован: утрачена часть тулова. Размеры: Н – 2,5 см; l – 8,8 см; d – 6,5 см. Пос. Голубицкая 2. Раскоп 7, № 253. Раскопки Д. В. Журавлева, 2023 г. ГИМ. Оп. Б 2238/11. Иония. Вторая половина 6 в. до н. э.

Кат. 3 (табл. 1. 3). Светильника открытого однорожкового фрагмент. Тулово низкое округлой формы. Плечи вертикально загнуты внутрь вместилища. Рожок широкий, вытянут, приподнят. Его основание находится на уровне нижней части тулова, овальное отверстие для фитиля проходит близко к плечикам. Рожок, небольшая часть плечиков и конический выступ покрыты чёрным и бурым

⁵ Howland 1958, nos. 79–81; Kassab Tezgöb, Sezer 1995, nos. 107–112; Журавлев, Быковская, Желтикова 2007, № 23–73; и др.

⁶ Журавлев, Шлотцауер 2014, 164, рис. 15. 4.

Табл. 1. Ионийские светильники позднеархаического и классического времени (Кат. 1–8)

лаком с подтеками. Глина светло-красная. Сохранность: утрачена большая часть светильника.

Размеры: Н – 2,1 см; l – 3,3 см; d – 5,1 см.

Кепы. Раскоп «Западный», кв. XIV/7, № 1092. Раскопки Н. И. Сокольского, 1969 г. Иония. Начало 5 в. до н. э.

Кат. 4 (табл. 1. 4). Светильника открытого однорожкового фрагмент. Тулово низкое округлой формы. Плечи вертикально загнуты внутрь вместилища. Рожок широкий, вытянут, приподнят. Его основание находится на уровне нижней части тулова, овальное отверстие для фитиля проходит близко к плечикам. Плечи украшены полосой из черного лака. Глина светло-красная. Сохранность: утрачена большая часть светильника, сбит кончик рожка.

Размеры: Н – 2,3 см; l – 3,4 см; d – 8 см.

Кепы. Раскоп «А», XLVII/юж. бровка, шт. 2. № 418. Раскопки Н. И. Сокольского, 1970 г. ГИМ. Оп. Б 1996.

Боспор. Начало 5 в. до н. э.

Кат. 5 (табл. 1. 5). Светильник открытый однорожковый. Тулово низкое округлой формы. Узкие плечи загнуты внутрь вместилища. В центре вместилища небольшой конический выступ. Рожок вытянут, приподнят. Его основание находится на уровне нижней части тулова, овальное отверстие для фитиля проходит близко к плечикам. Рожок и небольшая часть плечиков покрыты чернобурым лаком. Глина светло-красная. Сохранность: утрачена треть тулова светильника и часть плеча-перегородки в районе рожка.

Размеры: Н – 2,2 см; l – 8,7 см; d – 5,5 см.

Кепы. Раскоп «А», XLVI/арх. слой, № 407. Раскопки Н. И. Сокольского, 1970 г.

ГИМ. Оп. Б 1996.

Иония. Конец 6 – начало 5 в. до н. э.

Кат. 6 (табл. 1. 6). Светильник открытый однорожковый. Тулово низкое округлой формы. Узкие плечи загнуты внутрь вместилища. В центре вместилища небольшой конический выступ. Рожок вытянут, приподнят, покрыт чернобурым лаком. Его основание находится на уровне нижней части тулова, овальное отверстие для фитиля проходит близко к плечикам. Глина светло-красная. Сохранность: незначительные сколы.

Размеры: Н – 2,3 см; l – 8,7 см; d – 6,9 см.

Фанагория, раскопки К. К. Герца, 1859 г. Поступил из Румянцевского музея.⁷

ГИМ 54746. Оп. Б 94/21.

Иония. Начало 5 в. до н. э.

Howland Type 16 A

К Типу 16 относятся светильники, изготовленные на гончарном круге, имеют одну общую характеристику: плоский или слегка выпуклый ободок, который выступает за внешнюю часть и большую часть внутренней части.⁸ Существует несколько подразделений этого типа в соответствии с местом изготовления и шириной обода. Самый ранний, Тип 16 А, представляет собой группу ламп из Коринфа, по-видимому, экспортированных оттуда в некотором количестве в первой половине 6 в. до н. э. В этот период экспорт аттической керамики еще не достиг объемов, которые мы наблюдаем позднее. Коринфские изделия все еще имели широкие рынки сбыта, и светильники были в составе коринфского импорта в Афины и другие центры. Некоторые из этих коринфских ламп вскоре были скопированы афинскими производителями (тип 16 В)⁹, а немного позже фиксируется интересный феномен: аттическая копия коринфского оригинала была скопирована в Коринфе после того, как условия торговли изменились, и Афины стали главным экспортером керамической продукции. Это произошло позднее, во второй половине 6 в. до н. э.

Кат. 7 (табл. 1. 7). Светильника открытого однорожкового фрагмент. Сохранилась часть тулова с широкими плечами, выступающими за контур тулова и заглубленные в сторону вместилища. В центре конический выступ. Плечи и внутренняя часть вместилища покрыты густым черным лаком. Глина светло-красная. Сохранность: утрачена большая часть светильника, сколы на плечах и во вместилище.

Размеры: Н – 1,9 см; l – 3,5 см; d – 8,6 см.

Кепы. Раскоп «А», XLIII/10, № 135. Раскопки Н. И. Сокольского, 1970 г.

ГИМ. Оп. Б 1996.

Аттика. Середина – третья четверть 6 в. до н. э.

⁷ Румянцевский музей 1905, 60, № 1493.

⁸ Howland 1958, 30–31.

⁹ Ibid., 31–33.

Howland Type 16 B

Кат. 8 (табл. 1. 8). Светильника открытого однорожкового фрагмент. Сохранилась часть тулова с широкими плечами, заглубленными в сторону вместилища. В центре конический выступ. Плечи и открытая часть вместилища покрыты красным лаком. Глина светло-красная. Сохранность: утрачена большая часть светильника, потертости.

Размеры: Н – 1,9 см; l – 3,5 см; d – 8,6 см.

Кепы. Раскоп «А», XLIII/10, № 135. Раскопки Н. И. Сокольского, 1970 г.

ГИМ. Оп. Б 1996.

Июния (?). Середина – третья четверть 6 в. до н. э.

Кат. 9 (табл. 2. 9). Светильника закрытого однорожкового фрагмент. Сохранилась часть тулова с плечами и щитком, ограниченным от плеч рельефным переходом наверх. Рожок широкий, вытянут, приподнят. Рожок, щиток и плечи и внутренняя покрыты густыми слоями черного и красного лака. Глина светло-красная. Сохранность: утрачена большая часть светильника, сколы на плечах, в двух фрагментах.

Размеры: Н – 1,9 см; l – 9,4 см; d – 7,6 см.

Ст. Тамань, Гермонасса. Кв. XXVII–XXVIII, шт. 49. Раскопки И. Б. Зеест, 1957 г.

ГИМ 95774. Оп. Б 1072/306.

Аттика. Середина – третья четверть 6 в. до н. э.

Howland type 19A – Broneer III

Тип выделен двумя исследователями – О. Брониром и Р. Хоуландом. Р. Хоуланд включает сюда однорожковые и двухрожковые светильники с остроугольным переходом от тулова к рожку, покрытые чёрным и светло-коричневым лаком. Тем не менее, чаще встречаются именно следующие двухрожковые варианты: низкие открытые светильники, с вогнутыми внутрь плечиками. В центре дна расположена конусовидная втулка, что также является характерной чертой указанного типа. Рожки короткие, скругленные. На внешней и внутренней поверхности светильника могут сохраниться следы лакового покрытия. Для данного типа Хоуландом предлагается относительно узкая датировка: последняя четверть 6 в. до н. э. – 480 г. до н. э. Учитывая простоту и лаконичность формы, исследователь отмечает, что такие изделия в больших количествах изготавливались в аттических и ионийских центрах, различаясь между собой зачастую лишь лаковым покрытием и формой рожка.¹⁰ Аттические экземпляры покрывались лаком полностью, а ионийские и родосские аналоги могли быть орнаментированы полосами чёрного, бурого или красного лака, а также иногда и белой краски. По мнению О. Бронира, изначальная модель такого типа происходит именно из Коринфа, мастера из Аттики и различных ионийских центров заимствовали эту форму.

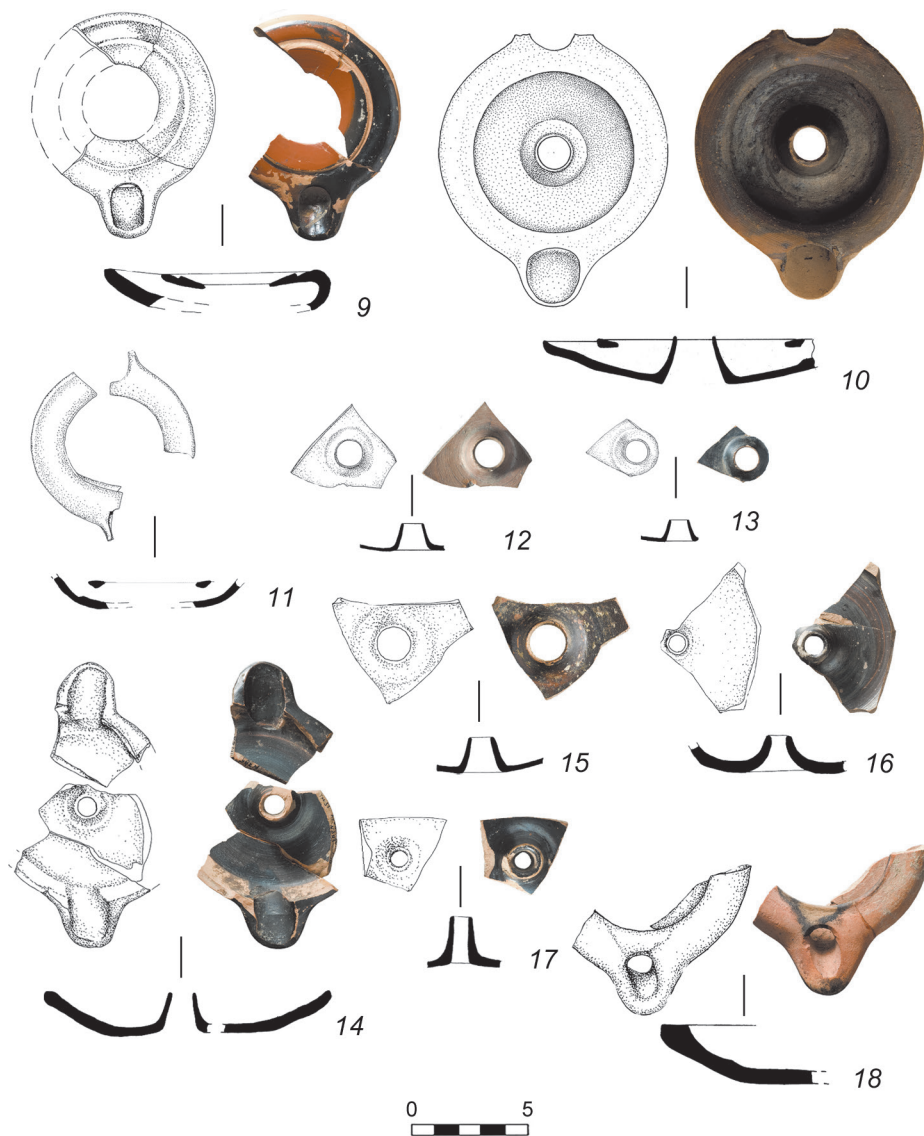
Эти светильники получили широкое распространение по всей территории греческой ойкумены, в том числе и в Северном Причерноморье.¹¹

Кат. 10 (табл. 2. 10). Светильник открытый двухрожковый со втулкой в центре. Плечики широкие, скошены в сторону вместилища. Тулово конической втулкой в центре вместилища. Широкие рожки вытянуты, приподняты. Внешняя поверхность плечиков и видимая часть вместилища покрыты полосами черного лака с подтеками. Глина светло-красная. Сохранность: утрачена часть одного рожка, потертости.

¹⁰ Howland 1958, 41.

¹¹ Menzel 1969, 12, Abb. 2. 6; Dupont 2005, fig. 2i; Kassab Tezgör, Sezer 1995, 106; Журавлев, Быковская, Желтикова 2007, кат. № 1–16.

Табл. 2. Ионийские и аттические светильники позднеархаического и классического времени (Кат. 9–18)

Размеры: Н – 2,1 см; l – 11,6 см; d – 9,8 см.

Пос. Голубицкая 2. Раскоп 1, кв. 54, яма 34. Раскопки Д. В. Журавлева, 2011 г.¹²
ГИМ 114539. Оп. Б 2092/42.

Иония (?). Вторая половина 6 в. до н. э.

Кат. 11 (табл. 2. 11). Светильника открытого двухрожкового фрагменты. Сохранилось два фрагмента стенок с широкими плоскими плечами, немного скошенными в сторону вместилища вместе с остатками широких приподнятых рожков. Внешняя поверхность плеч, рожков и часть вместилища покрыты жидким черно-бурым лаком. Глина светло-красная. Сохранность: отсутствует большая часть светильника, один из фрагментов склеен из двух.

Размеры: Н – 1,6 см; l – 9,1 см; d – 9,1 см.

Ст. Тамань, Гермонасса. Кв. XVII–XVIII, шт. 50. Раскопки И. Б. Зеест, 1957 г.
ГИМ 95774. Оп. Б 1072/396, 398.

Иония. 5 в. до н. э.

¹² Журавлев, Шлотцауер 2014, 164, рис. 15.3.

Кат. 12 (табл. 2. 12). Светильника открытого двухрожкового фрагмент. Сохранилась часть тулова с широкой конической втулкой в центре фрагмента. Внутренняя поверхность покрыта лаком светло-коричневого оттенка. Глина светло-красная. Сохранность: отсутствует большая часть тулова. сколы.

Размеры: Н – 1,9 см; l – 6,7 см.

Ст. Тамань, Гермонасса. Кв. XVII–XVIII, шт. 48. Раскопки И. Б. Зеест, 1957 г.

ГИМ 95774. Оп. Б 1072/236.

Иония. 5 в. до н. э.

Кат. 13 (табл. 2. 13). Светильника открытого двухрожкового фрагмент. Сохранилась часть низкого тулова с широкой конической втулкой в центре фрагмента. Внутренняя поверхность покрыта чёрным лаком. Глина светло-красная. Сохранность: отсутствует большая часть тулова. Состоит из двух фрагментов, склеен, сколы.

Размеры: Н – 1,8 см; l – 5 см; d –? см.

Ст. Тамань, Гермонасса. Кв. XVII–XVIII, шт. 49. Раскопки И. Б. Зеест, 1957 г.

ГИМ 95997. Оп. Б 1072/1225.

Иония. 5 в. до н. э.

Кат. 14 (табл. 2. 14). Светильника открытого двухрожкового фрагмент. Сохранилась часть низкого тулова с конической втулкой в центре одного из фрагментов. Рожки вытянуты, приподняты. Поверхность покрыта чёрным и бурым лаком. Глина светло-красная. Сохранность: отсутствует большая часть тулова. Состоит из двух фрагментов, склеен, сколы.

Размеры: Н – 2,5 см; l – 6,9 + 5,3 см; d –? см.

Ст. Тамань, Гермонасса. Кв. XVII–XVIII, шт. 50. Раскопки И. Б. Зеест, 1957 г.

ГИМ 95774. Оп. Б 1072/393.

Иония. 5 в. до н. э.

Кат. 15 (табл. 2. 15). Светильника открытого двухрожкового фрагмент. Сохранилась широкая коническая втулка в центре фрагмента. Внутренняя поверхность светильника покрыта черно-бурым лаком. Глина светло-красная. Сохранность: отсутствует большая часть тулова, сколы, потертости, заизвесткован.

Размеры: Н – 2 см; l – 4,7 см.

Ст. Тамань, Гермонасса. Кв. XVII–XVIII, шт. 49. Раскопки И. Б. Зеест, 1957 г.

ГИМ 95774. Оп. Б 1072/308.

Иония. 5 в. до н. э.

Кат. 16 (табл. 2. 16). Светильника открытого фрагмент. Сохранилась коническая втулка в центре одного из фрагментов. Внутренняя поверхность светильника покрыта черно-бурым лаком, внешняя поверхность покрыта светло-коричневым лаком. Глина светло-красная. Сохранность: утрачена большая часть светильника, склеен из трех фрагментов.

Размеры: Н – 2,1 см; l – 6,4 см; d –? см.

Ст. Тамань, Гермонасса. Кв. XVII–XVIII, юж. часть, шт. 53. Раскопки И. Б. Зеест, 1957 г.

ГИМ 95774. Оп. Б 1072/1660.

Иония (?). 5 в. до н. э.

Кат. 17 (табл. 2. 17). Светильника открытого двухрожкового фрагмент. Сохранилась коническая втулка в центре одного из фрагментов. Внутренняя поверхность светильника покрыта густым черным лаком. Глина светло-красная. Сохранность: отсутствует большая часть тулова, сколы.

Размеры: Н – 2,2 см; l – 3,1 см.

Ст. Тамань, Гермонасса. Кв. XVII–XVIII, юж. часть, шт. 47. Раскопки И. Б. Зеест, 1957 г.

ГИМ 95774. Оп. Б 1072/1075.

Июния. 5 в. до н. э.

Howland Type 21¹³

К типу Howland 21 относят открытые однорожковые светильники с округлыми плечиками, загнутыми внутрь вместилища, и низким туловом.¹⁴ Дно у подобных изделий чаще всего плоское, редко встречаются варианты с вогнутым в центре дном. Рожок короткий, слегка вытянут, расположен на одном уровне с туловом. Отверстие для фитиля зачастую довольно широкое, занимает значительную часть рожка. Поверхность покрыта чёрным лаком. Для большинства ламп характерно наличие горизонтальной ручки, хотя известны примеры изделий, изготовленных и без неё. Учитывая известные аналогии, их можно датировать второй половиной 5 в. до н. э. На Боспоре и за его пределами известно много светильников этого облика¹⁵, но все они, как и публикуемые в нашем каталоге, – местные имитации распространенного типа, с более поздней датировкой.¹⁶

Кат. 18 (табл. 2. 18). Светильника красноглиняного открытого фрагмент. Низкое тулово округлой формы, плечики закругляются вниз в сторону вместилища. Вместилище обрамлено слабовыраженным валиком. Рожок широкий, вытянут, приподнят, со следами гари. Глина светло-красная с известковыми включениями. Сохранность: отсутствует большая часть светильника, склеен из двух фрагментов, сколы.

Размеры: Н – 2,2 см; l – 6,5 см; d – 7,9 см.

Кепы. Раскоп «А», кв. 204/2, № 419. Раскопки Н. И. Сокольского, 1970 г.

ГИМ. Оп. Б 1996.

Боспор. 4 в. до н. э.

Кат. 19 (табл. 3. 19). Светильник однорожковый открытый. Низкое коническое тулово. Узкие плечики поднимаются в сторону вместилища. Канал рожка приподнят. Ручка горизонтальная петлевидная. Плоский кольцевой поддон. Глина красно-коричневая. Основание рожка и часть тулова закопчены. Сохранность: утрачен рожок, сколы и заизвесткованность. Размеры: Н – 3,6 см; l – 9,9 см; d – 8,1 см.

Пос. Голубицкая 2. Раскоп 1, кв. 57, шт. 10. Раскопки Д. В. Журавлева, 2007 г.

ГИМ 113457. Оп. Б 2076/27.

Боспор. 4–3 вв. до н. э.

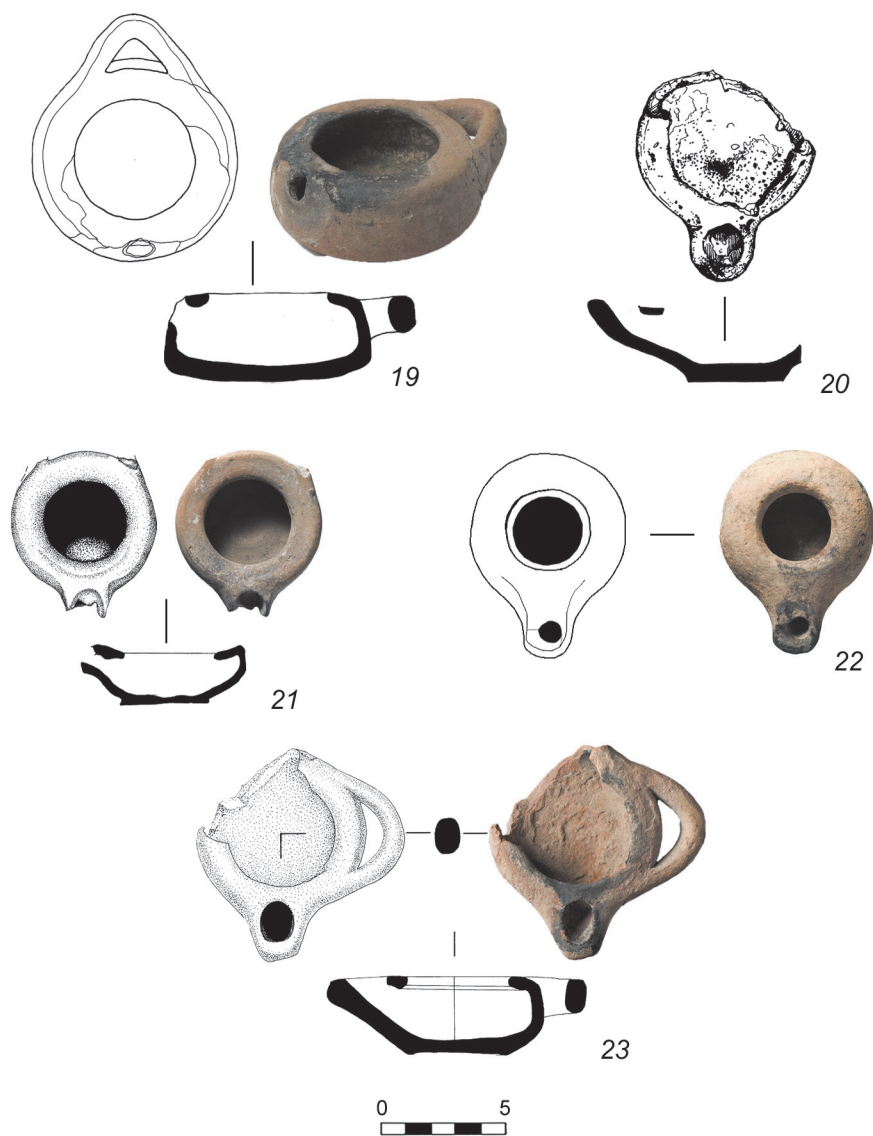
Кат. 20 (табл. 3. 20). Светильника красноглиняного открытого фрагмент. Низкое тулово округлой формы, плечики скошены вниз в сторону вместилища. Рожок широкий, вытянут, приподнят. Выраженный круглый поддон со следами от гончарного круга. Глина светло-красная с включениями пироксена и известняка. Сохранность: отсутствует задняя стенка светильника и часть тулова, сколы и заизвесткованность.

¹³ Светильники красноглиняные однорожковые с горизонтальной ручкой (Журавлев, Быковская, Желтикова 2007).

¹⁴ Howland 1958, 44–46.

¹⁵ Вальдагер 1914, 5, 20, № 17; Кругликова 1956, 133, рис. 8, 9; Журавлев 2002, 180; 2004, 121; Журавлев, Быковская, Желтикова 2007, кат. № 199–201; ср. Bailey 1975, 74.

¹⁶ Журавлев, Быковская, Желтикова 2007, 115.

Табл. 3. Боспорские светильники позднеклассического и эллинистического времени (Кат. 19–23)

Размеры: Н – 2,7 см; l – 8,2 см; d – 7,4 см.

Западно-Цукурское поселение. МТФ, кв. I, шт. 10. Раскопки Д. Б. Шелова, 1951 г. ГИМ 83819. Оп. Б 904/235.

Боспор. 4–3 вв. до н. э.

Локальная имитация Howland 21C

Кат. 21 (табл. 3. 21). Светильник однорожковый открытый. Низкое конусовидное тулово. Узкие плоские плечики слегка загнуты внутрь вместилища. Рожок приподнят и удлинен. Сохранились корни горизонтальной ручки. Плоский кольцевой поддон с воронковидным углублением. В центре дна изнутри небольшой конический выступ. Глина светло-красная. Рожок и часть тулова закопчены. Сохранность: утрачены ручка и часть рожка, незначительные сколы.

Размеры: Н – 2,7 см¹⁷; l – 7,8 см; d – 6,9 см.

Пос. За Родину («Румынский»). Таманский толос, кв.14-П, вымостка, № 53, № 391. Раскопки Н. И. Сокольского, 1971 г.¹⁸

¹⁷ В публикации 2022 г. (Журавлев, Ломтадзе 2022, 90) высота светильника указана ошибочно.

¹⁸ Журавлев, Ломтадзе 2022, 90–92, рис. 15, 16, № 49.

ГИМ 103991. Оп. Б 1763/324.

Боспор. Оригинальные чернолаковые светильники датируются последней четвертью 5 в. до н. э. – началом 4 в. до н. э., отдельные экземпляры встречаются и в 3 в. до н. э.¹⁹ Наш светильник, вне всяких сомнений, является боспорской копией оригинального аттического светильника, и может датироваться 4–3 вв. до н. э.

Светильник близкий типу Howland 24C

Небольшая переходная группа между типами 24А и 25А ламп сочетает в себе некоторые элементы обоих типов. Для 24С характерны изогнутые стенки с неглубокими концентрическими канавками и выступами на стыке стенок и плечиков, что напоминает тип 24А. Поддоны маленькие, изогнутое дно стенок переходит в узкий кольцевой поддон основания, как в типе 25А. Большинство светильников типа имеют широкие горизонтальные ленточные ручки и длинные узкие рожки. Такие ручки встречаются в типах 24А и 25А, в то время как рожки похожи на обычные образцы, которые можно увидеть в типе 25А.

Кат. 22 (табл. 3. 22). Светильник закрытый однорожковый. Тулово биконической формы. Плечи скруглены в сторону вместилища. Отверстие для вливания жидкостей круглое. Широкий рожок вытянут, приподнят, покрыт следами гари. В центре вместилища небольшой конусовидный выступ. Поддон круглый, вогнут в центре. Глина светло-красная. Сохранность: утрачена часть рожка, сколы, потертости.

Размеры: Н – 3 см; l – 8,2 см; d – 6,3 см.

Фанагория. Раскопки В. Д. Блаватского, 1936 г.

ГИМ 78410. Оп. Б 1а.

Фанагория (?). Конец 5 – начало 4 в. до н. э.

Двухрожковый красноглиняный светильник

Светильник относится к местному производству из характерной боспорской красно-коричневой глины с известковыми примесями. Морфологически близкие экземпляры часто встречаются на многих памятниках Северного Причерноморья.²⁰ Отличительная черта светильников этого типа – отсутствие лакового покрытия. Подобные светильники в целом датируются достаточно широко: с конца 6 в. до н. э. до 3 в. до н. э. и известны во многих регионах античного мира, включая Боспор.²¹

Кат. 23 (табл. 3. 23). Светильник красноглиняный открытый двухрожковый. Тулово высокое, округлой формы, стенки скруглены в верхней части. Плечи горизонтальные, края повышаются в сторону вместилища. Рожок удлинён, приподнят, со следами гари. Ручка горизонтальная петлевидная, овальная в сечении. Дно плоское, круглое. Глина красно-коричневая с известковыми включениями. Сохранность: утрачен один из рожков и примыкающая часть тулова. Потёртости и небольшие сколы по всей поверхности.

Размеры: Н – 3,1 см; l – 8,5 см; d – 7,4 см, с ручкой – 8,2 см.

Кепы. Раскоп «Западный», кв. V/7, № 59. Раскопки Н. И. Сокольского, 1960 г.

ГИМ 98131. Оп. Б 1261.

Боспор. 4–3 вв. до н. э.

¹⁹ Журавлев, Быковская, Желтикова 2007, 115.

²⁰ Вальдгауер 1914, 21; Кругликова 1957, 133–134.

²¹ Menzel 1969, 12, Abb. 2. Аналогии: Menzel 1969, 12, Abb. 2. 6; Dupont 2005, fig. 2i; Kassab Tezgöğ, Sezer 1995, no. 106; Журавлев, Быковская, Желтикова 2007, кат. № 289–327.

Howland 25A-25A Prime

Р. Хоуланд отмечает, что данные типы являются одними из самых широко распространённых для периода раннего эллинизма.²² К серии вышеуказанных типов относятся закрытые светильники с высоким цилиндрическим туловом, подвертикальными стенками, толстым массивным дном, имеющим небольшой конусовидный выступ в центре изнутри. Плечики отделены выраженным переходом от щитка в углублении или линией, или же неглубокой бороздкой. Щиток горизонтальный. Массивный рожок приподнят и удлинён, закруглен на конце. В большинстве случаев встречается горизонтальная ручка. Светильники покрыты чёрным лаком. Простотой и лаконичностью формы обусловлен довольно длительный период существования этого и схожих типов. По мнению исследователей, они существуют с середины второй четверти 4 до н. э. по первую четверть 3 в. до н. э.²³

География памятников, где были найдены подобные лампы, весьма обширна. Такие изделия встречаются на разных памятниках Причерноморья.²⁴ Три светильника, имеющих, вероятнее всего, анатолийское происхождение, опубликованы в составе коллекции музея им. Дж. П. Гетти.²⁵ Несколько светильников, обнаруженных на территории Боспора еще в XIX – начале XX вв., хранятся в Государственном Эрмитаже.²⁶ Несколько десятков предметов, обнаруженные при раскопках разных боспорских городов, находятся в Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике.²⁷ Аналогичное изделие происходит из собрания Великого князя Алексея Михайловича и хранится в коллекции Ялтинского историко-литературного музея.²⁸ Интересно отметить мнение Д. Бейли, который считает данные типы тождественными Howland type 24C.²⁹

Кат. 24 (табл. 4. 24). Светильник однорожковый закрытый. Округлое тулово. Плечики отделены выраженным переходом от щитка в виде канавки. Щиток горизонтальный, углубляется по направлению к отверстию для вливания жидкостей. Рожок приподнят и удлинён. Сохранились корни горизонтальной ручки. Кольцевой поддон с воронковидным углублением. В центре дна изнутри конический выступ. Глина светло-красная кремовая. Поверхность светильника, за исключением дна, покрыта черным и бурым лаком с подтеками. Сохранность: утрачены ручка и часть рожка, множественные сколы.

Размеры: Н – 4,3 см; l – 7,9 см; d – 7,3 см.

Кепы. Случайная находка, № 397. Раскопки Н. И. Сокольского, 1961 г.

ГИМ 98131. Оп. Б 1261.

Аттика. Вторая четверть 4 в. до н. э. – первая четверть 3 в. до н. э.³⁰

Кат. 25 (табл. 4. 25). Светильник однорожковый закрытый. Округлое тулово. Плечики отделены выраженным переходом от щитка в виде канавки. Щиток горизонтальный, углубляется по направлению к отверстию для вливания жидкостей. Рожок приподнят и удлинён. Сохранились корни горизонтальной ручки. Кольцевой поддон с воронковидным углублением. В центре дна изнутри конический выступ. Глина светло-красная. Поверхность светильника, за исключением дна, покрыта черным лаком. Сохранность: утрачены ручка и часть рожка, множественные сколы по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 4 см; l – 8 см; d – 6 см.

Кепы. Раскоп «Западный», № 243. Раскопки Н. И. Сокольского, 1960 г.

²² Howland 1958, 67–70.

²³ Ibid., 67.

²⁴ Iconomu 1967, fig. 64; Kassab Tezgör, Sezer 1995, nos. 160, 162.

²⁵ Bussiere, Lindros Wohl 2017, 14.

²⁶ Вальдгауер 1914, табл. III, № 27, 31.

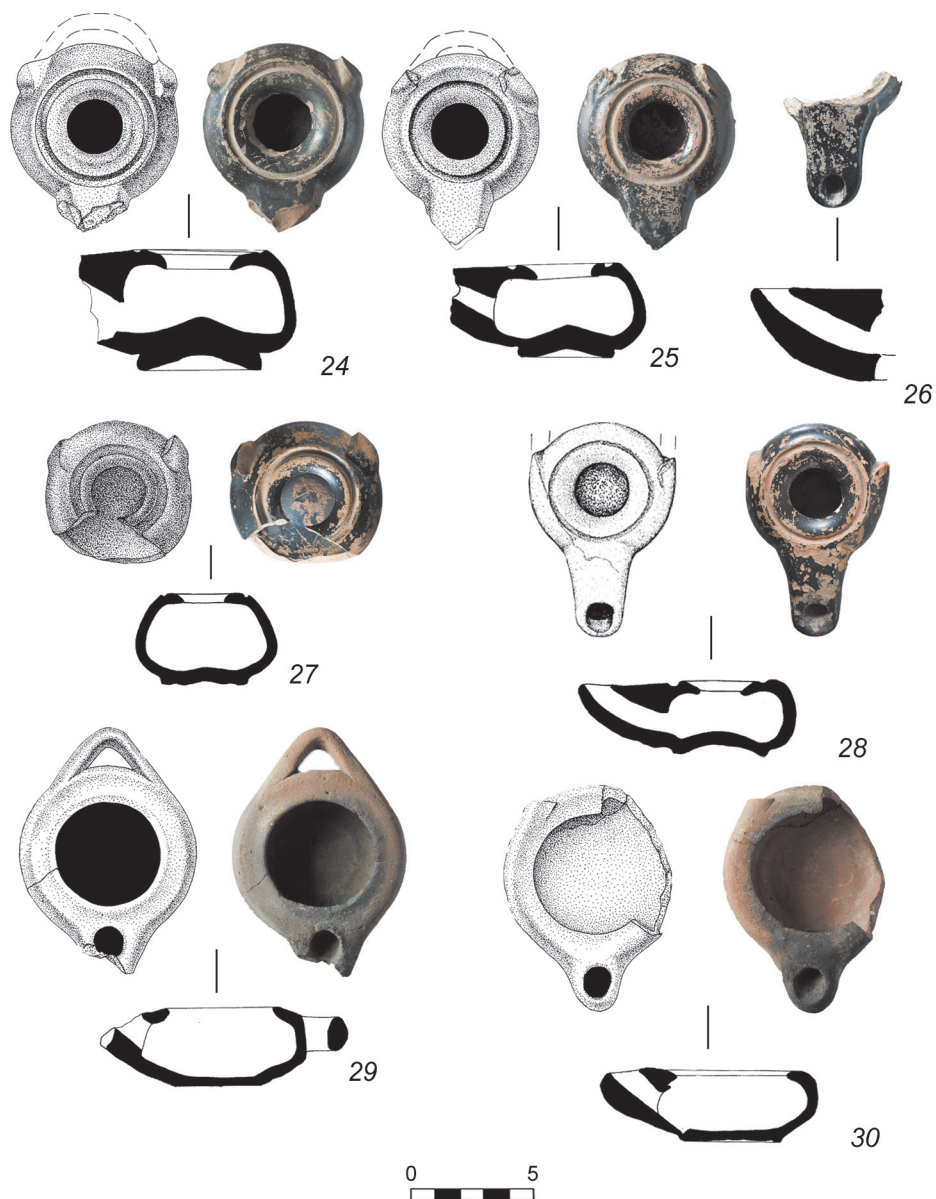
²⁷ Журавлев, Быковская, Желтикова 2007, 74–78.

²⁸ Журавлев, Турова 2012, 338.

²⁹ Bailey 1975, 52.

³⁰ Аналогии: Вальдгауер 1914, табл. III, № 27, 31; Журавлев, Быковская, Желтикова 2007, кат. № 109–140; Howland 1958, nos. 228–230; Scheibler 1976, Nr. 90–104; Bailey 1975, Q70, Q73, Q74.

Табл. 4. Аттические
чернолаковые и боспорские
светильники эллинистического времени
(Кат. 24–30)

ГИМ 98131. Оп. Б 1261.

Аттика. Вторая четверть 4 – первая четверть 3 в. до н. э.

Кат. 26 (табл. 4. 26). Светильника однорожкового закрытого фрагмент. Сохранился приподнятый и удлиненный рожок с канавкой, отделяющей плечики от рожка. Глина светло-красная. Поверхность светильника покрыта густым черным лаком. Сохранность: утрачено тулово, множественные сколы по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 3 см; l – 5,3 см; d – 4,8 см.

Западно-Цукурское поселение. МТФ, кв. III, шт. 9. Раскопки Д. Б. Шелова, 1951 г.

ГИМ 83819. Оп. Б 904/554.

Аттика. Вторая четверть 4 – первая четверть 3 в. до н. э.

Кат. 27 (табл. 4. 27). Светильник однорожковый закрытый. Округлое тулово. Плечики отделены выраженным переходом от щитка в виде канавки. Щиток горизонтальный, углубляется по направлению к отверстию для вливания жидкостей. Сохранились корни горизонтальной ручки. Кольцевой поддон с воронковидным углублением, ограниченным канавкой. В центре дна изнутри конический выступ. Глина светло-красная. Внешняя и внутренняя поверхности светильника, за исключением дна, покрыты густым черным лаком с подтеками. Сохранность: утрачены часть тулова, рожок и ручка, множественные сколы по всей поверхности светильника. Размеры: Н – 3,7 см; l – 7,4 см; d – 6 см. Фанагория, раскоп «Город А». V/2–22. Раскопки В. Д. Блаватского, 1936 г. ГИМ 78410. Оп. Б 1/1549–2. Аттика. Вторая четверть 4 – первая четверть 3 в. до н. э.

Кат. 28 (табл. 4. 28). Светильник однорожковый закрытый. Округлое тулово. Плечики отделены выраженным переходом от щитка в виде канавки. Щиток горизонтальный, углубляется по направлению к отверстию для вливания жидкостей. Сохранились корни горизонтальной ручки. Кольцевой поддон с воронковидным углублением, ограниченным канавкой. В центре дна изнутри конический выступ. Глина светло-розовая. Внешняя и внутренняя поверхности светильника, за исключением поддона, покрыты густым черным лаком. Сохранность: утрачена ручка, множественные сколы по всей поверхности светильника, клеен. Размеры: Н – 3,3 см; l – 8,8 см; d – 5,9 см. Фанагория. II 12. Раскопки В. Д. Блаватского, 1936 г. ГИМ 78410. Оп. Б 1/1920. Аттика. Вторая четверть 4 в. до н. э. – первая четверть 3 в. до н. э.

Светильники близкие Howland 21, локальный вариант

К этому типу³¹ относятся красноглиняные открытые однорожковые миниатюрные светильники, с сужающимися к широкому отверстию для заливания жидкостей стенками, с плоским дном и возможными выступами на внешней поверхности дна. Диаметр отверстия чуть меньше диаметра самого тулова. Рожок вытянут, может быть приподнят. Фитильное отверстие в большинстве случаев овальной формы. Все они сделаны из глины красно-коричневого цвета, по всей видимости, являясь боспорской продукцией.

Кат. 29 (табл. 4. 29). Светильник однорожковый открытый. Округлое тулово. Стенки тулова скруглены в верхней части, с узкими горизонтальными плечами, которые повышаются по направлению к отверстию для заливания масла. Рожок короткий, округлый, со следами гари. Ручка горизонтальная петельчатая, на одном уровне с туловом. Дно плоское, круглое. В центре дна изнутри небольшой выступ. Глина красная с белыми включениями. Сохранность: утрачена часть рожка, трещины, сколы и потертости по всей поверхности светильника. Рожок и тулово покрыты копотью. Размеры: Н – 3,2 см; l – 10,1 см; d – 7,2 см. Кепы. Случайная находка к югу от городища, № 91. Раскопки Н. И. Сокольского, 1969 г. ГИМ. ВХ 2691 (1993 г.). Боспор. 4 – начало 3 в. до н. э.³²

³¹ Журавлев, Быковская, Желтикова 2007, 115.

³² Аналогии: Вальдагер 1914, 5, 20, № 17; Журавлев 2002, 180; 2004, 121; Журавлев, Быковская, Желтикова 2007, кат. № 199–201; Кругликова 1956, 133, рис. 8, 9; ср.: Bailey 1975, 74.

Кат. 30 (табл. 4. 30). Светильник однорожковый открытый. Округлое тулово. Стенки тулова скруглены в верхней части, с узкими плоскими плечами. Рожок короткий, округлый, со следами гари. Сохранился корень горизонтальной ручки, на одном уровне с туловом. Выраженный плоский поддон круглой формы. Глина красная с известковыми включениями. Сохранность: утрачена ручка и часть тулова, трещины, сколы и потертости по всей поверхности светильника. Тулово склеено. Рожок и тулово покрыты копотью. Размеры: Н – 3 см; l – 9,1 см; d – 6,5 см. Кепы. Раскоп «Западный», III/10. Раскопки Н. И. Сокольского, 1957 г. ГИМ 96195. Оп. Б 1095/173. Боспор. 4 – начало 3 в. до н. э.

Broneer Type IV

Так называемые *padlock lamps* – «подвесные» светильники появляются в Коринфе еще в 6 в. до н. э., и достигают своего максимального распространения в Аттике в 5 в. до н. э.³³ В этот период основными центрами производства остаются Аттика и Коринф, с тем различием, что тулово у аттических вариантов было с более плоскими стенками и плечиками. Наиболее поздние варианты для Средиземноморья происходят из Афин и Эгины, и датируются 3 в. до н. э.³⁴ Представленные в каталоге светильники, несомненно, относятся к локальному производству на одном из памятников Азиатского Боспора, и, очевидно, имитируют импортные оригиналы. Принимая во внимание характерную для Кеп штамповку на одном из рассматриваемых светильников (Кат. 32), вполне вероятно, что они могут относиться к продукции гончарной мастерской из Кеп.

Кат. 31 (табл. 5. 31). Светильник закрытый однорожковый. Тулово биконической формы. Плечи узкие, горизонтальные. Скруглены в сторону отверстия для фитиля. Отверстие для фитиля подовальной формы. Массивный рожок вытянут, приподнят. Сохранились корни горизонтальной ручки. Поддон миндалевидной формы, плоский. Внешняя и внутренняя поверхности светильника покрыты белым ангобом. Глина красно-коричневая. Сохранность: утрачены ручка и рожок. Следы гари на корнях ручки и возле отверстия для вливания жидкости; заизвесткован. Размеры: Н – 3,9 см; l – 8,4 см; d – 7 см. Пос. За Родину («Румынский»), Таманский толос, кв. 8-И/8, № 43. Раскопки Н. И. Сокольского, 1972 г. ГИМ 103991. Оп. Б 1763/429. Кепы (?). 3–2 вв. до н. э.

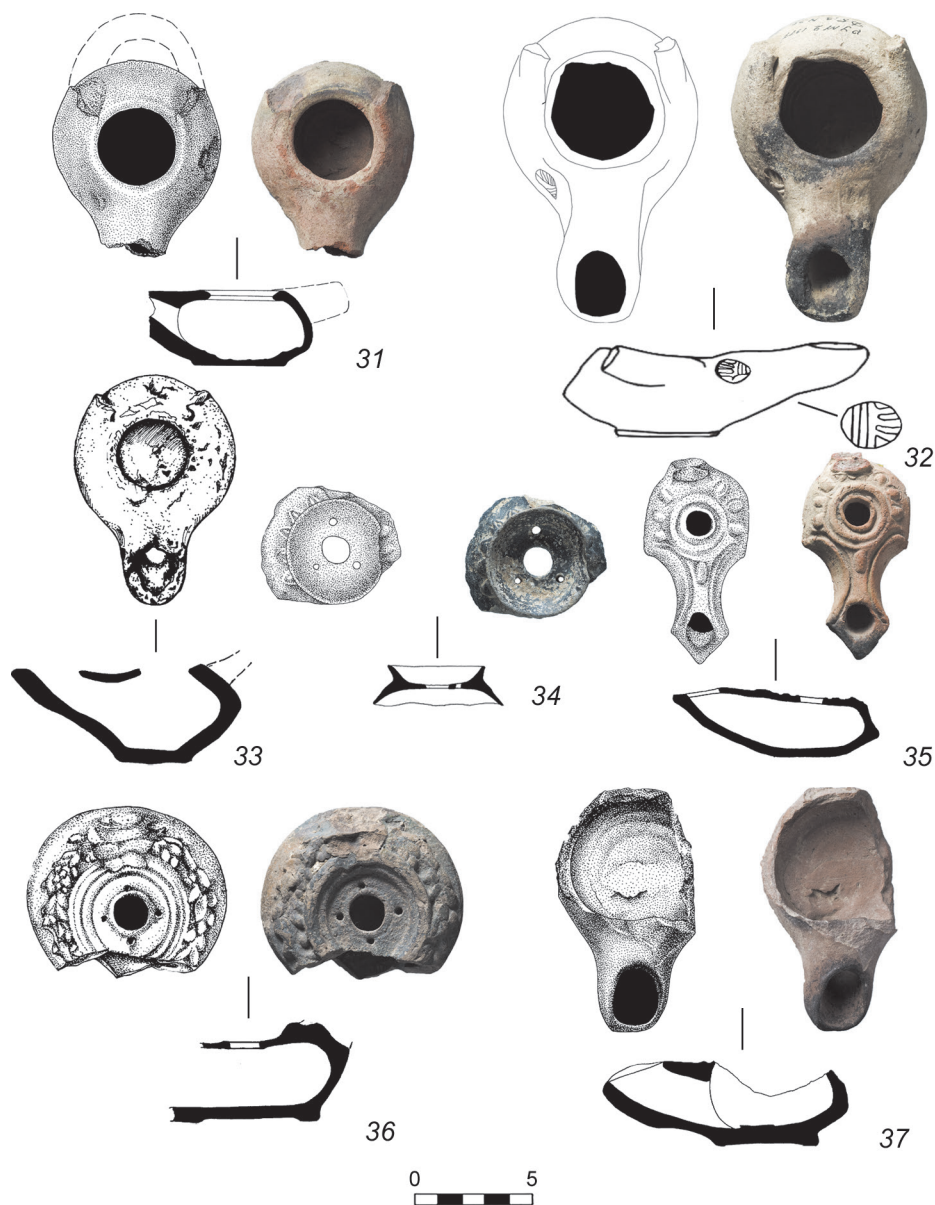
К местному производству относится несколько светильников из Кеп с характерным для продукции кепских мастерских клеймом IE (сокр. от IEPON – посвященный, или священный)³⁵, расположенном на стенке светильника. Отметим, что такое расположение является нехарактерным местом для ламп, т. к. преимущественно клейма на светильниках известны на дне предмета, или, что реже, на щитке.³⁶ Клейма были оттиснуты до обжига. Подобные находки могут свидетельствовать о сакральном предназначении светильников и использовании их в качестве вотивного подношения. 26 экземпляров клейм с идентичной символикой на других сосудах были обнаружены в Кехах в районе святилища Афродиты,

³³ Broneer 1930, 41.

³⁴ Thompson 1936, 179, fig. 23. *e-h*; Szentleky 1969, 39–40, nos. 20–29.

³⁵ Сокольский 1968, 266, 269.

³⁶ Стоит отметить, что подобная трактовка клейм неоднозначна. Данные символы отдаленно похожи на *йоту* и *эпсилон*, но нельзя исключать, что на клейме изображены все и не буквы.

Табл. 5. Эфесские и боспорские светильники эллинистического времени (Кат. 31–37)

расположенного на восточной окраине города. Столь высокая плотность находок на конкретном участке лишней раз побуждает связывать их с культовой жизнью Кеп. Вместе с тем не представляется возможным однозначно утверждать, что такие светильники использовались исключительно при совершении различных обрядов.

Кат. 32 (табл. 5. 32) Светильник закрытый однорожковый. Тулово биконической формы. Плечи узкие, горизонтальные. На левой стенке у основания рожка клеймо ИЕ. Массивный рожок вытянут, приподнят, покрыт следами гари. Отверстие для фитиля подовальной формы. Сохранились корни горизонтальной ручки. Поддон круглый, плоский. Внешняя и внутренняя поверхности светильника покрыты белым ангобом. Глина красно-коричневая. Сохранность: утрачена ручка; следы гари на рожке и возле отверстия для вливания жидкостей.

Размеры: Н – 4,9 см; l – 12,9 см; d – 8,4 см.

Пос. За Родину («Румынский 2»), Д 5,3, № 36. Раскопки Н. П. Сорокиной, 1977 г.³⁷
ГИМ 104479. Оп. Б 1876/36.

Кепы (?). 3–2 вв. до н. э.

Кат. 33 (табл. 5. 33). Светильник закрытый однорожковый. Тулово биконической формы. Плечи узкие, горизонтальные. Массивный рожок вытянут, приподнят, покрыт следами гари. Отверстие для фитиля подовальной формы. Сохранились корни горизонтальной ручки. Поддон круглый, плоский. Внешняя и внутренняя поверхности светильника покрыты белым ангобом. Глина серо-красная. Сохранность: утрачена ручка. Следы гари на рожке.

Размеры: Н – 4,7 см; l – 9,9 см; d – 6,7 см.

Пос. За Родину («Румынский 2»), В 6,3, № 83. Раскопки Н. П. Сорокиной, 1977 г.
ГИМ 104479. Оп. Б 1876.

Азиатский Боспор. 3–2 вв. до н. э.

Broneer Type XIX, Howland Type 49 A-B **Эфесские светильники (Howland 49A)**

Для типа характерны закрытые однорожковые светильники с биконическим туловом. Ребро между верхней и нижней частями хорошо выделено. Отверстие для заливания жидкости расположено в центре щитка с небольшим воронковидным углублением. Вокруг центрального отверстия может быть сделано еще несколько меньших по диаметру. Чаще всего, делается три дополнительных отверстия для выхода воздуха во время заправки светильника маслом. Плечики могут быть украшены рельефным орнаментом. Щиток окружен венчиком. Рожок вытянут, приподнят, имеет треугольное окончание. Зачастую дно представлено высоким поддоном, вытянутым к рожку. Ручки вертикальные, петлевидные. В целом, формы эфесских светильников были заимствованы с металлических прототипов.³⁸ В зависимости от центра производства могла использоваться разная глина. Обычно светильники этого типа изготавливались из серой глины с примесями. Большая популярность данного типа на Боспоре привела к появлению локальных имитаций.³⁹

Кат. 34 (табл. 5. 34). Светильника рельефного сероглиняного фрагмент. Вокруг горизонтального щитка с узким отверстием для заливания жидкости и тремя небольшими сквозными отверстиями по его периметру находится высокий, отогнутый наружу венчик. Плечи декорированы рельефным узором в виде листьев разных размеров. Глина темно-серая с белыми включениями. Сохранность: утрачена большая часть светильника; сколы и потертости.

Размеры: Н – 1,8 см; l – 5 см; d – 5,7 см.

Фанагория, раскоп «Город А», кв. III. Раскопки В. Д. Блаватского, 1936 г.
ГИМ 78410. Оп. Б 1а/3051.

Эфес. Последняя четверть 2 – 1 в. до н. э.⁴⁰

Кат. 35 (табл. 5. 35). Светильник закрытый однорожковый. Биконическое тулово. Плечи покатые, декорированы орнаментом в виде точечных наклепов (жемчужник?). Внутренний переход от венчика к вместилищу оформлен неглубокой бороздкой. Отверстие для вливания жидкостей круглое, окруженное

³⁷ Сорокина 1998, 29, рис. 2. 3; Журавлев, Ломтадзе, Шлотцауер 2010, 563, рис. 13.

³⁸ Howland 1958, 166.

³⁹ Журавлев и др. 2007, 20–36.

⁴⁰ Аналогии: Вальдгауер 1914, табл. VIII. 92; Howland 1958, pl. 49; Bailey 1975, pls. 30–39, Giuliani 2001, 45–49; Barr 1996, 191–193, Chrzanowski, Zhuravlev 1998, 47–48, no. 12.

приподнятым ободом. Рожок удлинен, приподнят, с треугольным завершением. Рожок обрамлен двумя волютами. плоское пространство между наконечником сопла и диском. Сохранились корни вертикальной петлевидной ручки. Дно плоское, круглой формы. Глина светло-красная. Сохранность: утрачена ручка; сколы и потертости.

Размеры: Н – 2,9 см; l – 8,7 см; d – 4,5 см.

Фанагория, раскоп «Город А», 1–4, шт. 2, слой 5. Раскопки А. П. Смирнова, 1937 г. ГИМ 79570. Оп. Б 566/1600.

Эфес или боспорская имитация. Последняя четверть 2–1 в. до н. э.

Кат. 36 (табл. 5. 36). Светильник однорожковый закрытый. Тулово биконической формы. Плечи декорированы рельефным растительным орнаментом. Вокруг отверстия для заливания масла, обрамленного рельефным валиком с канавкой, находится горизонтальный щиток с четырьмя сквозными маленькими отверстиями. Сохранился корень вертикальной ручки. Сильно выраженный поддон миндалевидной формы. Глина темно-серая. Сохранность: утрачены рожок и ручка, трещины, сколы и потертости по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 3,5 см; l – 6,2 см; d – 7,1 см.

Пос. За Родину («Румынский»), Таманский толос, р, 1–0, шт. 1. Раскопки Н. И. Сокольского, 1973 г.⁴¹

ГИМ 103991. Оп. Б 1763/759.

Эфес. Последняя четверть 2 в. до н. э. – 2–3 четверти 1 в. до н. э.⁴²

Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, тип 4, вариант 1

Т. н. светильники «типа кувшинчика» – это наиболее распространенная группа светильников на Боспоре в эпоху эллинизма и поздней античности.⁴³ Несмотря на повсеместное распространение и развитие формованных светильников с 3 в. до н. э., «кувшинчиковые» светильники на протяжении всего времени бытования изготавливаются на гончарном круге. Подобные светильники широко известны на большинстве эллинских памятников Северного Причерноморья. Единичные экземпляры встречаются даже на варварских памятниках Крыма.⁴⁴ Представленный тип 4 отличается от типа 3 более длинным рожком. Период бытования этих светильников – 2–1 вв. до н. э.

Кат. 37 (табл. 5. 37). Светильника красноглиняного «кувшинчикового» типа фрагмент. Тулово округлое. Широкий рожок вытянут, приподнят, закопчен. Дно плоское, на сплошном круглом поддоне. Глина светло-серая. Сохранность: утрачена большая часть светильника, следы гари на рожке. Размеры: Н – 4 см; l – 10,3 см; d – 5,8 см.

Пос. За Родину («Румынский»), Резиденция Хрисалиска, 11–И/8, № 132. Раскопки Н. И. Сокольского, 1972 г.⁴⁵

ГИМ 103991. Оп. Б 1763/526.

Боспор. Вторая-третья четверть 1 в. до н. э.

Кат. 38 (табл. 6. 38). Светильника красноглиняного «кувшинчикового» типа фрагмент. Тулово округлое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в низкий венчик. Широкий рожок вытянут, приподнят, закопчен. Глина светло-серая. Сохран-

⁴¹ В 1973 г. Н. И. Сокольский в связи с болезнью не выезжал в поле. Работы по его Открытому листу вел С. А. Беляев.

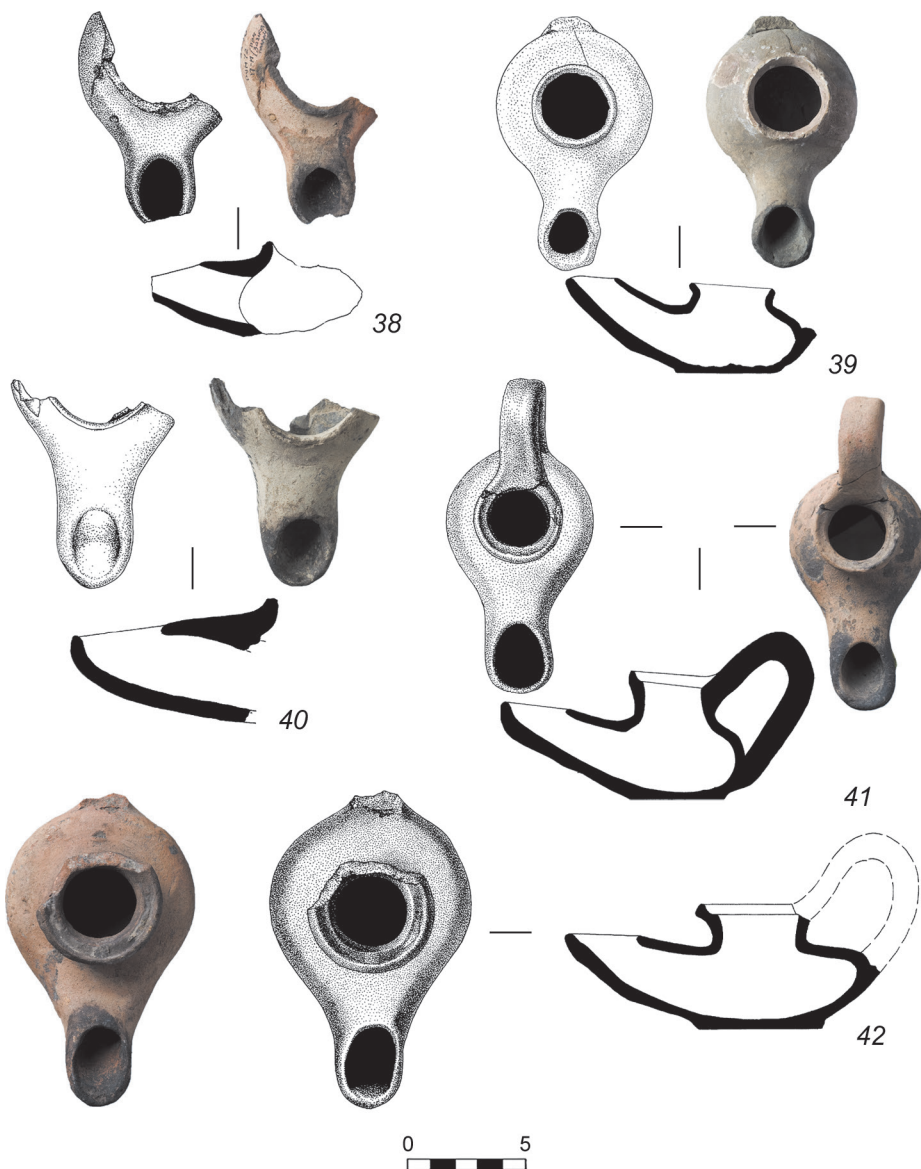
⁴² Аналогии: Howland 1958, nos. 649–664.

⁴³ Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 46.

⁴⁴ Zaitsev 2002, 61–73.

⁴⁵ Журавлев, Ломтадзе 2022, 89–92, рис. 15, 16, № 48.

Табл. 6. Боспорские светильники типа кувшинчика эллинистического времени (Кат. 38–42)

ность: утрачена большая часть светильника, сильная закопченность рожка и вместилища.

Размеры: Н – 3,8 см; l – 8,8 см; d – 5,7 см.

Пос. За Родину («Румынский»), Резиденция Хрисалиска, кв. 17-И, № 220. Раскопки Н. И. Сокольского, 1972 г.

ГИМ 103991. Оп. Б 1763/629.

Боспор. Вторая половина 1 в. до н. э.

Кат. 39 (табл. 6. 38). Светильник красноглиняный «кувшинчикового» типа. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. Широкий рожок вытянут, приподнят, закопчен. Сохранился нижний корень вертикальной ручки. Дно плоское, на сплошном круглом поддоне. Глина красно-коричневая, с известковыми включениями. Сохранность: утрачена ручка, склеен, догипсован.

Размеры: Н – 4,1 см; l – 11,5 см; d – 7 см.
Кепы. Раскопки Н. И. Сокольского 1959 г.
ГИМ 98131. Оп. Б 1251.
Боспор. 2–1 вв. до н. э.

Кат. 40 (табл. 6. 40). Светильника красноглиняного «кувшинчикового» типа фрагмент. Тулово округлое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в низкий венчик. Широкий рожок вытянут, приподнят, закопчен. Глина светло-серая. Сохранность: утрачена большая часть светильника, сильная закопченность рожка и вместилища.

Размеры: Н – 4,3 см; l – 8,3 см; d – 6,3 см.
Пос. За Родину («Румынский»), Резиденция Хрисалиска, 14-П, вымостка, № 54.
Раскопки Н. И. Сокольского, 1971 г.⁴⁶
ГИМ 103991. Оп. Б 1763/325.
Боспор. Вторая половина 1 в. до н. э.

Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, тип 4, вариант 2

Тулово по форме стремится к форме конуса, но со скругленным ребром. Дно на сплошном круглом поддоне. Отверстие для заливания масла отделено от тулова высокими вертикальными стенками и довольно широкое, с отогнутым наружу венчиком. Рожок вытянут, плавно совмещен с туловом, с продолговатым подовальным отверстием для фитиля. Дно расположено на сплошном круглом поддоне. На внутренней поверхности дна могут быть кольцевые бороздки. Обычно встречается вертикальная петлевидная ручка, овальная в сечении и приподнятая над туловом. Датировка данного варианта: 2–1 вв. до н. э. и начало 1 в. н. э.

Кат. 41 (табл. 6. 41). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. По внутреннему краю венчика проложена кольцевая бороздка. Широкий рожок вытянут, приподнят, закопчен. Ручка вертикальная петлевидная. Дно плоское, на сплошном круглом поддоне. Глина красно-коричневая, с известковыми включениями. Сохранность: трещины, сколы, следы гари на рожке. Склеен. Размеры: Н – 7 см; l – 13 см; d – 6 см.
Пос. За Родину («Румынский»), Резиденция Хрисалиска, 103/5, № 88. Раскопки Н. И. Сокольского, 1972 г.⁴⁷
ГИМ 103991. Оп. Б 1763.
Боспор. Вторая половина 1 в. до н. э.

Кат. 42 (табл. 6. 42). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. По внутреннему краю венчика проложена кольцевая бороздка. Широкий рожок вытянут, приподнят, закопчен. Сохранились корни вертикальной ручки. Дно плоское, на сплошном круглом поддоне. Глина красно-коричневая, с известковыми включениями. Сохранность: утрачены ручка, часть венчика; рожок и венчик покрыты копотью.

⁴⁶ Журавлев, Ломтадзе 2022, 90–92, рис. 15, 16, № 50.

⁴⁷ Zhuravlev 2007, 214, fig. 5.

Размеры: Н – 5 см; l – 12,1 см; d – 7,5 см.

Пос. За Родину («Румынский»), Резиденция Хрисалиска, пом. А, № 19. Раскопки Н. И. Сокольского, 1971 г.

ГИМ 103991. Оп. Б 1763/102.

Боспор. Вторая половина 1 в. до н. э.

Кат. 43 (табл. 7. 43). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи плоские, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. Ручка вертикальная петлевидная. Дно плоское, на сплошном круглом поддоне. Глина красно-коричневая, с известковыми включениями. Сохранность: утрачен рожок и часть венчика. Трещины, сколы, следы гари на стенках; заизвесткован.

Размеры: Н – 6 см; l – 8,1 см; d – 6 см.

Пос. За Родину («Румынский»), Резиденция Хрисалиска, 9-Ж/9, № 68. Раскопки Н. И. Сокольского, 1972 г.

ГИМ 103991. Оп. Б 1763/454.

Боспор. Вторая половина 1 в. до н. э.

Кат. 44 (табл. 7. 44). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. По внутреннему краю венчика проложена кольцевая бороздка. Широкий рожок вытянут, приподнят, закопчен. Сохранился нижний корень вертикальной ручки. Дно плоское, на сплошном круглом поддоне. Глина красно-коричневая, с известковыми включениями. Сохранность: утрачены ручка, большая часть венчика; внутренняя часть рожка покрыта копотью.

Размеры: Н – 4,9 см; l – 10,4 см; d – 6 см.

Пос. За Родину («Румынский»), Резиденция Хрисалиска, II-е/6, № 102. Раскопки Н. И. Сокольского, 1972 г.

ГИМ 103991. Оп. Б 1763/496.

Боспор. Вторая половина 1 в. до н. э.

Кат. 45 (табл. 7. 45). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, широкое отверстие для заливания масла округлой формы. Широкий рожок вытянут, приподнят. Сохранился нижний корень вертикальной ручки. Плоский поддон округлой формы. Глина светло-красная, с известковыми включениями. Сохранность: утрачены ручка и венчик; сколы, потёртости, заизвесткованность по всей поверхности светильника. Следы гари на рожке.

Размеры: Н – 3,9 см; l – 11,4 см; d – 6,1 см.

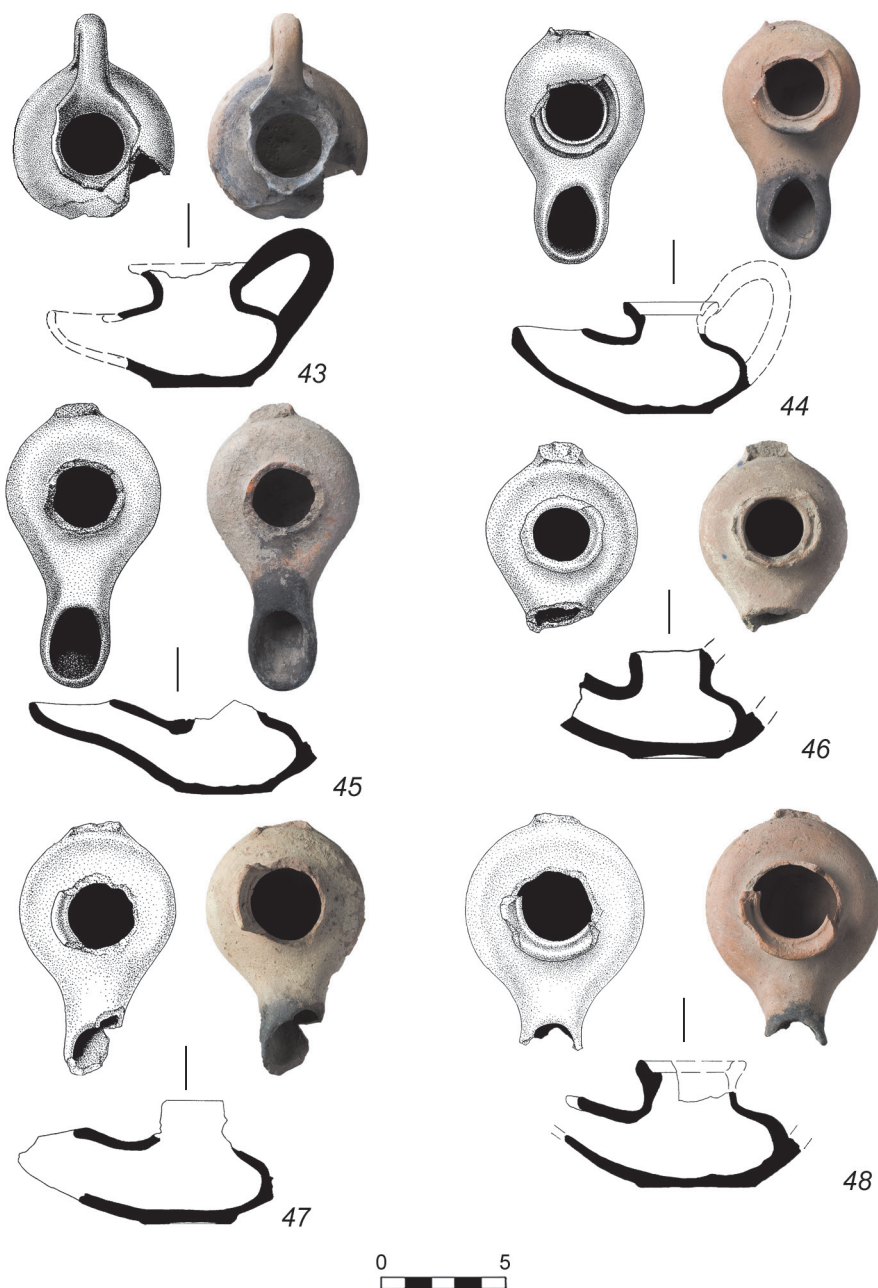
Пос. За Родину («Румынский»), Резиденция Хрисалиска, Западное помещение 7, верхний слой, № 283. Раскопки Н. И. Сокольского, 1972 г.

ГИМ 103991. Оп. Б 1763/695.

Боспор. Вторая половина 1 в. до н. э.

Кат. 46 (табл. 7. 46). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено.

Табл. 7. Боспорские светильники типа кувшинчика эллинистического времени (Кат. 43–48)

Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. По внутреннему краю венчика проложена кольцевая бороздка. Широкий рожок вытянут, приподнят, закопчен. Сохранился нижний корень вертикальной ручки. Дно плоское, на сплошном круглом поддоне. Глина красно-коричневая, с известковыми включениями. Сохранность: утрачены ручка, большая часть рожка и венчика; заизвесткованность поверхности светильника; внутренняя часть рожка покрыта копотью.

Размеры: Н – 4,4 см; l – 7,8 см; d – 6 см.

Кепы. Раскоп «3», 1/6, № 215. Раскопки Н. И. Сокольского, 1961 г.

ГИМ 98131. Оп. Б 1261.

Боспор. 2–1 вв. до н. э.

Кат. 47 (табл. 7. 47). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. Широкий рожок вытянут, приподнят, закопчен. Сохранился нижний корень вертикальной ручки. Дно вогнуто, на слабовыраженном круглом поддоне. Глина красно-коричневая, с известковыми включениями. Сохранность: утрачены ручка, большая часть рожка и венчика; сколы и потертости по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 4,3 см; l – 10,1 см; d – 6,3 см.

Кепы. Раскоп «А», об. 169, № 58. Раскопки Н. И. Сокольского, 1967 г.

ГИМ. ВХ 2691 (1993 г.).

Боспор. 2–1 вв. до н. э.

Кат. 48 (табл. 7. 48). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. Рожок вытянут, приподнят, закопчен. Сохранился нижний корень вертикальной ручки. Плоский поддон округлой формы. Глина красная, с известковыми включениями. Сохранность: утрачены ручка, часть рожка и венчика; трещины, сколы и потертости по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 4,7 см; l – 9,4 см; d – 7 см.

Кепы. Раскоп «Западный», кв. I/II, № 238. Раскопки Н. И. Сокольского, 1960 г.

ГИМ 98131. Оп. Б 1261.

Боспор. 2–1 вв. до н. э.

Кат. 49 (табл. 8. 49). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. Широкий рожок вытянут, приподнят. Сохранились корни вертикальной ручки. Плоский поддон округлой формы. Глина светло-красная, с известковыми включениями. Сохранность: утрачены ручка, часть рожка и венчика; рожок склеен; сколы и потертости по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 4,2 см; l – 11,1 см; d – 6,6 см.

Пос. За Родину («Румынский»), Резиденция Хрисалиска, пом. «Б», № 37. Раскопки Н. И. Сокольского, 1971 г.⁴⁸

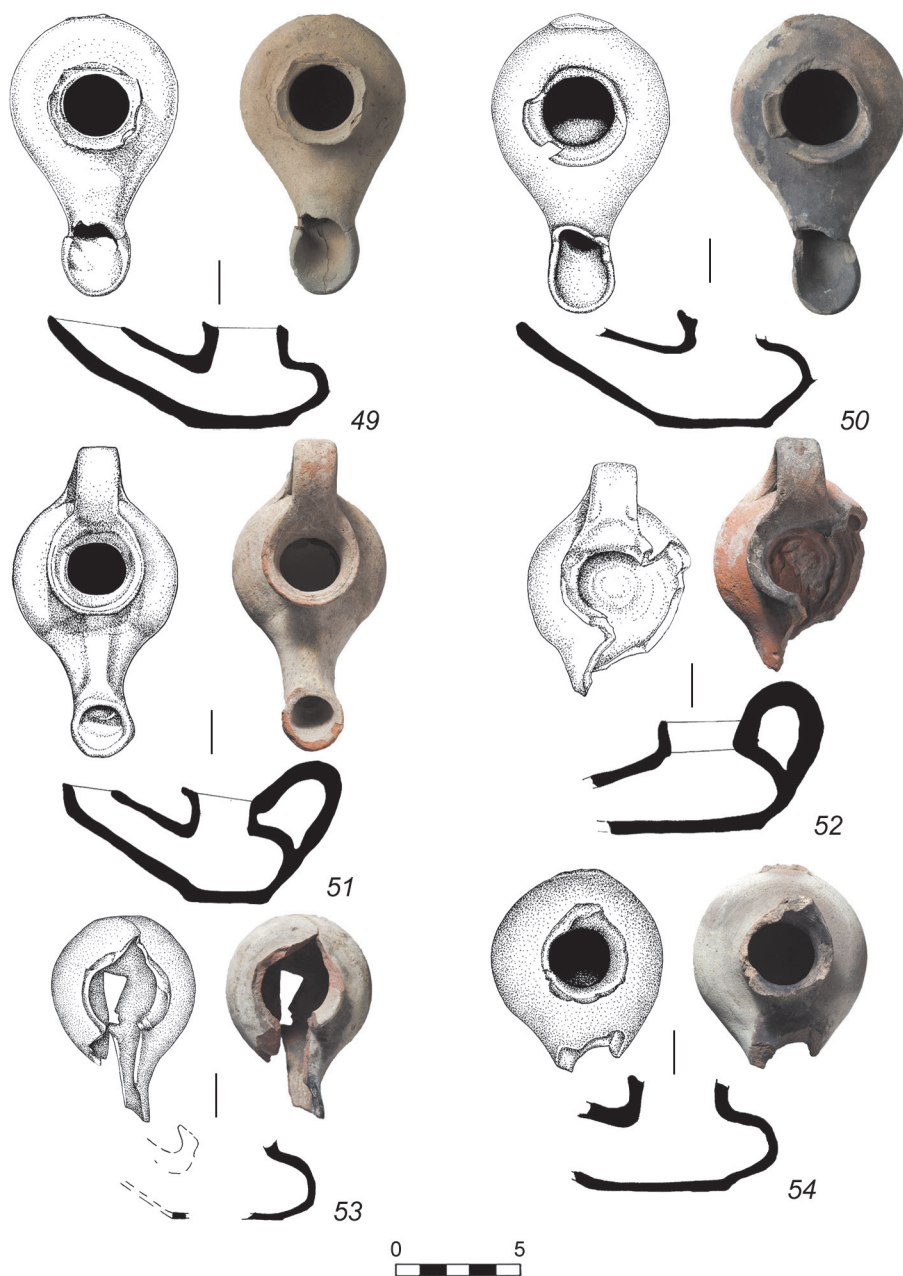
ГИМ 103991. Оп. Б 1763/168/2.

Боспор. Вторая половина 1 в. до н. э.

Кат. 50 (табл. 8. 50). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. По внутреннему краю венчика проложена кольцевая бороздка. Широкий рожок вытянут, приподнят, закопчен. Сохранился нижний корень вертикальной ручки. Дно плоское, на сплошном круглом поддоне. Глина красно-коричневая, с известковыми включениями. Сохранность: утрачены ручка, части рожка и венчика; рожок и венчик склеены; заизвесткованность поверхности светильника; сильные следы гари на всей поверхности.

Размеры: Н – 4,9 см; l – 12 см; d – 7,2 см.

⁴⁸ Журавлев, Ломтадзе 2022, 90–92, рис. 15, 16, № 52.

Табл. 8. Боспорские светильники типа кувшинчика эллинистического времени (Кат. 49–54)

Пос. За Родину («Румынский»), Резиденция Хрисалиска, пом. «Б», № 38. Раскопки Н. И. Сокольского, 1971 г.⁴⁹

ГИМ 103991. Оп. Б 1763/168/1.

Боспор. Вторая половина 1 в. до н. э.

Кат. 51 (табл. 8. 51). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый одно-рожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. Рожок вытянут, приподнят, закопчен. Ручка вертикальная петлевидная, овальная в сечении. Дно плоское, круглой формы. Глина красная, с известковыми включениями. Сохранность: незначительные сколы и потертости по всей поверхности светильника.

⁴⁹ Журавлев, Ломтадзе 2022, 90–92, рис. 15, 16, № 51.

Размеры: Н – 6,1 см; l – 12,3 см; d – 6,4 см.

Фанагория, некрополь. Могила 13. Раскопки В. Д. Блаватского, 1936 г.

ГИМ 78410. Оп. Б 1а/2.

Боспор. 2–1 вв. до н. э.

Кат. 52 (табл. 8. 52). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в отогнутый наружу венчик. Рожок вытянут. Ручка вертикальная петлевидная, овальная в сечении. Дно плоское, миндалевидной формы. Глина красная. Сохранность: утрачены рожок и часть тулова. На венчике и ручке следы гари. Незначительные сколы и потёртости; заизвесткован.

Размеры: Н – 5,1 см; l – 8,1 см; d – 5,6 см.

Ст. Тамань, Гермонасса, кв. XXVII–XVIII/49. Раскопки И. Б. Зеест, 1957 г.

ГИМ 83819. Оп. Б 904/482.

Боспор. 2–1 вв. до н. э.

Кат. 53 (табл. 8. 53) Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. Рожок вытянут, приподнят, закопчен. Сохранился нижний корень вертикальной ручки. Плоское дно круглой формы. Глина коричнево-красная, со включениями кварцита. Сохранность: утрачены ручка, часть рожка, венчика и дна; сколы и потёртости по всей поверхности светильника. Склеен из двух фрагментов.

Размеры: Н – 4,5 см; l – 9,8 см; d – 7,1 см.

Западно-Цукурское поселение. МТФ. Раскопки Д. Б. Шелова, 1951 г.

ГИМ 83819, Б-904/482.

Боспор. 2–1 вв. до н. э.

Кат. 54 (табл. 8. 54). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. Рожок вытянут, приподнят, закопчен. Сохранился нижний корень вертикальной ручки. Плоский поддон подовальной формы. Глина коричнево-красная, с известковыми включениями. На венчике следы гари. Сохранность: утрачены ручка, часть рожка и венчика; сколы и потертости по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 4,9 см; l – 8,1 см; d – 6,8 см.

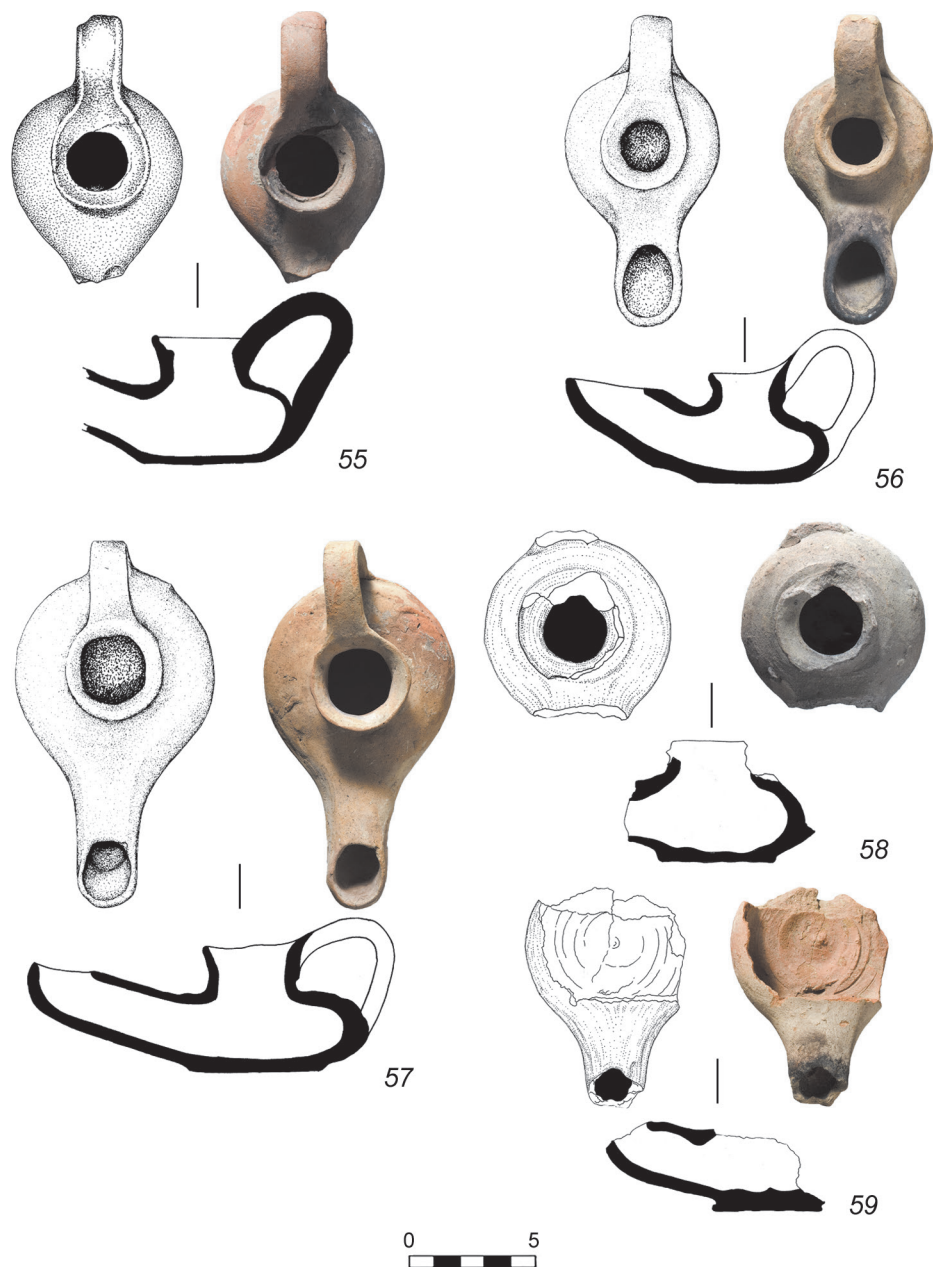
Пос. За Родину («Румынский»), Резиденция Хрисалиска, 1–0, шт. 1, № 40. Раскопки Н. И. Сокольского, 1973 г.⁵⁰

ГИМ 103991. Оп. Б 1763/767.

Боспор. Вторая половина 1 в. до н. э.

Кат. 55 (табл. 9. 55). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. Рожок вытянут, приподнят, закопчен. Ручка вертикальная петлевидная, овальная в сечении. Плоский поддон миндалевидной

⁵⁰ Журавлев, Ломтадзе 2022, 90–91, рис. 15, 16, № 53.

Табл. 9. Боспорские светильники типа кувшинчика эллинистического времени (Кат. 55–59)

формы. Глина коричнево-красная, с известковыми включениями. На венчике и тулове следы гари. Сохранность: утрачена часть рожка; сколы и потертости по всей поверхности светильника; ручка и часть венчика склеены из нескольких фрагментов.

Размеры: Н – 6,5 см; l – 10,8 см; d – 6,6 см.

Пос. За Родину («Румынский»), Резиденция Хрисалиска, кв. 1-Л, шт. 1, № 28. Раскопки С. А. Беляева по Открытому листу Н. И. Сокольского, 1973 г.⁵¹

ГИМ 103991. Оп. Б 1763/756.

Боспор. 2–1 вв. до н. э.

Кат. 56 (табл. 9. 56). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый одно-рожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено.

⁵¹ Журавлев, Ломтадзе 2022, 91–92, рис. 15, 16, № 54.

Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. По внутреннему краю венчика проложена кольцевая бороздка. Широкий рожок вытянут, приподнят, закопчен. Ручка вертикальная петлевидная. Дно плоское, миндалевидной формы. Глина красно-коричневая, с известковыми включениями. Сохранность: поверхность светильника заизвесткована; рожок покрыт копотью.

Размеры: Н – 6,3 см; l – 12,3 см; d – 6,2 см.

Кепы, некрополь. Земляной склеп № 185/32, костяк 2. Раскопки Н. П. Сорокиной, 1962 г.

ГИМ 98170. Оп. Б 1262.

Боспор. 2–1 вв. до н. э.

Кат. 57 (табл. 9. 57). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. Рожок вытянут, приподнят, закопчен. Ручка вертикальная петлевидная. Плоский поддон миндалевидной формы. Глина коричнево-красная, с известковыми включениями. Сохранность: заизвесткованность и потертости по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 6,5 см; l – 14,4 см; d – 7,8 см.

Кепы, некрополь. Уч. А, пл. 18, г. Раскопки Н. П. Сорокиной, 1961 г.

ГИМ 97998. Оп. Б 1288/272.

Боспор. 2–1 вв. до н. э.

Кат. 58 (табл. 9. 58). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. Сохранился нижний корень вертикальной ручки. Дно плоское, на круглом поддоне. Глина красно-коричневая, с известковыми включениями. Сохранность: утрачены ручка, большая часть рожка и венчика; сколы и потертости по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 4,3 см; l – 7,5 см; d – 6,8 см.

Фанагория, раскоп «Город А», кв. VI, шт. 12. Раскопки В. Д. Блаватского, 1936 г.

ГИМ 78410. Оп. Б 1/2446.

Боспор. 2–1 вв. до н. э.

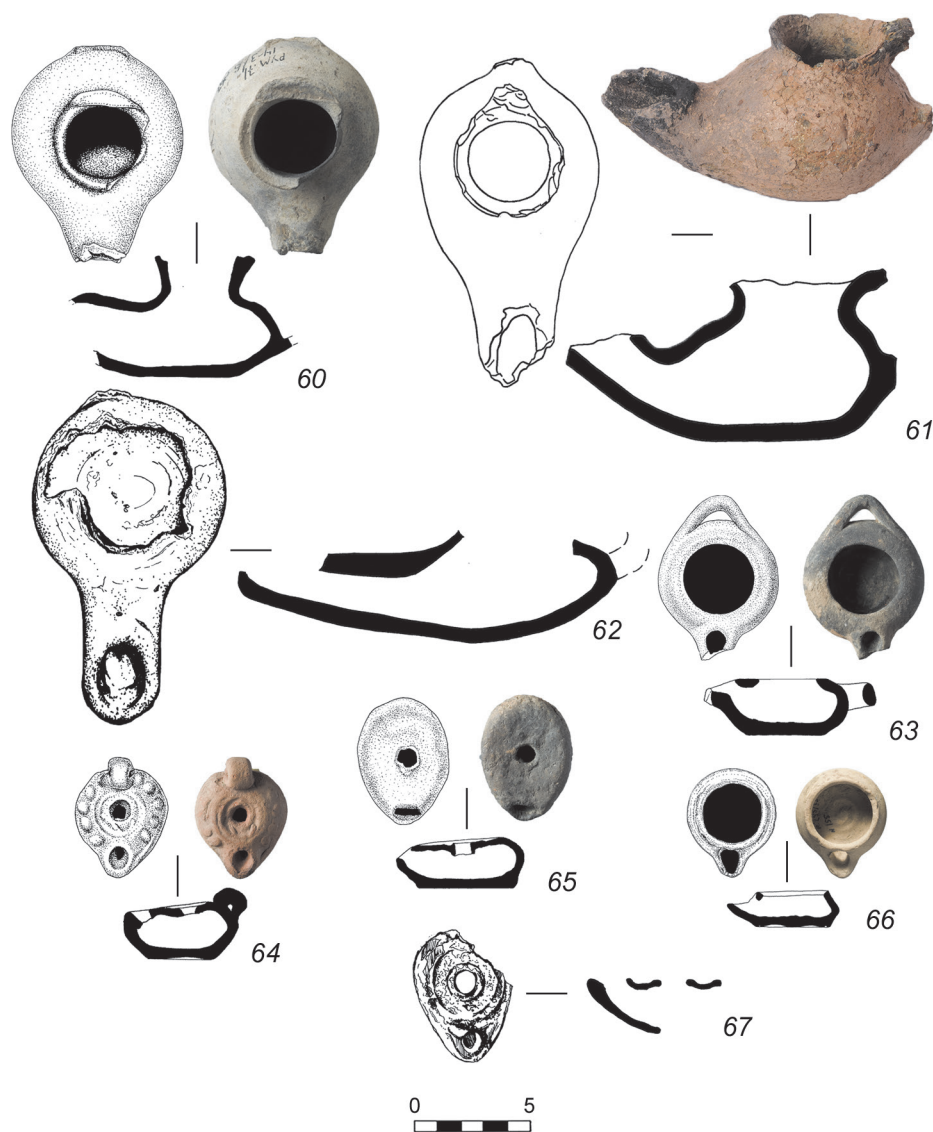
Кат. 59 (табл. 10. 59). Светильника «кувшинчикового» типа закрытого однорожкового фрагмент. Сохранилась нижняя часть биконического тулова. Ребро между плечами и стенками скруглено. Рожок вытянут, приподнят, закопчен. Дно плоское, на круглом поддоне. На внутренней поверхности дна воронковидное углубление со следами от гончарного круга и небольшим выступом в центре. Внешняя поверхность светильника покрыта белым ангобом. Глина красно-коричневая, с известковыми включениями. Сохранность: утрачена большая часть светильника; сколы и потертости по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 4 см; l – 9,7 см; d – 7 см.

Фанагория, раскоп «Город А», кв. V–VI, «черепяная субструкция», шт. 1–2. Раскопки А. П. Смирнова, 1937 г.

ГИМ 79530. Оп. Б 566/1675.

Боспор. 2–1 вв. до н. э.

Табл. 10. Боспорские светильники эллинистического и римского времени (Кат. 60–67)

Кат. 60 (табл. 10. 60). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый одно-рожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в высокий отогнутый наружу венчик. Широкий рожок вытянут, приподнят. Сохранились корни вертикальной ручки. Дно плоское, миндалевидной формы. Глина темно-серая, с кальцитовыми включениями. Сохранность: утрачены ручка, большая часть рожка и часть венчика; сколы и потертости по всей поверхности светильника. Размеры: Н – 5,2 см; l – 9,2 см; d – 7,4 см.

Пос. За Родину («Румынский»), Резиденция Хрисалиска, кв. 14–3/6. Раскопки Н. И. Сокольского, 1971 г.⁵²

ГИМ 103991. Оп. Б 1763/338.

Боспор. Вторая половина 1 в. до н. э.

Кат. 61 (табл. 10. 61). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый одно-рожковый. Тулово биконическое. Верхняя часть тулова у отверстия для заливания масла переходит в широкий высокий отогнутый наружу венчик. Рожок

⁵² Журавлев, Ломтадзе 2022, 91–93, рис. 15, 16, № 55.

вытянут, приподнят. Сохранились корни вертикальной ручки. Дно плоское, миндалевидной формы. Глина красно-коричневая, с кальцитовыми включениями. Сохранность: утрачены ручка, край рожка и часть венчика; сколы и потертости по всей поверхности светильника. Следы гари на рожке и венчике.

Размеры: Н – 7,8 см; l – 14,2 см; d – 7,9 см.

Городище Красный Октябрь 1. Раскоп 1, кв. 54, шт. 3, № 368. Раскопки Д. В. Журавлева, 2022 г.

ГИМ. Оп. Б 2237/70.

Боспор. Вторая половина 1 в. до н. э.⁵³

Кат. 62 (табл. 10. 61). Светильник «кувшинчикового» типа закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Ребро между плечами и стенками скруглено. Плечи узкие, у широкого отверстия для заливания масла переходят в отогнутый наружу венчик. Широкий рожок вытянут, приподнят. Сохранился нижний корень вертикальной ручки. Дно плоское, миндалевидной формы. Глина красно-коричневая, с кальцитовыми включениями. Сохранность: утрачены ручка, часть венчика со стенкой; сколы и потертости по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 4,4 см; l – 14,3 см; d – 8,2 см.

Пос. За Родину («Румынский 2»), яма 37, № 52. Раскопки Н. П. Сорокиной, 1978 г. ГИМ. Оп. Б 1883.

Боспор Азиатский. Вторая половина 1 в. до н. э.

Светильники миниатюрные однорожковые

Кат. 63 (табл. 10. 63). Светильник миниатюрный открытый однорожковый. Стенки тулова скруглены в верхней части. Плечи горизонтальные, поднимаются по направлению к отверстию для вливания масла. Рожок округлый, вытянутый. Ручка горизонтальная петлевидной формы, приподнята над туловом. Плоское дно круглой формы. Глина темно-серая с известковыми включениями. Сохранность: утрачена часть рожка, потёртости и заизвесткованность поверхности светильника.

Размеры: Н – 2,6 см; l – 7 см; d – 5,1 см.

Кепы. Раскопки Н. И. Сокольского, 1960 г.

ГИМ 98131. Оп. Б 1251/992.

Боспор. 4 – начало 3 в. до н. э.⁵⁴

Кат. 64 (табл. 10. 64). Светильник миниатюрный закрытый однорожковый. Тулово округлой формы. Стенки тулова скруглены в верхней части. Плечи горизонтальные, украшены крупными круглыми рельефными налестками в один ряд. Щиток украшен двумя валиками, разграниченными бороздкой. Отверстие для заливания масла расположено в центре щитка. Рожок округлый, вытянутый, со следами гари. Ручка вертикальная петлевидной формы, приподнята над туловом; наклепена отдельно от формы. Плоское дно миндалевидной формы. Глина красно-коричневая с известковыми включениями. Сохранность: потертости на поверхности светильника.

Размеры: Н – 3 см; l – 5,1 см; d – 4 см.

Кепы. Раскоп «Западный», III/10, № 363. Раскопки Н. И. Сокольского, 1967 г.

ГИМ ВХ 2691 (1993 г.).

Боспор. 3 в. н. э.⁵⁵

⁵³ Аналогии: Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, кат. № 561.

⁵⁴ Аналогии: Вальдгауер 1914, № 6, 8; Kassab Tezgör, Sezer 1995, nos. 176–178, 185, 189; Chrzanowski, Zhuravlev 1998, no. 1; Dupont 2005, fig. 3g; Журавлев, Быковская, Желтикова 2007, кат. № 191–193.

⁵⁵ К 3 в. н. э. относится светильник из Археологического музея в Софии, который отличается от наших лишь удлиненным рожком (его щиток пробит) (Кузманов 1992, № 280). Еще один светильник из этого собрания, у которого точки также окружают отверстие для заливания масла, обрамленное валиком, но на дне его есть рельефные изображения (там же, № 289). Малоазийский светильник 5 в. н. э. близкой формы и с аналогичной орнаментацией плеч, но с изображением на щитке, был опубликован К. Иконому (Исопоти 1967, 25, fig. 48). Сравнительно близкий светильник очень грубой работы найден на городище Белинское в помещении первой половины 4 в. н. э. (Зубарев, Крайнева 2004, 201, рис. 7. 2).

Кат. 65 (табл. 10. 65). Светильник миниатюрный закрытый однорожковый лепной. Тулово подовальной формы, его стенки скруглены в верхней части. Отверстие для заливания жидкостей расположено в центре щитка. Рожок округлый, вытянутый, со следами гари. Дно имеет миндалевидную форму. Глина серая с известковыми включениями. Сохранность: потертости на поверхности светильника. Размеры: Н – 2,1 см; l – 5,3 см; d – 3,9 см. Кепы. Раскопки Н. И. Сокольского, 1959 г. ГИМ 98131. Оп. Б 1251/234. Боспор. 3 в. н. э.

Кат. 66 (табл. 10. 66). Светильник миниатюрный открытый однорожковый. Тулово биконическое, рожок вытянут. Плоское дно круглой формы с рельефными канавками. Глина светло-красная. Сохранность: незначительные сколы. Размеры: Н – 1,6 см; l – 4,7 см; d – 3,9 см. Кепы, некрополь. П. 245/35. Раскопки Н. П. Сорокиной, 1961 г. ГИМ 98477. Оп. Б 1293/155. Боспор. Комплекс погребения датируется второй половиной 1 в. н. э. – 2 в. н. э. Светильник, судя по его форме, может относиться к классическому времени, или является подражанием.⁵⁶

Кат. 67 (табл. 10. 67). Светильника закрытого миниатюрного однорожкового фрагмент. Низкое тулово конусовидной формы. Плечики отделены от валика над отверстием для жидкостей широкой канавкой. Рожок приподнят. Глина красно-коричневая. Сохранность: утрачена часть тулова. Следы гари; сколы и потертости, заизвесткован. Размеры: Н – 2,5 см; l – 5,9 см; d – 4,4 см. Кепы. IV, 5. Раскопки Н. И. Сокольского, 1957 г. ГИМ 96195. Оп. Б 1095/402. Боспор. 2–3 вв. н. э.

Светильник с туловом в виде маски силена

Одним из распространенных антропоморфных сюжетов на фигурных светильниках Северного Причерноморья являются изображения в форме лица сатира или Силена. Изображения головы сатира или Силена отличается менее грубыми чертами лица; ключевой особенностью данных персонажей можно считать отсутствие у них овальной линии вокруг рта, которую возможно трактовать как бороду. Показательными в этом плане являются два парных фигурных светильника из Патрея в виде головы Силена⁵⁷, и фигурный сероглиняный светильник, обнаруженный в 1995 г. при раскопках на Южном раскопе Нимфея.⁵⁸ Д. Бейли датировал имеющиеся аналогии итальянских светильников в Британском музее не ранее второй половины 1 в. н. э.⁵⁹

Кат. 68 (табл. 11. 68). Светильник закрытый однорожковый. Тулово биконической формы. Отверстие для заливания масла отделено от остальной части щитка широким рельефным валиком. Верхняя часть тулова и рожок выполнены в форме рельефного изображения маски сатира или негра с вытянутым подбородком и торчащими ушами. Рожок вытянутый, приподнят, расширен в районе отверстия для фитиля. Поддон миндалевидный. Ручка вертикальная петлевидная

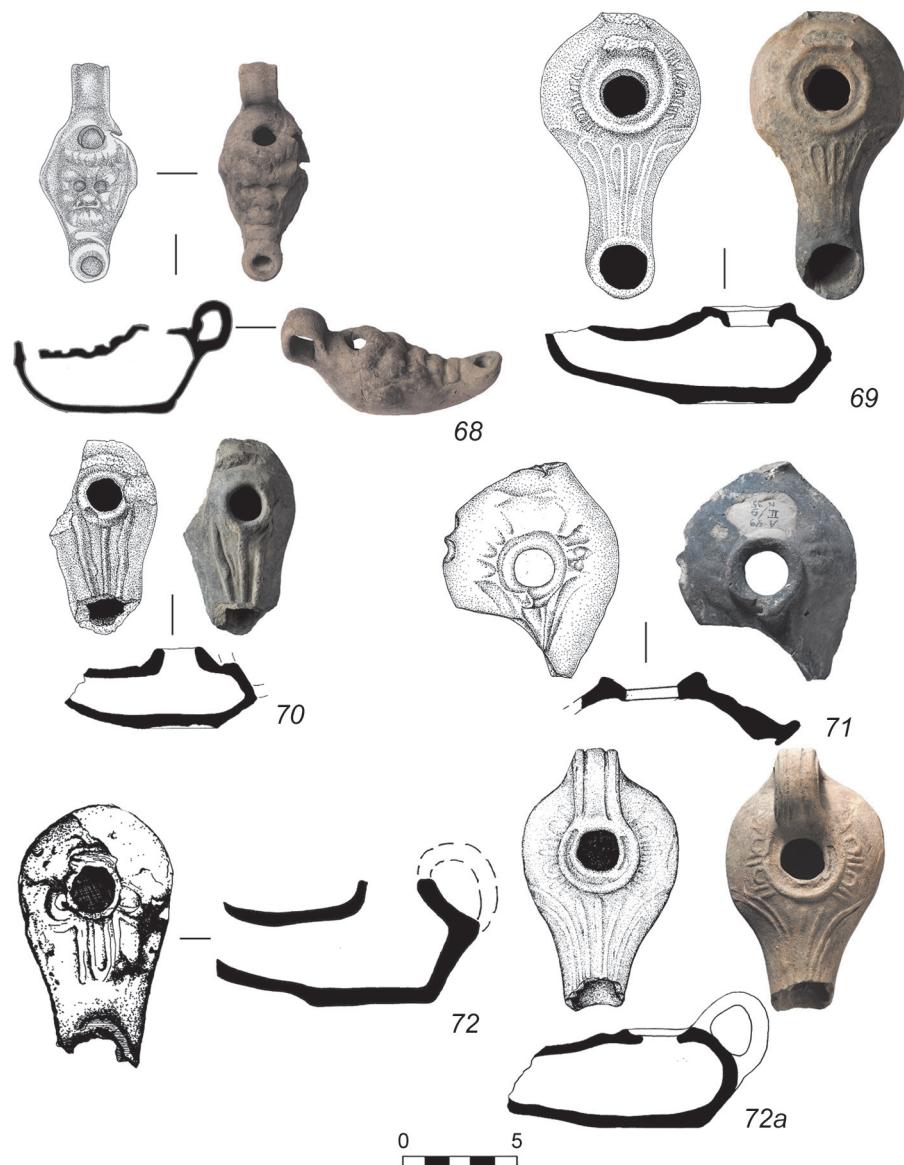
⁵⁶ Аналогии: Вальдагуер 1914. № 6,8; Журавлев, Быковская, Желтикова 2007, кат. № 191–193; Kassab Tezgöür, Sezer 1995, nos. 176–178, 185, 189; Chrzanovski, Zhuravlev 1998, no. 1; Dupont 2005, fig. 3g.

⁵⁷ Стручалина 1977, 144–177; Устаева, Журавлев 2010, 69, рис. 5.

⁵⁸ Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 266.

⁵⁹ Bailey 1980, 257, Q1133, Q1134.

Табл. 11. Боспорские светильники римского времени (Кат. 68–72, 72a)

профилированная. Глина темно-серая, с мелкими кварцевыми и известковыми включениями. Сохранность: ручка утрачена, догипсована. Сколы и потёртости. Размеры: Н – 4,9 см; l – 9,4 см; d – 4,4 см.

Городище Красный Октябрь 1. Раскоп 1, кв. 44, шт. 6. Раскопки Д. В. Журавлева, 2019 г.⁶⁰

ГИМ ВХ ЭФЗК 4013/85. Оп. Б 2209/85.

Боспор. Середина – вторая половина 1 в. н. э.⁶¹

Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, тип 21, вариант 2/3

Светильники с орнаментом на плечах и рожке в виде стилизованных пальметт. Один из поздних вариантов групп боспорских светильников.⁶² Представленный в каталоге светильник отличается от типологически близких овоидным орнаментом на плечиках, а также несколько иначе выполненными пальметтами на рожке. Тем не менее, датировка остается схожей: 2 – первая половина 3 в. н. э.

⁶⁰ Журавлев и др. 2022, 163, рис. 6; Журавлев, Камышанов, Конотопов 2022, рис. 4; Zhuravlev et al. 2024, 143, Abb. 12.

⁶¹ Аналогии: Стручалина 1977, 144–177; Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 266; Bailey 1980, 257, Q1133, Q1134; Кузманов 1992, № 44, 45; Минчев 2019, 37, 39, обр. 2, 3, 5.

⁶² Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 228.

Кат. 69 (табл. 11. 69). Светильник однорожковый закрытый. Тулово биконической формы. Плечи украшены рельефным орнаментом в виде ов, разделенных вертикальными линиями. Вокруг отверстия для заливания масла воронковидный венчик, окруженный низким валиком. Рожок вытянут, приподнят, окружен стилизованными побегами. Дно плоское, миндалевидное. Сохранились корни вертикальной ручки. На рожке и тулове следы копоти. Глина темно-серая с мелкими кварцевыми и известковыми включениями.

Размеры: Н – 4,4 см; l – 12,5 см; d – 6,9 см.

Кепы. Раскоп «И», I/13, № 46. Раскопки Н. И. Сокольского, 1961 г.

ГИМ 98131. Оп. Б 1261.

Боспор. 2 – первая половина 3 в. н. э.⁶³

Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, тип 19

Кат. 70 (табл. 11. 70). Светильник однорожковый закрытый. Тулово биконической формы. Вокруг отверстия для заливания масла валик. Рожок вытянут. На рожке – оттиснутый рельефный веерообразный орнамент в виде расходящихся от отверстия для фитиля линий. Низкий поддон миндалевидной формы. Сохранились корни вертикальной ручки. Глина темно-серая с мелкими кварцевыми и известковыми включениями. Сохранность: утрачены ручка, рожок, часть тулова; множественные сколы, потертости, заизвесткованность.

Размеры: Н – 3,6 см; l – 8,5 см; d – 5,2 см.

Кепы. Раскоп «З», I/2, № 190. Раскопки Н. И. Сокольского, 1961 г.

ГИМ 98131. Оп. Б 1261.

Боспор. 2 – первая половина 3 в. н. э.

Кат. 71 (табл. 11. 71). Светильника однорожкового закрытого фрагмент. Сохранилась верхняя часть биконического тулова. Вокруг отверстия для заливания масла – валик. Рожок вытянут, на нем оттиснут рельефный веерообразный орнамент в виде расходящихся от отверстия для фитиля линий. Глина темно-серая. Сохранность: утрачена большая часть светильника и ручка; множественные сколы, потертости, заизвесткованность.

Размеры: Н – 2,6 см; l – 9,6 см; d – 7,8 см.

Место находки не установлено (шифр А-49, II-9, № 35).

ГИМ ВХ 2691 (1993 г.).

Боспор. 2 – первая половина 3 в. н. э.

Кат. 72 (табл. 11. 72). Светильник закрытый однорожковый. Тулово биконической формы. Плечи орнаментированы рельефными овами, разделенными прямыми линиями, поднимаются по направлению к высокому венчику вокруг отверстия для заливания масла. Сохранились корни вертикальной ручки. Дно плоское, миндалевидное. Глина серая, плотная, с известковыми включениями. Сохранность: утрачена часть рожка, ручка и примыкающая к ней часть задней стенки. Сколы, потертости по всей поверхности светильника. Склеен из множества фрагментов.

Размеры: Н – 4,5 см; l – 10,6 см; d – 6,4 см.

Патрей. VI/18. Раскопки А. С. Башкирова, 1951 г.

ГИМ 83710. Оп. Б 402.

Боспор. 2 – начало 3 в. н. э.

⁶³ Аналогии: Арсеньева 1988, № 14; Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, кат. № 847.

Кат. 72а (табл. 11. 72а). Светильник закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Отверстие для заливания масла расположено в центре воронковидного углубления, обрамленного канавками и окруженного небольшим валиком. Вокруг валика по плечам расположен рельефный орнамент в виде пояса из ов, разделенного прямыми линиями. Рожок вытянут, приподнят, орнаментирован стилизованными волютами. Плоский поддон миндалевидной формы. Ручка вертикальная петлевидная, с двумя продольными канавками. Глина красно-коричневая с кальцитовыми и пироксеновыми включениями. Сохранность: утрачено завершение рожка с отверстием для фитиля, небольшая заизвесткованность.

Размеры: Н – 6,2 см; l – 11,5 см; d – 6,8 см.

Пос. Батарейка I. Раскоп «Б-В», пом. 1, пол нижн. сл., № 30. Раскопки Н. И. Сокольского, 1963 г.

ГИМ. ВХ 2691 (1993 г.).

Азиатский Боспор (?). Последняя четверть 1 в. до н. э. – 1 в. н. э.

Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, тип 16

Кат. 73 (табл. 12. 73). Светильник однорожковый закрытый. Тулово биконической формы. Плечи украшены рельефным орнаментом в виде ов, разделенных вертикальными линиями. Отверстие для заливания масла находится в центре воронковидного углубления, окруженного валиком. Рожок вытянут, приподнят. Рожок и прилегающая часть тулова декорированы двумя листьями, окончания которых образуют с двух сторон тулова острые выступы. Дно в виде слабовыраженного миндалевидного поддона. На дне отчетливо видны не вполне ясные рельефные знаки (клеймо?). На нижней части рожка под отверстием для фитиля S-видный налест (буква?). Сохранились корни вертикальной ручки. На рожке и тулове следы копоти. Глина темно-серая с мелкими кварцевыми и известковыми включениями. Сохранность: утрачена ручка, незначительные сколы, потертости, заизвесткованность.

Размеры: Н – 4,4 см; l – 11,6 см; d – 6,2 см.

Кепы. № 277. Раскопки Н. И. Сокольского, 1973 г.⁶⁴

ВХ 2691 (1993 г.).

Боспор. 2–3 вв. н. э.

Журавлев, Завойкин 2007, тип 1

Светильник типа «корона». Многоярусные многорожковые светильники изготавливались для проведения ритуалов, возможно, с последующим разбиванием при окончании сакрального действия. Ряд подобных ламп происходит из раскопок Фанагории, святилища на Майской горе, Гермонассы и других памятников Азиатского Боспора.⁶⁵ Наиболее представительным примером на Азиатском Боспоре с большим количеством разбитых светильников в ходе проведения ритуалов является святилище Деметры на памятнике «Береговой 4». Интересно то, что данные лампы изначально были сконструированы без возможности выполнять своё главное функциональное назначение – освещать пространство. Большая часть отверстий для фитилей сделаны без канальцев, соединяющих их с вместилищами, где должно располагаться масло. Ни на одном из рожков таких светильников нет следов гари, что дает возможность рассматривать предметы

⁶⁴ Раскопки осуществляла Э. Я. Николаева (см. сн. 41).

⁶⁵ Подробный разбор аналогий см.: Журавлев, Завойкин 2007; Zavoikin, Zhuravlev 2013.

Табл. 12. Боспорские эллинистические, римские и позднеантичные светильники (Кат. 73, 75–78)

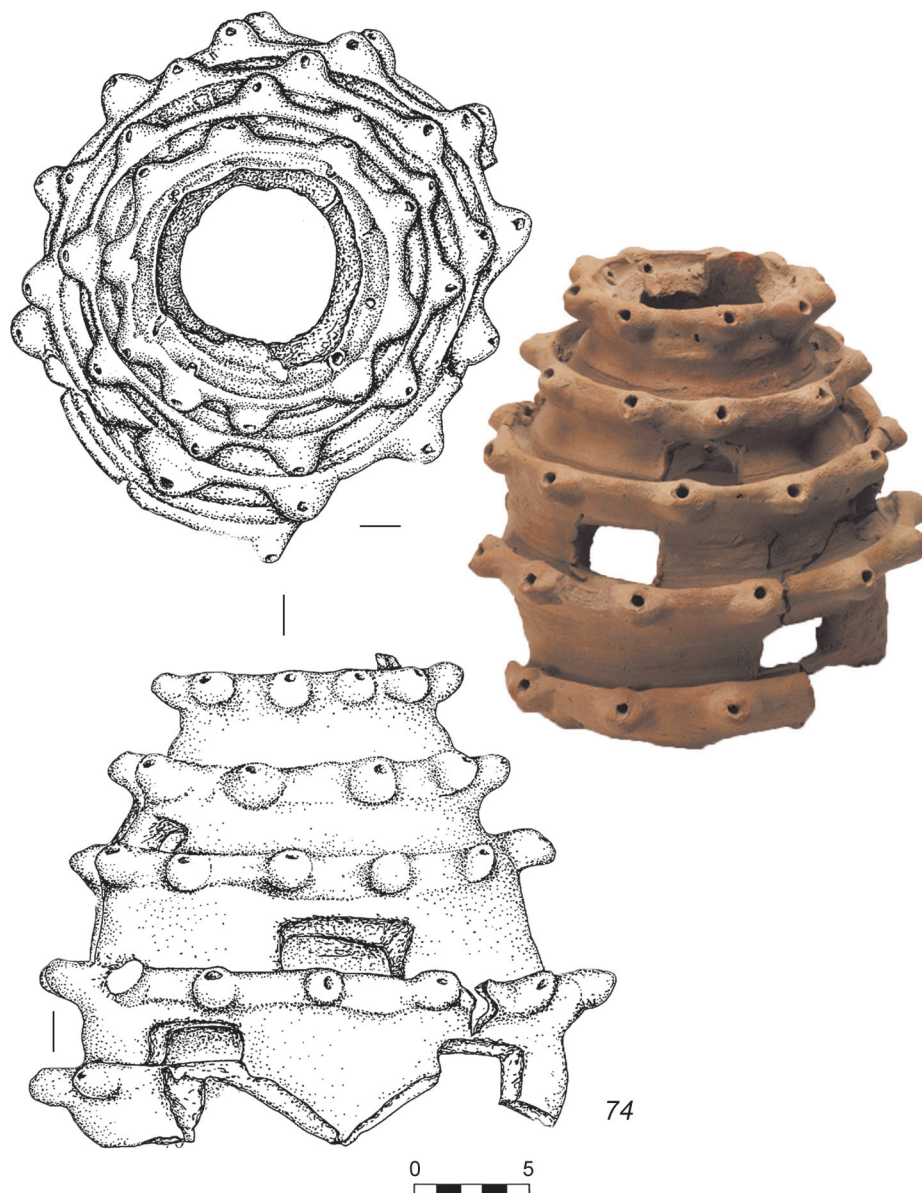
скорее как «символ света», а не его источник. Аналогичные находки как на Европейском Боспоре, так и в Средиземноморье были выявлены в комплексах, соотносимых с культовыми действиями. Рассматриваемый светильник из святилища «Береговой 4» датируется концом 4–3 вв. до н. э.

Кат. 74 (табл. 13. 74). Колоколовидный гончарный многоярусный светильник (не менее 7-ти): в верхнем – ? рожков, во 2-м – 10; в 3-м – 10; в 4-м – 11; в 5-м – 10+2?; в 6-м – 3+10?; в 7-м – ? Отверстия в тулове прямоугольные (во 2-м ярусе – 3, в 3-м – нет, в 4-м – 3, в 5-м – 4, в 6-м – 4, в 7-м – ?). Глина красно-коричневая. Поверхность однотонная. Включения: известняк, немного слюды, шамот. Сохранность: утрачена нижняя часть и боковая (частично) с уровня 4–5 ярусов.

Пос. Береговой 4. Кв.1, шт. 2, оп. 120. Раскопки Б.Г. Петерса, 1987 г.⁶⁶
ГИМ 111964. Оп. Б 2065/1

⁶⁶ Журавлев, Завойкин 2007, кат. № 1; Zavoikin, Zhuravlev 2013, 173–174, fig. 13. 1; Журавлев 2010, 319, рис. 52.

Табл. 13. Боспорский многорожковый светильник эллинистического времени (Кат. 74)

Размеры: высота – 20,7; ширина верхнего яруса – 11,2, размах рожков – 12,9; 2 ярус – 14,5, размах рожков 15,5; 3 ярус – 18,8, размах рожков 19,6; 4 ярус – 20,6, размах рожков 23,5. Размеры отверстий: 4×2,4; 3,2×1,9; 3,5×2,2 см. Боспор. 4–3 вв. до н. э.

Журавлев, Завойкин 2007, навершие вариант 5

Кат. 75 (табл. 78. 12). Светильника трехрожкового навершие. Тулово навершия конусовидной формы, переход к ножке светильника снаружи оформлен бороздкой, снизу ограниченной валиком. Три рожка расположены в округлом венчике. Вытянуты, приподняты. Отверстия соединены между собой единым канальцем (?). Вместителище конусовидное, с уплощением на дне. Внутренний переход от венчика к вместителищу оформлен неглубокой бороздкой. Глина светло-красная с мелкими известковыми включениями. Сохранность: нижняя часть утрачена, один из рожков отбит, склеен.

Пос. Стрелка 2. Раскоп 1. Кв. 44/45, бровка, раскопки Д. В. Журавлева⁶⁷, 2012 г.
ГИМ 114525. Оп. Б 2106/4.
Размеры: Н – 3,2; D (без рожков) – 5,8 см.
Боспор. 4–3 вв. до н. э.⁶⁸

Завойкин, Журавлев 2007, Навершие тип 4, Вариант 8

Кат. 76 (табл. 12. 76). Светильника открытого многорожкового навершие. Тулово навершия конусовидной формы, переход к ножке светильника снаружи оформлен бороздкой, снизу ограниченной валиком. Шесть отверстий для фитиля расположены в округлом венчике. Пять отверстий узкие округлой формы, наиболее крупное выполнено в форме горизонтального овала, обрамленное низким валиком. Отверстия соединены между собой единым каналцем. Вместителище конусовидное, с уплощением на дне. Внутренний переход от венчика к месту оформления неглубокой бороздкой. Глина красная с мелкими известковыми включениями. Сохранность: утрачена ножка, множественные сколы, следы гари (?) на одной из стенок светильника.

Размеры: Н – 6,3 см; l – см; d – 9,7 см; d вместителища – 5,5 см.

Кепы. Раскоп «Западный», кв. X–XIII/55, № 980. Раскопки Н. И. Сокольского, 1959 г.
ГИМ 98131. Оп. Б 1251.

Боспор. 4–3 вв. до н. э.⁶⁹

Кат. 77 (табл. 12. 77). Светильника открытого многорожкового фрагмент. Во вместителище располагалась высокая втулка с конусовидным углублением. Втулка ограничена от тулова двумя небольшими бороздками. Стенки тулова чашеобразные, округлые. Ножка цилиндрической формы с рельефными валиками по всей поверхности. Внутренняя часть дна имеет углубление конической формы. Глина светло-красная с мелкими известковыми вкраплениями. Сохранность: утрачены большая часть тулова и дно; множественные сколы.

Размеры: Н – 10,8 см; l – см; d – 6,2 см.

Кепы. Раскоп «Западный», кв. XI/7, № 530. Раскопки Н. И. Сокольского, 1959 г.
ГИМ 98131. Оп. Б 1251.

Боспор. 3–5 вв. н. э.

Кат. 78 (табл. 12. 78). Светильника открытого многорожкового лепного фрагмент. Во вместителище располагалась высокая втулка с конусовидным углублением. В стенках втулки проделаны три вертикальных подовальных отверстия. Стенки тулова чашеобразные, округлые. Массивная ножка цилиндрической формы. Глина грубая, светло-серая с крупными известковыми вкраплениями. Сохранность: утрачены большая часть тулова и дно ножки; множественные сколы.

Размеры: Н – 9,6 см; l – см; d – 4,5 см.

Пос. Батарейка II. Раскоп «А», VII/4, № 25. Раскопки Н. И. Сокольского, 1964 г.
ГИМ. Оп. Б 1995.

Азиатский Боспор. 3–5 вв. н. э.

Светильник пятирожковый на ножке

Кат. 79 (табл. 14. 79). Светильник закрытый пятирожковый. Конусовидное тулово вдавлено в круглую в сечении ножку. Плечики широкие, плоские.

⁶⁷ Журавлев, Шлотцауер 2014, 164, рис. 15. 11.

⁶⁸ Аналогии: Журавлев, Завойкин, 2007, кат. № 24.

⁶⁹ Аналогии: Журавлев, Завойкин 2007, кат. № 30.

Отверстие для вливания жидкостей округлой формы, расположено в центре тулова, обрамлено слабовыраженным валиком. Пять отверстий для фитиля округлой и подовальной форм расположены на одном уровне ниже отверстия для вливания жидкостей. На рожках следы гари. Глина светло-серая. Сохранность: утрачена большая часть ножки; склеен, догипсован, множественные сколы и трещины.

Размеры: Н – 7,2 см; l – 6,7 см; d – 6,5 см.

Пос. Батарейка II. Раскоп «А», яма «М», № 52. Раскопки Н. И. Сокольского, 1964 г. ГИМ. Оп. Б 1995.

Боспор. 3–5 вв. н. э.

Кат. 80 (табл. 14. 80). Светильника закрытого многорожкового фрагмент. Конусовидное тулово вдавлено в круглую в сечении ножку. Отверстие для вливания жидкостей округлой формы, расположено в центре тулова, обрамлено отогнутым наружу валиком валиком. Три сохранившихся отверстий для фитиля округлой и подовальной форм расположены на одном уровне ниже отверстия для вливания жидкостей. Еще один рожок – без отверстия для фитиля. Глина красно-коричневая. Сохранность: утрачена большая часть тулова светильника и ножки; множественные сколы, заизвесткованность.

Размеры: Н – 5,5 см; l – 8 см; d – 9,5 см.

Фанагория, «Город А», 1/5. II. Раскопки В. Д. Блаватского, 1936 г.

ГИМ 78410. Оп. Б 1а/2794.

Боспор. 3–5 вв. н. э.

Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, тип 1, вариант 1.1

Светильники с рожком, обрамленным волютами, с миниатюрными выступами по обеим сторонам. К рассматриваемому типу относят однорожковые закрытые светильники с туловом конической формы⁷⁰. Отверстие для заливания жидкости расположено по центру щитка и вогнуто внутрь. Тип делится на несколько вариантов, имеющих морфологические отличия в деталях. Боспорский тип и его варианты датируются 1 в. до н. э. – первой половиной 1 в. н. э. Кроме того, стоит отметить, что для данного типа В. С. Забелиной был предложен более узкий период, а именно рубеж эр.⁷¹

По обеим сторонам закрытого однорожкового светильника расположены миниатюрные ручки-выступы. Выступы могут быть декорированы рельефными насечками. Рожок вытянут, приподнят. Край рожка округлой или трапециевидной формы, обрамлен широкими волютами. Тулово расположено на низком поддоне миндалевидной формы. Известны экземпляры с плоским дном. Глина у всех ламп этого типа одинаковая, темно-серая, с известковыми примесями.

Кат. 81 (табл. 14. 81). Светильник закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Вокруг отверстия для заливания жидкостей воронковидное углубление. Отверстие узкое. Рожок вытянут, приподнят. Боковая поверхность рожка и прилегающая часть тулова украшены двумя стилизованными волютами, образующими у фитильного отверстия треугольные выступы. По краям тулова две боковые ручки-выступы, декорированные врезными линиями. Ручка вертикальная, петлевидная двуствольная. Низкий поддон миндалевидной формы. Глина темно-серая, с мелкими известковыми включениями.

⁷⁰ Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 121–123.

⁷¹ Забелина 1992, 317–318.

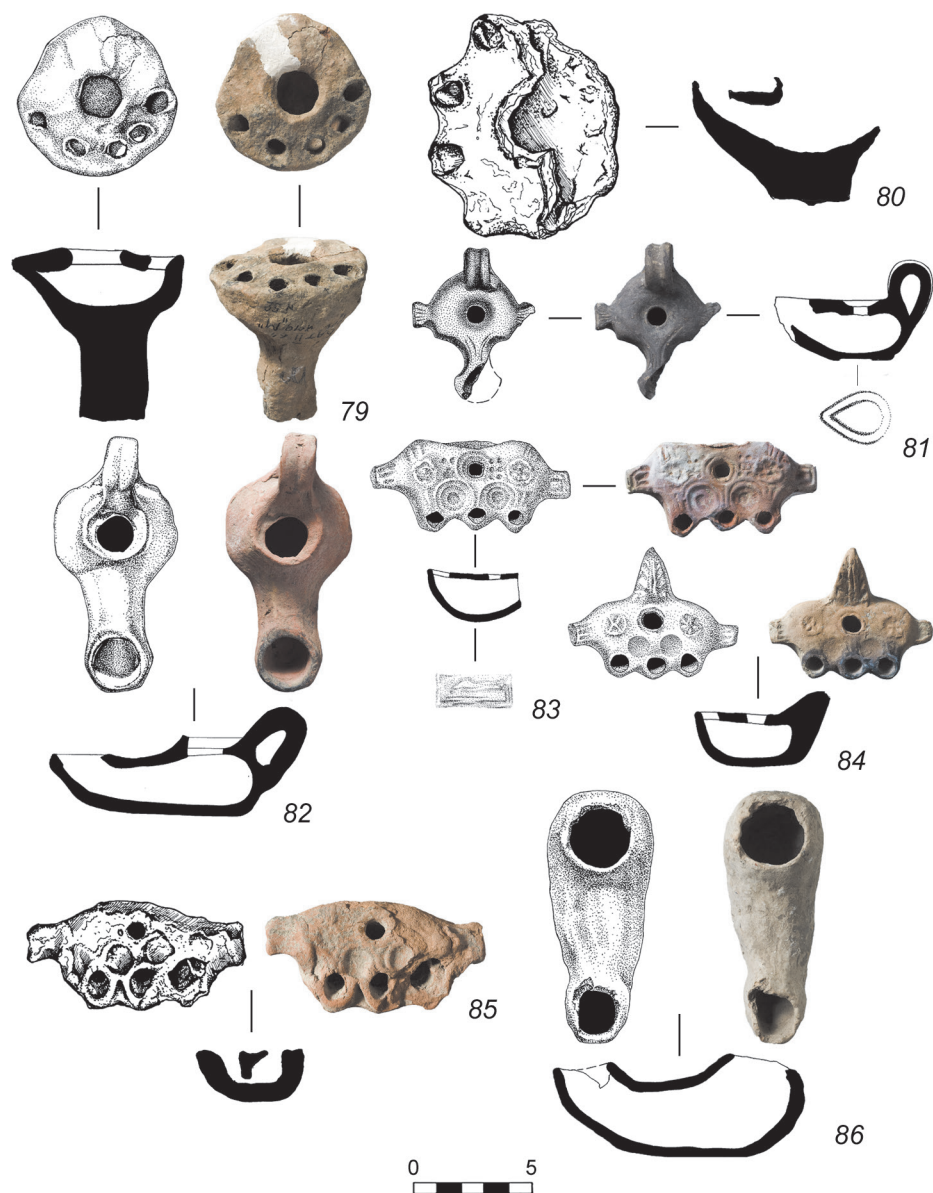

Табл. 14. Боспорские эллинистические, римские и позднеантичные светильники (Кат. 79–86)

Размеры: Н – 4,3 см; l – 6,6 см; d – 5,3 см.

Пос. «За Родину» (Румынский). «Резиденция Хрисалиска», кв. 8-Л/6, № 77. Раскопки Н. И. Сокольского, 1972 г.

ГИМ 103991. Оп. Б 1763/433.

Азиатский Боспор. Конец 1 в. до н. э. – первая половина 1 в. н. э.⁷²

Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, тип 15, вариант 15.2

Кат. 82 (табл. 14. 82). Светильник закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Вокруг отверстия для заливания масла – воронковидное углубление, окруженное валиком. Рожок вытянут, приподнят. Ручка вертикальная петле-видная, профилированная. Дно плоское, круглой формы. Глина светло-красная с известковыми включениями. Сохранность: следы гари на рожке. Сколы, потери по всей поверхности светильника.

⁷² Аналогии: Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 121–123.

Размеры: Н – 4,7 см; l – 10,9 см; d – 5,4 см.

Кепы, некрополь. Склеп 401//16, № 1527/XXXI. Раскопки Н. П. Сорокиной, 1967 г. ГИМ 100428. Оп. Б 1527.

Азиатский Боспор. 1 – начало 2 в. н. э.⁷³

Многорожковые светильники

К рассматриваемому типу относятся закрытые трехрожковые светильники. Их тулово имеет вытянутую форму. Отверстие для заливания жидкости одно, располагается в воронковидном углублении по центру тулова. Встречаются варианты с двумя боковыми выступами, декорированными рельефными линиями. Щиток может быть украшен розетками и круглыми углублениями с рельефными выпуклостями по сторонам от центрального рожка. Сами рожки вытянуты, приподняты. Фитильные отверстия круглые, окантованы подтреугольными выступами. Под каждым рожком могут быть расположены подовальные поддоны с выступами в центре. Также известны варианты с плоским поддоном.⁷⁴ Характерна вертикальная петлевидная двуствольная ручка. Могут встречаться лампы со сплошной вертикальной ручкой.

По всей видимости, изделия, производимые на Европейском Боспоре, были сделаны из серой глины с известковыми примесями. В то время как при изготовлении азиатских вариантов использовалась светло-красная и красно-коричневая глина. Варианты орнаментации на азиатских светильниках существенно отличаются от боспорских, хоть и повторяют основные тенденции – в боковых сегментах на щитках места предполагаемых отверстий так же украшены розетками. По бокам светильников сделаны ручки-выступы трапециевидной формы, декорированные рельефными линиями. Формы боковых выступов сильно варьируются и не схожи с боковыми выступами многорожковых светильников из памятников европейского Боспора.

Помимо местного производства можно говорить и о локальном распространении многорожковых светильников. Прямые аналогии описываемым лампам вне территории Боспора пока неизвестны. Говоря о многорожковых светильниках в целом, необходимо упомянуть об их возможном сакральном предназначении. Среди ряда исследователей довольно популярно предположение, что они могли использоваться в культовых целях не как прибор для освещения, но как «символ света».⁷⁵

Кат. 83 (табл. 14. 83). Светильник закрытый трехрожковый. Три рожка существуют отдельно. Отверстие для заливания жидкости сделано только в центральном светильнике, располагается в воронковидном углублении по центру тулова. Отверстие обрамлено канавкой. В боковых сегментах места предполагаемых отверстий украшены розетками, точками и линиями. По бокам светильника сделаны ручки-выступы подпрямоугольной формы, декорированные рельефными линиями. Рожки приподняты. Фитильные отверстия округлой формы. Дно плоское, со слабовыраженным продольно расположенным подпрямоугольным поддоном. Глина светло-красная, с известковыми включениями. Сохранность: следы гари на левом и центральном рожке, утрачена ручка и часть тулова, потёртости и заизвесткованность по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 2,8 см; l – 4 см; d – 8,6 см.

Фанагория. «Город А», III. Раскопки В. Д. Блаватского, 1936 г.⁷⁶

ГИМ 78410. Оп. Б 1/313.

Азиатский Боспор. 1 в. до н. э. – 1 в. н. э.

⁷³ Аналогии: Там же, кат. № 786–790.

⁷⁴ Там же, 153.

⁷⁵ Там же, 141.

⁷⁶ Zhuravlev 2007, 213, fig. 4. 2.

Кат. 84 (табл. 14. 84). Светильник закрытый трехрожковый. Три рожка существуют отдельно. Отверстие для заливания жидкости сделано только в центральном светильнике, располагается в воронковидном углублении по центру тулова. В боковых сегментах места предполагаемых отверстий украшены розетками. По бокам светильника сделаны ручки-выступы подпрямоугольной формы, декорированные рельефными линиями. Рожки приподняты. Фитильные отверстия округлой формы. Дно плоское. Ручка массивная вертикальная с рельефным растительным орнаментом на внешней части. На боковых гранях ручки следы от сверления. Глина светло-красная, с известковыми включениями. Сохранность: следы гари на рожках, потёртости и заизвесткованность по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 2,7 см; l – 5,6 см; d – 7,1 см.

Фанагория. Раскопки В. Д. Блаватского, 1936 г.⁷⁷

ГИМ 78410. Оп. Б 1а/3135.

Азиатский Боспор. 1 в. до н. э. – 1 в. н. э.

Кат. 85 (табл. 14. 85). Светильник закрытый трехрожковый. Три рожка существуют отдельно. Отверстие для заливания жидкости сделано только в центральном светильнике, располагается в воронковидном углублении по центру тулова. В боковых сегментах места предполагаемых отверстий украшены розетками, точками и линиями. По бокам светильника сделаны ручки-выступы подтрапециевидной формы. Рожки короткие, приподняты. Фитильные отверстия округлой формы. Пространство между рожками и отверстием для вливания жидкостей декорировано двумя круглыми углублениями. Сохранился корень вертикальной ручки. Дно плоское, со слабовыраженным продольно расположенным подпрямоугольным поддоном. Глина красно-коричневая, с известковыми включениями. Сохранность: Утрачена ручка и часть правого рожка, множество сколов, потёртостей и заизвесткованность по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 2,4 см; l – 4,6 см; d – 9 см.

Фанагория, «Город А», XIV/V. Раскопки А. П. Смирнова, 1937 г.

ГИМ 79530. Оп. Б 566.

Азиатский Боспор. 1 в. до н. э. – 1 в. н. э.

Сапожковидные светильники

К сапожковидным светильникам относят закрытые лепные светильники с вытянутыми рожками и отверстиями для фитиля, приподнятыми над туловом светильника. Подобный тип встречается не только на эллинских памятниках Северного Причерноморья, но и на ряде памятников, отождествляемых со скифами.⁷⁸ Появление светильников в погребальном инвентаре скифов, по мнению В. С. Синики и Н. П. Тельнова служит один из маркеров перехода от кочевого образа жизни к оседлому.⁷⁹ Интересно, что большинство сапожковидных светильников с боспорских памятников происходят из слоев 2–3 вв. н. э.⁸⁰, в то время как на позднескифских некрополях Западного Крыма они известны уже с 1 в. до н. э.⁸¹ Вполне вероятно, что позднескифское население Западного Крыма перенимает данную традицию у нижнеднестровских скифов 3–2 вв. до н. э., на которых, в свою очередь, повлияло греческое население Нижнего Побужья.⁸²

⁷⁷ Zhuravlev 2007, 213, fig. 4. 1; Журавлев 2010, 299, рис. 4 (с датировкой 1 в. до н. э.).

⁷⁸ Синика, Тельнов 2015, рис. 2, № 15, 17.

⁷⁹ Там же, 203.

⁸⁰ Арсеньева 1988, табл. 28. 1–3, табл. 30. 4–6, табл. 31. 1–3.

⁸¹ Дашевская 2014, 132, табл. 23. 1–4.

⁸² Коршун 2024, 88 (в печати).

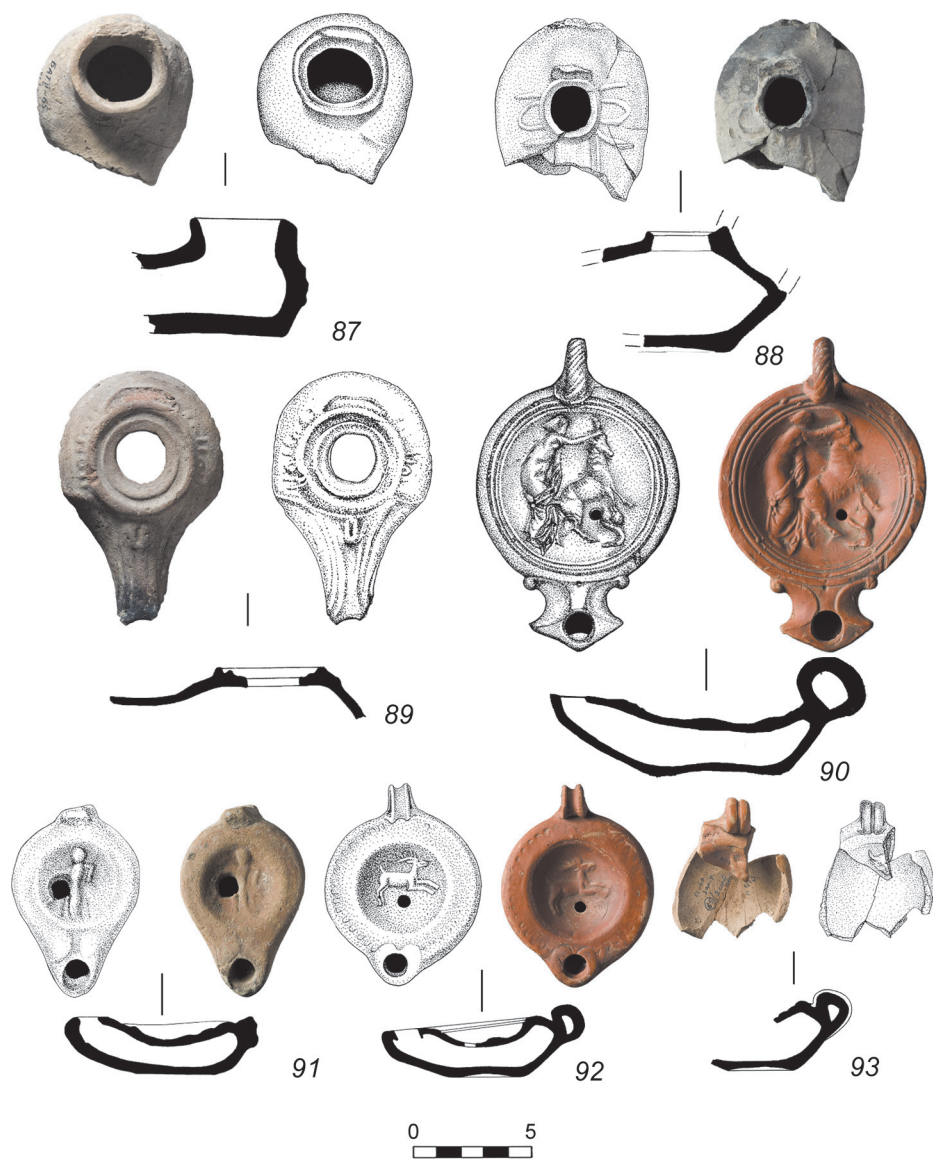
Кат. 86 (табл. 14. 86). Светильник закрытый однорожковый. Тулово биконической формы. Отверстие для вливания жидкости выполнено в высоком венчике. Рожок вытянут, приподнят. Дно плоское миндалевидной формы. Глина светло-серая с известковыми включениями. Сохранность: сколы и потертости. Размеры: Н – 4,4 см; l – 10,5 см; d – 4,3 см. Пос. Батарейка II, случайная находка, оп. № 67. Раскопки Н. И. Сокольского, 1962 г. ГИМ. Оп. Б 1995. Азиатский Боспор. 2–3 вв. н. э.

Кат. 87 (табл. 15. 87). Светильника закрытого однорожкового фрагмент. Тулово биконической формы. Отверстие для вливания жидкости выполнено в высоком венчике с отогнутыми краями. На передней стенке венчика наклеены знаки, которые возможно условно интерпретировать в виде букв $\Gamma(\Lambda)Y\zeta(?)$. Рожок вытянут, приподнят. Сохранились корни вертикальной ручки. Дно плоское миндалевидной формы. Глина светло-красная с известковыми включениями. Сохранность: утрачены рожок и ручка; склеен, сколы и потертости. Размеры: Н – 4,2 см; l – 7,2 см; d – 6,4 см. Пос. Батарейка II. Кв. XI, шт. 8, № 6. Раскопки Н. И. Сокольского, 1965 г. ГИМ ВХ 2691 (1993 г.) Боспор. 1–2 вв. н. э.

Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, тип 26

Кат. 88 (табл. 15. 88). Светильник закрытый однорожковый. Тулово биконической формы. Плечи орнаментированы рельефными овами, разделенными прямыми линиями, поднимаются по направлению к высокому венчику вокруг отверстия для заливания масла. Сохранились корни вертикальной ручки. Глина серая, плотная, с известковыми включениями. Сохранность: утрачены верхняя часть венчика, ручка, рожок и примыкающая к нему часть тулова. Сколы, потертости по всей поверхности светильника. Склеен из множества фрагментов. Размеры: Н – 4,4 см; l – 7,9 см; d – 6,2 см. Кепы. Раскоп «Западный», кв. XXII, яма (к), № 150. Раскопки Н. И. Сокольского, 1961 г. ГИМ 98131. Оп. Б 1261/156. Боспор. 2 – начало 3 в. н. э.

Кат. 89 (табл. 15. 89). Светильника закрытого однорожкового фрагмент. Сохранилась верхняя часть тулова биконической формы. Плечи орнаментированы рельефными овами, разделенными прямыми линиями, поднимаются по направлению к высокому венчику вокруг отверстия для заливания масла. Сохранился верхний корень вертикальной ручки. Глина красно-коричневая, плотная, с известковыми включениями. Сохранность: Утрачена большая часть светильника, ручка, рожок и примыкающая к нему часть тулова. Сколы, потертости по всей поверхности светильника. Размеры: Н – 3 см; l – 10,7 см; d – 6,3 см. Фанагория. Раскопки А. П. Смирнова, 1937 г. ГИМ 79530. Оп. Б 566/1588. Боспор. 2 – начало 3 в. н. э.

Табл. 15. Импортные и боспорские светильники римского времени (Кат. 87–93)

Loeschcke I B/C = Bailey Type A group 1

Кат. 90 (табл. 15. 90). Светильник закрытый однорожковый. Тулово округлое, с плоскими узкими плечиками, отделенными от круглого щитка двумя бороздками, расположенными под углом, углубляясь к центру щитка. Отверстие для заливания масла узкое, расположено в нижней части щитка. Длинный рожок обрамлен с двух сторон длинными рельефными волютами, его окончание с большим отверстием для фитиля имеет форму подтреугольной наковальни. У основания рожка намечено отверстие для циркуляции воздуха. На щитке рельефное изображение нимфы Амалфеи, держащей за рога козу, и младенца Зевса. Дно немного вогнуто, имеет округлую форму. Очень аккуратная ручка наклепная вертикальная, в форме закрученной веревки. Поверхность светильника, за исключением дна, покрыта красным лаком с темными подтеками. Глина светлокрасная. На изображении, а особенно на плечах, видны несколько маленьких рельефных точек–позитивных оттисков пузырьков воздуха, попавших в форму,

что, вероятно, говорит об оттиске кепского экземпляра в форме, снятой с оригинального светильника. Сохранность: потертости, незначительные сколы по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 4,9 см; l – 12,2 см; d – 8,1 см.

Кепы. Курган № II, № 3. Раскопки Н. И. Сокольского, 1963 г.⁸³

ГИМ 98447. Оп. Б 1293.

Малая Азия. 25–75 гг. н. э.⁸⁴

Loeschcke Type V, локальный понтийский вариант

Кат. 91 (табл. 15. 91) Светильник закрытый однорожковый. Тулово слегка вытянуто, с плоскими узкими плечиками. Плечики отделены от круглого щитка низким валиком. Щиток декорирован рельефным изображением фигуры чело- века анфас (возможно, Эрота). Его левая рука немного отогнута (возможно, согнута в локте) и покоится на алтаре (?). В правой руке персонажа мог быть факел, уничтоженный широким заливным отверстием, расположенным левее центра щитка около туловища фигуры. Рожок вытянут, обрамлен слабовыра- женными волютами, переходящей в валик в основании рожка, со следами гари. Дно плоское, миндалевидной формы. Сохранился корень вертикальной ручки, изготовленной отдельно и прикрепленной до обжига. Глина красно-коричневая. Сохранность: утрачена ручка, сколы и заизвесткованность по всей поверхности. Размеры: Н – 2,6 см; l – 8,1 см; d – 5,3 см.

Кепы. Раскоп «И», II/21, № 232. Раскопки Н. И. Сокольского, 1962 г.

ГИМ 99532. Оп. Б 1392.

Причерноморье или Боспор (?). 70–150 гг. н. э.⁸⁵

Loeschcke Type VIII

К данному типу относят закрытые светильники с круглым туловом. Для них характерны плоские плечики, немного вогнуты внутрь к щитку. На местных ими- тациях данного типа встречаются различные орнаментации плечиков, например, штамповка в виде жемчужника. Импортные варианты зачастую изготавливались с неорнаментированными плечиками. Плечики могут быть отделены от щитка миниатюрными канавками. Щиток вогнут, может быть украшен орнаментом, или сюжетом. Отверстие для вливания жидкости располагается соответственно масштабу и наличию декора. Рожок короткий, слегка приподнят, немного высту- пает за тулово, имеет округлую сердцевидную форму. Дно встречается как пло- ское, так и с небольшим поддоном. Может быть выделено врезной незамкнутой линией. Возможны ручки в форме петли, или вертикального налепа. В зависи- мости от центра производства, глина оранжево-коричневых оттенков с блест- ками и редкими известковыми включениями. Импортные изделия покрыты лаком от оранжево-красного до буро-черного оттенков. Боспорские имитации зачастую без лакового покрытия.

Принимая во внимание известные варианты и имитации, этот тип с опреде- лённой долей уверенности можно считать наиболее распространенным в рим- ское время.⁸⁶ На территории Северного Причерноморья в целом «римские» све- тильники преобладают над другими типами.⁸⁷ Надо думать, что такая популяр- ность обусловлена простой формой и, следовательно, дешевизной в изготовле- нии. Данный тип в целом датируется 2–3 вв. н. э.

⁸³ Сокольский 1964, 117–118, рис. 12. 1; Sokolsky 1965, 184; Сорокина 1997, 59, рис. 41. 3; Zhuravlev 2007, 217, fig. 7. 2; Жу- равлев, Кузнецов 2010, 551, рис. 27; Журав- лев 2010, 314, рис. 39.

⁸⁴ Аналогии: данная иконография (нимфа Амалфея, держащая козу над младенцем Зевсом) очень редка. Фактически един- ственный близкий экземпляр того же типа, но без ручки, происходит из Египта (мастер- ская Faustus, первая половина I в. н. э.) и хранится ныне в Британском музее (Bailey 1988, Q1892). В коллекции Государственного Эрмитажа представлен фрагмент светиль- ника из Ольвии с полной сценой (Вальдгауер 1914, 56, табл. XLII, № 436). Все остальные изображения представлены на светиль- никах типа Loeschcke IV, но чаще всего изо- бражение Зевса на них отсутствует. Кстати, Н. И. Сокольский и Н. П. Сорокина трактовали эту иконографию как изображение Афродиты Пандемос (Сокольский 1964, 117–118; Sokolsky 1965, 184; Сорокина 1997, 59). Об иконографии: см. Bailey 1988, 4, 233, pl. 33, Q1892, со списком аналогий, который мы можем дополнить двумя светильниками типа Loeschcke IV из Египта (Masowsky 1993, 106–107, no. 87), и с Кипра (Lightfoot 2021, 288–289, no. 377).

⁸⁵ Аналогии: если наша интерпретация мо- тива верна, подобное эклектичное изобра- жение Эрота представлено в Пергаме, где персонаж явно держит свирель над алтарем (Heimerl 2001, 190, motif 19), со списком ред- ких аналогий, найденных вдоль Рейнского лимеса, Альпийских провинциях и в Коринфе.

⁸⁶ Loeschcke 1919; Iványi 1935, 96–98; Bailey 1980, 162; и т. п.

⁸⁷ Журавлев, Турова 2012, 359.

При определении центров производства следует учитывать, что условия обжига настолько изменяют внешний характер изделия, что цвет глиняного теста или же лакового покрытия как определяющие признаки зачастую теряют самостоятельное значение. В то же время техника изготовления подобных светильников путем оттиска с форм позволяла широко пользоваться готовыми образцами. Помимо серии изделий местной (боспорской) имитации, привозные лампы могут происходить как из других памятников Северного Причерноморья, так и из мастерских на территории Малой Азии.

Кат. 92 (табл. 15. 92). Светильник закрытый однорожковый. Тулово круглое, с плоскими узкими плечиками, декорированными орнаментом в виде ов. Плечики отделены от круглого щитка валиком и бороздкой. Щиток декорирован рельефным изображением скачущего вправо оленя. Отверстие для вливания жидкости узкое, расположено в нижней части щитка под туловищем оленя. Рожок вытянут, обрамлен волутой в виде плюща. Дно круглое, слегка приподнято в центре. Ручка вертикальная петлевидная в форме двух валиков и бороздкой между ними. Налеплена вне формы. Большая часть светильника покрыта густым красно-коричневым лаком с подтеками. Глина красно-коричневая. Сохранность: частично сбито лаковое покрытие, незначительные сколы.

Размеры: Н – 3,1 см; l – 8,5 см; d – 6,4 см.

Кепы, некрополь. Склеп 88/26, костяк 1. Раскопки Н. П. Сорокиной, 1961 г.⁸⁸

ГИМ 97988. Оп. Б 1288/66.

Малая Азия (Эфес?) или Причерноморье. Конец I – начало II в. н. э.⁸⁹

Кат. 93 (табл. 15. 93). Светильника закрытого однорожкового фрагмент. Тулово круглое, с плоскими узкими плечиками, отделенными от круглого щитка канавками, расположенными под углом, углубляясь к центру щитка. Щиток углублен по направлению к центру, украшен рельефным изображением головы быка. Дно круглое, приподнято в центре. Ручка вертикальная, петлевидная в виде двух валиков, разграниченных бороздкой. Ручка налеплена вне формы. Светильник покрыт оранжево-красным лаком. Глина светло-красная. Сохранность: утрачена большая часть светильника. Сколы, потертости по всей поверхности светильника. Склеен из двух фрагментов.

Размеры: Н – 3,2 см; l – 6 см; d – 4,9 см.

Кепы. Раскоп «Западный», кв. 85/2, слой цистерны № 3, № 413. Раскопки Н. И. Сокольского, 1960 г.

ГИМ 98131. Оп. Б 1261.

Причерноморье. 2–3 вв. н. э.

Кат. 94 (табл. 15. 94). Светильник закрытый однорожковый. Тулово круглое, с плоскими узкими плечиками. Плечики отделены от круглого щитка тремя бороздками, понижающимися в сторону щитка. В центре щитка рельефное изображение маски/головы Медузы (?) анфас с лентой под ним. Отверстие для вливания жидкости узкое, расположено в левой нижней части щитка. Рожок вытянут, приподнят. Дно плоское, круглое, с клеймом *planta pedis*. Ручка вертикальная петлевидная, декорирована бороздкой; изготовлена отдельно от формы. Светильник покрыт густым коричневым лаком с подтеками, глина красно-коричневая. Сохранность: потертости, незначительные сколы.

Размеры: Н – 4,6 см; l – 8,9 см; d – 6,1 см.

⁸⁸ Сорокина 1963, 63, рис. 23. 4.

⁸⁹ Аналогии: бегущий олень – один из наиболее популярных мотивов среди сцен с изображениями животных; встречается во всех римских провинциях на всех типах светильников, от ранних Loeschcke I до поздних Loeschcke VIII. По иконографии: Bussi re 2000, 198, motif III. a.7 (1); Cahn 2009, 358–359, motif 203; Heimerl 2001, 201, motif 269; B mont, Chew 2007, 122, motif D 206; Casas i Genover, Soler i Fust  2006, 124–126. Для Причерноморья см.: Chrzanovski, Zhuravlev 1998, 81–84; Topoleanu 2012, 107.

Кепы, некрополь. Склеп 88/26, костяк 1. Раскопки Н. П. Сорокиной, 1961 г.
ГИМ 97998. Оп. Б 1288/68.
Малая Азия (?) или Причерноморье. 2 в. н. э.

Кат. 95 (табл. 16. 95). Светильник закрытый однорожковый. Тулово округлое, с плоскими узкими плечиками. Плечики отделены от круглого щитка слабо выраженным валиком с бороздками. Щиток вогнутый. В центре щитка рельефное изображение юноши с обнаженным торсом, за исключением накидки на плечах, застегнутой спереди. Отверстие для заливания масла узкое, расположено в левой части щитка, у шеи юноши. Рожок небольшой, округлой формы. Кольцевой поддон слегка вогнут в центре. Ручка вертикальная петлевидная профилированная, изготовленная от руки и прикреплена отдельно до обжига. Внешняя часть светильника покрыта красно-оранжевым лаком с подтеками, глина светло-красная. Сохранность: утрачена часть щитка, потертости, незначительные сколы.

Размеры: Н – 3,4 см; l – 8,6 см; d – 6,4 см.

Кепы, некрополь. Склеп 401/16. Раскопки Н. П. Сорокиной, 1967 г.
ГИМ 100428. Оп. Б 1527.

Малая Азия (?) или Причерноморье. 2 в. н. э.⁹⁰

Кат. 96 (табл. 16. 96). Светильник закрытый однорожковый. Тулово округлое, с плоскими узкими плечиками, орнаментированные двумя рядами жемчужника. Плечики отделены от круглого щитка слабо выраженным валиком с бороздками. Щиток вогнутый. В центре щитка рельефное изображение растительного орнамента с четырьмя лепестками. Рожок небольшой, округлой формы. Кольцевой поддон слегка вогнут в центре. Ручка вертикальная петлевидная профилированная, изготовленная от руки и прикреплена отдельно до обжига. Внешняя часть светильника покрыта красно-оранжевым лаком с подтеками, глина светло-красная. Сохранность: Утрачено отверстие для вливания жидкостей, потертости, незначительные сколы.

Размеры: Н – 3 см; l – 8,2 см; d – 6 см.

Кепы, некрополь. Склеп 401/16. Раскопки Н. П. Сорокиной, 1967 г.
ГИМ 100428. Оп. Б 1527/77.

Причерноморье. 3 в. н. э. (найден вместе с лепным светильником Кат. 115).⁹¹

Кат. 97 (табл. 16. 97). Светильник закрытый однорожковый. Тулово округлое, с плоскими узкими плечиками, декорированными орнаментом в виде ов. Плечики отделены от круглого щитка валиком. Щиток вогнутый. В центре щитка рельефное изображение козла в прыжке, влево; под его ногами – четко обозначенная линия земли. Отверстие для заливания масла узкое, расположено в центре щитка, под туловом животного. Рожок небольшой, сердцевидной формы. Дно плоское, круглое. Сохранился корень вертикальной профилированной ручки, изготовленной от руки и прикреплённой отдельно до обжига. Верхняя часть светильника покрыта красно-оранжевым лаком с подтеками, глина светло-красная. Сохранность: утрачена ручка, потертости, незначительные сколы.

Размеры: Н – 2,5 см; l – 7,3 см; d – 6,2 см.

Фанагория. Между 4 и 5 слоями раскопа 1936 г. Раскопки А. П. Смирнова, 1937 г.
ГИМ 79530. Оп. Б 566/1589.

Малая Азия (?). 2 в. н. э.⁹²

⁹⁰ Аналогии: Bussiere, Lindros Wohl 2017, no. 338.

⁹¹ Аналогии: Bailey 1980, Q978; Chrzanovski, Zhuravlev 1998, nos. 55, 56.

⁹² Аналогии: подобная иконография достаточно редка. См.: Heimerl 2001, 200, motif 241; Bailey 1988, 77, круг параллелей для Q3086 – светильники изготовленные и найденные в Эфесе, Пергаме и Коринфе.

Табл. 16. Импортные светильники римского времени и боспорские лепные позднеантичные светильники (Кат. 94–100)

Светильники на ножке

В этом разделе представлены лепные светильники в виде площадки, с открытым вместилищем. Характерным для этой группы ламп является наличие ножки разной высоты. Топливом для подобных светильников – сравнительно дешевой альтернативы обычным краснолаковым масляным светильникам – мог служить животный жир.

Существуют сложности с датировками светильников, представленными в каталоге, хотя все они происходят из позднеантичных слоев. Аналогии им, хотя и не очень многочисленные, также относятся к эпохе поздней античности. Поэтому мы в целом относим их к 4–5 вв. н. э., понимая, что при дальнейшей работе с комплексами, откуда происходят публикуемые светильники, эта дата может быть уточнена.

Кат. 98 (табл. 16. 98). Светильник плосковидный открытый. Вместилище чашеобразной округлой формы, вдавлено в ножку цилиндрической формы.

На дне вместилища конусовидное углубление. Часть вместилища покрыта следами копоты. Глина красная с крупными известковыми включениями. Сохранность: потертости, заизвесткованность поверхности.

Размеры: Н – 8,3 см; l – см; d – 8,2 см; d вместилища – 7,2 см.

Кепы. Раскопки Н. И. Сокольского, 1959 г.

ГИМ 98131, Оп. Б 1261/90.

Боспор. 4–5 вв. н. э.⁹³

Кат. 99 (табл. 16. 99). Светильник плосковидный открытый на высокой ножке. Вместилище чашеобразной округлой формы, вдавлено в ножку цилиндрической формы с тремя горизонтальными платформами у основания. В центре вместилища высокая цилиндрическая втулка с отверстием в стенке втулки. На дне втулки конусовидное углубление. Часть тулова покрыта следами копоты. Глина темно-серая с известковыми включениями. Сохранность: утрачена большая часть ножки, множественные сколы. Склеен, догипсован. Заизвесткованность поверхности.

Размеры: Н – 12,5 см; l – см; d – 8,2 см; d вместилища – 7,1 см.

Пос. Бугазское. Раскопки В. Д. Блаватского, 1951 г.⁹⁴

ГИМ 83819. Оп. Б 904/482.

Азиатский Боспор. 4–5 вв. н. э.⁹⁵

Кат. 100 (табл. 16. 100). Светильник плосковидный открытый. Вместилище чашеобразной округлой формы, вдавлено в ножку цилиндрической формы. В центре вместилища высокая цилиндрическая втулка. На дне втулки конусовидное углубление. Часть тулова покрыта следами копоты. Глина красно-коричневая с крупными включениями пироксена. Сохранность: утрачена большая часть ножки, множественные сколы. Склеен, догипсован. Заизвесткованность поверхности.

Размеры: Н – 5,2 см; l – см; d – 7,9 см; d вместилища – 7 см.

Пос. Батарейка II. Раскоп «А», кв. VII, шт. 9. Раскопки Н. И. Сокольского, 1964 г.⁹⁶

ГИМ. Оп. Б 1995.

Боспор. 4–5 вв. н. э.

Кат. 101 (табл. 17. 101). Светильник плосковидный открытый. Вместилище чашеобразной округлой формы, вдавлено в ствол цилиндрической формы. Ствол переходит в три небольшие ножки-подставки. Глина светло-красная с известковыми включениями. Сохранность: утрачена одна из трёх ножек, незначительные сколы.

Размеры: Н – 7,5 см; d – 4,8 см.

Кепы. Раскоп «Западный», кв. XIV/63, № 1134. Раскопки Н. И. Сокольского, 1959 г.

ГИМ 98131. Оп. Б 1261.

Боспор. 4–5 вв. н. э.⁹⁷

Кат. 102 (табл. 17. 102). Светильника плосковидного открытого фрагмент. Сохранилась цилиндрическая ножка с рифленным орнаментом и конусовидное углубление от вместилища. Ножка, по всей видимости, переходит в конусовидную подставку. Глина коричнево-красная с включениями известняка. Сохранность: утрачена большая часть светильника – вместилище и основание ножки, множественные сколы.

⁹³ Аналогии: близкие экземпляры были обнаружены в Танаисе (Арсеньева 1988, табл. XLVI. 3).

⁹⁴ Блаватский 1953, рис. 60. 1; Журавлев 2010, 305–306, рис. 14 (с датировкой 5–6 вв. н. э.).

⁹⁵ Аналогии: близкая по форме ножка есть у светильника из городища «Белинское» (Зубарев, Крайнева 2004, 203, рис. 9. 3), а сами площадки со втулкой в центре вместилища происходят, например, из Танаиса (Арсеньева 1988, табл. XLVI. 2, 5).

⁹⁶ Zhuravlev 2007, 226, fig. 19. 4.

⁹⁷ Аналогии: подобные светильники известны с городища «Белинское» (Зубарев, Крайнева 2004, рис. 2. 6).

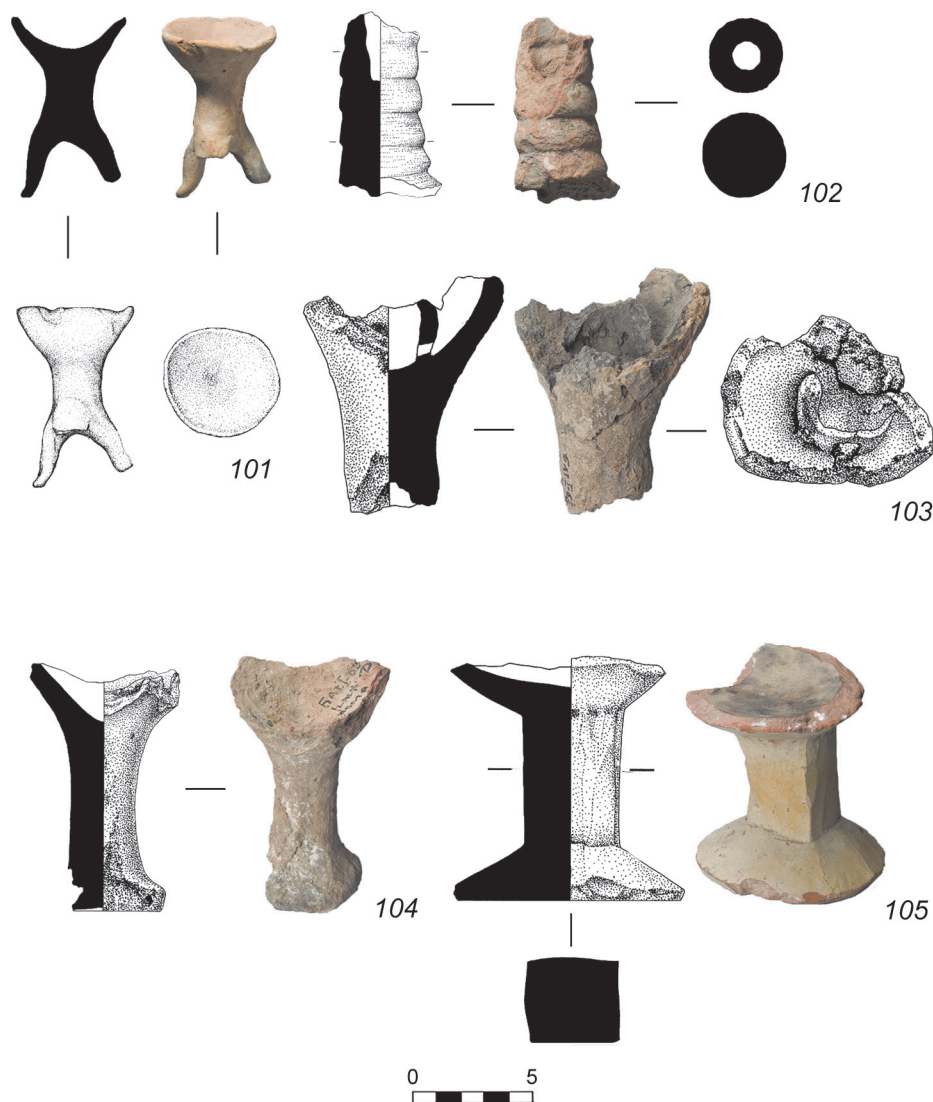

Табл. 17. Боспорские лепные позднеантичные светильники (Кат. 101–105)

Размеры: Н – 7,8 см; d – 4,3 см.

Фанагория, раскоп «Город А», XV; IV/10. Раскопки А. П. Смирнова, 1937 г.

ГИМ 79530. Оп. Б 566.

Азиатский Боспор. 4–5 вв. н. э.⁹⁸

Кат. 103 (табл. 17. 103). Светильник плосковидный открытый. Вместилище чашеобразной округлой формы, вдавлено в ножку цилиндрической формы. В центре вместилища высокая цилиндрическая втулка с двумя отверстиями в стенке втулки. Дно втулки плоское. Глина темно-серая с известковыми включениями. Сохранность: утрачена большая часть ножки и тулова, множественные сколы. Склеен.

Размеры: Н – 10,5 см; d – 7,3 см.

Пос. Батарейка 1. Раскоп «Д», помещение «А», из печи, № 140. Раскопки Н. И. Сокольского, 1963 г.⁹⁹

ГИМ. ВХ 2691 (1993 г.).

Азиатский Боспор. 3–4 вв. н. э. (найден вместе с Кат. 119).¹⁰⁰

⁹⁸ Возможно, светильник выглядел как экземпляр из Пантикапея (Забелина 1992, 321, табл. VIII. 13)

⁹⁹ Zhuravlev 2007, 226, fig. 19, 1.

¹⁰⁰ Близкие по форме светильники происходят из поздних слоев Танаиса (Арсеньева 1988, табл. XLVI. 1–3) и с городища «Белинское» (Зубарев, Крайнева 2004, рис. 9. 4).

Кат. 104 (табл. 17. 104). Светильник плосковидный открытый. Вместилище чашеобразной округлой формы, вдавлено в ножку цилиндрической формы. В центре вместилища воронковидное углубление. Ножка переходит в конусовидную подставку с плоским дном. Глина коричнево-красная с включениями известняка и шамота. Сохранность: утрачена большая часть вместилища и ножки, множественные сколы.

Размеры: Н – 10,3 см; d – 6,1 см.

Батарейка 1. Раскоп «Д», помещение «А». № 141. Раскопки Н. И. Сокольского, 1968 г. ГИМ. ВХ 2691 (1993 г.).

Азиатский Боспор. 4–5 вв. н. э.

Кат. 105 (табл. 17. 105). Светильник плосковидный открытый. Вместилище чашеобразной округлой формы, вдавлено в ножку формы прямого параллелепипеда. Дно вместилища плоское. Ножка переходит в конусовидную подставку с плоским дном. Поверхность светильника покрыта белым ангобом. Глина коричнево-красная с крупными известковыми включениями. Сохранность: утрачена большая часть вместилища и треть подставки, множественные сколы. Следы гари на дне вместилища.

Размеры: Н – 10,1 см; d – 9,7 см.

Пос. Батарейка II. Кв. XIII, под вымосткой 63. № 32. Раскопки Н. И. Сокольского, 1965 г.

ГИМ. ВХ 2691 (1993 г.).

Азиатский Боспор. 4–5 вв. н. э.¹⁰¹

Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, Тип 12

Светильники с рожками, обрамленными волютами. Вероятнее всего, этот тип близок с типом Howland 44.¹⁰² Хоуланд предполагает происхождение схожих типов из ряда средиземноморских центров. Тем не менее, на Боспоре появляется сразу несколько похожих вариантов локального типа с характерным для Боспора орнаментом в виде *ов*, чередующихся с прямыми линиями. Рожки были декорированы волютами в виде пальметт. В 1985 г. в Фанагории была найдена форма для изготовления подобных светильников, что подтверждает их производство на Боспоре. Особый интерес представляет светильник с надписью из рельефных греческих букв, написанных курсивом, происходящий из Гермонассы.¹⁰³ Представленный в статье аналогичный светильник из Кеп имеет практическую идентичную надпись, с прочтением которой нет ясности. Можно предположить, что оба предмета были произведены в Фанагории. Лампы этого типа существуют с последней четверти 1 в. до н. э. и на протяжении всего 1 в. н. э.

¹⁰¹ Аналогии: подобные ножки известны у позднеантичных светильников с городища «Белинское» (Зубарев, Крайнева 2004, рис. 2. 1), отличающихся, впрочем, размерами и формой вместилища.

¹⁰² Howland 1958, 141.

¹⁰³ Коваленко 1989, 409, рис. 37. 4. В публикации С. А. Коваленко указано, что этот светильник происходит из Фанагории и имеет шифр Ф-1491. Эта же информация повторена и в публикации светильников из фондов Керченского музея (Журавлев, Быковская, Желтикова. 2010, 175). Г. С. Чебышев, изучивший этот светильник *de visu* в фондах ГМИИ им. А. С. Пушкина, обнаружил на нем шифр ТМГС – следовательно, он происходит из раскопок Гермонассы.

Кат. 106 (табл. 18. 106). Светильник закрытый однорожковый. Тулово биконическое. Отверстие для заливания масла расположено в центре воронковидного углубления, обрамленного канавками и окруженного небольшим валиком. Вокруг валика по плечам расположен рельефный декоративный орнамент в виде пояса из *ов*, разделенного прямыми линиями. Рожок вытянут, приподнят, у отверстия для фитиля два треугольных выступа, образованных окончаниями листьев пальметт. На нижней части тулова имеется ретроградная надпись. Текст вытеснен в зеркальном отражении, на это указывает отзеркаленная ню и сочетание ипсилон-омикрон (YO), не характерное для греческого в отличие

от ОУ (омикрон-ипсилон). Справа-налево: ΑΘΟΥΝΙΛΑ?Ι?Α.¹⁰⁴ Плоский поддон миндалевидной формы. Ручка вертикальная петлевидная. У корня ручки со стороны отверстия для заливания масла – налеп. Глина красно-коричневая с известковыми и пироксеновыми включениями. Сохранность: рожок склеен, догипсован, трещины и сколы по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 7,7 см; l – 16,6 см; d – 8,3 см.

Кепы, некрополь. Склеп 88/26, между костяками 3 и 5.¹⁰⁵ Раскопки Н. П. Сорокиной, 1961 г.

ГИМ 97988. Оп. Б 1288/68.

Кепы (?). Последняя четверть 1 в. до н. э. – 1 в. н. э.

Кат. 107 (табл. 18. 107). Светильника закрытого однорожкового фрагмент. Сохранилась верхняя часть формы от биконического тулова. Отверстие для заливания масла расположено в центре воронковидного углубления, обрамленного канавками и окруженного небольшим валиком. Вокруг валика по плечам расположен рельефный декоративный орнамент в виде пояса из ов, разделенного прямыми линиями. Рожок вытянут, приподнят, декорирован листьями пальметт. Ручка вертикальная петлевидная профилированная. Глина красно-коричневая с известковыми и пироксеновыми включениями. Сохранность: отсутствует большая часть светильника. Рожок склеен, сколы и потертости по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 4,7 см; l – 10,7 см; d – 6,7 см.

Кепы. Раскоп «К», l/6, № 90. Раскопки Н. И. Сокольского, 1962 г.

ГИМ 99532. Оп. Б 1392.

Кепы (?). Последняя четверть 1 в. до н. э. – 1 в. н. э.

Двухрожковые светильники с рожками, обрамленными волютами

Рассматриваемый тип, по всей видимости, является глиняной имитацией серии металлических двухрожковых светильников.¹⁰⁶ Известны италийские аналогии 1 в. до н. э., хранящиеся, например, в Британском музее.¹⁰⁷ Помимо Пантикапея, аналогичные экземпляры встречаются в Мирмекии, Порфмии и Тиритаке.¹⁰⁸ Согласно мнению ряда исследователей, можно говорить об изготовлении этой группы изделий на территории Боспорского государства, возможно, на территории Пантикапея.¹⁰⁹ Об этом говорят визуальная схожесть глины с рядом других ламп местного изготовления, а также практически полная идентичность орнамента. Отличие публикуемых в нашем каталоге светильников от очень близких экземпляров с территории Европейского Боспора – в цвете глины и покрытия. Очевидно, как и в случае с многорожковыми светильниками (Кат. 83–85), мы можем говорить о группе ламп, изготовленных на территории Азиатского Боспора для локального использования. Основываясь на аналогиях и контексте находок, хронологические рамки данного типа осветительных приборов ограничены второй половиной 1 в. до н. э. – началом 1 в. н. э. Впрочем, не исключено, что светильники с Азиатского Боспора имеют более широкую дату, но данных для этого пока недостаточно.

Кат. 108 (табл. 18. 108). Светильник закрытый двухрожковый. Тулово биконическое. Отверстие для заливания жидкости расположено в воронковидном углублении. Рожки вытянуты, приподняты, расположены под небольшим углом относительно друг друга, их края скруглены. Рожки обрамлены четко выражен-

¹⁰⁴ Мы благодарны с. н. с. Научно-исторического Архива СПИИ РАН А. П. Бехтер за помощь в прочтении надписи.

¹⁰⁵ Сорокина 1963, 63, 65, рис. 23. 9.

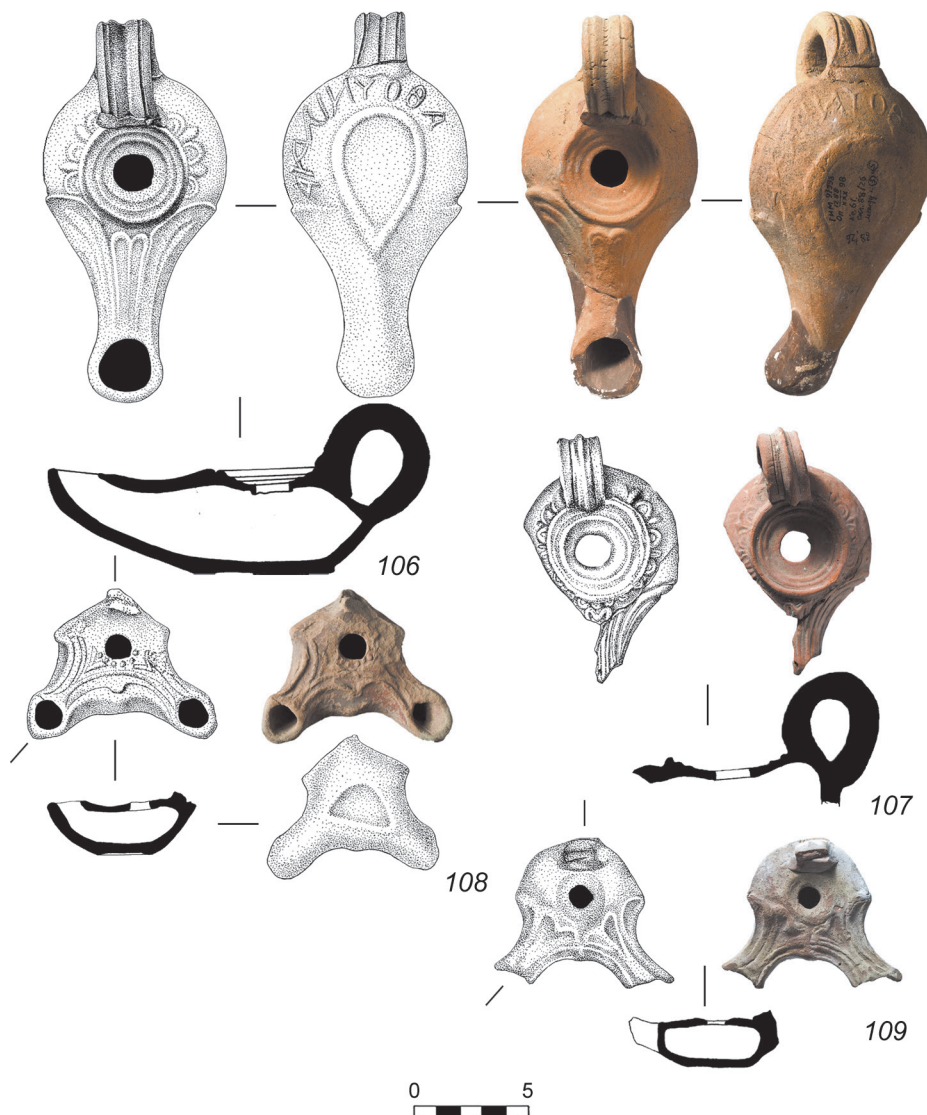
¹⁰⁶ Bailey 1996, Q3771–3776.

¹⁰⁷ Bailey 1975, Q728–732.

¹⁰⁸ Вальдгауер 1914, № 62, 63; Гайдукевич 1959, 82; Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 141–148, кат. № 667–680.

¹⁰⁹ Забелина 1992, 322–323.

Табл. 18. Боспорские
позднеэллинистические и римские
светильники (Кат. 106–109)

ными волютами. Дно подтреугольное, плоское, со скругленным верхним углом. Сохранились корни вертикальной ручки. Светильник покрыт коричнево-красным лаком. Глина светло-красная. Сохранность: утрачена ручка, потертости и заизвесткованность по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 2,8 см; l – 6,4 см; d – 4,3 см (от плечиков).

Кепы, кв. XL/13, № 88. Раскопки Н. И. Сокольского, 1967 г.

ГИМ. ВХ 2691 (1993 г.).

Азиатский Боспор. Вторая половина 1 в. до н. э. – начало/первая половина 1 в. н. э.

Кат. 109 (табл. 18. 109). Светильник закрытый двухрожковый. Тулово биконическое. Отверстие для заливания жидкости расположено в воронковидном углублении. Рожки вытянуты, приподняты, расположены под небольшим углом относительно друг друга. Рожки обрамлены выраженными волютами. Поддон миндалевидной формы. Сохранились корни вертикальной ручки. Глина светло-красная. Сохранность: утрачены края рожков и ручка, потертости и заизвесткованность по всей поверхности светильника.

Размеры: Н – 3 см; l – 6,5 см; d – 7,1 см (от рожков).

Фанагория, раскоп «Город А», l/10. Раскопки В. Д. Блаватского, 1936 г.

ГИМ 78410. Оп. Б 1а/1142.

Азиатский Боспор. Вторая половина 1 в. до н. э. – начало/первая половина 1 в. н. э.

Лепные ладьевидные светильники

В этом разделе каталога представлены неглубокие светильники с неровными подокруглыми стенками, образуя форму т. н. лодочки. Скорее всего, лепные светильники изготавливались по образцу ладьевидных светильников, изготовленных в формах.¹¹⁰ В Северном Причерноморье ладьевидные светильники известны со 2 в. н. э., однако наибольшее распространение получают в 3–4 вв. н. э., встречаясь и позднее.¹¹¹

Один из наших светильников (Кат. 115) был найден в склепе 401/16 кепского некрополя, где использовался в качестве подставки под другой светильник типа Loeschke VIII (Кат. 96). Недавно Д. А. Костромичев предположил, что чаши на ножках, происходящие из некрополя Херсонеса, использовались в качестве подставок для светильников, и выполняли сразу несколько функций, начиная предохранения случайного воспламенения деревянных поверхностей от пламени светильников и заканчивая защитой от ветра того же пламени светильника, расположенного внутри высокой чаши.¹¹² Учитывая кепскую находку, мы можем предполагать использование гончарных и лепных ладьевидных светильников не только как самостоятельных осветительных приборов, но и как подставки для другого.

Кат. 110 (табл. 19. 110). Светильник открытый однорожковый толстостенный. Тулово ладьевидной формы. Вместителище совмещено с условным отверстием для фитиля, которое представлено слегка вогнутыми внутрь стенками. Рожок вытянут, приподнят. Дно плоское. Светильник сделан из грубой темно-серой глины. Сохранность: утрачена ручка и задняя стенка тулова. Множественные сколы и потёртости.

Размеры: Н – 2,5 см; l – 10,8 см; d – 8,1 см.

Кепы, случайная находка. На В. окраине городища Кеп на глубине 0,30 м в позднеантичном слое. № 390. Раскопки Н. И. Сокольского, 1961 г.

ГИМ 98131. Оп. Б 1261.

Азиатский Боспор. 3 в. н. э.

Кат. 111 (табл. 19. 111). Светильник открытый однорожковый толстостенный. Тулово ладьевидной формы. Вместителище совмещено с условным отверстием для фитиля, которое представлено слегка вогнутыми внутрь стенками. Рожок вытянут, приподнят. Дно плоское. Светильник сделан из грубой темно-серой глины. Сохранность: утрачена ручка; трещины, сколы и потёртости. Склеен из трех фрагментов. Размеры: Н – 3,9 см; l – 15,8 см; d – 10,2 см.

Кепы. Раскоп «Западный», кв. III, яма «б». № 223. Раскопки Н. И. Сокольского, 1961 г.

ГИМ 98131. Оп. Б 1261.

Азиатский Боспор. 3 в. н. э.

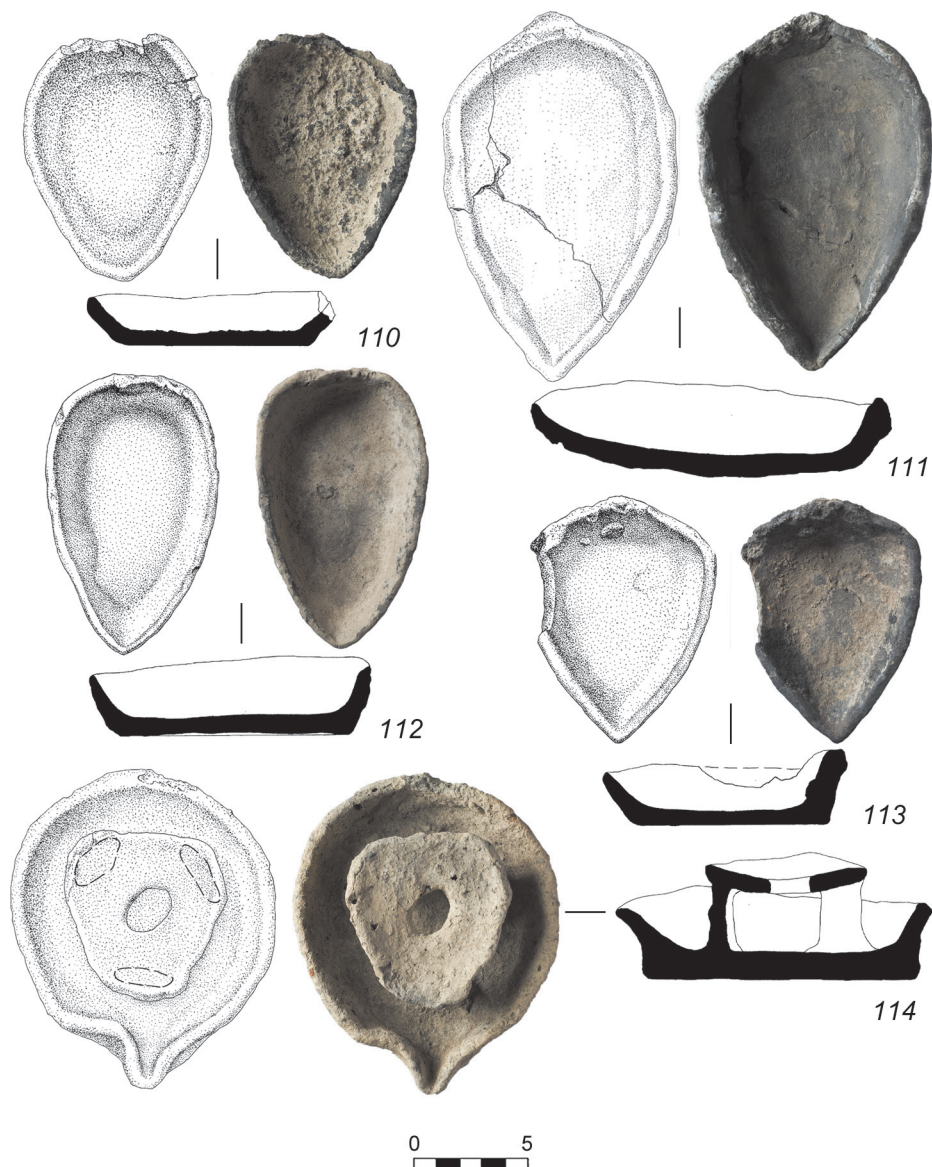
Кат. 112 (табл. 19. 112). Светильник открытый однорожковый толстостенный. Тулово ладьевидной формы, его стенки расположены под развернутым углом

¹¹⁰ Ср. Арсеньева 1988, 90.

¹¹¹ Арсеньева 1988, табл. XXXIX. 6; Забелина, 1992, 323; Chrzanowski, Zhuravlev 1998, no. 74; Зубарев, Крайнева 2004, 203–204.

¹¹² Костромичев 2023, 88.

Табл. 19. Боспорские
лепные ладьевидные римские
и позднеантичные светильники
(Кат. 110–114)

по отношению к вместилищу. Вместилище совмещено с условным отверстием для фитиля, которое представлено слегка вогнутыми внутрь стенками. Рожок вытянут, приподнят. Дно плоское, миндалевидной формы. Светильник сделан из грубой светло-серой глины с включениями кварцита. Сохранность: сколы и потёртости.

Размеры: Н – 3,4 см; l – 12,2 см; d – 7,4 см.

Пос. Батарейка II. Случайная находка Н. И. Сокольского, 1962 г.

ГИМ. ВХ 2691 (1993 г.).

Азиатский Боспор. 2–3 вв. н. э.

Кат. 113 (табл. 19. 113). Светильник открытый однорожковый толстостенный. Тулово подтреугольной ладьевидной формы. Вместилище совмещено с условным отверстием для фитиля, которое представлено слегка вогнутыми внутрь стенками. Рожок вытянут, приподнят. Дно плоское, миндалевидной формы. Светильник сделан из грубой темно-серой глины. Сохранность: утрачена ручка (?), часть стенки тулова. Сколы и потёртости.

Размеры: Н – 3,3 см; l – 10,9 см; d – 8 см.

Пос. Батарейка I, Раскоп «Д», помещение «А», поздний слой. № 138. Раскопки Н. И. Сокольского, 1963 г.

ГИМ. ВХ 2691 (1993 г.).

Азиатский Боспор. 4–5 вв. н. э.

Кат. 114 (табл. 19. 114) Светильник открытый однорожковый толстостенный. Тулово подовальной ладьевидной формы. В центре вместилища находится платформа с подовальным отверстием посередине на трех ножках. Рожок вытянут, приподнят. Дно плоское, эллипсовидной формы. Светильник сделан из грубой светло-серой глины. Сохранность: утрачена ручка (?). Сколы и потёртости. Размеры: Н – 5,3 см; l – 14 см; d – 11,4 см.

Кепы. Раскоп «Западный», кв. XII, помещение «А», поздний слой. № 138. Раскопки Н. И. Сокольского, 1959 г.¹¹³

ГИМ 98131. Оп. Б 1261.

Азиатский Боспор. 4–5 вв. н. э.

Кат. 115 (табл. 20. 115). Светильник открытый ладьевидной формы. Рожок вытянут, приподнят. Ручка вертикальная петлевидная, профилированная двумя канавками и валиком. Дно плоское, миндалевидной формы. Светильник сделан из коричнево-красной глины. В могиле использовался как подставка под другой светильник. Сохранность: склеен, фрагментирован. Сколы и потёртости. Размеры: Н – 5,3 см; l – 14 см; d – 11,4 см.

Кепы, некрополь. Склеп 401/16, гроб 1. Раскопки Н. П. Сорокиной, 1967 г.

ГИМ 100428. Оп. Б 1527/58.

Азиатский Боспор. 2 в. н. э. (найден вместе с Кат. 96).

Кат. 116 (табл. 20. 116). Светильник открытый однорожковый толстостенный. Тулово ладьевидной формы. У задней стенки тулова расположена плоская ручка-налеп треугольной формы. Вместилище совмещено с условным отверстием для фитиля, которое представлено слегка вогнутыми внутрь стенками. Рожок вытянут, приподнят. Дно плоское миндалевидной формы. Светильник сделан из грубой темно-серой глины. Сохранность: склеен из трех фрагментов. Закопченность рожка и вместилища. Множественные сколы и потёртости. Размеры: Н – 6,1 см; l – 12,6 см; d – 9,1 см.

Пос. Красноармейский 1. Раскоп «Б», яма А. № 263. Раскопки Н. И. Сокольского, 1962 г.

ГИМ. ВХ 2691 (1993 г.).

Азиатский Боспор. 3 в. н. э.¹¹⁴

Кат. 117 (табл. 20. 117). Светильника открытого однорожкового толстостенного фрагмент. Тулово ладьевидной формы. Вместилище совмещено с условным отверстием для фитиля, которое представлено слегка вогнутыми внутрь стенками. Рожок вытянут, приподнят. Дно плоское. Светильник сделан из грубой темно-серой глины. Сохранность: утрачена большая часть тулова. Сколы и потёртости. Размеры: Н – 3,6 см; l – 5,4 см; d – 6,1 см.

Патрей. Кв. V, шт. 6. № 134. Раскопки Н. И. Сокольского, 1968 г.

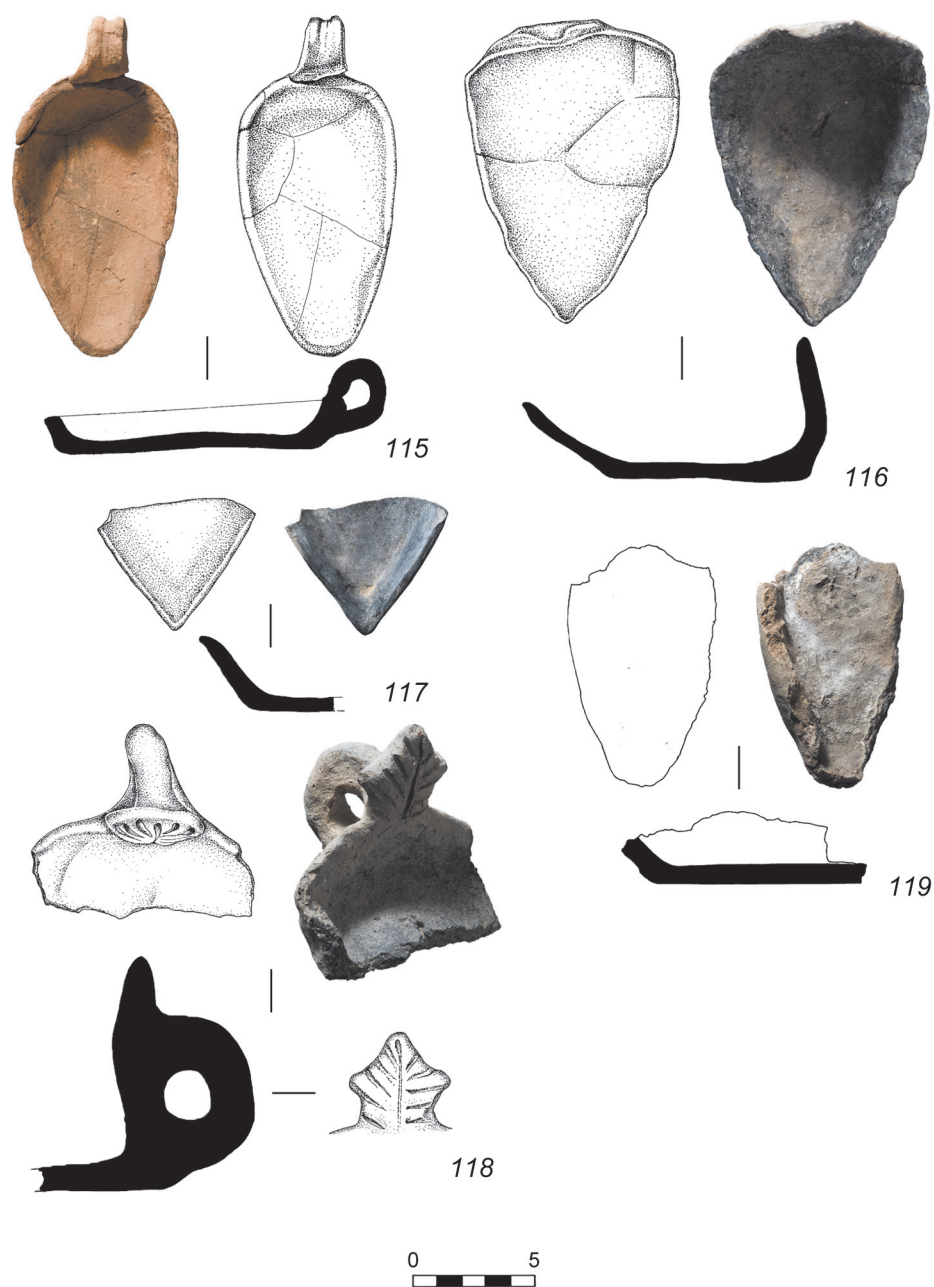
ГИМ ВХ 2691 (1993 г.).

Азиатский Боспор. 3 в. н. э.

¹¹³ Zhuravlev 2007, 226, fig. 19. 3; Журавлев 2010, 317, рис. 46; Журавлев, Мокроусов, Сапрыкин 2010, 181, рис. 3.

¹¹⁴ Аналогии: Арсеньева 1988, табл. XLII. 2.

Табл. 20. Боспорские лепные ладьевидные позднеантичные светильники (Кат. 115–119)

Кат. 118 (табл. 20. 118). Светильника открытого однорожкового толсто-стенного фрагмент. Тулово ладьевидной формы, дно плоское. Ручка вертикальная петлевидная, дополнительно украшенная налетом в виде листа. Светильник сделан из грубой темно-серой глины. Сохранность: утрачена ручка и задняя стенка тулова. Множественные сколы и потёртости.

Размеры: Н – 8,4 см; l – 8 см; d – 9,5 см.

Пос. Батарейка II. Раскоп «А». Кв. IV, шт. 6, № 8. Раскопки Н.И. Сокольского, 1964 г.¹¹⁵

ГИМ. Оп. Б 1995.

Азиатский Боспор. 3–4 вв. н. э.

¹¹⁵ Zhuravlev 2007, 226, fig. 19. 5.

Кат. 119 (табл. 20. 119). Светильника открытого однорожковый толстостенного фрагмент. Тулово ладьевидной формы. Вместилище совмещено с условным отверстием для фитиля, которое представлено слегка вогнутыми внутрь стенками. Рожок вытянут, приподнят. Дно плоское. Светильник сделан из грубой светло-серой глины с известковыми включениями. Сохранность: утрачена часть тулова и стенки; трещины, сколы, потёртости, заизвесткованность.

Размеры: Н – 3 см; l – 10 см; d – 6 см.

Пос. Батарейка I. Раскоп «Д», пом. «А», «печь» 6. № 144. Раскопки Н. И. Сокольского, 1963 г.

ГИМ. ВХ 2691 (1993 г.).

Азиатский Боспор. 3–4 вв. н. э. (найден вместе с Кат. 103).¹¹⁶

Кат. 120 (табл. 21. 120). Светильник открытый однорожковый толстостенный. Тулово ладьевидной формы с высокими стенками. У задней стенки тулова сохранился корень вертикальной ручки. Вместилище совмещено с условным отверстием для фитиля, которое представлено слегка вогнутыми внутрь стенками. Рожок вытянут, приподнят. Дно плоское миндалевидной формы. Светильник сделан из грубой темно-серой глины. Сохранность: Утрачена рука. Закопченность рожка и вместилища. Множественные сколы и потёртости.

Размеры: Н – 4,6 см; l – 12 см; d – 6,9 см.

Пос. Батарейка II. Раскоп «А», V/2, № 14. Раскопки Н. И. Сокольского, 1964 г.

ГИМ. ВХ 2691 (1993 г.).

Азиатский Боспор. 3–4 вв. н. э.

Кат. 121 (табл. 21. 121). Светильник открытый однорожковый толстостенный. Тулово ладьевидной формы. Вместилище совмещено с условным отверстием для фитиля, которое представлено слегка вогнутыми внутрь стенками. Рожок вытянут, приподнят. Сохранился корень вертикальной ручки. Дно плоское, округлой формы. Светильник сделан из грубой темно-серой глины. Сохранность: утрачена ручка и задняя стенка тулова. Множественные сколы и потёртости. Склеен.

Размеры: Н – 3,2 см; l – 9,6 см; d – 8,5 см.

Фанагория. Г. А. V/2–4. Раскопки В. Д. Блаватского, 1936 г.

ГИМ 78410. Оп. Б 1а.

Азиатский Боспор. 2–3 вв. н. э.

Кат. 122 (табл. 21. 122). Светильника открытого толстостенного фрагмент. Сохранилась задняя часть тулова ладьевидной формы с вертикальной ручкой в виде налепа. Дно плоское, округлой формы. Светильник сделан из грубой темно-серой глины. Сохранность: утрачена большая часть тулова. Множественные сколы и потёртости.

Размеры: Н – 6,8 см; l – 2,4 см; d – 8,3 см.

Фанагория, раскоп «Город А», V/2–4. Раскопки В. Д. Блаватского, 1936 г.

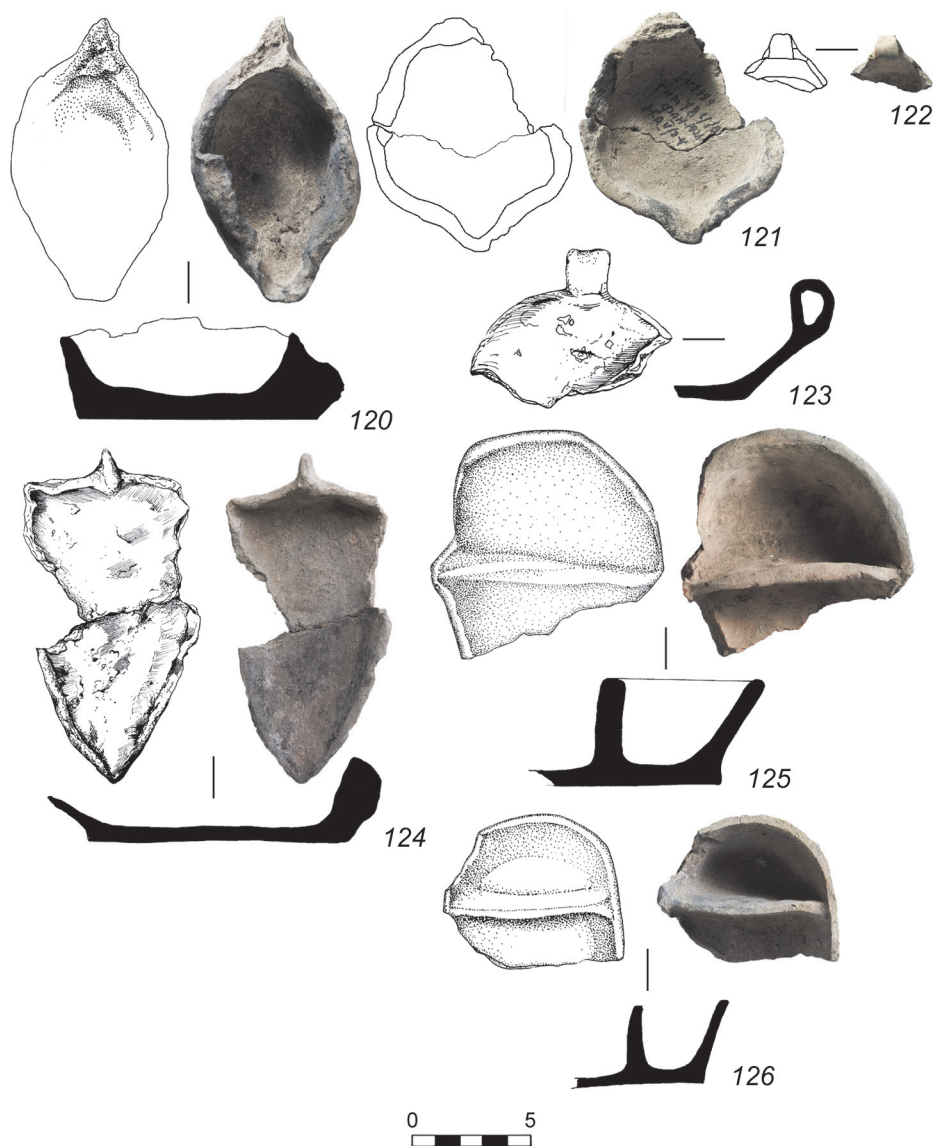
ГИМ 78410. Оп. Б 1а.

Азиатский Боспор. 2–3 вв. н. э.

Кат. 123 (табл. 21. 123). Светильника открытого толстостенного фрагмент. Сохранилась задняя часть тулова ладьевидной формы с вертикальной петле-видной ручкой. Дно плоское, округлой формы. Светильник сделан из грубой

¹¹⁶ Аналогии: Арсеньева 1988, табл. XXXIX. 6.

Табл. 21. Боспорские лепные ладьевидные позднеантичные светильники (Кат. 120–126)

светло-красной глины с примесями. Сохранность: утрачена большая часть тулова. Множественные сколы и потёртости.

Размеры: Н – 5,2 см; l – 6,7 см; d – 8,5 см.

Патрей. VII/4, Раскопки А. С. Башкирова, 1957 г.

ГИМ 83710, оп. Б 402.

Азиатский Боспор. 2–3 вв. н. э.

Кат. 124 (табл. 21. 124). Светильник открытый ладьевидной формы. Вместителище совмещено с условным отверстием для фитиля, которое представлено слегка вогнутыми внутрь стенками. Рожок вытянут, приподнят. Ручка вертикальная в виде плоского полукруглого налепа. Дно плоское, подтреугольной формы. Светильник сделан из грубой темно-серой глины. Сохранность: склеен из двух фрагментов, фрагментирован. Сколы и потёртости.

Размеры: Н – 5,3 см; l – 14 см; d – 11,4 см.

Патрей, VII/10, № 136. Раскопки А. С. Башкирова, 1951 г.

ГИМ 100428. Оп. Б 1527/58.
Азиатский Боспор. 3 в. н. э.

Лепные светильники с перегородкой

Поздний тип открытых светильников с двумя резервуарами. Возможно, между двумя секциями предполагалось наличие отверстия для фитиля, однако на представленных в работе предметах перегородки сплошные. Аналогичные светильники найдены в Тиритаке¹¹⁷ и в Танаисе¹¹⁸ в слоях 3 в. н. э.

Кат. 125 (табл. 21. 125). Светильника открытого однорожкового фрагмент. Высокое тулово с отогнутыми наружу стенками. Овальное в плане. Вместителище в середине разделено поперек массивной перегородкой на два резервуара. Глина светло-серая. Сохранность: утрачена часть тулова; сколы и потёртости. Размеры: Н – 4,3 см; l – 9,5 см; d – 9,9 см. Пос. Батарейка II. Раскоп «А». Кв. XI, шт. 9, № 15. Раскопки Н. И. Сокольского, 1965 г. ГИМ. ВХ 2691 (1993 г.). Азиатский Боспор. 3–4 вв. н. э.

Кат. 126 (табл. 21. 126). Светильника открытого однорожкового фрагмент. Высокое тулово с отогнутыми наружу стенками. Овальное в плане. Вместителище в середине разделено поперек массивной перегородкой на два резервуара. Глина красно-коричневая. Сохранность: утрачена часть тулова; сколы и потёртости. Размеры: Н – 5,1 см; l – 6,4 см; d – 7,5 см. Пос. Батарейка II. Раскоп «А». Кв. XI, шт. 9, № 16. Раскопки Н. И. Сокольского, 1965 г. ГИМ. ВХ 2691 (1993 г.). Азиатский Боспор. 3–4 вв. н. э.

Рубчатые светильники

К данному типу относят закрытые однорожковые светильники с низким туловом грушевидной или округлой формы. Плечи украшены рубчатым орнаментом. Светильник имеет легкую припухлость на рожке. Щиток маленький, может быть слегка вогнут. Небольшое отверстие для заливания жидкостей расположено в центре щитка. Между туловом и рожком может быть размещён декор в виде точечных налёпов. Рожок вытянут, слегка приподнят. У основания рожка иногда присутствует горизонтальная лента. Ручка в виде вогнутой пластины плотно согнута петлей и наклонена к щитку. Дно плоское, слегка вогнуто, имеет округлую форму. Может быть украшено штампом розетты. Глина оранжевого оттенка, без видимых примесей. Некоторые изделия могут быть покрыты бурым или оранжево-красным лаком.

Дискуссия о рубчатых светильниках ведётся с шестидесятых годов прошлого века. А. Н. Щеглов предполагал их локальное производство в Херсонесе, а также разбирает серию рубчатых светильников с клеймом ХРΥ/COY.¹¹⁹ В. И. Кадеев наоборот относил их к неопределённому центру в Малой Азии, т. к. в Северном Причерноморье отсутствует практика клеймения собственных изделий¹²⁰. Рубчатые светильники известны во многих памятниках Боспора и Север-

¹¹⁷ Гайдукевич 1952, 117.

¹¹⁸ Арсеньева 1988, табл. XLVII. 3, 4.

¹¹⁹ Щеглов 1961, 45–51.

¹²⁰ Кадеев 1969, 159–170.

ного Причерноморья с 3 в. н. э. по 5 в. н. э.¹²¹ Что касается центра их производства, то он до сих пор неизвестен, хотя весьма вероятным местом представляется Северо-Западное Причерноморье.

Кат. 127 (табл. 22. 127). Светильник закрытый однорожковый. Тулово низкое биконической формы. Плечики украшены рубчатым орнаментом. Щиток маленький, горизонтальный, ограничен от плечиков канавкой и валиком. Отверстие для вливания жидкостей узкое, округлой формы. Между туловом и рожком декор в виде двух точечных наклепов, соединенных горизонтальной линией. Рожок вытянут, приподнят. Ручка вертикальная петлевидная в виде вогнутой пластины. На дне слабовыраженный кольцевой поддон, в центре вогнут. Поверхность светильника покрыта оранжево-бурым лаком с подтеками. Глина оранжевого оттенка, без видимых примесей. Сохранность: небольшой скол на отверстии для вливания жидкости, потертости, следы неравномерного обжига.

Размеры: Н – 3,5 см; l – 7,4 см; d – 5,4 см.

Кепы, некрополь. Погребение 333/13. Раскопки Н. П. Сорокиной, 1965 г. ГИМ 99549, оп. Б 1407/27.

Причерноморье. Первая половина 3 в. н. э. (найден вместе с Кат. 129).

Кат. 128 (табл. 22. 128). Светильник закрытый однорожковый. Тулово низкое биконической формы. Плечики отделены от щитка канавкой и плоским валиком. Щиток маленький, горизонтальный. Отверстие для вливания жидкостей узкое, округлой формы, расположено справа от центра щитка. Между туловом и рожком декор в виде одного точечного наклепа. Рожок вытянут, приподнят. Сохранились корни вертикальной ручки. На дне кольцевой поддон. Поверхность светильника покрыта оранжево-коричневым лаком с подтеками. Глина светлокрасная, без видимых примесей. Сохранность: утрачена ручка; частые сколы лаковой поверхности, потертости.

Размеры: Н – 3 см; l – 7,6 см; d – 5,4 см.

Фанагория. Поступил из Румянцевского музея¹²². Раскопки К. К. Герца, 1859 г. ГИМ 54746. Оп. Б 94/20.

Малая Азия (?) или Причерноморье. Первая половина 3 в. н. э.

Кат. 129 (табл. 22. 129). Светильник закрытый однорожковый. Тулово биконической формы. Плечики отделены от щитка широким валиком. На плечике справа от рожка граффити в виде лямбды (?) и альфы. Щиток маленький, с воронковидным углублением. Отверстие для вливания жидкостей узкое, округлой формы, расположено в центре щитка. Между туловом и рожком декор в виде двух слабовыраженных точечных наклепов. Рожок вытянут, приподнят. Ручка вертикальная широкая петлевидная. На нижней части тулова справа расположен небольшой наклеп. Дно круглой формы, немного вогнуто. Поверхность светильника покрыта оранжево-коричневым лаком с подтеками. Глина светлокрасная, без видимых примесей. Сохранность: склеен из множества фрагментов. Сколы, потертости.

Размеры: Н – 3,9 см; l – 8 см; d – 6 см.

Кепы, некрополь. Погребение 333/13. Раскопки Н. П. Сорокиной, 1965 г. ГИМ 99549. Оп. Б 1407/27.

Причерноморье. Первая половина 3 в. н. э. (найден вместе с Кат. 127).

¹²¹ Ветштейн 1975, 108; Сорочан 1982, 43–50; Арсеньева 1988, табл. XIX–XXIII; Толстиков и др. 2005, рис. 15. 1, 2; Журавлев, Турова 2012, 376; и т. п. Подробный список находок рубчатых светильников: Журавлев, Костромичев 2017, 20–21.

¹²² Каталог Румянцевского музея 1905, 60, № 1492.

Табл. 22. Импортные и боспорские светильники (Кат. 127–130, 132–134) и форма для изготовления светильника (Кат. 131)

Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, тип 24

Светильники вытянутой формы без декора. По всей видимости, это производный тип от боспорских светильников с волютами первых веков н.э., отличающийся от них отсутствием орнамента и общим упрощением форм. Близкие предметы известны из слоев 2–3 вв. н.э. в Танаисе и Пантикапее.¹²³

Кат. 130 (табл. 22. 130). Светильник закрытый однорожковый. Тулово биконической формы на высоком поддоне миндалевидной формы. Рожок вытянут, приподнят, декорирован двумя продольными линиями, разделенными канавкой. Отверстие для вливания жидкостей окружено низким валиком. Ручка вертикальная петлевидная слегка вогнута в центре, подходит к отверстию для жидкостей.

¹²³ См. Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 241.

Глина светло-красная. Сохранность: небольшой скол на завершении рожка. Потёртости, следы гари на рожке, заизвесткованность.
Размеры: Н – 5,7 см; l – 12,3 см; d – 6,8 см.
Пос. Батарейка II. Раскоп «А», VI, бровка, № 17. Раскопки Н. И. Сокольского, 1964 г. ГИМ. ВХ 2691 (1993 г.).
Боспор. 3 в. н. э.¹²⁴

Форма для изготовления светильников

Кат. 131 (табл. 22. 131). Форма для производства верхней части тулова однорожкового закрытого светильника с декорированным рубчатым орнаментом щитком и небольшой вертикальной ручкой в виде налепа (?). Внешняя поверхность миндалевидной формы с неровностями. Глина коричнево-серая, с известковыми включениями. Сохранность: сколы на внешней поверхности формы. Потёртости, заизвесткованность.
Размеры: Н – 3,2 см; l – 8 см; d – 6 см.
Фанагория. Раскопки К. К. Герца, 1859 г. Поступила из Румянцевского музея.¹²⁵ ГИМ 54746. Оп. Б 94/23.
Фанагория (?). 2–4 вв. н. э. (?)

Неклассифицированные светильники

Несмотря на то, что морфология данного светильника не позволяет точно его классифицировать, с определенной долей уверенности можно говорить о его производстве в одном из центров Азиатского Боспора. Орнамент в виде розетт схож с розеттами на щитках многорожковых светильников, обнаруженных на территории поселений Азиатского Боспора. Об их отличиях от схожих предметов по ту сторону Керченского пролива мы писали выше. Визуальный анализ глины соотносится с керамикой, производимой на Азиатском Боспоре.

Кат. 132 (табл. 22. 132). Светильник закрытый однорожковый. Тулово биконической формы. Плечи орнаментированы рельефными розетками. Основание рожка обрамлено волютами. Отверстие для фитиля находится в небольшом воронковидном углублении, декорированном лепестками. Сохранился корень вертикальной ручки с двумя точечными налепами по краям. Поддон миндалевидной формы, слегка вогнут. Внешняя и внутренняя поверхности светильника покрыты белым ангобом. Глина красно-коричневая. Сохранность: утрачен рожок и ручка. Сколы, потёртости.
Размеры: Н – 3 см; l – 6 см; d – 5,4 см.
Фанагория, раскоп «Город А», (раскоп 1936 г., 3 слой). Раскопки А. П. Смирнова, 1937 г.
ГИМ 79530. Оп. Б 566/1573.
Фанагория (?). 1 в. до н. э. – 1 в. н. э.

Кат. 133 (табл. 22. 133). Светильника закрытого фрагмент. Сохранилась часть щитка с сюжетным изображением двух коней с упряжью повернутых влево, запряженных в колесницу. Глина светло-коричневая кремевая. Сохранность: утрачена большая часть светильника.
Размеры: Н – 1 см; l – 3 см; d – 5 см.

¹²⁴ Аналогии: Арсеньева 1988, табл. VII. 1; VIII, 3; Толстиков и др. 2005, рис. 16. 7. Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 241, кат. № 872.

¹²⁵ Каталог Румянцевского музея 1905, 60, № 1495; Zhuravlev 2007, 222, fig. 15.

Кепы. III/13, № 325. Раскопки Н. И. Сокольского, 1957 г.
ГИМ 96195. Оп. Б 1095.
Импортный светильник.¹²⁶ 1 в. н. э.

Кат. 134 (табл. 22. 134). Светильник закрытый однорожковый. Тулово бико-
нической формы. Плечи плоские, орнаментированные вдавленным точечным
орнаментом. Валик вокруг щитка орнаментирован геометрическим узором. Ро-
жок вытянут, приподнят, покрыт следами гари. Между рожком и валиком оттиск
в виде буквы X в рамке. Отверстие для фитиля подовальной формы. Сохранился
корень горизонтальной ручки. Кольцевой поддон с выпуклостью в центре. Внеш-
няя поверхность светильника покрыта белым ангобом. Глина красно-коричне-
вая. Сохранность: утрачена ручка; следы гари на рожке.

Размеры: Н – 5 см; l – 9,6 см; d – 6,3 см.

Фанагория, раскоп «Город А», XVI/II, II. Раскопки А. П. Смирнова, 1937 г.

ГИМ 73530. Оп. Б 566/913.

Малая Азия или Причерноморье (?). 4–5 вв. н. э.¹²⁷

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева Т. М. 1988. Светильники Танаиса. Москва.
- Блаватский В. Д. 1953. Второй год работы Синдской экспедиции // КСИИМК 51, 149–155.
- Вальдгауер О. Ф. 1914. Античные глиняные светильники. Имп. Эрмитаж. Санкт-Петербург.
- Ветштейн Р. И. 1975. Местная керамика Ольвии первых веков нашей эры // Ольвия. Киев, 164–191.
- Гайдукевич В. Ф. 1952. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА 25, 15–134.
- Гайдукевич В. Ф. 1959. Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. (1934–1956). Варшава.
- Дашевская О. Д. 2014. Некрополь Беляуса. Симферополь.
- Журавлев Д. В. 2004. Светильники Пантикапея VI–V вв. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Этнические процессы (Боспорские чтения V). Керчь, 118–124.
- Журавлев Д. В. 2010. Государственный исторический музей. Памятники греческого и римского периодов // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани III. Москва, 296–326.
- Журавлев Д. В., Костромичев Д. А. 2017. Комплексы с ювелирными изделиями из Херсонесского некрополя. Ч. 1. Материалы раскопок Р. Х. Лёпера в 1909–1910 гг. Москва.
- Журавлев Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л. 2007. Светильники VI – первой половины III в. до н. э. (Коллекция светильников I). Киев.
- Журавлев Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л. 2010. Светильники второй половины III в. до н. э. – IV в. н. э.: Импортные эллинистические светильники. Боспор. Светильники эллинистического и римского времени. (Коллекция светильников II). Киев.
- Журавлев Д. В., Завойкин А. А. 2007. Светильники из святилища Береговой 4 // ДБ 11, 127–184.
- Журавлев Д. В., Камышанов А. М., Конотопов Н. П. 2022. Исследования Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове (2019–2021 гг.) // Археология и история Боспора IV. Сб. материалов международной научно-практической конф. «Археология и история Боспора» (к 195-летию Керченского музея древностей). Симферополь, 23–33.
- Журавлев Д. В., Камышанов А. М., Кудряшова А. И., Шлотцауер У. 2022. Городище Красный Октябрь 1 на Таманском полуострове: первые итоги исследований // КСИА 267, 152–168.

¹²⁶ Основываясь на визуальном анализе глины, мы не исключаем коринфского происхождения данного светильника, однако размеры сохранившегося фрагмента не позволяют уточнить форму и тип предмета.

¹²⁷ Аналогии: Bailey 1980, Q796.

- Журавлев Д. В., Кузнецов В. Д. 2010. Кепы // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани I*. Москва, 540–555.
- Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А., Шлотцауер У. 2010. Памятники северо-востока Таманского полуострова // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани II*. Москва, 556–580.
- Журавлев Д. В., Мокроусов С. В., Сапрыкин С. Ю. 2010. Памятники позднеантичного времени на Таманском полуострове // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани II*. Москва, 166–202.
- Журавлев Д. В., Турова Н. П. 2012. Античные глиняные светильники Ялтинского историко-литературного музея // *БИ* 26, 335–400.
- Журавлев, Д. В., Хршановски Л. 2000. Коллекция античных светильников Государственного Исторического музея // *ВДИ* 3, 159–166.
- Журавлев Д. В., Хршановски Л. 2003. Римские светильники из Херсонеса в собрании Государственного Исторического музея (I) // *ХСб XII*. Севастополь, 69–88.
- Забелина В. С. 1992. Античные глиняные светильники из Пантикапея // *СГМИИ* 10, 298–328.
- Зубарев В. Г., Крайнева А. А. 2004. Светильники городища «Белинское» // *ДБ* 7, 199–216.
- Коршун К. С. 2024. Светильники в погребальном обряде позднескифского населения Северо-Западного Крыма // *КСИА* 276, 78–94 (в печати).
- Костромичев Д. А. 2023. Нет дыма без огня: роль чаш на высокой ножке из некрополя Херсонеса // *Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории*. Материалы научной конф. Севастополь, 85–90.
- Кругликова И. Т. 1957. Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI–III вв. до н. э. // *МИА* 56, 96–138.
- Кузманов Г. 1992. Антични лампи. Колекция на Национални археологически музей. София.
- Минчев А. 2019. Елинистически фигурални лампи от античното светилище на нос Свети Атанас край Бяла, Варненско // *В поисках сущности*. Сб. статей в честь 60-летия Н. Д. Руссева. Кишинев, 35–42.
- Румянцевский музей. 1905. Московский Публичный и Румянцевский музей. Каталог отделения древностей. В) Древности доисторические. Москва.
- Синика В. С., Тельнов Н. П. 2015. Светильники в погребальном обряде скифов Северного Причерноморья // *Tyragetia*. S. n. IX (XXIV)/1, 183–208.
- Сокольский Н. И. 1964. Святилище Афродиты в Кепях (Таманский полуостров) // *СА* 4, 101–117.
- Сокольский Н. И. 1968. Керамическая мастерская в Кепях // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Ленинград, 265–270.
- Сорокина Н. П. 1963. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // *КСИА*. 95, 60–65.
- Сорокина Н. П. 1997. Религия и коропластика в античности (Фигурные сосуды из собрания ГИМ). (Тр. ГИМ 91). Москва.
- Сорокина Н. П. 1998. Так называемые «кепские» клейма эпохи эллинизма и их расшифровка // *Археологический сборник* (Тр. ГИМ 176). Москва, 26–31.
- Сорочан С. Б. 1982. Про так звані рубчасті світильники з Херсонеса // *Археологія* 38. Київ, 43–50.
- Стручалина Р. А. 1977. Светильники в форме головы Силена из Патрея // *АМА* 3. Саратов, 144–147.
- Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. 2005. Цистерна римского времени на Западном плато Первого кресла горы Митридат // *ДБ* 8, 340–376.
- Устаева Э. Р., Журавлев Д. В. 2010. Археологические коллекции Таманского музейного комплекса // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани III*. Москва, 64–96.
- Bailey D. M. 1975. *A Catalogue of the Lamps in the British Museum, London, I. Greek, Hellenistic, and Early Roman Pottery Lamps*. London.
- Bailey D. M. 1980. *A Catalogue of the Lamps in the British Museum, London, II. Roman Lamps Made in Italy*. London.

- Bailey D. M. 1988. *A Catalogue of the Lamps in the British Museum. III. Roman Provincial Lamps.* London.
- Barr R. 1996. Greek and Hellenistic Lamps from Ilion // *Studia Troica.* 6, Mainz am Rhein, 159–200.
- Bémont C., Chew H. 2007. *Lampes en terre cuite antiques.* Musée d'archéologie Nationale de Saint-Germain-en-Laye. Paris.
- Bernhard M. L. 1955. *Lampki starożytne.* Warszawa.
- Broneer O. 1930. *Terracotta Lamps (Corinth. IV/2).* Cambridge.
- Bussièrè J. 2000. *Lampes antiques d'Algérie.* Monographies Instrumentum. 16. Montagnac.
- Bussièrè J., Lindros Wohl B. 2017. *Ancient Lamps in the J. Paul Getty Museum.* Los Angeles.
- Cahn E. M. 2009. Die römischen Bildlampen aus Köln. (*Kölner Jahrbuch* 42), 7–391.
- Casas i Genover J., Soler i Fusté V. 2006. *Llànties romanes d'Empúries. Materials augustals i alto-imperials (Monografies emporitanes 13),* Girona.
- Chrzanowski L., Zhuravlev D. 1998. *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum.* Moscow. (*Studia archaeologica* 96). Roma.
- Dupont P. 2005. Les lampes ioniennes archaïques de la mer Noir: presentation générale // *Lych-nological Acts 1. Acts of the 1st International Congress on Ancient Lighting Devices (Nyon–Geneva, 29.IX – 4.X.2003) (Monographies Instrumentum 30).* Montagnac, 73–79.
- Giuliani A. 2001. Untersuchungen zu Ephesos-Lampen an Beispielen aus der Werkstatt des Asklepiades // *Studien zur hellenistischen Keramik in Ephesos (Ergh.Jh 2),* Wien, 45–49.
- Heimerl A. 2001. Die römischen Lampen aus Pergamon. Vom Beginn der Kaiserzeit bis zum Ende des 4. Jhs. n. Chr. (*Pergamenische Forschungen* 13). Berlin–New York.
- Howland R. H. 1958. *Greek Lamps and Their Survivals. (The Athenian Agora IV).* Princeton.
- Iványi D. 1935. *Die Pannonischen Lampen. Eine Typologisch-Chronologische Übersicht.* Budapest.
- Kassab Tezgör D., Sezer T. 1995. *Catalogue des lampes en terre cuite du Musée Archéologique d'Istanbul. Tome 1. Époques protohistorique, archaïque, classique et hellénistique (Varia Anatolica VI/1).* Istanbul–Paris.
- Lightfoot C. 2021. *The Cesnola Collection of Cypriot Art: Terracotta Oil Lamps.* New York.
- Menzel H. 1969. *Antike Lampen im Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz.* Mainz.
- Mlasowsky A. 1993. *Die antiken Tonlampen im Kestner-Museum Hannover (Kestner-Museum Hannover. Sammlungskataloge 8).* Hannover.
- Sokolsky N. 1965. *Excavations on the Taman Peninsula: the City of Cepi // Archaeology* 18/3. Warsaw, 181–186.
- Scheibler I. 1976. *Griechische Lampen (Kerameikos XI).* Berlin.
- Szentléleky T. 1969. *Ancient Lamps.* Amsterdam.
- Thompson H. A. 1936. Pnyx and Thesmophorion // *Hesperia* 5/2, 151–200.
- Topoleanu F. 2012. *Lămpile antice din colecțiile Muzeului Județean de Istorie și Arheologie Prahova. Ploiești–Tulcea.*
- Zaitsev Yu. P. 2002. Light and Fire in the Palace of Skythian King Skilur // *Fire and Light Equipment in the Graeco-Roman World (BAR International Series 1019).* Oxford, 61–73.
- Zavoikin A., Zhuravlev D. 2013. Lamps from a Sanctuary of Eleusinian Goddesses – “Berego-voï-4” // *Ancient Civilizations from Skythia to Siberia* 19/2, 155–216.
- Zhuravlev D. 2007. Lightning Equipment of the Northern Pontic Area in the Roman Period: Imports and Local Production // *The Black Sea in Antiquity, Regional and Interregional Economic Exchanges (Black Sea Studies 6).* Aarhus, 209–237.
- Zhuravlev D. V., Schlotzhauer U., Kudryashova A. I., Kamyshanov A. 2024. Die Siedlung «Roter Oktober 1» auf der Halbinsel Taman: erste Forschungsergebnisse // *Das Altertum* 69, 127–148.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Распределение светильников по памятникам Азиатского Боспора

Батарейка I – 72а, 103, 104, 113, 119
Батарейка II – 78, 79, 86, 87, 100, 105, 112, 118, 120, 125, 126, 130
Береговой 4 – 74
Бугазское – 99
Гермонасса – 9, 11–17, 52
Голубицкая 2 – 1, 2, 10, 19
Западно-Цукурское поселение – 20, 26, 53
«За Родину» (Румынский 2) – 33, 62
«За Родину», Таманский толос / Резиденция Хрисалиска – 21, 31, 36–38, 40–45, 49, 50, 54, 55, 60, 81
Кепы – 3–8, 18, 23, 25, 29, 30–32, 39, 46–48, 56, 57, 63–67, 69, 70, 73, 76, 77, 82, 88, 90–92, 93–96, 98, 101, 106–108, 110, 111, 114, 115, 127, 129, 133
Красноармейский 1 – 116
Красный Октябрь 1 – 61, 68
Патрей – 72, 117, 123, 124
Стрелка 2 – 75
Фанагория – 6, 22, 27, 28, 34, 35, 51, 58, 59, 80, 83–85, 89, 97, 102, 109, 121, 122, 128, 131, 132, 134
Место находки неизвестно – 71

А. А. Завойкин

АЗИАТСКИЙ БОСПОР¹

Аннотация. Статья представляет собой историко-географический обзор территории, расположенной к востоку от Киммерийского Боспора, который по представлениям эллинов являлся границей между Европой и Азией. В 6 в. до н. э. эти земли были колонизованы греками, основавшими здесь ряд полисов, со временем вошедших в состав Боспорского государства. Современные исследователи называют восточную его часть Азиатским Боспором, а древние (*Ps.-Scyl. Per. 72*) именовали Синдикой, хотя варвары-синды, давшие имя этой стране, обитали только в юго-восточной ее части «за Гипанисом» (*Strab. XI. 2, 10*), тогда как в северо-западной части (Таманский п-ов) их не было. Таким образом, изначально территория Азиатского Боспора была разделена на две области (микрорегиона). Одна из них представляла собой остров, ограниченный водами Понта, Киммерийского Боспора и Меотиды, а с противоположной – протоками Гипаниса («речками, топиями и болотами» – *Ps.-Scymn. 886–895 Müller*). Именно на нем располагалась группа полисов, главным образом на берегах Корокондамитиды – Таманского залива (Корокондама, Гермонасса, Фанагория, Кепы, Патрей), а один или два – при выходе из Киммерийского Боспора в Меотиду (Киммериды, Ахиллий?). Вторая область находится в материковой части, на левобережье Кубани-Гипаниса (совр. Анапский и часть Крымского р-нов Краснодарского края). Здесь на землях синдов была основана единственная колония греков – Синдская Гавань.

После того, как обе эти области оказались в составе единой державы Спартокидов, различия между ними проявились в их политико-правовом статусе. На Острове сохраняется полисное землевладение, а земли синдов становятся доменом боспорских династий (*χώρα βασιλική*). Синдская Гавань была реколонизована, получила имя нового ойкиса – Горгиппия и стала своего рода «царской колонией».

В статье рассмотрены исторические судьбы этих двух областей Азиатского Боспора, вплоть до того времени, когда (начиная с правления Аспурга) эпиграфическими документами фиксируется административно-территориальная система разделения восточной части Боспорского царства на три «наместничества»: островное (которым управляет *ὁ ἐπὶ τῆς νήσου*), область аспургиан (над которой стоит *ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν*), и выделенный в особое управление город во главе с *ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας*.

Ключевые слова. Азиатский Боспор, Таманский полуостров, Остров, Синдика, Боспорское государство, Фанагория, Горгиппия, полис, хора.

A.A. Zavoykin

ASIAN BOSPOROS

Abstract. Presented in this article is a historical and geographical overview of the territory located to the East of the Kimmerian Bosphoros, which the Greeks considered the boundary between Europe and Asia. In the sixth century BCE, the lands were colonised by the Greeks, who established a number of poleis (city-states) that eventually became part of the Bosporan state. Modern researchers refer to the eastern part of this region as the Asian Bosphoros, whereas ancient sources (*Ps.-Scyl. Per. 72*) called it Sindike, although the Sindoi, a barbarian tribe the area was named after, inhabited only the southeastern part “beyond the Hypanis” (*Strab. XI. 2, 10*) and were absent in the northwestern area (the Taman Peninsula). So, the territory of the Asian Bosphoros was initially divided into two regions (micro-regions).

One of the regions was an island surrounded by the waters of the Pontos (the Black Sea), the Kimmerian Bosphoros, and the Maiotis, with straits of the Hypanis (described as “streams, marshes, and swamps” – *Ps.-Scymn. 886–895 Müller*) forming its boundary on the opposite side. This island was home to a number of poleis located along the shores of Korocondamitis, or the Taman Bay (such as Korocondame, Hermonassa, Phanagoria, Kepoi, Patraeus), and one or two at the mouth of the Kimmerian Bosphoros entering the Maiotis (such as Kimmerida and,

¹ Работа выполнена в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

possibly, Achilleion). The second region was located on the mainland, along the left bank of the Kuban-Hypanis River (present-day Anapa and part of the Krymsk districts of Krasnodar Region). Here, in the lands of the Sindoi, the Greeks established a single colony known as Sindian Harbor.

Once both regions were united under the Spartocid dynasty, differences in their political and legal statuses became evident. On the island, a polis-based land ownership was maintained, while the lands of the Sindi became the royal domain of the Bosporan dynasts (χώρα βασιλική). Sindian Harbor was then recolonized and given the name of its new “founder”, Gorgippia, and became a “royal colony.”

The following article examines the historical development of these two regions of the Asian Bosphoros until the period, when, starting with the reign of Aspurgos, administrative and territorial divisions of the eastern part of the Bosporan kingdom into three “governorships” were documented by epigraphic sources: the island region (administered by ὁ ἐπὶ τῆς νήσου), the Aspurgian region (overseen by ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν), and a special jurisdiction over the city of Gorgippia, headed by ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας.

Keywords. Asian Bosphoros, Taman Peninsula, Island, Sindike, Bosporan Kingdom, Phanagoria, Gorgippia, polis, chora.

Предлагаемая вниманию читателей работа представляет собой краткий и в силу этого несколько схематичный обзор «азиатской» части территории Боспорского государства. Мысль о необходимости написать обзорный очерк, посвященный вопросам географии и истории восточной части Боспора посетила меня во время прочтения текста диссертации моего аспиранта. Я понял, что не только он, но и некоторые другие исследователи – в особенности те, что заняты изучением других регионов, – не вполне отчетливо видят общую картину. Мне же на протяжении многих лет приходилось уделять внимание различным сторонам истории Азиатского Боспора. Однако наивно было бы надеяться на то, что кто-то сможет из этих «фрагментов» моих представлений о предмете составить целостную картину. Поэтому, опираясь на сделанное ранее (отсюда частые ссылки на собственные публикации, за что приношу читателю свои извинения), попытаюсь выполнить эту работу сам, акцентируя внимание на наиболее важных и актуальных вопросах. Надеюсь, что эта работа принесет некоторую пользу тем, кто хотел бы узнать об Азиатском Боспоре больше.

В представлении древних греков Боспор Киммерийский (совр. Керченский пролив), будучи устьем реки Танаис, являлся естественной границей между Европой и Азией (*Hdt.* IV. 45; *Strab.* VII. 4, 5). Гекатей Милетский в своем «Описание Земли» (Περιήγησις Γῆς) эллинские города (Патрасис/Патрей, Фанагория), появившиеся в ходе Великой греческой колонизации на землях к востоку от пролива, а также залив Апатур (Fr. 165) помещает в Азии.² Например, о Фанагории, со ссылкой на Гекатея, у Стефана Византийского сообщается: Φαναγόρεια· πόλις ἀπὸ Φαναγόρου, ὡς Ἐκαταῖος Ἀσίαι – «Фанагория. Город, названный по Фанагору, как говорит Гекатей в “Азии”» (*Hecat.* FGrHist. 1. F212 = *Steph. Byz.* s.v. Φαναγόρεια). Страбон же называет Фанагорию «столицей (μητρόπολις) азиатских боспорцев» (*Strab.* XI. 2, 10). Между тем, наименование «Азиатский Боспор»³, часто используемое для обозначения восточной части Боспорского государства, является современной историографической фикцией. Никогда восточная часть Боспорского государства так не называлась.

Единственным общим наименованием для все этой территории, – в административном отношении разделенной со временем на два или, вернее, даже на три округа (о чем см. ниже), – могло бы быть «Синдика». Во всяком случае Пс.-Скилак помещает эллинские города Фанагория, Кепы, Синдская Гавань

² В. Т. Мусбахова отмечает, что «...дошедшие фрагменты («Землеописания» Гекатея Милетского. – А. З.) не позволяют... сделать однозначный вывод о том, какой (водный) рубеж по его представлениям отделял Европу от Азии». Определенное время таким «рубежным каналом» считалась река Фасис. «Но к концу архаической эпохи и Фасис отыграл свою роль границы материков, а в качестве альтернативного водораздела был выдвинут Танаис, прочно утвердившийся в роли границы Европы и Азии на долгие столетия» (Мусбахова 2014, 75, 77–78). При этом очевидно, что в представлении Гекатея демаркационной линией между материками служила река Гипанис – Кубань (там же, 88).

³ В ряде изданий предпочитают написание первого слова со строчной буквы («азиатский Боспор»). Полагаю это неправильным: во-первых, это наименование микрорегиона (части государства); во-вторых, такое написание было бы уместным в том только случае, если бы мы разделяли мнение древних о границе Европы и Азии, но это не соответствует современным дефинициям.

и Патус в области синдов, которая «простирается и за пределы озера»⁴ (*Ps.-Scyl. Per. 72*). А в посвянительной надписи Мегакла, сына Теопротида, из Нимфея в титулатуре Левкона I в числе территорий, над которыми простирается архонтская власть сына Сатира I, наряду с Боспором и Феодосией упомянута «вся Синдика»⁵. «Вся Синдика» – это, безусловно, Таманский п-ов со всеми греческими городами, покоренными Спартокидами еще в конце 5 в. до н. э., а также собственно Синдика (та, что «за Гипанисом» – *Strab. XI. 2, 10*), которой раньше правил Гекатей (*Polyaen. VIII. 55*), вместе с Синдской Гаванью, завоеванной Левконом I уже после покорения Феодосии в 60-е годы 4 в. до н. э., как это следует из эпиграммы этого правителя, найденной в Лабрисе (Семибратнее городище).⁶

Четким ориентиром для разделения этих двух частей «всей Синдики» (= Азиатского Боспора) служит указание Страбона (*XI. 2, 10*) на то, что Синдика относительно острова⁷, на котором им локализируются Фанагория и Кепы, находится за Гипанисом (т.е. за черноморским рукавом Кубани), где «отец географии», наряду с Горгиппией, ошибочно размещает Гермонассу и Апатур.⁸ То, что Таманский п-ов воспринимался древними как изолированная часть суши, отрезанная от материка «болотами», «топями» и «речками», т.е. как остров, сомнению не подлежит (см.: *Ps.-Scymn. 886–895 Müller; Mela. De Chorogr. I. 112*).⁹ Тот факт, что и в первые века н. э. Таманский п-ов самими боспорцами воспринимался как остров (этой обособленной административно-территориальной областью управлял свой «наместник» – ὁ ἐπὶ τῆς νήσου или *nessarx*)¹⁰, говорит в пользу того, что от Синдики (совр. Анапского и части Крымского районов) его так или иначе отделяла вода. По не бесспорному¹¹ мнению Д. В. Журавлева, У. Шлотцауера и др., древний остров был отделен судоходным (по крайней мере в периоды архаики – классики) проливом, который эти исследователи именуют «Кубанским Боспором».¹²

Для нас представляет определенный интерес оценка Г. П. Гарбузовым «естественных» границ территории Азиатского Боспора, основанная на сравнительном анализе характеристик ландшафта и климата Таманского п-ова (принятых за своего рода «эталон») и собственно Синдики.¹³ В результате проделанной работы исследователь приходит к заключению о принципиальной однородности равнин Таманского п-ова и Левобережья Кубани: эта территория (за исключением близких к предгорьям участков) «обнаруживает значительную однородность с точки зрения морфологических, климатических и почвенных характеристик и представляет собой целостное природное образование, заметно отличающееся от соседних областей» (см. рис. 1).¹⁴

Разумеется, «естественные» границы Азиатского Боспора вовсе не обязательно полностью совпадают с внешними границами Боспорского государства. Проблема в том, что восточные границы Боспора сколько-нибудь точно

⁴ Имеется в виду Μαλιῶτις λίμνη.

⁵ Павличенко, Соколова 2002, 113; Завойкин 2013, 427.

⁶ Тохтасьев 2004; Яйленко. 2004.

⁷ «Выше (деревни) Корокондамы лежит обширное озеро (лиман [λίμνη]), которое называют по ее (деревни) имени Корокондамским, а в 10 стадиях от деревни оно изливается в море [θάλατταν]; в озеро [λίμνη] же впадает некий рукав (ἀλπορῶξ τις) реки Антика и образует подобие острова (νήσον... τινά), омываемого этим озером [τῆ λίμνη],

Меотидой и рекой» (*Strab. XI. 2, 9*; пер. С. Р. Тохтасьева).

⁸ Об этом подробно: Завойкин 2017, 150 слл.

⁹ Из последних по этому поводу ср. противоположные мнения: Яйленко 2023; Суриков 2024.

¹⁰ КБН 40, 697, 982, 1000; Кузнецов 2007, 227–238. И. Е. Суриков справедливо отмечает, что «Такая формулировка уместна только в том случае, если остров был единственным, иначе она была бы бессмысленной, требовала бы уточнения (какого острова?)» (Суриков 2024, 433).

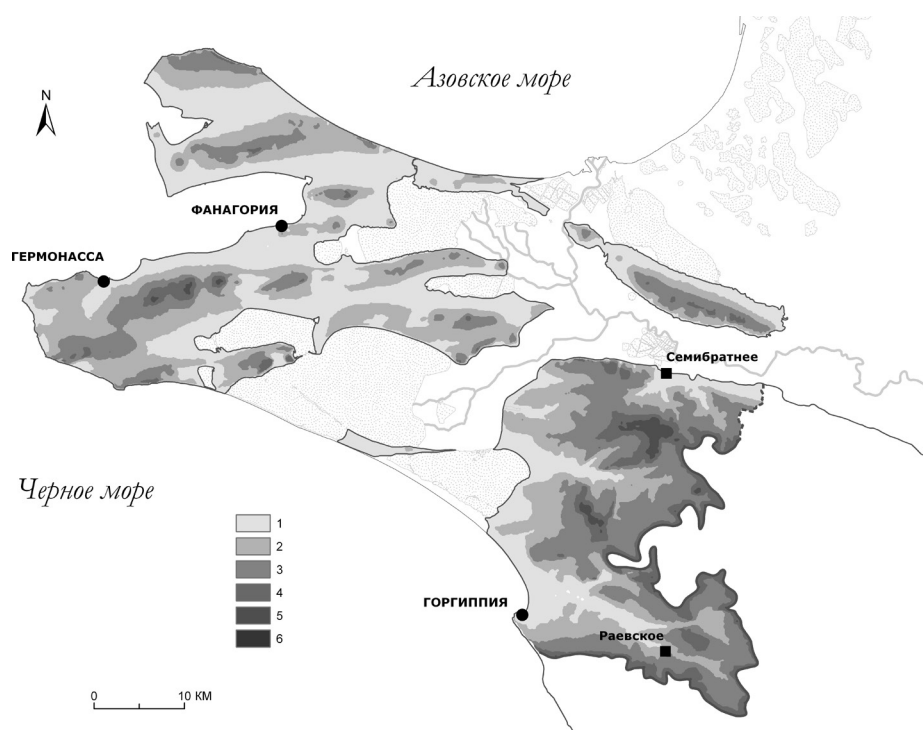
¹¹ Например, ср. Гарбузов, Поротов, Сударев 2017.

¹² См.: Журавлев, Шлотцауер 2014; Кельтербаум, Журавлев, Шлотцауер 2016; Dan et al. 2016.

¹³ Гарбузов 2017. В другой работе этого исследователя приведены цифры площадей земельных ресурсов той и другой области, соответственно: 997 и 747 км², всего – 1744 км² (Гарбузов 2018, 26, табл.).

¹⁴ Гарбузов 2017, 119, рис. 6, 127.

Рис. 1. Область морфологически сходных равнин Таманского полуострова и левобережья Кубани (по: Гарбузов 2013, рис. 6)

определить невозможно¹⁵, тем более что со временем они могли меняться. Очевидно, например, что во времена Митридата Евпатора (и позднее) южная часть п-ова Абрау (рис. 2) уже входила в состав государственных земель¹⁶, но так ли это было при Спартокидах – не очевидно.¹⁷

В данном случае для нас это не столь уж принципиально. Более существенно то, что Азиатский Боспор был разделен на две части и не только географически. Во-первых, Таманский п-ов, хотя по представлениям самих греков и являлся частью Синдики, синдами населен не был¹⁸, в отличие от той её части, что располагалась «за Гипанисом».

По прошествии времени даже адепты идеи о том, что на момент греческой колонизации на Таманском п-ове обитало автохтонное население, от неё отказались.¹⁹ В то же время эти исследователи (А. В. Иванов, Ю. Ю. Каргин, Н. И. Сударев) весьма убедительно показали, что освоение греками этого региона, предшествующее выведению сюда колоний²⁰, началось примерно в 630–620 гг. до н. э. из области Анапского палеолимана (т. е. Синдской гавани) (рис. 3).

¹⁵ Этот вопрос применительно к эпохе Спартокидов относительно подробно рассмотрен мной ранее (Завойкин 2021, 60–62), поэтому не нахожу необходимым раскрывать его здесь.

¹⁶ См. Малышев 2021, 147 сл.

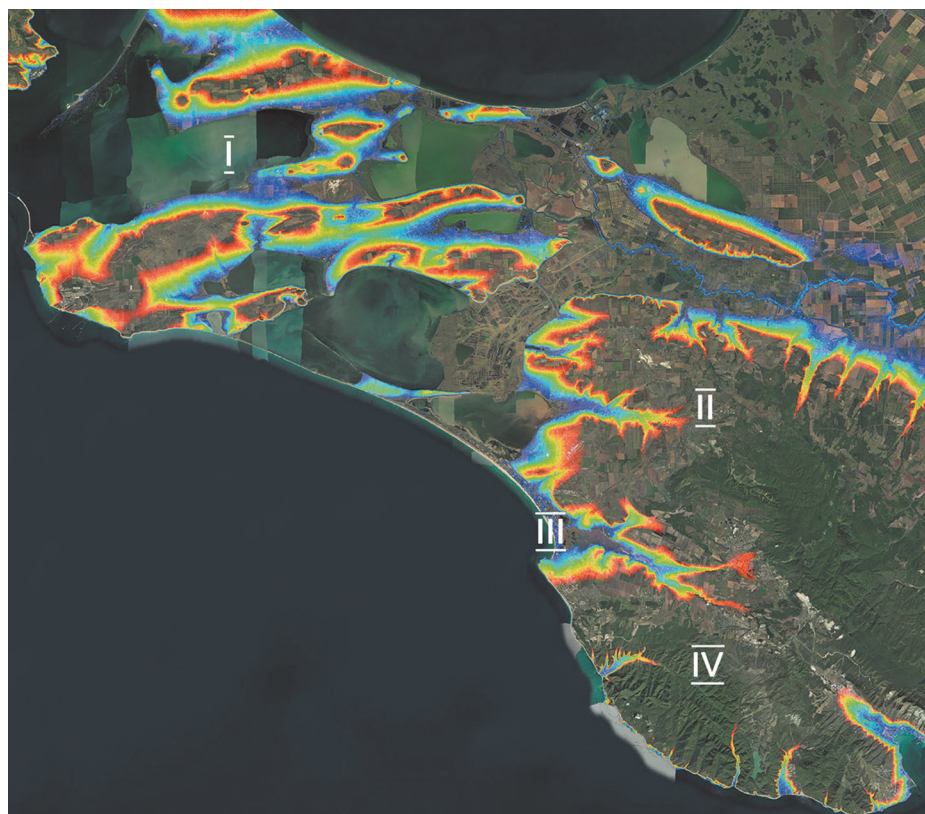
¹⁷ В частности, см. Малышев, Новичихин 2022, 162: «Одной из причин боспорской колонизации северной части п-ова Абрау в 4–2 вв. до н. э. – одного из равнинных плодородных районов Синдики – была потребность в товарном зерне. Хозяйственное освоение хоры Горгиппии сопровождалось эллинизацией аборигенного синдского населения... Фиксируемое запустение в южной части п-ова Абрау – ареале обитания керкетов и торетов – можно объяснить стремлением боспорян обезопасить навигацию и другую хозяйственную деятельность от

пиратов. По-видимому, эту задачу успешно решили поселившиеся в восточной части Анапско-Натухаевской долины мигранты из равнинных районов Закубанья».

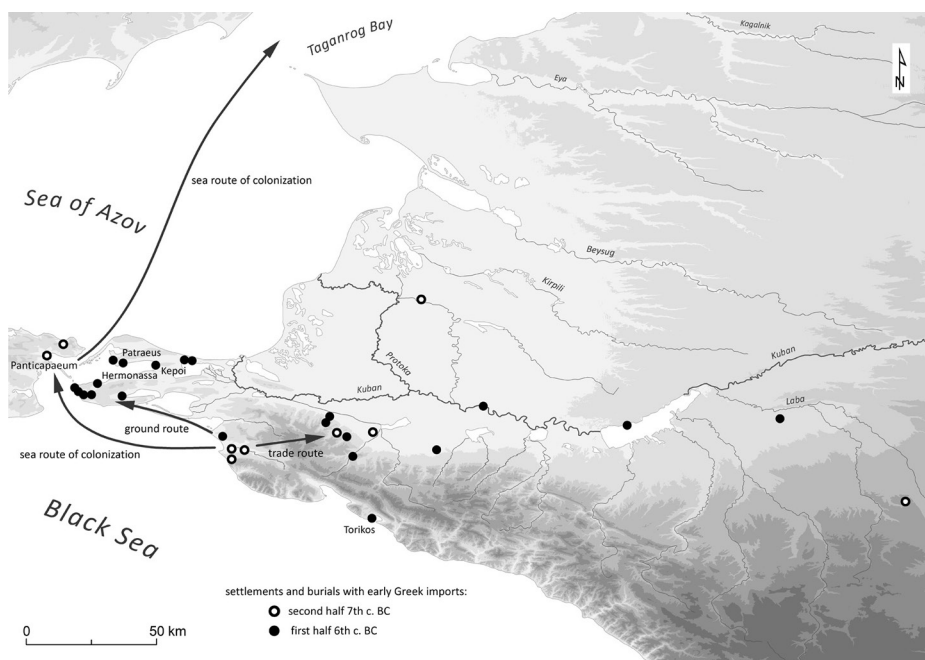
¹⁸ См. Новичихин 2011, 12–13. Попытки доказать обратное (например, см. Иванов, Сударев 2012), на мой взгляд, неубедительны. Критику взглядов оппонентов см. Завойкин 2021, 62, прим. 24. Следы синдской погребальной традиции на участке некрополя поселения Волна 1 (Мимоход и др. 2018, 229–230), в контактной зоне, лишь оттеняют отсутствие следов пребывания синдов и их погребений в остальных частях Таманского п-ова.

¹⁹ Иванов, Каргин, Сударев 2024, 234: «...На примыкающих к Тамани с востока и юго-востока территориях выявлено изрядное количество памятников начала раннего железного века, в то время как на самом полуострове их фактически нет. ...Наиболее вероятной причиной отсутствия на Тамани памятников IX–VII вв. до н. э. ... следует считать уход населения, ведшего комплексное хозяйство, вследствие климатических изменений, характеризовавшихся пониженной увлажненностью степей».

²⁰ Этот полувековой период между первыми торговыми контактами и началом колонизации авторы статьи называют «эмпориальным».

Рис. 2. Ландшафты Азиатского Боспора: I – Таманский п-ов, II – Северная Синдика; III – север п-ова Абрау; IV – юг п-ова Абрау (по: Малышев, Новичихин 2022, рис. 2. 1)

Рис. 3. Основные магистрали «доколониционного» этапа освоения греками Азиатского Боспора, последняя треть VII – начало VI в. до н.э. (по: Иванов и др. 2024, рис. 10)

Таким образом, территория Азиатского Боспора изначально была разделена на две разные в географическом и демографическом отношении части, которые отличались одна от другой хронологией и характером их освоения эллинами. Как мы увидим ниже, разделение этой территории на две области не только не будет сnivelировано после того, как обе они войдут в состав единого политического

образования – Боспорского государства²¹, но и получит дальнейшее развитие, будет закреплено на административном и политическом уровне. Но прежде стоит дать характеристику обеим частям региона с момента эллинской колонизации, основания полисов и до момента утраты ими автономии.

Таманский п-ов (Остров). Примерно на рубеже первой и второй четвертей 6 в. до н. э. на берегах Таманского залива (Корокондамитиды) в ходе Великой греческой колонизации были основаны Гермонасса, Кепы, Корокондама и Патрей²², ок. 540 г. – Фанагория.²³ Очевидно, что не позднее этого времени (т. е. еще в процессе Великой греческой колонизации) на северном побережье Фонталовского п-ова, в районе северной оконечности Киммерийского Боспора были основаны Ахиллий и Киммерида.²⁴ Весьма вероятно, что захват войсками Кира Великого городов Ионии и Эолиды мог послужить серьезным стимулом к массовой эмиграции греков, и не только жителей Теоса и Фокеи (*Hdt.* I. 169)²⁵, в том числе и на Боспор. Здесь переселенцы из Теоса/Абдеры основали только один новый полис – Фанагорию, другие же *эпойки* могли влиться в состав уже существующих гражданских общин.²⁶

Пожалуй, не имеет смысла здесь возвращаться к рассмотрению проблемы полисного статуса перечисленных апойкий.²⁷ А вот вопросу о количестве и наименовании островов, из которых состоял Таманский п-ов в античную эпоху, уделить некоторое внимание все-таки придется. Дело не столько в том, что совсем недавно В. П. Яйленко предпринял попытку реанимировать старое (восходящее к представлениям Ф. Дюбуа де Монпере²⁸) мнение о Тамани как

²¹ Интересующие нас территории были включены в состав державы Спартокидов в два этапа: сначала Таманский п-ов (при Сатире I, конец 5 в. до н. э.), а после – Синдика (при Левконе I, 60-е годы 4 в. до н. э.).

²² Основания колоний «первой волны» на Боспоре датируют в целом ок. 580–560 гг. до н. э. (Теперь известно, что не позже чем к рубежу 7 и 6 вв. до н. э. следует отнести *ктисму* Пантикалея – см. Толстиков и др. 2017, 211–212.) Примечательно, что, согласно литературной традиции, все эти ранние колонии (кроме Гермонассы, о ней см. ниже), в том числе Кепы (*Ps.-Scyl.* Per. 72), названы колониями Милета (см. Кошеленко, Кузнецов 1992, 19). Метрополии Корокондамы и Патрея нам не известны.

²³ Дата основания этой колонии Теоса (*Eustath.* Comm. ad *Dion.* PPE, 549, со ссылкой на Арриана) принята условно: между 546/5 г. (бегство теосцев, осажденных войском Гарпага, в Абдеру – *Her.* I. 168) и 540 г. до н. э. (с учетом вероятности того, что на Боспор теосцы отправились несколько лет спустя из Абдеры – см.: Кузнецов 2001, 232; 2010б, 313–314).

²⁴ Ввиду отсутствия в распоряжении исследователей физических остатков этих апойкий, уточнить дату их основания не представляется возможным. Впервые Киммерида упомянута Пс.-Скимном (Per. 896–899), который, сообщает, что при выходе из устья Меотиды располагается город Киммерида, основанный боспорскими тиранами. Однако в списке Эвксинского податного округа I Афинского морского союза за 425/4 г. (ATL. 1. A9, fr. 39 = IG I², 63: 207) фигурирует понтийский город КИМ..., который не может быть, чем-либо другим, как боспорской Киммеридой. Данный факт не только приводит к заключению, что этот полис был основан раньше того, как образовалось государство Спартокидов, но и подтверждает изначально ее полисный статус (см. Завойкин 1999а). Позднее Страбон (XI. 2, 4–5), сообщает о Киммерийском селении (κόμη Κιμμερικῆ) и то, что «прежде Киммерик был *городом* (πόλις) на полуострове расположенном и перекрывал перешеек ровом и валом». Также как о κόμη говорит Страбон об Ахиллии (*Strab.* XI. 2, 6). Из некро-

поля Гермонассы происходит надгробная стела (5–4 вв. до н. э.) с посвящением некоего Полемарха Исократу ахиллийцу (Ἴσοκράτῃ | τῷ Ἀχιλληΐῳι – КБН 1059). Упомянутый этникон является свидетельством захоронения иноплита на чужом некрополе, а значит – позволяет *предполагать* (!) полисный статус Ахиллия. В. П. Яйленко (2017, 793, прим. 53), – вопреки мнению В. В. Латышева (КБН, 621), что «думать о род. п. отцовского имени Ἀχιλλέου не позволяют сохранившиеся буквы», – считает, что здесь следует видеть не этникон, а патронимик Исократа. *Κόμαι* Страбон именуется также Патрей и Корокондаму (*Strab.* XI. 2, 8). О вероятном значении термина κόμη как низшей территориально-административной единицы полиса («мегаполиса» – Боспора) см. Завойкин 2022, 106–111.

²⁵ Хотя Геродот указывает, что только эти два ионийских города «были единственными, которые предпочли покинуть свою родину, чем терпеть рабство», скорее всего это следует понимать таким образом, что население Теоса и Фокеи отправились в колонии массово, значительной частью гражданских коллективов, в отличие от населения иных полисов.

²⁶ Аналогичный процесс, по всей видимости, происходил после разгрома персами Ионийского восстания в 494 г. до н. э. Интенсивный рост городских территорий (например, в Фанагории) и количества поселений на хоре

полисов в это время позволяют предполагать не только и даже не столько естественный прирост населения, сколько приток эмигрантов из Эллады (например, см.: Долгогурков 1990, 33–34; Кошеленко, Кузнецов 1992, 24; Завойкин, Кузнецов, 2012; Гарбузов, Завойкин 2011, 194–195, 198, 216–219, рис. 1–36).

²⁷ Об этом см.: Завойкин 2001, 23–28; 2020, 190–191. К этой же проблематике имеет касательство вопрос о статусе наиболее ранних поселений (Голубицкая 2; Ахтаназовская 4; Волна 1 с некрополем), на которых представлены находки ионийской и эолийской керамики (посуды и амфорной тары) более ранней, чем время основания Фанагории или Патрея, и синхронной древнейшим материалам из раскопок Кеп, Гермонассы и древнейших погребений в некрополе у мыса Тузла, который считается кладбищем населения Корокондамы. По этому поводу см.: Завойкин 2020, 191 слл.

²⁸ Глубокий знаток Тамани, Я. М. Паромов, как и раньше, придерживается той же точки зрения, разделяя полуостров на пять «основных» островов с условными наименованиями: Киммерийский (совр. Фонталовский п-ов), Фанагорийский (центральная часть Таманского п-ова), Синдский/Синдика (вся южная часть полуострова), Голубицкий (к востоку от Киммерийского острова), Курчанский или Кандаур (самая восточная часть Таманского п-ова) (Паромов 2023, 20, 32–33).

«полинезии», в последние десятилетия аргументированно отвергаемое почти всеми исследователями²⁹, сколько в том, что в основу критики взглядов его оппонентов была положена информация письменных источников о *двух* островах, которая, по мнению исследователя, ведет начало от «Землеописания» (Περιήγησις Γῆς) Гекатея Милетского: «Гекатею известны “остров Фанагора” и “остров Гермонасса”». ³⁰ Из этого делается вывод: во всяком случае во времена Гекатея к востоку от Киммерийского Боспора имелось по крайней мере два острова. Но всё дело в том, что этот «краеугольный камень» в основании всех последующих суждений В. П. Яйленко оказался... ненадежным. Данному вопросу уделил внимание в специальной небольшой статье И. Е. Суриков, тем самым избавив от необходимости вновь подробно анализировать источники. Исследователь убедительно, на мой взгляд, показал, что нет никаких оснований для того, чтобы информацию Стефана Византийского в статье «Гермонасса» (*Steph. Byz. s. v. Ерμόναςσα*) о «маленьком острове в Киммерийском Боспоре, на котором – город, колония ионийцев, как пишет *Периегет*»³¹ (т. е. Дионисий Александрийский) атрибутировать Гекатею, поскольку «ссылка на Гекатея цитирующим источником дается *только* в связи со второй, малоазийской Гермонассой». Более того, им отмечено: «Строго говоря, даже и то, что Гекатей писал об *острове* Фанагории или Фанагоре³² – тоже далеко не факт». ³³ Лишь для поздней античности, исходя из данных Аммиана Марцеллина (*Amm. Marc. XXII. 8. 30*)³⁴ и Стефана Византийского (*Steph. Byz. s. v. Ταυρικῆ*)³⁵ о двух островах – Фанагоре и Гермонассе, И. Е. Суриков допускает предположение: «... Может быть, тогда... в результате прорытия канала действительно на какое-то время возник второй остров?». ³⁶

Мне хотелось бы ещё раз акцентировать внимание на нескольких важных деталях. У Стефана, со ссылкой на Дионисия Периегета, в статье «Гермонасса» сказано о *маленьком острове*.³⁷ Сам же Дионисий сообщает лишь об одном *большом острове* (= совр. Таманскому п-ову), на котором находятся «Фанагора и прекрасно построенная Гермонасса». ³⁸ Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: Стефан не мог самостоятельно из одного большого острова сделать два (один из которых, Гермонасса – «маленький»). Иначе говоря, между ним и Дионисием следует предполагать источник-посредник. Доказать, что автором сочинения, из которого почерпнул нужную ему информацию Стефан, был Аммиан Марцеллин, невозможно. Скорее всего, данные последнего по интересующему нас вопросу тоже были вторичными.

Определить время и авторство сочинения, в котором впервые упоминаются два острова, а не один, не представляется возможным. Невозможно даже представить себе, каким образом кем-то из «большого острова» был вычленен «остров маленький», который назван Гермонассой. Никакие протоки-рукава Гипаниса (равно как и предполагаемые «каналы») не позволяют сделать это.³⁹ Тем не менее, безоговорочно признавая единство Острова, я далек от мысли, что «Фанагора» и «Гермонасса» как наименования двух островов были плодом чьей-то досужей фантазии. Убежден в том, что эти названия вполне историчны. Остается предполагать, что разные люди, по всей видимости в разные времена называли Остров по-разному, а неизвестный нам поздний автор воспринял эти наименования (почерпнутые из разных источников!) как названия двух разных островов и объединил их на одной воображаемой им «карте».

Мне уже приходилось отмечать мнение В. Д. Кузнецова, рассуждавшего относительно количества островов, из которых в древности складывался Таманский

²⁹ Например, см. Гарбузов 2016, с литературой.

³⁰ Яйленко 2023, 456.

³¹ Перевод И. Е. Сурикова.

³² *Hecat. FGrHist. 1. F212 = Steph. Byz. s. v. Φαναγόρεα*: «Фанагория. Город, названный по Фанагору, как говорит Гекатей в “Азии”. Есть остров Фанагора и Фанагория. Имеется также эмпорий Фанагории, [название которого склоняется] по среднему роду» (пер. И. Е. Сурикова). «Здесь ссылка на милетского ученого дана *только* в связи с происхождением названия города Фанагории» (Суриков 2024, 428).

³³ Суриков 2024, 428.

³⁴ «Неподалеку отсюда лежит озеро Меотида, занимающее весьма большое пространство. Много воды из ее обильных источников прорывается через Пантикапейский пролив в Понт, на правом берегу которого лежат *острова Фанагор и Гермонасса*, застроенные стараниями греков» (перевод Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни с поправками И. Е. Сурикова).

³⁵ «Таврика – большой и очень знаменитый остров, населенный многочисленными племенами и своим положением окружающий озеро Меотиду. Немного от него отстоит маленькая Алопекия. К Таврике прилегают *два острова – Фанагора и Гермонасса*» (пер. И. Е. Сурикова).

³⁶ Суриков 2024, 434.

³⁷ *Hecat. FGrHist. 1. F208 = Steph. Byz. s. v. Ерμόναςσα*: «Гермонасса. *Маленький* остров в Киммерийском Боспоре, на котором – город, колония ионийцев, как пишет *Периегет*» (пер. И. Е. Сурикова).

³⁸ *Dionys. Alex. 549 sqq.*: «Если же пройти прямо через Боспор Киммерийский, встретится другой *обширнейший* остров, который лежит по правую сторону Меотийского озера, на нем [расположены] Фанагора и прекрасно построенная Гермонасса, где обитают выходцы из ионийской земли» (пер. Е. В. Илюшечкиной).

³⁹ Примечательно, что сторонники многоостровной карты древней Тамани (см. прим. 28) называют «остров», якобы отделенный так наз. Шимарданской протокой, на которой расположена Гермонасса, «Синдским». А размером он превосходит все другие «острова», среди которых «Фанагорийский остров» – самый маленький.

п-ов.⁴⁰ Исследователь в этой связи отмечал: «Ко времени основания Фанагории в этом районе уже существовали апойкии (в частности Гермонасса и Кепы), и соответственно в это время местности и различные детали ландшафта уже имели свои названия... Новое имя могла получить только та часть ландшафта, которая была связана с вновь прибывшими переселенцами, т. е. остров, на котором была основана Фанагория, остров Фанагора, а отнюдь не весь нынешний Таманский полуостров».⁴¹ Суждение вполне логичное, но в том только случае, если авторство статьи Стефана (s. v. Φαναγόρεια) целиком отнесем на счет Гекатея, имя и название раздела сочинения которого, как было отмечено, указаны после первой фразы: «Фанагория. Город, названный по Фанагору, как говорит Гекатей в “Азии”». А поскольку исходим из того, что ни Субботин ерик, ни Шимарданская протока не разделяли Тамань на отдельные острова, признавая резонность рассуждения В. Д. Кузнецова, мы должны будем прийти к заключению, что информация об острове «Фанагора» была заимствована из источника, относящегося ко времени, когда Фанагория уже занимала доминирующее положение в этом регионе, стала его «столицей» (μητρόπολις – *Strab.* XI. 2. 10).⁴² Не может вызывать сомнений, что такой статус Фанагории в регионе установился по крайней мере в эпоху Спартокидов, если не раньше.⁴³ В недавней своей работе В. Д. Кузнецов настаивает на том, что «μητρόπολις» Страбона заимствовано из некоего раннего источника, предшествующего времени образования державы Спартокидов, поскольку Фанагория была главным городом «конфедерации» полисов, расположенных в Синдике и объединившихся вокруг святилища Афродиты Урании Апатуры (этот союз чеканил монету с легендой ΣΙΝΔΩΝ).⁴⁴

Возвращаясь к версии, согласно которой название Острова «Гермонассой» могло предшествовать наименованию «Фанагория/Фанагора», прежде всего мы должны принять в расчет, как минимум, период между *ктисмами* Гермонассы и Фанагории (590/80–540 гг. до н. э.), а возможно и некоторое время после того, учитывая, что колонии Теоса для достижения доминирующего положения требовалось какое-то время. Это рассуждение основано на «голой логике» и не подкреплено никакими фактами. В принципе же ничто не препятствует допущению, что какое-то время (тоже никак конкретно не определяемое) оба названия бытовали одновременно и зафиксированы были в разных источниках. В одном из таких источников могло сообщаться о «прекрасно построенной Гермонассе» (εὐκτιτος Ἐρμώνασσα – *Dion.* 549 sq.), в другом – о Фанагории, «городе, заслуживающем внимания/замечательном» (πόλις ἀξιόλογος – *Strab.* XI. 2. 10).

Об основании Гермонассы источники сохранили двойственную традицию. Согласно одной версии, ее основали ионийцы под предводительством Гермона (*Dion.* 549–553 = *Eustath.* Comm. ad *Dion.* 549), по другой – во главе колонистов-основателей стоял митиленянин Семандр, умерший вскоре после переселения, жена которого Гермонасса якобы дала апойкии свое имя (*Arr.* Byth. fr. 55 Roos = *Eustath.* Comm. ad *Dion.* 549).⁴⁵ Обычно эту информацию понимают так, что в основании Гермонассы принимали участие колонисты из разных центров, как из Ионии, так и с Лесбоса.⁴⁶ Совсем недавно в обширной статье, специально посвященной присутствию эолийцев на Азиатском Боспоре, В. П. Яйленко предложил эти потоки разделить во времени. Сначала, по его мнению, колония была основана ионийцами (милетянами⁴⁷), а позже, одновременно с Фанагорией, лесбосцы, также как теоссы бежавшие от «насилия персов», реколонизовали этот полис.⁴⁸ Так или иначе, специальное внимание автора-лесбосца к основанию

⁴⁰ Завойкин 2023, 280.

⁴¹ Кузнецов 2010а, 436.

⁴² Признание этого факта избавляет от необходимости гадать, почему Фанагория (как и Пантикалей), в отличие от Феодосии и Горгиппии, не имела своего собственного «наместника» (ὁ ἐπὶ τῆς...), или к какому территориально-административному округу она была приписана.

⁴³ Подробно об этом см.: Завойкин 2021.

⁴⁴ Кузнецов 2024, 42–43.

⁴⁵ Вторую версию основания Гермонассы В. П. Яйленко возводит к одному из лесбосских историков 4–3 вв. до н. э., заимствовавшему эту информацию (возможно, через Эфора) из сочинения Гелланика Митиленского. Ученый, ссылаясь на эолийскую форму написания наименования полиса Фанагории и имени ее основателя (Φαιναγόρα, Φαιναγόρας), обосновывает происхождение обеих версий (Дионисия и Арриана, в изложении Евстафия) от текстов двух разных лесбосских источников (Яйленко 2024, 503–504).

⁴⁶ См.: Жебелёв 1953, 67 сл.; Яйленко 1982, 271–272; Виноградов 1983, 369, примеч. 20; Кошеленко, Кузнецов 1992, 19.

⁴⁷ Исследователь ссылается на свидетельство специфически милетского культа Аполлона Дельфиния в Гермонассе (КБН 1038).

⁴⁸ Яйленко 2024, 507–508. Исследователь проводит параллель с реколонизацией основанной клазоменями Абдеры колонистами из Теоса (*Hrt.* I. 168). Кроме того, он заостряет внимание на одновременном упоминании Фанагории и Гермонассы в текстах, восходящих к двум лесбосским источникам (см. прим. 45), сообщающих об их основании.

«прекрасно построенной Гермонассы», в котором приняли участие его «соотечественники», естественно. Логично думать, что и Остров был поименован «Гермонассой» в труде такого автора. Дать же вразумительное объяснение тому, каким образом Остров, который, согласно другим источникам, был *большим* (*Ps.-Scymn.* 886–899), «стал» *маленьким* – $\nu\eta\sigma\omicron\varsigma \mu\kappa\rho\acute{\alpha}$ (*Steph. Byz.* s. v. *Ερμόνασσα*), или наоборот, – я не нахожу возможности.⁴⁹

В завершение данного сюжета следует отметить, что оба наименования Острова являются «внешними», т. е. даны не жителями самого Боспора, а авторами, которые описывают данную местность в *перизгесах*, опираясь на информацию, полученную от плавающих сюда торговцев, «путешественников» и т. п., составляющих лоции (*периплы*), знающих этот регион однобоко, т. е. главным образом со стороны моря. От самих боспоритов мы знаем единственное наименование данного географического объекта – Остров, без каких-либо уточняющих названий.

К сожалению, в нашем распоряжении нет письменных источников, проливающих свет на историю боспорских полисов в 6–5 вв. до н. э. Данные археологии дают возможность составить лишь самое общее и приблизительное или даже искаженное представление о динамике процессов, определявших содержание жизни эллинизма на «азиатской» части территории, которая со временем стала Боспором. В этот период наблюдается последовательное и довольно интенсивное освоение сельских территорий полисов. Процесс этот не был линейным: последовательный рост числа сельских поселений с третьей четверти 6 в. до н. э. и достижение максимума этого показателя во второй четверти 5 в. до н. э. сменяется спадом во второй половине этого столетия.⁵⁰ Динамика и хронология данного процесса вполне согласуются с рядом событий, известных нам по материалам исследований поселенческих памятников, и с общим историческим контекстом. Наиболее важные и репрезентативные материалы дали раскопки Фанагории, лучше других изученного города этого региона. Здесь надежно зафиксированы три существенных для жизни полиса (и всего региона) события. Все три связаны с вражеским вторжением, разрушениями и пожарами.⁵¹ Первое случилось ок. 480 г. до н. э., когда на «Верхнем городе» погибли в пожаре все жилые дома и общественные постройки, в том числе были разрушены древнейшие оборонительные стены Фанагории. Массовые находки наконечников стрел не оставляют сомнений в характере произошедшей катастрофы.⁵² Не может быть сомнений и в том, что масштабы этого события не ограничиваются Фанагорией и даже территорией всего Азиатского Боспора – оно захватило и территорию к западу от пролива.⁵³

Однако весьма быстро город не только вновь отстраивается⁵⁴, но и существенно увеличивается его площадь, частично перекрыв древнейший некрополь.⁵⁵ Этот позитивный процесс в полной мере согласуется с ситуацией на сельских территориях Таманского п-ова. Именно во второй четверти 5 в. до н. э. существенно выросло число выявленных разведками сельских поселений. Можно сказать, что «в целом... к данному времени завершается формирование сельских округ греческих полисов, охвативших в совокупности... практически все пригодные для сельскохозяйственного использования земли».⁵⁶ Но спустя 30–40 лет ситуация заметно изменилась.

Примерно на рубеже второй и третьей четверти 5 в. до н. э. Фанагория претерпевает повторный разгром с пожаром, вновь приведшим к разрушению всех построек на «Верхнем городе».⁵⁷ После этой даты, в третьей четверти 5 в. до н. э. мы наблюдаем на сельских территориях сокращение ранее достигнутых

⁴⁹ Разумеется, перед В. П. Яйленко, который полагает, что уже Гекатею были известны оба острова, такая проблема не стоит: «Дело в самом сравнении острова Фанагора и острова Гермонассы по величине» (Яйленко 2024, 505, прим. 19). Однако, как было отмечено выше, проблема в том, что, допуская разделение Острова так наз. Шимарданской протокой и Субботиным ериком, получаем, что «остров Фанагора» в разы меньше «острова Гермонасса».

⁵⁰ Изучению этого процесса посвящен целый ряд статей, написанных мною в соавторстве с Г. П. Гарбузовым. Ради экономии места сошлюсь лишь на одну из них: Гарбузов, Завойкин 2012. Несмотря на ряд критических замечаний в оценке такого специфического источника, как материалы подъемных сборов на сельских территориях Таманского п-ова, по-прежнему убежден, что в целом статистика их хронологического распределения вполне адекватно отражает динамику освоения этих полисных земель.

⁵¹ Им предшествует слой пожара третьей четверти 6 в. до н. э., выявленный в заполнении хозяйственных ям в Кехах, засыпанных в процессе нивелировки поверхности после разрушения зданий. О причинах этого пожара судить сложно (отмечу только, что в двух ямах были найдены два наконечника стрел), тем более затруднительно оценить масштабы этого события (см. Кузнецов 1992, 32, 42–43).

⁵² Абрамзон и др. 2019, 6; Кузнецов 2021, 127.

⁵³ См.: Толстиков 1984; Завойкин 2006. Вопрос об источнике военной катастрофы (скифы, синды/меоты или персы?) здесь мы обсуждать не будем.

⁵⁴ Правда, оборонительные сооружения на прежних рубежах так и не были восстановлены. Вполне вероятно, что это обусловлено территориальным ростом города.

⁵⁵ Завойкин и др. 2016; 2022б, 109–110.

⁵⁶ Гарбузов и др. 2011, 103.

⁵⁷ Абрамзон и др., 2019, 6. Слой второй половины 5 в. до н. э. здесь практически не сохранился. Единственная наземная постройка этого времени – небольшой храм (743) (см. Завойкин, Кузнецов 2023, 120–126); остальные объекты заглублены в предшествующий слой и представляют собой обрывки каменных фундаментов и немногочисленные грунтовые котлованы.

показателей в их освоении и эксплуатации: происходит как бы «сжатие» областей высокой плотности заселения. Численность поселений уменьшается не менее чем на 40%.⁵⁸ Судя по сокращению объемов импорта в керамической таре⁵⁹, эта тенденция отражает общий спад торговых операций в регионе.⁶⁰ В последней четверти столетия эти процессы замедлились и даже обозначился незначительный подъем, однако уровень второй четверти 5 в. до н. э. далеко не был достигнут.

Сложно сказать наверняка, являются ли хронологически сопряженные факты (разгром Фанагории и последующий спад сельскохозяйственной отрасли и торговли) звеньями одной цепи или же нет. Как мы уже видели, вражеский рейд ок. 480 г. до н. э. не повлиял на интенсивное развитие региона. Почему же ситуация кардинально изменилась несколько десятилетий спустя? Ввиду отсутствия письменных источников по этой теме, остается лишь гадать, предполагая, например, негативное воздействие каких-то других факторов (экологических, демографических/эпидемиологических, и т. д.). Можно также бездоказательно предположить, что по какой-то причине принципиально изменилась политика в отношении обитавших на Острове греков со стороны агрессоров-варваров, которые дважды громили Фанагорию: если раньше они приходили, грабили, жгли и уходили, то теперь установили контроль («протекторат») над этой территорией, взимая дань с побежденных? Прямых свидетельств, подтверждающих такое предположение, нет, косвенных же для взвешенного решения – явно недостаточно. В качестве последних имею ввиду то, что началу относительного упадка жизни на Таманском п-ове соответствуют первые по времени «царские» курганы в Синдике – Большие Семибратние. О них еще речь впереди. Сейчас же хотелось бы, – вновь опираясь на материалы раскопок Фанагории, – напомнить, что на южной окраине города слой второй половины 5 в. до н. э. неплохо сохранился, и никаких признаков упадка здесь не наблюдается.⁶¹ Однако в 30-е годы 5 в. до н. э. сильно выросшая городская территория была обнесена оборонительными стенами.⁶²

Говоря об истории Азиатского Боспора (как и всего причерноморского региона в целом) нельзя обойти вниманием такое важное событие, каким стала морская экспедиция афинян во главе с Периклом (*Plut. Per. XX*). Датировка этого события вызвала длительную дискуссию.⁶³ В качестве *terminus ante quem* полагаю правильным принять 435/4 г.; наиболее широко принятая датировка – ок. 437–435 гг. до н. э., но считать нижнюю границу этой даты⁶⁴ однозначной и окончательной все же нельзя. Поэтому не следует исключать и возможности того, что смена династий в Пантикапее (438/7 г. до н. э. – *Diod. XII. 31, 1*) непосредственно связана с прибытием на Киммерийский Боспор афинского флота. Такое допущение вполне согласуется с содержанием текста Плутарха, с той существенной оговоркой, что замена одной династии тиранов (Ареханактидов) другой (Спартокидов) плохо согласуется с принципами политики афинской демократии. Правда, сейчас нас смена династий в будущей столице Боспора мало интересует. А важно лишь то, что следствием морского похода Перикла стало включение ряда (если не всех) полисов региона, в том числе, располагавшихся к востоку от пролива (по крайней мере, это относится к Гермонассе, Киммериде и Патрею), в состав Афинской архэ.⁶⁵ С этого времени они выплачивали в казну союза определенную сумму, что, очевидно, предполагало гарантии защиты от потенциальных врагов и сохранения автономии и элевтерии.

На последнюю треть 5 в. до н. э. приходится чеканка серебряной монеты, на реверсе которой написано ΣΙΝΔΩΝ. Долгое время безраздельно господствовало мнение, что эмитент этой монеты – племя синдов во главе с их «ца-

⁵⁸ Гарбузов и др. 2011, 105; Гарбузов, Завойкин 2010, 105.

⁵⁹ Абрамов 2009, 18–20.

⁶⁰ См. Гарбузов, Завойкин 2010, 109–114, рис. 4–8.

⁶¹ Подробно об этом, см. Завойкин 2004.

⁶² Завойкин 2022б, 110–111.

⁶³ См.: Карышковский 1960; краткий обзор проблемы – Завойкин 2013, 286–288.

⁶⁴ Основана на не очевидном предположении связи данного события с основанием Амфиполя летом 437/6 г.

⁶⁵ Впервые в податных списках они упомянуты под 425/4 г. (*ATL. I. 34; II. P. 34, Col. III, lín. 78*), но вряд ли имеются основания думать, что включение полисов в состав Афинского морского союза не было связано с экспедицией Перикла.

рями». Немало сторонников этой точки зрения имеется и сегодня.⁶⁶ Позже, наряду с ней предполагалось, что монет могла принадлежать полису – Синдской Гавани («Синду»).⁶⁷ Наконец, были сформулированы веские аргументы в пользу того, что монета эта чеканилась союзом полисов (ἀμφικτιονία/κοινόν/ἔθνη), располагавшихся на Таманском п-ове (который в представлении греков был частью Синдики – *Ps.-Scyl.* 72). Важную роль в этом союзе играла Фанагория со святилищем Апатур на ее хоре.⁶⁸ После того как чеканка «синдского» серебра прекратилась, Фанагория начала чеканить собственную монету. Эмиссия фанагорийского серебра была кратковременной и приходится на последнее десятилетие/конец 5 в. до н. э. Финал этой чеканки правомерно соотносится с очередным разгромом города⁶⁹: на южной его окраине была открыта яркая картина пожара и разрушения построек, причем в слое разрушения обильно представлены наконечники стрел, препятствующие самой мысли о «бытовом пожаре». Более того, ближайшие последствия этого катастрофического события (прекращение чеканки автономной монеты, демонтаж городских оборонительных стен⁷⁰) укрепляют во мнении, что в истории города произошел крутой перелом: Фанагория была завоевана тираном Пантикапея Сатиром I, утратила независимость и вошла в состав формирующейся державы Спартокидов. В тоже самое время (чуть раньше – чуть позже) власти сына Спартока I покорились и все остальные полисы, располагавшиеся на Острове. Какими-либо конкретными сведениями о том, когда и как это происходило, мы не располагаем. Только о Кепях известно, что где-то *вскоре* после «измены Гилона»⁷¹ город был передан последнему «в кормление» в качестве награды за сдачу тиранам союзного города Нимфея (между 410–405 гг. до н. э.) (*Aesch.* III. 171–172; *Harpor.* s. v. Νύμφαιον). Таким образом, Кепы в это время в полной мере были подчинены Сатиру I.⁷²

Итак, к рубежу 5 и 4 вв. до н. э. завершился автономный период истории полисов, находившихся на Острове, к северо-западу от черноморского русла р. Гипаниса, к юго-востоку от которого располагалась «коренная» (т. е. населенная синдами) Синдика. На тот момент река стала пограничным рубежом Азиатского Боспора. Поскольку дальнейшая история региона напрямую связана с включением этих территорий в состав державы Спартокидов, имеет смысл, вернувшись назад, кратко рассмотреть, каким образом складывались дела к юго-востоку от Гипаниса, вплоть до того момента, когда и эта часть Синдики оказалась включенной в состав Боспора.

Синдика. Само название означает страну (территорию), населенную людьми, которых греки называли *синдами*. Едва ли можно думать⁷³, что это самоназвание аборигенов. Принимая во внимание созвучные этнонимы и топонимы в других местах ойкумены⁷⁴, предпочтительно мнение, что такое название

⁶⁶ Например, см.: Горончаровский, Терещенко 2014; Коваленко 2020.

⁶⁷ Грач 1972; Шелов 1981.

⁶⁸ Кузнецов 2016; 2024.

⁶⁹ Завойкин 2013, 363–364.

⁷⁰ См. Завойкин 2022б, 111–112.

⁷¹ И. Е. Суриков (2021, 320–341) полагает, что все изложенное Эсхином о «преступлении» деда его заклятого врага, Демосфена – ложь от первого до последнего слова. Однако всякая ложь всегда «конструируется» из вполне реальных элементов. Может иска-

жаться их последовательность, подменяться действующие лица, вообще фальсифицироваться любые реальные данные. Однако фальсификатор, если он надеется кого-то в чем-то убедить, старается представить слушателям такую конструкцию, которая хотя бы отдаленно похожа на правду. В данном случае нам безразлично, сдал ли союзный город Сатиру I именно дед Демосфена или это был кто-то другой, и даже – было ли реальным преступление того или иного афинянина в тех конкретных условиях, когда бли-

зились капитуляция Афин в Пелопоннесской войне и роспуск Афинского морского союза. Не было никакой необходимости для Эсхина переносить место действия в иной регион, «выдумывать» названия боспорских городов и т. д.

⁷² См. Завойкин 2013, 289–291, с лит.

⁷³ Однако, ср. Горончаровский, Иванчик 2010, 219–220. Эти исследователи полагают иначе, исходя исключительно из своего понимания легенды ΣΙΝΔΩΝ на монетах.

⁷⁴ См. Кузнецов 2016, 267–268.

одному из племен прикубанских варваров дали греки.⁷⁵ Следы первых контактов греков и варваров, как было отмечено в начале статьи, здесь относятся к последней трети 7 в. до н. э. Примерно тем же временем, по оценке Е. М. Алексеевой, определяется дата формирования традиции «каменных некрополей», оставленных синдами.⁷⁶ Древнейшие находки на месте города Синдская Гавань (одноименного названию «Анапского палеозалива», на берегу которого греки основали свою *апойкию*) датируются не раньше середины – третьей четверти 6 в. до н. э.⁷⁷ Реально ли эта дата соответствует «верхнему» рубежу хронологического интервала между первыми контактами эллинов и варваров и основанием колонии (не менее 70 лет!) – сказать затруднительно. Не следует исключать того, что древнейшие остатки *апойкии* до сих пор не найдены.⁷⁸ Важнее сейчас акцентировать внимание на том, что Синдская Гавань была единственным полисом Боспора, основанным на территории, непосредственно занятой варварским населением.⁷⁹ Бесполезно и гадать, на каких условиях греки получили право основать на земле синдов свою колонию.

Об истории этого полиса на протяжении почти двух веков (вторая половина 6 – первая треть 4 в. до н. э.) мало что можно сказать. Уникальное надгробие Филоксена, сына Келона, из Гелики 80-х годов 5 в. до н. э.⁸⁰ разве что подтверждает относительно ранние торговые связи Синдской Гавани с Пелопоннесом.⁸¹ Открытые же Е. М. Алексеевой площади древнего города (раскоп «Океан, 3000 м²) дают возможность составить только приблизительное представление о том, как складывалась его судьба с момента колонизации и до того, как он вошел в состав Боспорского государства. Согласно представлениям автора раскопок, городские постройки «Пред-Горгиппии» время от времени разрушались, и эти разрушения сопровождалась пожарами.⁸² Такие события Е. М. Алексеева связывает с периодическими ухудшениями военно-политической обстановки в этом регионе. По мнению исследовательницы, разрушение построек финального строительного периода раннего города, датированного (не точно) началом 4 в. до н. э., было обусловлено процессом присоединения Синдики к Боспору. «После присоединения Синдики к Боспору, примерно во 2-й четверти IV в. до н. э. город был заново распланирован, значительно увеличился при этом по площади».⁸³

⁷⁵ Дублирование этнонимов, скорее всего, связано с некими нам неизвестными мифологическими представлениями, взаимосвязанными с определенными топографическими ориентирами. Так, наблюдается параллелизм в характеристике места обитания синдов в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (у Лаврийской равнины, на которой обитают синды, река Истр разделяется и одним рукавом впадает в Адриатическое море, другим – в Евксинский Понт, образуя «треугольный» остров Певку – *Apoll. Rhod. IV. 309–322*; см. также схолии к этому месту) и места обитания синдов «боспорских» (рукава Гипаниса впадают в Понт и в Меотиду, образуя остров, за пределами которого лежит Синдика).

⁷⁶ Алексеева 2023, 23–24, 29; Малышев, Новичихин 2022, 169–170. О генезисе этих погребальных памятников см. Новичихин 2014, 116–117. Поселенческие памятники населения, оставившего эти некрополи, остаются пока слабо изученными. Об одном таком «эталонном», наиболее ярком памятнике второй половины 6 – начала 2 в. до н. э. («Урочище Самойленко») см. Иванов, Сударев 2018. Авторы статьи отмечают, что «уже в V–IV вв. до н. э. мы можем характеризовать материальную культуру поселения как античную, греческую. Население при этом не меняется, но подвергается сильной эллинизации, тотально воспринимая другую культуру» (там же, 261).

⁷⁷ См. Завойкин 2013, 196. Третьей четвертью 6 в. до н. э. датируется свидетельство специфического вида контактов греков

и синдов: Гиппонакт Эфесский (*Schol. ad Apoll. Rhod. IV. 321*) употребляет скабрезное выражение *Σινδικὸν διάσφαγμα* – своего рода эвфемизм (вместо *αἰδοῖον γυναικείον* «женский срам»; ср. *Hesych. s. v. Σινδικὸν διάσφαγμα*) для обозначения представительниц древнейшей профессии (*Hesych. s. v. Σινδῖς: ... ἡ πόρνη* – «девка»). Очевидно, что к этому времени синдские женщины-рабыни в Ионии уже не представлялись экзотическим товаром и пользовались определенным успехом у мужчин (см.: Тохтасьев 2002, 29–31; Braund 2007, 20–21).

⁷⁸ Пример раскопок на «Новом Верхнем Митридатском» раскопе в Пантикапее показывает, что даже на давно и основательно исследованном памятнике возможны открытия, удвояющие *кτισму* на несколько десятилетий.

⁷⁹ Я не принимаю в расчет Торик (*Ps.-Scyl. Per. 74*) в земле торетов ввиду того,

что неочевидно его нахождение в составе Боспорского государства, равно как не очевидно и отождествление с Ториком *апойкии*, открытой Н. А. Онайко в районе Геленджикской бухты, неоднократно разрушаемой врагом и оставленной населением на рубеже первой и второй четверти 5 в. до н. э. (Онайко 1980, 44, 49, 84, 94).

⁸⁰ Болтунова 1986, 59–61, № 18.

⁸¹ Что соотносится с сообщением Геродота о наблюдаемых Ксерксом кораблях из Понта, везущих хлеб через Боспор Фракийский на Эгину и в Пелопоннес (*Hdt. VII. 147*).

⁸² Алексеева 2023, 37. Сознательно не рассматриваю здесь хронологию событий. Подробные комментарии со ссылками на первоисточник можно найти в Главе 4 монографии (Завойкин 2013, 177–199).

⁸³ Алексеева и др. 1992, 51.

Вместе с тем, на протяжении всего рассматриваемого времени наблюдается последовательный рост количества предметов греческого ремесла (в основном – керамических) в погребениях как синдов⁸⁴, так и соседствующих с ними с юга, в предгорьях п-ова Абрау, керкетов и торетов. Эти факты зачастую интерпретируются исследователями как свидетельства «эллинизации» варваров. Не стану обсуждать, насколько такое понимание корректно, будем исходить из того, что торговые (обменные) контакты между греками и варварами региона расширялись, становились более регулярными. И в этом, определенно, заметную роль играла не только Синдская Гавань, но крупное (9 га) поселение, – именуемое Семибратним городищем, которое в древности называлось Лабрис, – находящееся в 28 км к северо-востоку от неё, на левом берегу основного в то время русла Гипаниса. Я разделяю мнение ученых, которые считают, что основанный в самом начале 5 в. до н. э. Лабрис был греческим *эмпорием*, не обладавшим самостоятельным политическим статусом.⁸⁵ По всей видимости, этот эмпорий основали на корпоративных началах располагавшиеся на Острове полисы для организации регулярной торговли с населением Прикубанья.⁸⁶

В середине 5 в. до н. э. в непосредственной близости от Лабриса начинается сооружение грандиозных по размеру и богатству погребального инвентаря Больших Семибратних курганов, позднейший из которых датируют первой четвертью 4 в. до н. э. По заключению В. А. Горончаровского, «хронология Семибратних курганов достаточно точно соответствует периоду существования независимого Синдского царства, что подтверждает предположение о том, что эти курганы представляли собой царский некрополь синдов».⁸⁷ И с этим утверждением, конечно, тоже следует согласиться. С одной лишь поправкой: слова «царство», «царь» и т. п. следует взять в кавычки. В принципе нет сомнений в том, что торговые и культурные контакты с эллинизмом стимулировали имущественную и, как следствие, социальную дифференциацию местного населения. Само появление новой для этого микрорегиона погребальной традиции⁸⁸ служит тому подтверждением. Но не следует упускать из виду тот факт, что эти богатые подкурганые погребения в обширных могилах, стенки которых облицованы кладками из сырцового кирпича, с деревянным перекрытием, сопровождаемые погребением лошадей и проч. появились «внезапно». Насколько мне известно, какие-то более ранние формы таких захоронений в самой Синдике не известны, но как-то сразу появились готовые, развитые формы⁸⁹, не имеющие ничего общего с погребальной практикой рядового местного населения. Думаю, что правы все те исследователи (из последних по времени – В. А. Горончаровский, А. М. Новичихин, Е. М. Алексеева), которые считают, что рассматриваемые нами памятники формируются на стыке эллинского и иранского (скифского) миров и культур. Разница в их представлениях сводится к тому, что одни относят их к местному, синдскому корню, а другие (на мой взгляд, более справедливо) приписывают им инородное происхождение. С этой точки зрения, иранское имя сына синдского «царя», носившего греческое имя Гекатей, – Октамасад, скорее говорит не о династических связях со скифскими династиями⁹⁰, а о самом происхождении синдских правителей.

Закономерен вопрос, случайно ли некрополь синдских правителей формируется именно рядом с Лабрисом? И не может ли этот факт послужить подсказкой для понимания ситуации, которая сложилась в Синдике к середине 5 в. до н. э.? Представляется, что (если выразаться метафорически) владельцы Синдики, реализуя свое право на земли на левобережье Гипаниса (в низовьях

⁸⁴ По подсчетам А. А. Малышева и А. М. Новичихина, доля «античного импорта» в керамическом комплексе синдского некрополя у хут. Рассвет второй половины 6–5 в. до н. э. составляет не менее 50% (Малышев, Новичихин 2022, 171).

⁸⁵ Горончаровский 2009, 153; Горончаровский, Иванчик 2010, 228.

⁸⁶ Конечно, речь не идет о «межгосударственной программе» по обустройству эмпория. Это могла быть «частная инициатива» лиц, занятых транзитной торговлей (*ἐμπορικόν*) с населением Прикубанья. В принципе, нельзя исключать вероятность участия в этом деле и *эмпоров*, прибывших из Эллады, если они были заинтересованы в прямых поставках продуктов из Прикубанья. И если действительно палеолиман в дельте Гипаниса был судоходным (см.: Внуков и др. 2012, 99; Гарбузов и др. 2017, 65, 70, прим. 14, 72, рис. 2), предполагать это вполне допустимо.

⁸⁷ Горончаровский, Иванчик 2010, 229.

⁸⁸ См. Алексеева 2023, 37–48.

⁸⁹ Истоки этой погребальной практики исследователи видят в элитных захоронениях скифов, вернувшихся в Предкавказье и Прикубанье из восточных походов. См. Алексеева 2023, 48.

⁹⁰ Горончаровский, Иванчик 2010, 222.

реки), навязали *эмпорам* Лабриса свой протекторат, предполагавший, в том числе, охрану торговых путей и защиту от недружественных покушений со стороны представителей других варварских племен.⁹¹ Подобного рода симбиоз⁹² и мог послужить основой для быстрого обогащения синдской элиты, ярким отражением чего являются, в частности, дорогие предметы из благородных металлов, сопровождавшие «царей» синдов в мир иной.

Так ли или иначе, конкретной информацией мы располагаем лишь о взаимоотношениях последнего синдского «царя» Гекатея с правителем Боспора Сатиром I в последние годы его жизни (перед 394/3 г.), а после того – с сыном последнего, Левконом I. В первом случае пантикапейский тиран, *вернув* царство низложенному с престола Гекатею, навязал ему «династический» брак со своей дочерью. Однако бежавшая из узилища к своим соплеменникам-иксоматам прежняя жена Гекатея, Тиргатао, вернулась с войском и набегами опустошила Синдику и владения Сатира. Добившись примирения, тиран вынужден был выдать заложником своего сына, Метродора, который был умерщвлен после неудачного покушения на жизнь Тиргатао, а <азиатские> владения боспорского правителя подверглись разгрому. Прекратить набеги после смерти Сатира удалось его сыну, Горгиппу, «просьбами и богатейшими дарами» (*Polyaen.* VIII. 55). Второй эпизод, о котором узнаем из посвятельной надписи Левкона I на постаменте небольшой votивной статуи из Лабриса⁹³, относится ко времени сразу после завоевания Левконом I Феодосии (вторая половина 370-х – начало 360-х гг.). Речь идет о подавлении архонтом «Боспора и Феодосии» мятежа, поднятого Октамасадом, узурпировавшим власть своего престарелого отца Гекатея. По сути дела, судьба Синдики в тот момент была предрешена: эти земли были включены в состав державы Спартокидов.⁹⁴ Тогда же, или в близкое время (насколько позволяет судить археологический источник⁹⁵), решилась и судьба Синдской Гавани. Она была «реколонизована» и получила имя нового *ктиста*, представителя правящей династии (кажется, впервые в истории античного мира), Горгиппа, который, как мы видели, принимал активное участие в управлении восточными территориями еще при жизни отца.

Необходимо специально отметить, что эти новые земли в державе Спартокидов получили особый статус. Он определялся двумя факторами. Во-первых, здесь Левкон I выступал не только на правах победителя, законно приобретшего собственность «по праву копья», но и в качестве правопреемника (*de facto*, а может быть, и *de jure*⁹⁶) власти над территорией, которая принадлежала «царям» синдов, под юрисдикцией которых находилась и Синдская Гавань. Во-вторых, на момент завоевания Синдики власть тиранов Пантикапея, ставших к тому времени «архонтами Боспора и Феодосии», уже вполне конституировалась, и это обстоятельство открывало для Спартокидов новые возможности в выстраивании отношений с присоединенным к их державе полисом. Иными словами, имеются все основания утверждать, что вся эта область становится доменом династии Спартокидов («*χώρα βασιλική*»), а Горгиппия, именуемая в стихах Пс.-Скимна «Синдской Гаванью», основанная «эллинами, пришедшими из ближних местностей» (*Ps.-Scymn.* 888–889) – «царской колонией», находящейся под прямым управлением боспорских династов.⁹⁷ Уже в первые века новой эры этим городом управлял специальный чиновник, наместник царя – ὁ ἐπὶ τῆς Γοργυπλείας (*КБН* 1115, 1119, 1129, 1132, 1214).⁹⁸ И нет никаких сомнений в том, что эта традиция коренится во временах ранних Спартокидах, а точнее – восходит к самому моменту основания Горгиппии. Нельзя утверждать, что

⁹¹ То, что такого рода опасности были вполне реальны, мы видели на примерах из Фанагории. Велик соблазн вывести причинно-следственную связь между разгромом Фанагории в середине 5 в. до н. э. и появлением тогда же первых Семибратних курганов (№ 2 и 4).

⁹² Лишь ради иллюстрации того, что греки и синды проживали буквально бок о бок, укажу на ситуацию, открытую на поселении «Вестник», где совсем рядом (в 100–150 м друг от друга) с начала 5 в. до н. э. размещались фундаментальная греческая общественная (культовая?) постройка и некрополь рядового синдского населения (мужские погребения с оружием) (*Sudarev et al.* 2021, 55–56, 57–68, fig. 9, 10). Аналогична ситуация для конца 6–5 в. до н. э. зафиксирована на поселениях «Усатова балка» и «Урочище Самойленко». «В этом принципиальное отличие Тамани и Синдики» (*Сударев* 2014, 97 и сл.).

⁹³ *Виноградов* 2002; *Тохтасьев* 2004, 144–156; *Яйленко* 2004.

⁹⁴ В посвящении Теопротида в Нимфее в титуле «архонта» Левкона I в числе подчиненных территорий названа «вся Синдика», которая включала в себя и Остров, и «Синдское царство».

⁹⁵ См. *Завойкин* 2013, 198: ок. 370–360 гг.

⁹⁶ Имею в виду формальную передачу власти последним синдским «царем» Гекатеем Левкону I.

⁹⁷ Этот вопрос столь подробно разобран в 13-й главе моей книги, где предложено сопоставление статуса Горгиппии со статусом Феодосии, что не считаю нужным повторять здесь свою аргументацию (см. *Завойкин* 2013, 417–423).

⁹⁸ На Боспоре еще один только город (полис) управлялся специально назначенным наместником – Феодосия (*КБН* 36, 64, 1130).

должность «градоначальника» существовала уже тогда и в том же виде, как во времена Аспурга и позднее, когда остальная территория Синдики управлялась чиновником, должность которого называлась ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσποურიανῶν (КБН 36, 1246=1248). Вполне возможно, правы те исследователи, которые полагают, что, если и не всем Азиатским Боспором, то закубанской его частью (Синдикой) управляли младшие братья «архонтов Боспора и Феодосии». Их нередко называют «соправителями», а само правление Спартокидов «корпоративным».⁹⁹ Как мы видели, уже при жизни своего отца, еще до присоединения Синдики, Горгипп активно участвовал в делах азиатской части Боспора. Полиен даже называет его правопреемником престола умершего Сатира I (*Polyaen.* VIII. 55), хотя известно, что его власть перешла к старшему сыну, Левкону I (*Diod.* XIV. 93, 1). По всей видимости, не случайно младший сын Перисада I, Евмел, поднял мятеж против старшего брата, Сатира II, именно в азиатских владениях, где, вероятно, находился его «удел», и где он «вступил в дружеские отношения с некоторыми из соседних варварских народов», поддержавших его выступление. Уже будучи правителем Боспора, он погибает по дороге домой из Синдики (*Diod.* XX. 24, 25).

Весьма показателен список победителей в соревнованиях конца 4 – первой половины 3 в. до н. э., отражающий состав имен цвета горгиппийских граждан (КБН 1137). В нем, наряду с ионийскими, значительную долю имеют фракийские и дорийские имена (немного – македонских). С. Р. Тохтасьев справедливо рассудил, что их носителями, – по крайней мере, в том числе, – могли быть ветераны-наемники (и/или их потомки), оставшиеся здесь на постоянное жительство, с которыми Спартокиды расплатились, предоставив им гражданство и земельные участки.¹⁰⁰ Это предположение вполне вписывается в логику политики Спартокидов в отношении земель, расположенных в районе восточного пограничья из державы. В той же связи вспомним и переселение Евмелом куда-то в эту область 1000 каллатийцев, которым он предоставил город и область Псою под наделью-клеры (*Diod.* XX. 25).¹⁰¹

К сожалению, даже приблизительно мы не можем определить границы хоры Горгиппии, за пределами которой лежали собственно царские земли, на которых по-прежнему проживали синды, всегда упоминаемые на первом месте в перечне племен¹⁰², над которыми Спартокиды «царствовали». Не знаем мы и того, как эти земли были обустроены, как эксплуатировались, и каков был статус *зависимого* местного населения. Рассуждать о возможности прямой эксплуатации аборигенов не позволяет лишь полное отсутствие источников. В то же время, даже принимая в расчет слабую изученность памятников сельской территории, вслед за Е. М. Алексеевой отметим, что, начиная с 4 в. до н. э., допустимо говорить о «регулярном использовании всех плодородных пахотных земель вокруг Горгиппии и о четкой распланировке сельской округи города».¹⁰³ В последние годы в дополнение к данным полученным ранее разведками и раскопками Е. М. Алексеевой в районе пос. Джемете¹⁰⁴, была открыта серия усадеб с постройками на каменных фундаментах на поселении «Усадьба (х. Воскресенский, ЮЗ окраина)», которые функционировали в 4–2/1 вв. до н. э. (рис. 4)¹⁰⁵ Весьма важным открытием здесь стала фундаментальная мощеная камнем дорога (вплотную к ней примыкала одна из усадеб¹⁰⁶), построенная, по мнению ее исследователей, «при поддержке центральной власти» во второй половине 4 в. до н. э. и функционировавшая, с неоднократными подновлениями, по крайней мере до конца 2 в. н. э.¹⁰⁷ Действительно, весьма внушительные габариты и характер этого инфраструктурного сооружения побуждают согласиться

⁹⁹ Характерна формула в проксенических декретах Спартокидов: такой-то правитель (имя) + сыновья дали... Наиболее основательно этот вопрос рассмотрен в специальной статье И. Б. Брашинского (1965), который, на мой взгляд, излишне акцентирует внимание на этнической составляющей в качестве причины своеобразия власти ранних Спартокидов, следуя парадигме о «греко-варварском» характере Боспорского государства.

¹⁰⁰ Тохтасьев 1992, 196–197; Зинько, Тохтасьев 2004, 115–116. Такая практика хорошо известна в сицилийских тираниях, особенно – при Дионисии Старшем.

¹⁰¹ Г. А. Кошеленко отметил, что «термин “клер” в эллинистическое время, как правило обозначал участок земли, даваемой царем в обмен на обязательство военной службы» (Кошеленко 1979, 228).

¹⁰² Даже тогда, когда другие варварские племена, покорные Спартокидам, именуется собирательно, «все меоты», синды названы перед ними своим собственным именем (КБН 10, 11, 971, 1039, 1040; 9, 1015; 972). Очевидно, что дело здесь вовсе не в том, что в этническом отношении они отличались от меотов. Такое обстоятельство в принципе в титулатуре не могло бы иметь хоть какое-то значение. См. Завойкин 2021б, 64.

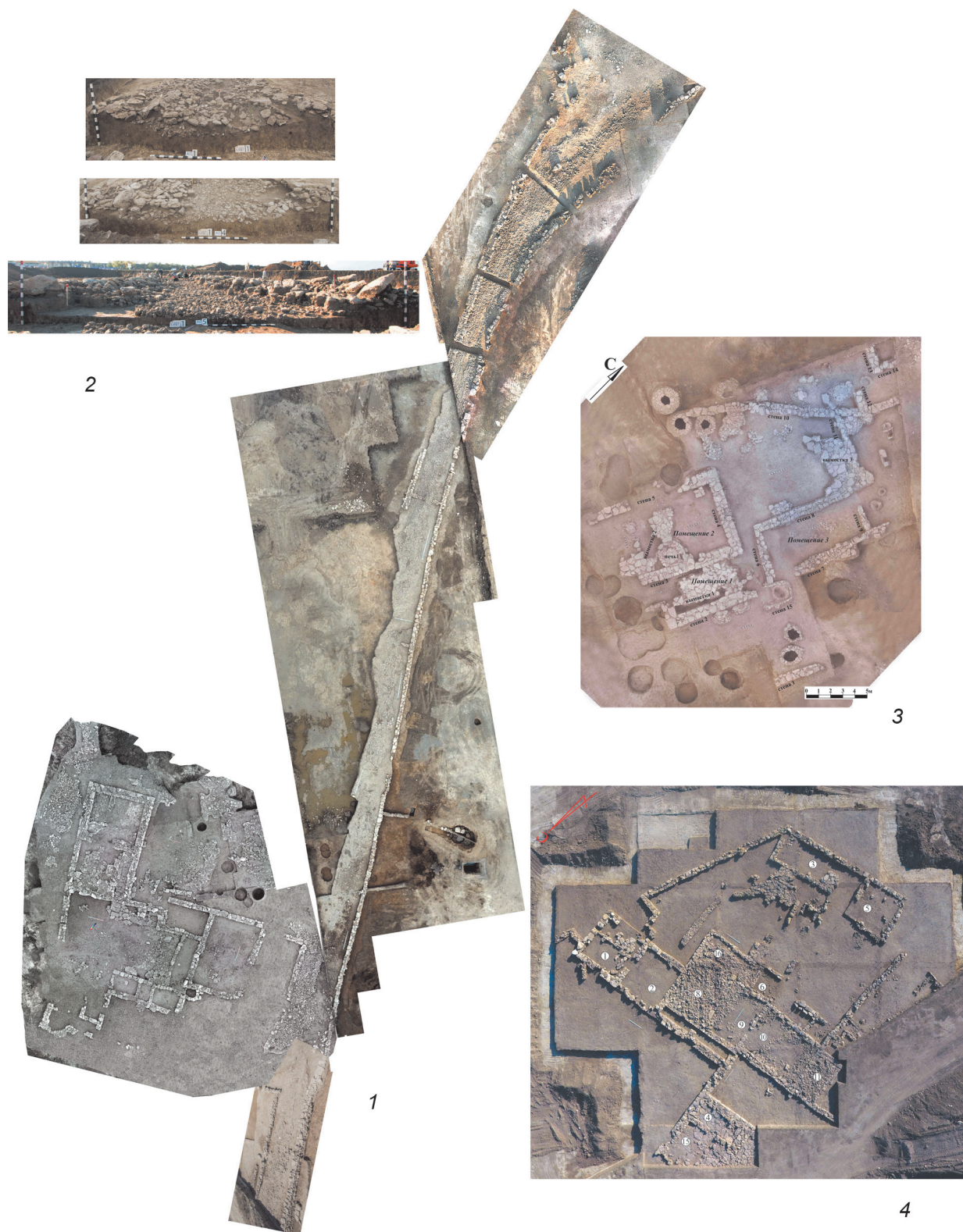
¹⁰³ Алексеева 1980, 48. Н. И. Сударев считает, что «данная территория уже в V в. до н. э. представляет собой сельскохозяйственную территорию по многим показателям более “греческую”, более эллинского облика, чем сельскохозяйственная хора Тамани» (Сударев 2014, 96).

¹⁰⁴ Алексеева 1997, 45, табл. 12, 13.

¹⁰⁵ См.: Иванов 2020; Паль и др. 2020; Соколов 2024, 392, рис. 1; 409. В другом районе, к югу от Горгиппии на ее хоре были исследованы остатки «Усадьбы “Виноградник”» конца 4 – начала 2 в. до н. э. К сожалению, об общем планировочном ее решении судить сложно из-за плохой сохранности строительных остатков. Характер вещевого комплекса здесь «характерен для поселений (усадеб?) ближней сельскохозяйственной округи боспорских городов эллинистического времени» (Иванов 2016, 254, рис. 2; 256, 258).

¹⁰⁶ Раскопки С. М. Ильищенко в 2019 г.

¹⁰⁷ См.: Паль и др. 2020, 308–312, рис. 3, 4; Соколов 2024, 409.

Рис. 4. Хора Горгиппии, ортофотопланы участка дороги и усадеб поселения «Усадьба (хутор Воскресенский, ЮЗ окраина хутора)»: 1, 2 – каменная дорога и «придорожная усадьба»; разрезы дороги (по: Соколов 2024, 392, рис. 1, 2); 3, 4 – усадьбы (по: Иванов 2020, 178, рис. 2; Паль и др. 2020, 313, рис. 5)

с мнением его исследователей о государственном статусе реализованного здесь строительного проекта. Я думаю, что скорее всего этот проект финансировался центральной боспорской властью, возможно, с привлечением средств полиса, и дорога имела стратегическое значение, связывая между собой разные части Азиатского Боспора, а не просто служила средством связи с усадьбами на хоре Горгииппии.

По совокупности всех данных В.П. Толстикова датирует постройку монументальных оборонительных укреплений Лабриса *не ранее* первой четверти 4 в. до н. э. Глубокий знаток боспорской фортификации отмечает, что с военно-инженерной точки зрения конструктивно-планировочные особенности оборонительных сооружений первого периода, рассчитанных на гарнизон профессионально обученных воинов (наемников), указывают на то, что военные архитекторы, возводившие стены, были знакомы с новейшими тенденциями в эллинской фортификации 4 в. до н. э. (рис. 5)¹⁰⁸ Здесь уже не может быть никаких сомнений в том, что создание на севере Синдики мощного оборонительного узла проводилось в рамках стратегической программы правителей Боспора по защите азиатской части их державы. По мнению В.П. Толстикова, укрепления первого периода были окончательно разрушены в начале 3 в. до н. э., но спустя короткий промежуток времени на их месте крепостные стены были отстроены вновь.¹⁰⁹

В. А. Горончаровский разрушение стен первого периода¹¹⁰ датирует не позднее 60-х годов 4 в. до н. э. Их остатки послужили фундаментом для новой линии обороны «после вхождения Лабриса и синдских земель в состав Боспорского царства». Эти новые стены «пострадали» в конце того же столетия и были реконструированы (в северной части города, тогда как в южной над развалинами оборонительных стен возникает теменос) в середине 3 в. до н. э. и с перестройками доживают до конца 1 в. до н. э.¹¹¹ С заключительным периодом жизни оборонительных стен исследователь связывает и укрепленное здание в северо-восточной части городища (раскоп А), датированное им в пределах 2–1 вв. до н. э. (рис. 5; 7. 1).¹¹² Подробный анализ стратиграфии и хронологии (в том числе, монет на полах в пом. С и Е) показал, что это здание доживает до боспоро-римской войны 44/45–49 гг. н. э. (Тас. Апп. XII. 15–21).¹¹³ Что же касается времени его постройки, то, – при отсутствии внятного археологического обоснования, и исходя исключительно из планировки здания, – думаю, что не сильно ошибусь, если синхронизирую это событие с датой строительства «Дома Хрисалиска» на Фонталовском п-ове (конец 2 в. до н. э.)¹¹⁴, о котором речь впереди.

Другие памятники боспорской фортификации, синхронные ранним оборонительным сооружениям Лабриса, нам не известны. Нередко встречается утверждение, будто Краснобатареиное городище, расположенное в 24 км к востоку от Лабриса, уже во времена Спартокидов служило передовым пунктом обороны восточной границы Азиатского Боспора.¹¹⁵ Не вызывает сомнений, что поселение на этом месте в 4 в. до н. э. (или даже раньше) уже существовало. Но вот вопросы о характере и хронологии его фортификационных сооружений по-прежнему остаются, мягко говоря, дискуссионными. На мой взгляд, видимая на поверхности система обороны городища формируется не ранее времени Асандра – Аспурга.¹¹⁶

Говоря о «форпостах» Азиатского Боспора, нельзя не упомянуть укрепления Раевского городища, расположенного в долине р. Маскаги недалеко от предполагаемой юго-восточной границы, контролировавшего подступы к хору Горгииппии и самому городу. Хотя немногочисленные на городище находки позволяют

¹⁰⁸ См. Толстикова, Нефедкина 2010, 615–618. К аналогичным заключениям приходит В. М. Иванов (2005, 11–12), он датирует возведение стен первого периода в интервале второй половины 5–4 в. до н. э.

¹⁰⁹ Толстикова, Нефедкина 2010, 618.

¹¹⁰ По его мнению, первоначальное поселение площадью ок. 6 га, имевшее овальную в плане форму, было обнесено фундаментальными оборонительными стенами ок. 480 г. до н. э. (Горончаровский 2009, 153; Горончаровский, Иванчик 2010, 228). Предложенная датировка строительства оборонительных стен первого периода следует хронологической схеме Н. В. Анфимова (1953, 102–105, 110).

¹¹¹ Н. В. Анфимов (1953, 106–107) специально указывает, что в верхнем слое на раскопах по линии северных оборонительных стен находки позднее 3 – первой половины 2 в. до н. э. не представлены, более поздний слой был прослежен исключительно на раскопе А (см. ниже).

¹¹² Горончаровский 2009, 158, 159, 164. Исследователь примерно на столетие «повысил» начальную датировку укрепленного здания на раскопе А, предложенную Н. В. Анфимовым – вторая половина 3 в. до н. э. (Анфимов 1941, 258–266, рис. 1–3; 1953, 107).

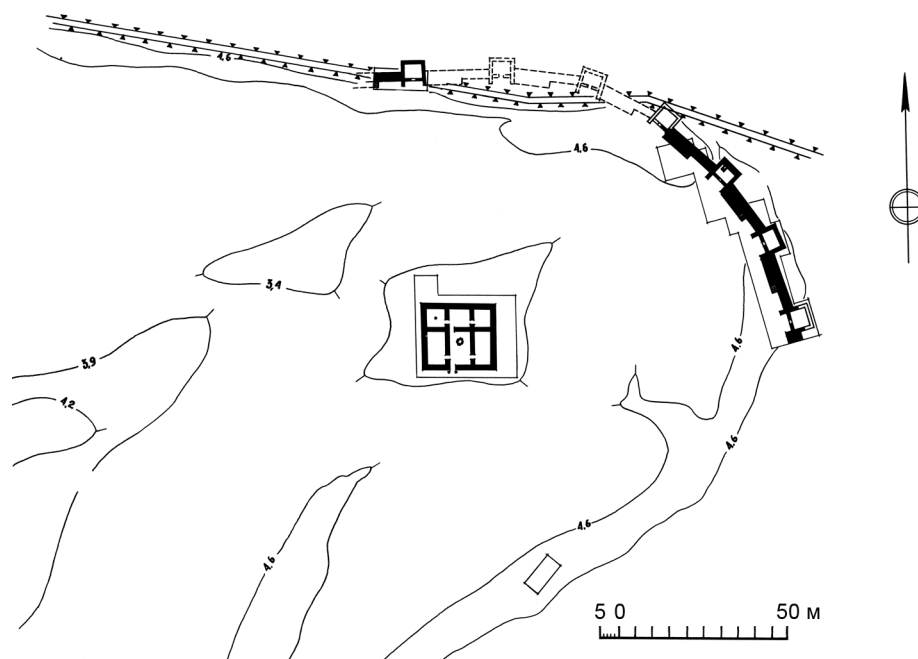
¹¹³ Шаров, Самарина 2009, 426–430.

¹¹⁴ Сокольский 1976, 89–90, 116. Исследователь отмечает близость планировки дома Хрисалиска и здания на Семибратнем городище. Близки и размеры этих построек: здание на Семибратнем – 22,5×19,5 м, при ширине внешних стен 1,7 м (Анфимов 1941, 259; рис. 7. 1); «Дом Хрисалиска»: 21×18 м, при ширине внешних стен 1,65 м (Сокольский 1975, 21–22; рис. 7. 2). Ср. с размерами более крупной постройки – ранней «Цитадели» на городище Артезиан (вторая половина – конец 1 в. до н. э. – 45/46 г. н. э.): 28,53×26,92 м, площадь по периметру стен достигала ок. 773 м² внутри – в пределах 482 м² (Винокуров 2014, 104–105; рис. 7. 3).

¹¹⁵ Например, см. Иванов 2011, 279–280.

¹¹⁶ См. Завойкин 2014, 153–158.

Рис. 5. Участок северной оборонительной стены Лабриса и «укрепленного здания» (по: Толстикова, Нефёдкин 2010, 617, рис. 14)

говорить о заселении этого пункта с конца 4 в. до н. э., а строительство монументального «жилого комплекса дворцового типа» здесь отнесено исследователями к началу или даже ко второй половине 3 в. до н. э., оборонительная стена, перекрывшая перистильный двор этой постройки датируется концом 2–1 в. до н. э.¹¹⁷ Таким образом, фортификация городища, насколько возможно судить, относится к позднеэллинистическому времени, когда принципиально изменяется военно-стратегическая ситуация в регионе¹¹⁸ и, очевидно, формируются новые принципы обороны территории государства. Это происходит в период правления Митридата Евпатора, а наиболее полно реализуется уже при Асандре и Аспурге, когда на Боспоре возникает системы небольших укрепленных поселений (домов-башен, укрепленных усадеб, крепостей-батареек), населенных *катойками*, получившими земельные наделы на царской земле и несущими военно-сторожевую службу.

В Синдике такие военные поселенцы, поддержавшие в 8 г. до н. э. законные притязания на боспорский престол сына Асандра и Динамии и сыгравшие решающую роль в устранении римского ставленника Полемона I, стали называться аспургианами (*Strab.* XI. 2, 11; XII. 3, 29).¹¹⁹ А сама эта особая административно-территориальная область Азиатского Боспора, ими населенная, была подчинена должностному лицу, которое именовалось *ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν* (КБН 36, 1246=1248).

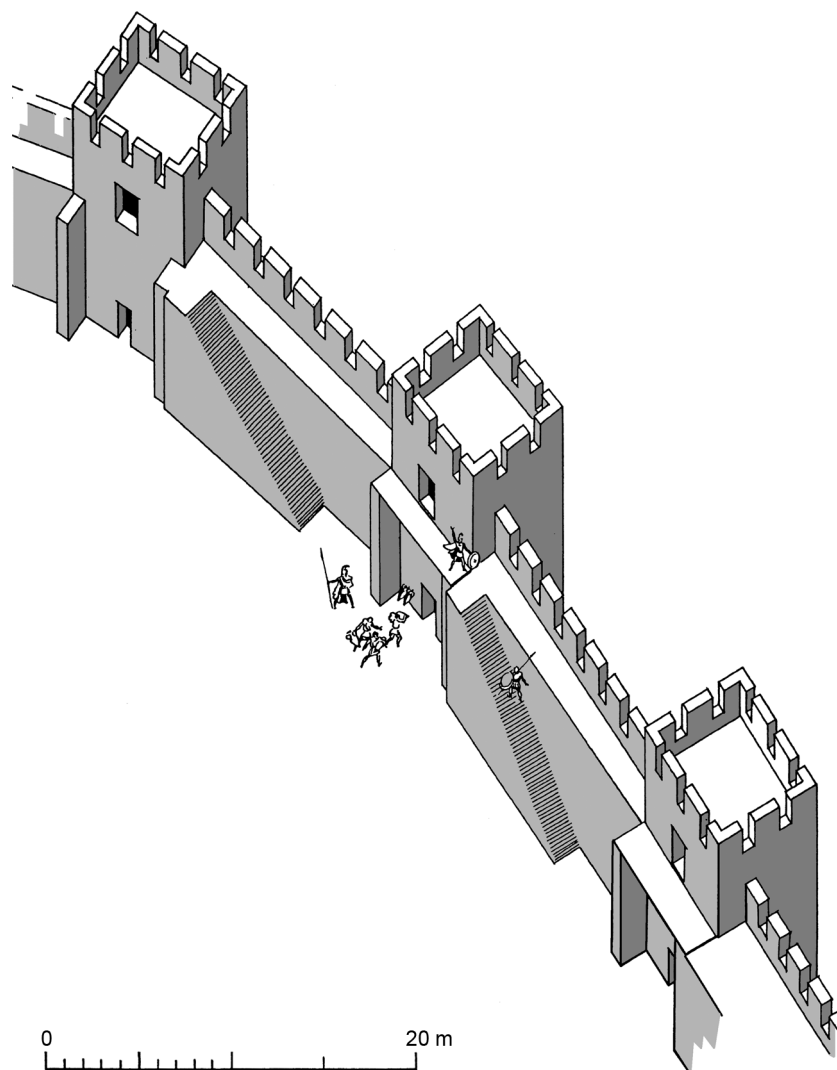
Итак, аспургиане заняли территорию, которую ранее занимали синды. Закономерен вопрос: а что же стало с этим народом, куда делся он? Помимо его упоминания в титулатуре ранних Спартокидов мы, как отмечено раньше, располагаем единственным надежным свидетельством о синдах – данными об их погребальных памятниках. Е. М. Алексеева отметила, что так называемые «каменные некрополи» первых веков нашей эры «в окрестностях Анапы пока не выявлены». ¹²⁰ Но дело в том, что у нас практически отсутствуют какие-либо и данные о погребениях местного населения III–I вв. до н. э. Не решусь строить какие-либо выводы из этого обстоятельства, требующего дополнительного специального

¹¹⁷ См.: Онайко 1967, 164–168; Малышев 2010, 587–589; Малышев, Батченко 2020, 75 («По-видимому, потребность в фортификационных сооружениях была вызвана изменениями в этнополитической ситуации на юго-восточных границах Синдики...»). На рубеже новой эры эти оборонительные сооружения были разрушены, а в 1–2 вв. н. э. восстановлены (Малышев, Батченко 2020, 75, 77).

¹¹⁸ Любопытно, что на рубеже 3/2–1 в. до н. э. в некрополе Раевского городища, мы обнаруживаем погребения, позволяющие говорить о проникновении меотов в пограничную зону восточной части Боспора. По мнению А. А. Малышева, профессиональная специализация населения, оставившего этот некрополь, определяется «явно повышенным содержанием (в могилах. – А. З.) предметов вооружения» дальнего и ближнего боя (присутствуют в каждом третьем захоронении). С меотской погребальной традицией, в частности, связывают захоронения с лошастью или чучелом лошади (Малышев 2007а, 138–139; 2007б, 243).

¹¹⁹ Завойкин 2023, 289–295.

¹²⁰ Алексеева 1997, 28.

Рис. 6. Крепостные стены Лабриса первого периода. Реконструкция В. П. Толстикова (по: Толстикова, Нефёдкин 2010, 618, рис. 15)

исследования, и ограничусь констатацией того, что по археологическим данным о судьбе синдов мы пока ничего определенного сказать не можем.¹²¹

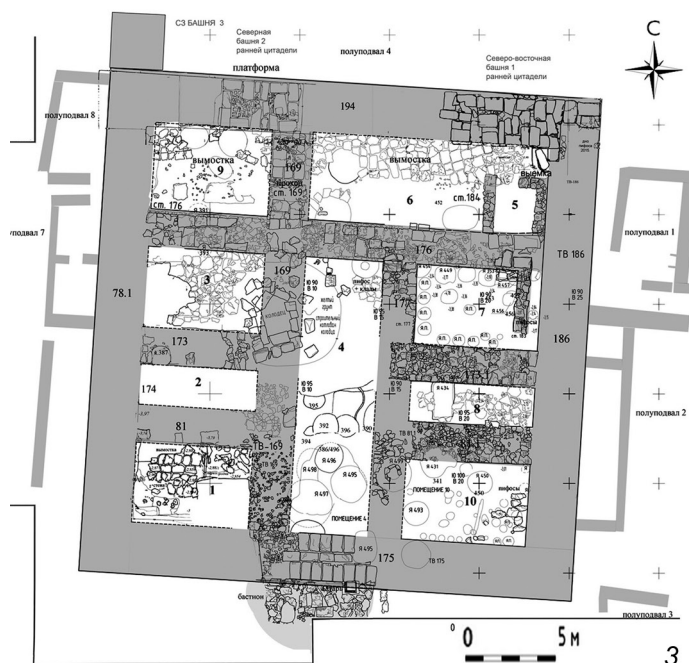
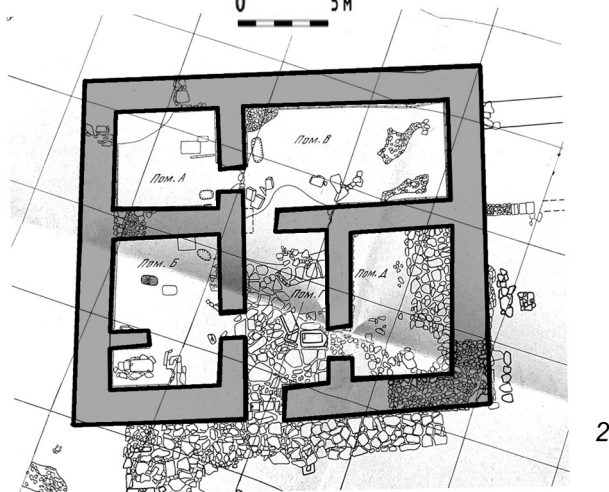
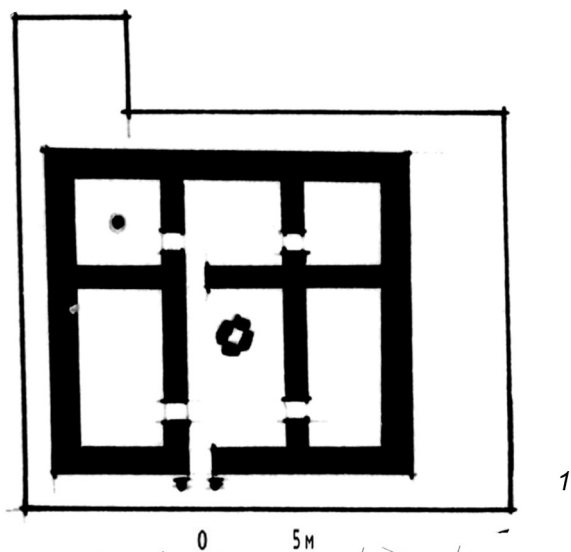
Вернемся из Синдики на Остров, чтобы посмотреть, какова была судьба полисов в этой части Азиатского Боспора после того, как они оказались под властью Спартокидов. К самому началу интересующего нас периода на берегах Корокондамитиды (Таманского залива) располагалось четыре-пять полисов (Патрей, Кепы, Фанагория, Гермонасса и Корокондама), а у северной оконечности Киммерийского Боспора (Керченского пролива) – еще один или два (Киммерида и Ахиллий?). Очевидно, что статус этих полисов в составе Боспорского государства не был одинаков, и это связано как с их различиями между собой по размерам и демографическому ресурсу, так и с конкретными обстоятельствами их вхождения в державу Спартокидов.

Начнем с Фанагории, которая при Спартокидах укрепила свое положение в качестве главного города (*μητρόπολις* – *Strab.* XI. 2, 10) на Азиатском Боспоре.¹²² Поскольку мы не располагаем свидетельствами древних авторов по истории города вплоть до восстания фанагорийцев против власти Митридата VI Евпатора в 63 г. до н. э. (*App. Mithr.* 108), на основе анализа эпиграфических

¹²¹ Стоит акцентировать внимание на том «факте умолчания», что в пышной титулатуре «великого царя Аспурга» (*КБН* 39, 40) в числе подчиненных ему территорий и варварских народов аспургиане не отмечены, а вот синды в ней названы.

¹²² Так как положению Фанагории при Спартокидах посвящена отдельная статья (Завойкин 2021а), в которой можно найти ссылки на необходимую литературу, ради экономии места здесь ограничусь тезисным изложением материала.

Рис. 7. Планы «укрепленных зданий» Семибратнего городища (1), «Резиденции Хрисалиска (2) и ранней цитадели поселения Артезиан (по: 1 – Толстиков, Нефедкин 2010, 617, рис. 14; 2 – Сокольский 1976, вкладка; 3 – Винокуров 2014, 103, рис. 1)

документов, нумизматики и материалов, полученных раскопками памятника, можно лишь наметить наиболее важные исторические вехи и составить общее представление о статусе Фанагории.

Столичный статус Фанагории в «азиатских» владениях Спартокидов подразумевает прежде всего то, что именно этот город в составе их державы стал главным административным центром данного региона, что именно в нем располагались представительства (гражданские и военные¹²³) центральной государственной власти и назначенные правителями их доверенные лица, следившие за соблюдением установленного порядка (в том числе – лояльности граждан полисов), сбором налогов (в том числе таможенных сборов¹²⁴), поддержанием военной безопасности на границах государства¹²⁵ и т. д. Аналогичный порядок вещей сохранялся (конечно, с определенными изменениями, может быть, даже значительными) и позднее, вплоть до первых веков н. э., когда глава местной администрации назывался «наместником Острова» (ὁ ἐπὶ τῆς νήσου – КБН 40, 697, 982, 1000) или «нессархом» (νησαρχῆς – Кузнецов 2007, надпись № 1, стк. 8).¹²⁶ В Фанагории, которая располагалась на Острове и была административным центром «островного наместничества», засвидетельствовано и присутствие «наместника царской резиденции» (ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας – КБН 1051; Завойкина 2018).¹²⁷ Если о царской резиденции (или резиденции царского наместника) в эпоху Спартокидов можно говорить только предположительно, то для времени царствования Митридата VI – это факт, подтвержденный открытием реальных остатков этой резиденции на акрополе города.¹²⁸

Вместе с тем, при сохранении на протяжении столетий наиболее высокого статуса на Азиатском Боспоре (во всяком случае на Острове), с изменениями исторических условий изменялось и положение Фанагории, определявшееся, прежде всего, её взаимоотношениями с центральной властью, которые эволюционировали в зависимости от изменений военно-политической обстановки, экономической ситуации и т. д.

Как мы видели ранее, хронология оборонительных сооружений, соотнесенная с другими источниками и с общим историческим контекстом, служит информативным источником, позволяющим выявить существенные моменты в жизни города и региона в целом. Как уже было отмечено, после завоевания Фанагории Сатиром I город лишился крепостных стен. Насколько возможно судить, город обходился без оборонительных сооружений довольно длительное время, в течение которого поверх остатков старых оборонительных построек формируется свалка керамического мусора 4–3 вв. до н. э. Однако в 3 в. до н. э. ситуация изменилась, и над этими мусорными отложениями возводятся новые городские стены. К сожалению, определить более точно дату их постройки нельзя. Поэтому лишь предположительно допустимо соотнести возведение городских стен с общим ухудшением военно-политической обстановки в регионе¹²⁹, вынудившим царей Боспора снять запрет и позволить Фанагории фортификационное строительство. Эти стены служили защитой городу вплоть до середины 1 в. до н. э. Возможно, что реально – единственный раз, когда полис, получивший в 63 г. до н. э. из рук Помпея свободу и автономию за то, что его граждане первыми подняли восстание против власти Митридата Евпатора, подвергся нападению не внешнего врага, а войск царя Боспора, Фарнака. Сообщение Аппиана о том, что осажденные фанагорийцы страдали от голода (App. Mithr. 113, 120), означает, что осада была довольно продолжительной. В ходе ее, надо полагать, осаждавшие предпринимали какие-то усилия для захвата города, чему, конечно,

¹²³ О наличии особого гарнизона в Фанагории при Спартокидах можно говорить только исходя из ретроспективы: во времена Митридата VI наличие царского гарнизона на акрополе подтверждено письменным источником (App. Mithr. 108).

¹²⁴ Страбон называет Фанагорию одним из трех *эмпориев*, через который поступают товары из Прикубанья (Strab. XI. 2, 10). Фанагория – единственный на Таманском п-ове город, в котором найдены проксенические декреты (3) Левкона I – Перисада I. Один такой декрет обнаружен в Горгииппии, через которую также осуществлялись легальные внешнеторговые операции. На Европейском Боспоре такими правами, естественно, обладал столичный Пантикапей (известно более 17-ти декретов) и Феодосия (по: Demosth. XX. 33).

¹²⁵ Ю. Г. Виноградов считает, что упомянутые в надписи 88/7 г. до н. э. солдаты, получившие по решению Совета и Народа фанагорийцев в сложной финансовой ситуации гражданство, были наемниками города, а не царя (Виноградов 1991, 16, 29–31). Не уверен, что комплектация контингента наемных воинов могла входить в компетенцию полиса, а вот содержание наемников на средства полиса по разнарядке царя – вполне реально. И уж если признавать, что в 4–2 вв. до н. э. о роли гражданского ополчения говорить сложно (см. там же, 29), тегаат Пантий, похороненный на некрополе Фанагории (Яйленко 1986), явно служил Левкону I (также как пафлагонец Дросанис, что погиб «сражаясь в стране меотов» – КБН 180), а не Фанагории.

¹²⁶ Кузнецов 2007, 238.

¹²⁷ Завойкина 2018, 114–115.

¹²⁸ См.: Абрамзон, Кузнецов 2010, 61 сл., 80–81; 2011, 64–67.

¹²⁹ Пока в пользу этого допущения можно привести разве что данные о серьезном пожаре в Горгииппии в середине – третьей четверти 3 в. до н. э. (Алексеева 2010, 486; Савостина, Тихонова 2021, 296). В Гермонассе фиксируется гибель во второй половине 3 в. до н. э. общественного (или богатого частного) перистильного здания (Коровина 2002, 62–63), однако масштабы разрушений в этом городе остаются не ясны.

препятствовали оборонительные стены. Судя по материалам раскопок, в результате осады города войском Фарнака в середине 1 в. до н. э. постройки на южной окраине Фанагории оказались в той или иной степени разрушенными. Полис, выдав Фарнаку заложников, лишился не только свободы и независимости, но и оборонительных стен. Цель этой акции в полной мере аналогична замыслу Сатира I, завоевавшего Фанагорию тремя с половиной столетиями ранее, – пресечь сепаратистские устремления граждан полиса.¹³⁰

История монетного дела Фанагории по-своему отражает эволюцию взаимоотношений полиса и центральной власти. После двухвекового перерыва, в конце 3 в. до н. э. в Фанагории возобновилась чеканка монеты, но уже только медной. Монетный двор Фанагории до конца 2 в. до н. э. интенсивно работает в качестве филиала пантикапейского монетного двора, и выпуск мелких номиналов монеты следует оценивать не как свидетельство «сепаратистских устремлений» полиса (так считали и считают некоторые исследователи), а как возложение на население крупнейшего города Азиатского Боспора обременительных обязанностей.¹³¹

Ситуация заметно изменяется после прихода к власти на Боспоре Митридата Евпатора, следствиями «филэллинской» политики первых десятилетий правления которого следует считать признаки некоторой реанимации полисных институтов и некоторых прав. В городе впервые после трехсотлетнего перерыва производится чеканка серебряной монеты с развернутым наименованием гражданской общины – ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ. Я поддерживаю мнение В. А. Анохина, который к первому десятилетию правления Митридата относит чеканку тетроболов (или триоболов) типа «голова Артемиды, вправо, слева лук» на аверсе, «роза, ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ» на реверсе.¹³² Так же следует датировать и анэпиграфные диоболы типа «голова Аполлона в венке/роза».¹³³

В 90–80-е гг. до н. э. чеканится наиболее многочисленное серебро Фанагории – дидрахмы типа «голова Диониса в плющевом венке вправо/плющевой венке, с внутренней стороны – гроздь винограда, наименование гражданской общины, с внешней сверху – монограмма (общая для монеты Пантикапея, Фанагории, Горгиппии). Чеканка этого серебра производилась на монетном дворе Пантикапея и ее нельзя считать полноценной автономной монетой.¹³⁴ Позднее чеканились драхмы и гемидрахмы типа «голова Диониса тирс».¹³⁵ Наряду с серебром чеканилась медная монета (тетрахалки типа «Артемиды/лань», чуть позднее – оболы типа «Мен/Дионис с пантерой» и тетрахалки типа «Дионис/тирс поверх треножника»¹³⁶).

Временем правления Асандра (49/48–21/20 гг. до н. э.) датируют медную монету Фанагории типов «голова Аполлона вправо/лук, стрела» и «голова Аполлона вправо/нос корабля».¹³⁷

После переименования города в Агриппию в конце 1 в. до н. э. – начале 1 в. н. э. чеканилась медная монета «голова Афродиты Урании/прора, над ней АГРΠΠΕΩΝ».¹³⁸ После этого ни Фанагория, ни Пантикапей уже монеты не чеканят, в дальнейшем вся чеканка (золота и меди) производится исключительно царями Боспора.

О других полисах мало что можно сказать. В первую очередь из-за того, что их городища исследовались раскопками в объеме явно недостаточном для каких-либо обобщающих выводов по их истории (Гермонасса, Кепы, Патрей), либо же вовсе недоступны для изучения – не сохранились или не найдены (Корокондама, Киммериды, Ахиллий). Монеты эти центры не чеканили, их оборонительные

¹³⁰ См. Завойкин 2022б, 110–115.

¹³¹ Анохин 1986, 56.

¹³² Там же, 72.

¹³³ Другие исследователи относят эти монеты к последнему десятилетию правления Спартокидов, ок. 120–110 гг. до н. э. (Шелов 1956, 176–177, 221, табл. IX, 114; Абрамзон, Кузнецов 2017, 276–278).

¹³⁴ Голенко 1960, 36; 1965, 143–145, 153.

¹³⁵ Анохин 1986, № 194 и № 205, 205а, 206: ок. 109–100 гг. до н. э. и 90–80 гг. до н. э.

¹³⁶ Там же, № 207–208а: ок. 90–80 гг. до н. э.

¹³⁷ Анохин 1986, № 249, 252: ок. 47–37 и 27–21 гг. до н. э.

¹³⁸ Н. А. Фролова (1997, 41, табл. III, 8–25, IV, 1–23) датирует эту монету 17/6 г. до н. э. – 13 г. н. э. В. А. Анохин (1986, 151, № 323–323г) относит чеканку ко времени так называемого «второго правления Аспурга», 14/5–37/8 гг. н. э.

сооружения не были выявлены, эпиграфические памятники – представлены весьма неравномерно. Их количественные и содержательные характеристики дают возможность составить только самое приблизительное представление об относительном соотношении значимости этих полисов между ними.¹³⁹ Из древней литературной традиции до наших дней дошло (не считая упоминаний в периплах/перизегесах) лишь три кратких свидетельства, имеющие отношение к двум городам из этого перечня (Кепы, Киммериды) и к тому периоду истории, который нас сейчас интересует.

Первое – это свидетельство Эсхина, согласно которому афинянин Гилон, якобы сдавший «врагам» (т.е. тиранам Боспора) Нимфей, после того как подвергся за это на родине судебному преследованию, бежал (между 410/405–400 гг. до н. э.) на Боспор и «получил там в дар (λαμβάνει δωρεάν) от тиранов так называемые Сады» (Aesch. III. 171–172). В схолии Зосима Аскалонского (Schol. ad Dem. VIII. 23 Din) уточняется: Кепы Гилон получил «на пропитание» (καρποῦσθα λαβών). По обоснованному мнению Н. И. Сокольского и Г. А. Кошеленко, Сатир I назначил Гилона своего рода «наместником» этого города, – который уже находился под полной властью пантикапейского тирана, – получившим право сбора податей.¹⁴⁰ Еще одно упоминание Кеп находим в рассказе Диодора о междоусобной войне сыновей Перисада I. После похорон старшего брата, царя Сатира II, средний брат, Притан, из Пантикапея прибыл в Гаргазу¹⁴¹, где принял командование над войском и <царскую> власть (τὴν δυναστείαν), затем вернулся

¹³⁹ Довольно много надписей разнообразного характера в Гермонассе (правда, не факт, что все они относятся к ней, а не привезены из других мест – см.: Тункина 2002, 559 сл.; Финогонова, Тохтасьев 2003, 83). Здесь представлены посвятельные (КБН 1037–1045), почетные (1046–1051), строительные надписи (1052, 1053), надписи фиасов (1054, 1055), обширный список имен граждан 4 в. до н. э. (1056), надгробные (1057–1095, из них надписи 1071, 1072, 1073 на антропоморфных стелах 3 в. до н. э., как и опубликованная Н. В. Молевой – Молева 2010, 149–154, рис. 2–4) и прочие (1096–1101). Не имея возможности дать развернутую характеристику эпиграфическим памятникам этого полиса, вынужден ограничиться указанием самого общего характера: эти лапидарные документы свидетельствуют о полноценной жизни города, интенсивность которой не уступает Фанагории. Отличия между ними сводится разве что к отсутствию засвидетельствованных в Гермонассе декретов Спартокидов, а в римское время – документов, принятых от имени демоса Ἡρμόνασσειτῶν и Совета (ἡ βουλὴ фигурирует на обломке надписи неясного содержания – КБН 1110), и манумиссий. Обращает на себя внимание обилие посвящений богам (Аполлону, Аполлону Врачу, Аполлону Дельфинию, Афродите (+ Тохтасьев, Финогонова 2003, 86–87), Афродите Апатуриде, Артемиде Эфесской) времени правления Левкона I – Перисада IV, одно – Савромата I,

датированное 105 г. н. э. Также примечательно заметное количество почетных надписей, вырезанных на постаментах, адресованных римским императорам (Августу от имени Динамии – КБН 1046; Веспасиану – 1047), боспорским царям (Савроматам I и II – КБН 1048, 1049), крупному сановнику Боспорского царства (бывшему «наместнику» царской резиденции – КБН 1051; Н. В. Завойкина эту надпись, как и посвятельную надпись 1045 относит к лапидарии Фанагории – Завойкина 2022, 108, прим. 3).

Лапидарий Патрея не богат, главным образом в нем представлены надгробия. Одно из них, видимо, 4 в. до н. э., два – 1–2 вв. н. э., одна надпись 2 в. н. э., одна, чисто гипотетически – строительная (КБН 1017–1020). Однако остаются определенные сомнения в том, что надписи КБН 1017–1019 имеют отношение к Патрею (см. Иванчик, Петерс 1988, 119). Кроме того, на городище найдены еще две предположительно строительные надписи: времени Рескупорида I (68–91/92 гг. н. э.) (см. Иванчик, Петерс 1988, 119) и закладной камень (?) 221 г. н. э., а также почетная (?) надпись 2 – начала 3 в. н. э. (Смирнова 2002, 228–229, № 4, 5; ср. Шелов-Коведяев 2024, 483, № 80).

Еще скуднее коллекция эпиграфических памятников, происходящих из Кеп. В КБН отмечено надгробие 1 в. н. э. и маленький фрагмент надписи неясного содержания не ранее второй половины 4 или скорее 3 в. до н. э.

(КБН 1012, 1013). Помимо них в 200 м от эллинистического святилища Афродиты найден фрагмент постамента с посвятельной эпиграммой времени Перисада II сына Спартока III (Сокольский 1964, 116–117, рис. 11; Белова 1970, 65 сл.); а на некрополе на склоне г. Цымбалы случайно найдено надгробие второй половины 3 в. до н. э. (Кузьмин 2020).

Из некрополя Корокондамы (м. Тузла) происходит девять надгробных стел с надписями, опубликованных в КБН (1102–1110), из них три относятся к 5 в. до н. э., остальные – к первым векам н. э. Перечень надгробных надписей расширился в результате раскопок А. В. Кондрашова. Одна из них, из погребения 60/2007, относится к 5 в. до н. э. (Кондрашов 2010, 119–120, рис. 3). 4 в. до н. э. датируется стела из погребения 12/1996 (с именами погребенных отца и сына). Три надписи вырезаны на антропоморфных стелах (особенно характерная форма надгробий для некрополей Тузлы и Гермонассы 4–2 вв. до н. э.). Самая ранняя из них – эпитафия Атемидора, сына Аристарха, не позже 4 в. до н. э. (из погребения 50/2005). Две другие датированы второй половиной 3 – началом 2 в. до н. э.: первая найдена в погребении 12/1996, вторая происходит из погребения 5/1995. (Tssetskhadze, Kondrashov 2001, 348–354, fig. 2, 7; Молева 2002, 45, 47, 61). По количеству надписей 5 в. до н. э. Корокондама занимает первое место на Азиатском Боспоре, превосходя по этому показателю даже самые значительные города, Гермонассу и Фанагорию. Для сравнения: из Гермонассы происходит одно надгробие, датированное 5–4 вв. до н. э. (КБН 1059), и девять 4 в. до н. э. (1060–1068); из Фанагории – единственное надгробие первой половины 5 в. до н. э. (КБН 993) и одно надгробие иностранца-тегеата времени Левкона I (Яйленко 1986). Надписей Ахиллия и Киммериды нет, как нет в поле нашего зрения и самих остатков этих городов. Надгробия 1–2 вв. н. э., представленные в «Корпусе боспорских надписей» под заголовком «Ахиллий», конечно же, к нему отношения не имеют (см. Завойкин, Завойкина 2017).

¹⁴⁰ Сокольский 1963, 102; Кошеленко, Усачёва 1992, 51–56.

¹⁴¹ Не локализована. Попытка И. Е. Сурикова соотносить этот пункт с поселением Голубицкая 2, расположенного на мысу одноименного острова, в устье Ахтанизовского лимана, изливающегося в Меотиду, или же с поселением Ахтанизовская 4 на противоположной стороне пересыпского гирла (Суриков 2016, 92–95) не кажется мне убедительной.

в столицу, чтобы «упрочить свою власть», а после этого с войском выступил против мятежного младшего брата, Евмела, но потерпел поражение, капитулировал и отрекся от власти. Снова вернувшись в Пантикапей, он пытается восстановить утраченную власть, но и здесь потерпел неудачу и бежал почему-то именно в Кепы, где и был умерщвлен (*Diod.* XX. 24). К сожалению, поскольку мотивация среднего сына Перисада здесь не ясна, данная информация ничего не дает для понимания статуса этого города.

Несомненный для нас интерес представляет лаконичное сообщение Пс.-Скимна (996–998). В нем говорится, что на азиатском побережье «у самого выходы из устья» Киммерийского Боспора располагается *Κίμμερις πόλις*, основанный боспорскими тиранами. Как мы уже отмечали (см. прим. 24), Киммерида была основана в ходе Великой греческой колонизации, а после экспедиции в Понт Перикла (ок. 437/6 г. до н. э.), видимо, как и другие полисы региона, вошла в состав Афинского морского союза. Исходя из этого, указание Пс.-Скимна о *κτισме* данного города нужно понимать так, что после подчинения Киммериды власти Спартокидов она была реколонизована, т. е. основана заново, подобно тому, как это случилось немного позднее с Синдской Гаванью, получившей новое имя – Горгиппия. К глубокому сожалению, в отличие от последней, мы лишены возможности изучать Киммериду археологически¹⁴², поэтому добавить что-то в подтверждение такого прочтения письменного источника возможности нет. Однако стоит отметить тот факт, что этот город располагался где-то поблизости от северной переправы через Киммерийский Боспор и в силу это занимал стратегически важное положение. Не исключено, что данный фактор мог сыграть решающую роль в определении статуса Киммериды в составе Боспорского государства.

Поскольку лишь один полис, находившийся на Фонталовском п-ове, Патрей, доступен для археологического изучения, имеет смысл кратко охарактеризовать то, что стало нам известно о нем в результате раскопок.¹⁴³ Город располагался на северном берегу Таманского залива, и значительная его часть оказалась уничтожена в результате подъема уровня моря.¹⁴⁴ Городище Патрея разделено балкой-водотоком, берущей начало на г. Горелой и следующей с севера на юг к заливу, на две части. Город 6 – начала 3 в. до н. э. располагался в западной части (Западнопатрейское городище). Где-то в начале 3 в. до н. э. эта территория по какой-то причине была оставлена, и поселение перенесено к востоку от балки (Патрей Восточный) – здесь открыты остатки поселения эллинистического времени, которое доживает до 60-х годов 1 в. до н. э.¹⁴⁵ Спустя несколько десятилетий, в конце 1 в. до н. э. – начале 1 в. н. э. на этом месте была построена крепость-батарея – одна из целого ряда подобных, образующих систему обороны на Фонталовском п-ове. Поскольку Страбону, называющему Патрей *ἡ κώμη* (XI. 2, 8), ничего об этих крепостях известно не было¹⁴⁶, очевидно, что данный статус поселения имеет отношение к поселению, условно названному Патрей Восточный, хотя сам Страбон его уже не застал.¹⁴⁷

Здесь мы наблюдаем полную аналогию ситуации, которую фиксируют письменные источники для Киммериды. Этот *полис* (как и Патрей), основанный в ходе колонизации и бывший членом Афинской архэ («прежде... был городом (*πόλις*) на полуострове расположенном и перекрывал перешеек рвом и валом»), в какой-то момент становится *κώμη Κίμμερικῆ* (*Strab.* XI. 2, 4–5).

Когда именно произошла эта метаморфоза – вопрос остается открытым. Предложенная дата переноса Патрея с западной стороны от разделяющей Спартокидов.

¹⁴² См. Завойкин 1999б.

¹⁴³ Поскольку я уже давал характеристику Патрею в поисках параллелей в его судьбе с этапами жизни Киммериды, отсылаю читателя к статье, в которой приведены необходимые ссылки на источники информации (см. Завойкин 1999а, 117–119).

¹⁴⁴ Культурный слой южной части городища размыт до материка, в котором сохранились только заглубленные в него объекты (ямы, фундаменты стен).

¹⁴⁵ Найденный в контексте гибели здания I Патрейский клад датирует это событие интервалом после 70 г. до н. э. – не позднее 55/54 гг. до н. э. (Абрамзон, Фролова 2007–2008, 252–253).

¹⁴⁶ Очевидно, что такой информации не могло быть в источнике, которым пользовался Страбон (Артемидор?). Примечательно, что географ знал, что аспургиане, обитавшие около Синдики, погубили Полемона I (*Strab.* XI. 2, 11; XII. 3, 29), но нигде не отметил самого Аспурга (см. Завойкин 2023).

¹⁴⁷ Разумеется, этот статус не может ассоциироваться с Патреем Западным, который однозначно имел статус полиса, по крайней мере до включения его в состав державы Спартокидов.

городище балки на восточную (начало 3 в. до н. э.) в действительности является *terminus ante quem* для этого события.¹⁴⁸ Поскольку имеются основания считать¹⁴⁹, что речь идет не о физической деградации поселений (поселение городского типа по какой-то причине становится сельским), а об изменении его политико-административного статуса, вовсе не факт, что Патрей не стал *κόμμη* уже в 4 в. до н. э., когда город располагался в Западной части городища.

Подведем промежуточный итог. Ситуация, наблюдаемая в северной части острова (Фонталовский п-ов), заметно отличается от той, что мы видим в южной его части. Складывается ощущение, что полисы, расположенные к северу от так наз. Киммерийского вала, подверглись со стороны Спартокидов более глубокому вторжению в область гражданских прав и свобод или (как Киммериды) вовсе были «переформатированы» (т.е. заново колонизованы тиранами Пантикапея). О конкретном содержании этих процессов говорить не имеет смысла ввиду полного отсутствия источников. Ограничусь лишь констатацией факта, что к рубежу новой эры весь этот район был уже полностью свободен от каких-либо остатков полисной жизни¹⁵⁰, и здесь, на территории, примыкающей к проливу, за которым располагалась столичная область, формируется особый укрепленный район, контролируемый небольшими построенными во времена Аспурга крепостцами-батареями, гарнизоны которых были подчинены боспорским царям (рис. 8). Несомненно, переформатирование территории Фонталовского п-ова началось раньше. Немногочисленные памятники, аналогичные и синхронные «Резиденции Хрисалиска» («здания-крепости» Юбилейный 1, 2, Ахтанисовская 4, ...), позволяют начать отсчет времени с инаугурации на боспорском престоле Митридата Евпатора, т.е. с последнего десятилетия 2 в. до н. э. Однако, по моему мнению, предпосылки для вывода этой территории из области полисного права были заложены еще при Спартокидах.

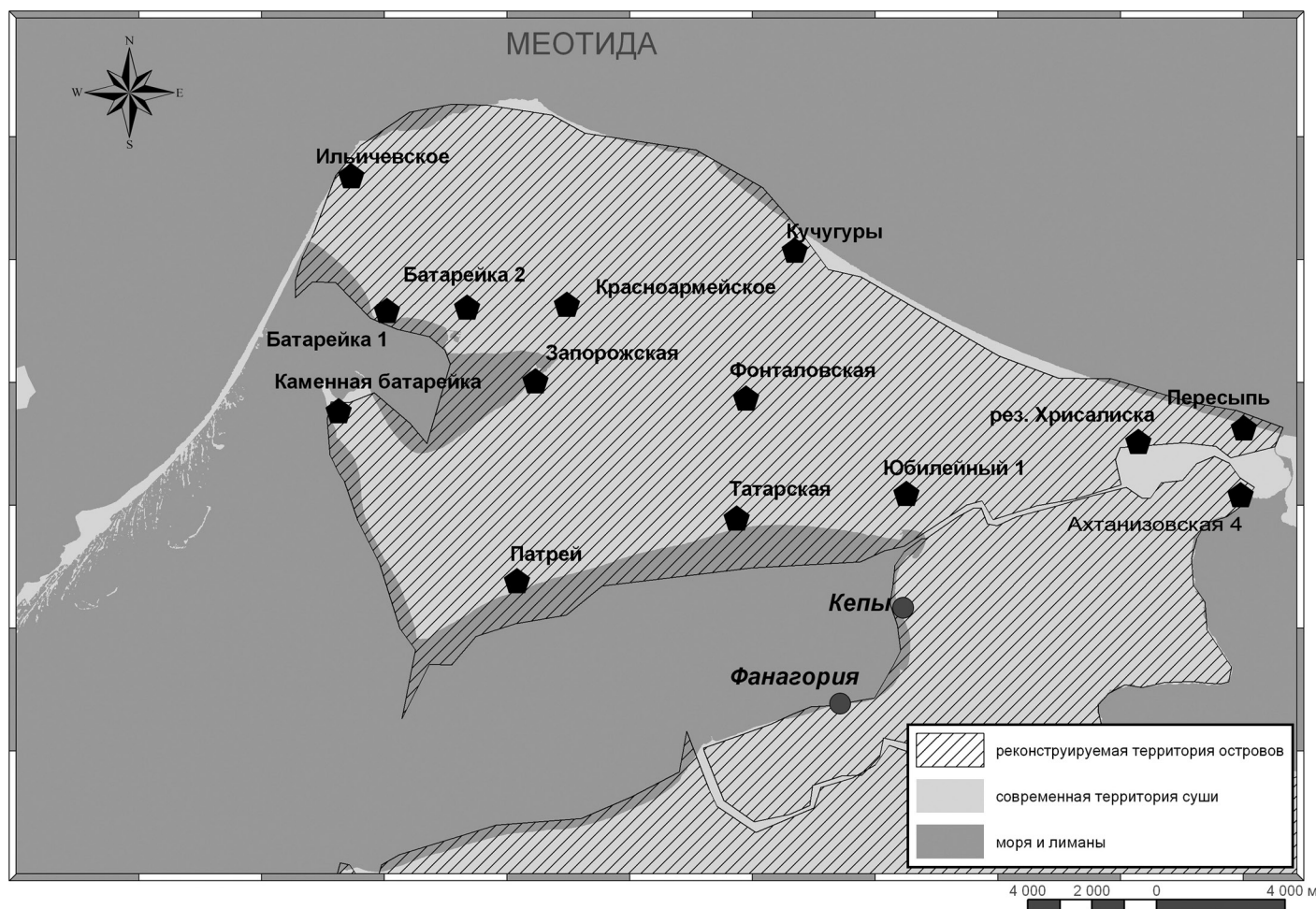
Иной была ситуация в южной части Острова, где располагались полисы, которые (исключая Корокондаму) в той или иной степени сохранились, – хотя бы и с рядом ограничений, – как гражданские общины до конца античной эпохи. Не столь очевидно это утверждение в отношении Кеп ввиду отсутствия даже косвенных источников. Безоговорочно справедливо – в отношении Фанагории/Агриппии, на примере которой мы видели как изменялся её статус в разные исторические периоды, при том что доминирующее («столичное») в регионе положение неизменно сохранялось. Гермонасса была здесь вторым по значимости городом, отличия в положении которой от Фанагории, отраженные в наборе эпиграфических памятников (см. прим. 139), весьма непросто сформулировать, поскольку они определяются исключительно отсутствием надписей определенной категории (декретов Спартокидов, постановлений от имени буле и демоса). Раскопки перекрытого многометровой толщей средневековых культурных отложений древнего города, пожалуй, дают только возможность подтвердить городской характер застройки, обильный и разнообразный вещевой материал говорит о высоком уровне потребления населения Гермонассы и характеризует различные аспекты его бытия.

Основное внимание мы уделили городским центрам полисов. Между тем изучение системы расселения на сельской территории (хоре) полисов имеет значительную ценность для реконструкции исторических процессов и событий, поскольку эксплуатация земельных ресурсов полиса обеспечивала основу его экономики. Изучение сельских поселений Таманского п-ова имеет ярко выраженную специфику. Во многом она определяется двумя взаимосвязанными факторами.

¹⁴⁸ Определена по черепичным клеймам (Πανθήρος | Νεοκλέους – ок. 293–283 гг. до н. э., по: Анохин 1999, № 131) в завале керамид из перекрытия здания на восточном поселении.

¹⁴⁹ См. Завойкин 2022а.

¹⁵⁰ В свое время анализ системы расселения на Таманском п-ове, привел нас к выводу: «К середине 1 в. до н. э. земли к востоку от пролива оказались как бы «расчищены» от поселенческой системы прежних веков» (Гарбузов, Завойкин 2015, 108). Ограниченный объем статьи не позволяет дать развернутую характеристику освоения сельской территории на Фонталовском п-ове, где находится самый крупный массив наиболее плодородных земель (Гарбузов 2009, 123, 124, рис. 1). Уже в конце 6 – первой половине 5 в. до н. э. мы наблюдаем на этой территории большую область концентрации сельских поселений. Очевидно, что в ее формировании принимали участие все полисы Фонталовского п-ова и, вероятно, Кепы. В 4 в. до н. э. эта система достигает своего максимального развития, притом структура ее принципиально не меняется (Гарбузов, Завойкин 2012, 122, рис. 1; 124, рис. 2; 126, рис. 3а). Ввиду трудностей в датировке таких инфраструктурных объектов, как межвые границы, невозможно утверждать, что именно к данному столетию относятся зафиксированная на аэрофотоснимках весьма плотная размежевка этих земель. Однако вероятность этого, на мой взгляд, довольно высока. Ю. В. Горлов и Ю. А. Лопанов (1995, 124, рис. 1; 133, 135) интерпретируют эту систему как мелиоративную, которая сложилась в 4 в. до н. э. и функционировала до 2 в. до н. э. включительно; она была создана по единому плану в рамках государственного проекта. См. также: Гарбузова 2007, 82, рис. 7; 71–72 (в том числе, критикует предположение, что система межевания сложилась одномоментно).

Рис. 8. Схема расположения крепостей-батареек и «укрепленных зданий» Фонталовского п-ова (по: Толстиков, Нефёдкин 2010, 633, рис. 21)

Во-первых, отсутствием здесь камня, пригодного для строительства, в силу чего подавляющее большинство построек, следует предполагать, возводилось из сырцового кирпича. А во-вторых, особенностью почвообразовательных процессов, в результате которых маломощные культурные отложения деструктурируются, вследствие чего сырцовые кладки стен разрушаются и становятся своего рода фантомом.¹⁵¹ По этой причине доступными для исследований поселений остаются лишь те их элементы (объекты), что были заглублены в материк (ямы, подвалы и проч.).¹⁵² И только в редких случаях мы имеем дело с остатками самих построек, когда фундаменты/цоколи их стен были сложены из камня (например, на поселениях Волна 1, Приазовский 4, Юбилейный 1, «Таманский толос» и «Дом Хрисалиска», крепость на поселении Ахтанизовский 4, поселение Красноармейский 1) или же большие, массивные сооружения из сырцового кирпича (таковы мощные внешние стены крепостей-батареек) консервируют «сами себя».

Об этом важно было сказать для уяснения простой мысли: физическое состояние памятников сельской территории на Таманском п-ове в основной своей массе таково, что приходится иметь дело с утратившим стратиграфические характеристики грунтом, содержащим лишь неподверженные тлению артефакты (керамика, камни и др.), взаиморасположение которых в слое практически не несет информации. В результате в подавляющем большинстве случаев мы лишены возможности судить о планировке поселений и о периодизации их исто-

¹⁵¹ См.: Завойкин 2011, 32–33; 2015.

¹⁵² Наилучшим примером может служить таковой, раскопанный под руководством Д. В. Журавлева на большой площади памятник, как Голубицкая 2. Другой наглядный пример дают раскопки Г. А. Ломтадзе на поселении Вышестеблиевская 10.

рии.¹⁵³ Принципиально эта информация не отличается от той, что доступна нам на поверхности памятника.¹⁵⁴ Поэтому сплошные систематические обследования сельской территории на Таманском п-ове, сопровождавшиеся сбором подъемного материала, проведенные Я. М. Паромовым и дополненные другими исследователями (Ю. В. Горлов, Г. П. Гарбузов и др.), могут служить реальным основанием для изучения систем расселения на протяжении исторических периодов.

Как мы видели ранее, практически все плодородные земли были освоены уже в первой половине 5 в. до н. э., и вполне сложились и оформились области высокой концентрации поселений, которые возможно соотносить с хорами отдельных полисов в южной части Острова (Фанагории, Гермонассы, Корокондамы)¹⁵⁵, или же одна большая такая область на Фонталовском п-ове представляет собой конгломерацию сельских территорий нескольких полисов (Кепы, Патрей, Киммериды, Ахиллий).¹⁵⁶ Эта сложившаяся система распределения полисных земель после заметного спада во второй половине 5 в. до н. э. в 4 – начале 3 в. до н. э. получила дальнейшее развитие, достигнув максимума в рамках сложившихся ранее структур (областей).¹⁵⁷ Хотя в 3–2 вв. до н. э. сельские поселения в сравнении с предыдущим столетием переживают не лучшие времена (сокращается их численность), сама структура расселения сохраняется прежней, что отражает сохранение непосредственной её связи с полисной системой землепользования.¹⁵⁸

Ситуации довольно резко изменяется, начиная со времени царствования на Боспоре Митридата VI. Статистический итог его правления – сокращение численности поселений на хоре как минимум в 3,4 раза. Однако позволительно говорить о том, что и в условиях деградации поселенческой системы (систем) исторически сложившиеся еще в доспартокидовскую эпоху «ядра наибольшей плотности» сохраняются. Но в то же время следует отметить одну новую важную черту характеризуемого периода, а именно: появление поселений нового типа – укрепленных усадеб¹⁵⁹, ранее на Азиатском Боспоре не известных. Немногочисленные памятники этого типа локализируются исключительно в районе к западу от Ахтанизовского лимана (в основном – севернее его, в восточной части Фонталовского п-ова, один – на юго-западном берегу лимана).

Еще более заметные перемены в истории сельских территорий Таманского п-ова наступают после того, как завершилось царствование Митридата Евпатора.¹⁶⁰ Подавляющее большинство поселений, возникших или возобновивших жизнедеятельность после середины 1 в. до н. э., располагались на хоре Фанагории и (более всего) на Фонталовском п-ове. Самая яркая примета нового периода (середина 1 в. до н. э. – середина 1 в. н. э.) – появление на Фонталовском п-ове на рубеже новой эры серии крепостей, так называемых батареек (рис. 8). Эти крепости становятся новыми центрами притяжения для сельского населения на Фонталовском п-ове.¹⁶¹

Таким образом, коренной перелом в системе землевладения и землепользования в северной части Таманского п-ова происходит не столько в период правления на Боспоре Митридата Евпатора (при котором мы наблюдаем главным образом деградацию сложившейся ранее системы расселения) и даже не при Асандре (развившем активную строительную деятельность в Восточном Крыму и в районе Анапы/Горгиппии – Новороссийска¹⁶²), а позднее, уже при Аспурге. Именно во времена Аспурга на Фонталовском п-ове происходят изменения, фиксирующие принципиальную и окончательную смену форм собственности на землю – становление здесь царского землевладения (хотя наиболее ранние

¹⁵³ Сходную ситуацию наблюдаем на хоре Ольвии, в особенности архаического и раннего классического времени. В итоге получаем искаженное представление об облике поселений в виде «кустов землянок/полуземлянок» и сопровождающих их хозяйственных ям (см. Крыжицкий и др. 1989, 22–41; ср. Завойкин 2011, 33–34).

¹⁵⁴ Конечно, с оговорками, связанными с характеристиками этой поверхности (задернованность, распахка и др.), влияющими на репрезентативность выборки находок.

¹⁵⁵ Гарбузов, Завойкин 2012, 124, рис. 2.а: области 1, 2, 3 (рис. 9. 1).

¹⁵⁶ Там же, рис. 2.а1: область 5 (рис. 9. 1).

¹⁵⁷ Там же, рис. 2.б (рис. 9. 2).

¹⁵⁸ Гарбузов, Завойкин 2014, 201, 203.

¹⁵⁹ «За Родину» 4/«Резиденция Хрисалиска»; Ахтанизовская 4; «крепость у Ахтанизовского лимана» (Сокольский 1965, 87 сл.); усадьбы у пос. Юбилейный.

¹⁶⁰ В реальности развитие и изменение структуры в этой системе в постмитридовское время, видимо, началось отнюдь не сразу после 63 г. до н. э. Поскольку допустимо предполагать взаимосвязь формирования оборонительной системы Фонталовского п-ова с активным возрождением поселений на этих землях, позволительно сопоставлять эти два феномена хронологически. В пользу такого именно хода событий говорит и тот факт, что жизнь укрепленных зданий («Дом Хрисалиска» и здание на поселении Ахтанизовская 4), начавшаяся в предыдущий период, обрывается в конце 1 в. до н. э. (по-видимому, в связи с карательной экспедицией Полемона I, завершившейся его гибелью от рук аспургиан), а строительство крепостей-батареек начинается после этого события, что однозначно фиксируется стратиграфией поселения «За Родину» 4: на смену «Резиденции Хрисалиска» приходит крепость-батареяка.

¹⁶¹ Гарбузов, Завойкин 2015, 95–110, табл. 1, рис. 2–5.

¹⁶² См.: Масленников 1998, 103–105; Завойкин 2023, 289–292.

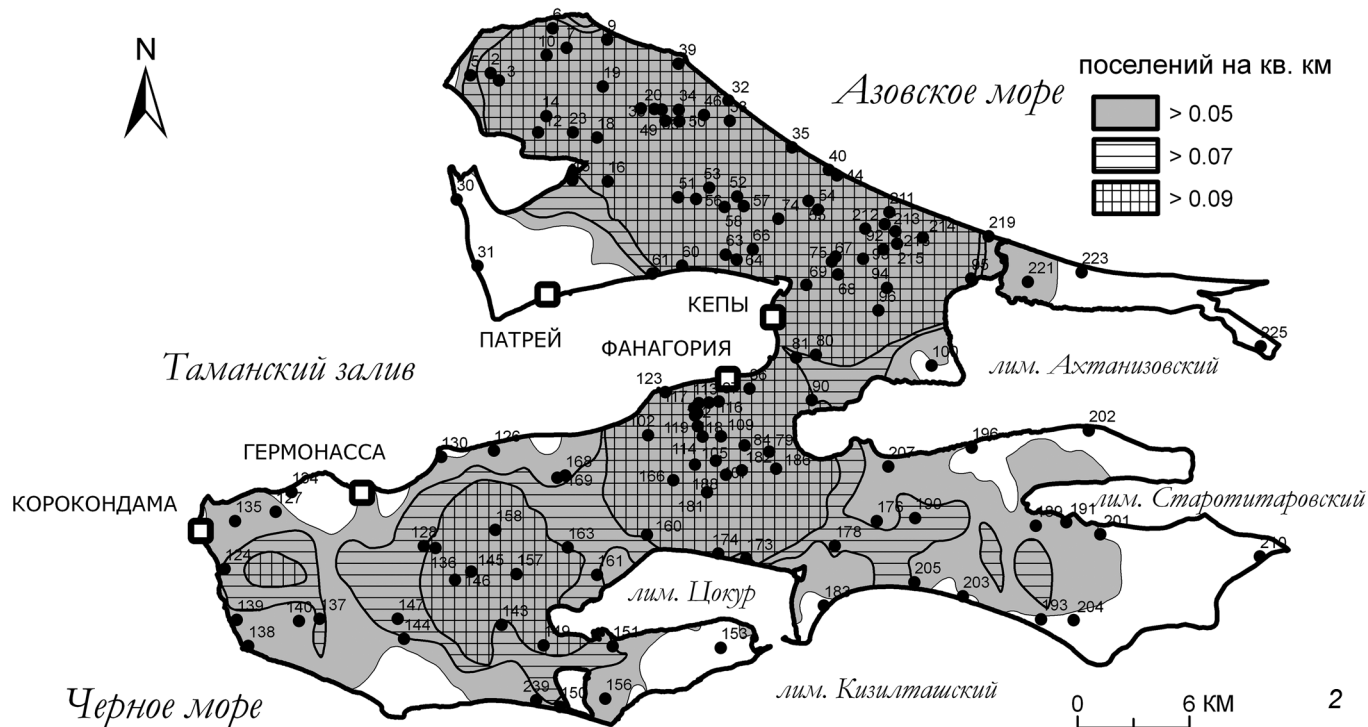
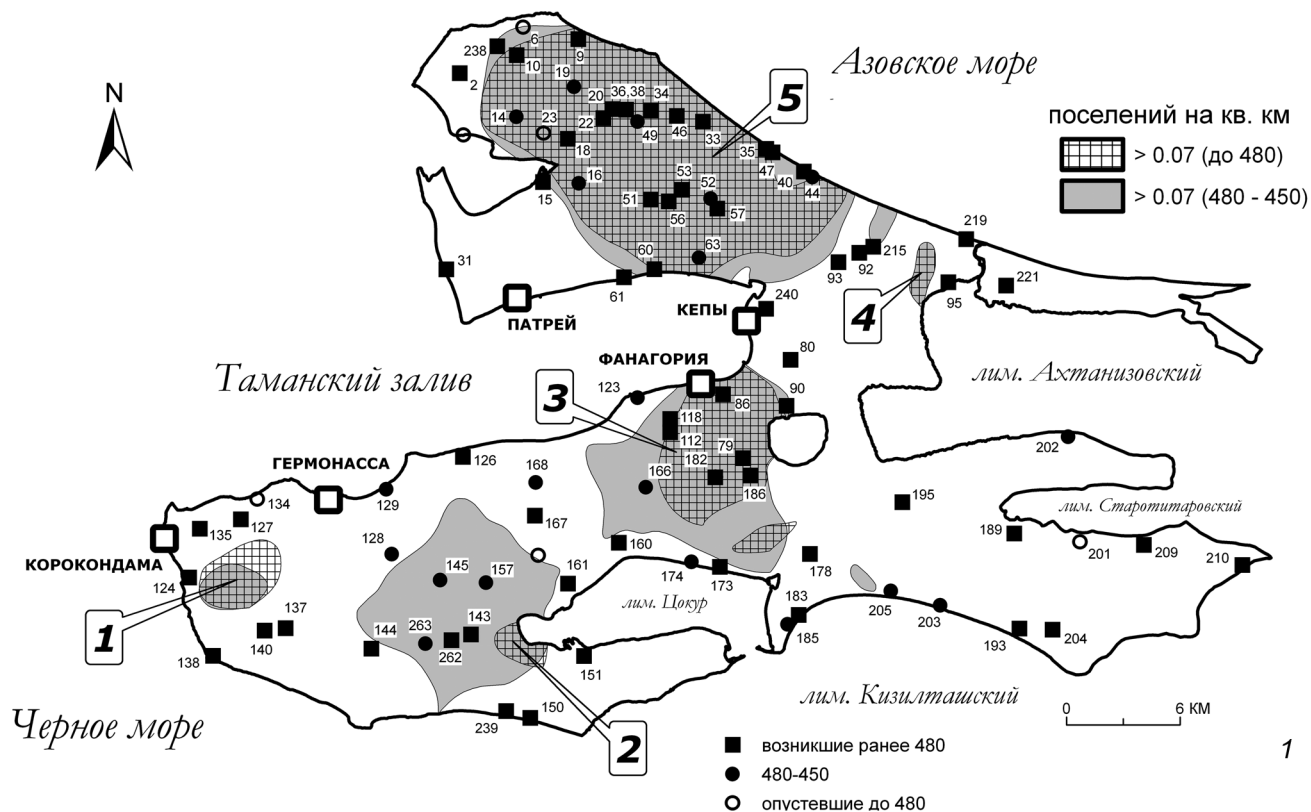

Рис. 9. Области концентрации сельских поселений Таманского п-ова во второй четверти 5 в. до н.э. (1) и в 4 – начале 3 в. до н.э. (2) (по: Завойкин, Гарбузов 2012, 124, рис. 2)

признаки этого процесса относятся еще к периоду правления Митридата Евпатора¹⁶³). В южной же части Таманского п-ова, где располагались земли Фанагории, Гермонассы и Кеп, полисная форма землевладения сохраняется.

Подводя окончательный итог проделанной работы, необходимо еще раз отметить, что структурно территория Азиатского Боспора была разделена на два региона («Остров» и «Синдика»), разделенных рукавами Кубани–Гипаниса. Несмотря на близкое сходство морфологических, климатических и почвенных характеристик обоих регионов, они изначально существенно различались в этнодемографическом отношении. На момент греческой колонизации один из них (Остров) был полностью свободен от автохтонного населения, и здесь в два этапа было основано несколько эллинских колоний: пять на побережьях Корокондамитиды (Корокондама, Гермонасса, Фанагория, Кепы, Патрей), одна – в районе выхода из Киммерийского Боспора в Меотиду (Киммерида и Ахиллий?). Другой (Синдика) – был занят населением, которое греки именовали синдами, в этой области была основана единственная греческая колония – Синдская Гавань. Очевидно, что сама эта «стартовая позиция» должна была существенно влиять на направления и специфику развития полисов там и там. Освоение полисами земель Таманского п-ова лимитировалось только сельскими округами соседних полисов, и уже к середине 5 в. до н. э. хоры полисов здесь вполне сформировались и заняли практически все плодородные земли. В Синдике же ситуация была иной. Её характер определялся особенностями взаимоотношений греков и варваров, которые, вероятно, более были заинтересованы в развитии обменной торговли (в том числе импортируемыми из Средиземноморья товарами), нежели в получении от греков продуктов сельского хозяйства и животноводства. Торговля греков (в том числе и из островных полисов) с варварами Синдикой не ограничивалась, различные продукты импорта поступали и гораздо дальше в Прикубанье. Закономерным результатом роста этого процесса стало создание в начале 5 в. до н. э. эмпория (Лабриса), из которого товары транзитом через земли синдов шли дальше к меотам. Эта греко-варварская торговля стимулировала имущественную и социальную дифференциацию синдского общества, а со временем, к середине 5 в. до н. э., – выделение племенной «знати» и верховных правителей, которых греки называли привычным для себя термином βασιλεύς, тех, что погребены в Больших Семибратних курганах, близко соседствующих с Лабрисом.

В конце 5 в. до н. э. все островные полисы были завоеваны¹⁶⁴ пантикапейским тираном Сатиром I и вошли в состав формирующейся державы Спартокидов. С этого момента их статус в Боспорском государстве определялся как их политическим весом, конкретными обстоятельствами покорения, так и волей победителя. Так, Фанагория становится главным городом этого региона, его административным центром («столицей»). А Киммерида, расположенная у пролива, была «реколонирана», т. е. заново основана боспорскими тиранами.¹⁶⁵ В чем конкретно процесс реколониации выразился, что стало с прежним населением полиса, были ли переселены сюда новые жители и на каких основаниях – нам не известно.¹⁶⁶ Судя по тому, что структура землепользования на Острове сохраняется до конца правления династии Спартокидов, его основу составляет полисное землевладение, хотя сами полисы лишились независимости, а вместе с ней и ряда прав, и были обязаны нести налоговое бремя в пользу правителей Боспора.

Синдика и расположенная в ней Синдская Гавань были включены в состав Боспорского государства на заключительном этапе его территориального

¹⁶³ Если не считать того, что хора Киммериды (также, как и Горгиипии) после того, как этот полис был реколониран «боспорскими тиранами», находилась под прямой юрисдикцией Спартокидов.

¹⁶⁴ Мы не имеем достоверных сведений о том, что все они были покорены военной силой. Но если даже какие-то из них «добровольно» признали над собой власть Сатира, сына Спартока, не доводя дело до осады и взятия города штурмом, принуждение к этому в правовом отношении равносильно завоеванию.

¹⁶⁵ Строго говоря, не известно, когда именно произошла реколониация Киммериды, и мы лишь предполагаем, что это случилось сразу после захвата полиса тиранами Пантикапея.

¹⁶⁶ История тирании Дионисия Старшего, гораздо лучше обеспеченная письменными источниками, демонстрирует различные примеры реколониации завоеванных полисов, которые в большинстве своем становятся военно-земледельческими колониями, населенными ветеранами-наемниками (см. Фролов 2001, 453–457).

формирования, лет на 30–40 позже. Это была единственная в государстве территория, населенная варварами-синдами, которая становится доменом Спартокидов (χώρα βασιλική). На месте Синдской Гавани появляется новая колония, основанная Спартокидами и названная именем младшего брата Левкона I – Горгиппа, который еще в конце правления своего отца, Сатира I, играл важную роль в политике Боспора в этом регионе (*Ροῦαεν*. VIII. 55). С этого времени начинается бурное развитие сельской территории данного полиса. Эмпорий Лабрис был превращен в мощную крепость – важный узел обороны восточной части Боспорского государства, хотя, по всей видимости, и не утратил своей изначальной функции. Правовое положение автохтонного населения (синдов) определялось прямой их зависимостью от боспорских династов. Формально они, как и меотские племена Прикубанья, отмеченные в титулатуре боспорских тиранов, находились под «царской» юрисдикцией, с той, однако, разницей, что одни только синды непосредственно находились на «царской земле».

Заметные изменения начинают наблюдаться после того, как власть над Боспором переходит к понтийскому царю Митридату Евпатору. Они выражаются, *во-первых*, в известной реанимации ряда полисных институтов (ἡ βουλή καὶ ὁ δήμος), о которых нам практически ничего не было известно в период правления Спартокидов. Правда, ко времени Митридата относится единственная надпись (88/87 г. до н. э.) – декрет фанагорийцев в честь наемников, принятый решением Совета и народа. Поэтому нет уверенности в том, что эти полисные органы функционировали и в других полисах. *Во-вторых*, от имени гражданских общин Фанагории и (впервые) Горгиппии чеканится серебряная монета, хотя бы и на монетном дворе Пантикапея, где чеканится также и монета от имени граждан столичного полиса. Опять же отметим, что эта непродолжительная «квазиавтономная» чеканка ограничивается указанными тремя эмитентами, два из которых находятся на Азиатском Боспоре. Отмеченные проявления так называемой «филэллинской» политики Митридата, заинтересованного в поддержке населения боспорских городов, относятся к раннему периоду его правления (до 80–70-х гг. до н. э.) и, по всей видимости, обусловлены теми принципами государственного строительства, что были привнесены из Понтийского царства. Судя по всему, к тому же источнику восходит и новый принцип организации территории «царских земель», где формируется система военно-земледельческих поселений (*катойкий*), – это *в-третьих*.¹⁶⁷ Однако в основной своей массе эти поселения («дома-башни», «укрепленные усадьбы») в восточной части Боспора (как и в Восточном Крыму) были возведены во второй половине 1 в. до н. э.¹⁶⁸, а система крепостей-батареек Фонталовской п-ова была построена уже при Аспурге.¹⁶⁹

Эти *катойкии* маркируют области царского землевладения (за пределами которых располагались сельские округа полисов). Традиционно – это территория Синдики, формально исключая хору Горгиппии. Именно здесь, на пространстве от Горгиппии до Бат (п-ов Абрау) располагались земли, на которых обитали военные поселенцы-аспургиане, поддержавшие сына Асандра в его борьбе против Полемона I. После гибели последнего и утверждения Аспурга на троне Боспора (8/7 г. до н. э.), по всей видимости, можно говорить о том, что северная часть Острова (Фонталовский п-ов) получает статус *χώρα βασιλική*.¹⁷⁰

Ко времени правления Аспурга следует отнести и окончательное оформление административно-территориального деления Азиатского Боспора на три области, которыми управляют соответствующие «наместники» царя: ὁ ἐπὶ τῆς νήσου, ὁ ἐπὶ τῆς Γοργυπλείας, ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν.

¹⁶⁷ С. Ю. Сапрыкин полагает, что активное возведение «царских крепостей и укреплений на хоре Боспорского царства... началось после 80-х годов I в. до н. э., когда Митридат ограничил свободу полисов и стал активно использовать ресурсы аграрной территории для продолжения борьбы с римлянами и противопоставления непокорным полисам (? – А. З.) верных ему военно-хозяйственных поселенцев» (Сапрыкин 2002, 37). Однако эта дата не имеет фактического обоснования и продиктована исключительно концептуальными представлениями автора.

¹⁶⁸ Ко времени Митридата VI относятся только «Резиденция Хрисалиска» и «укрепленные усадьбы» Юбилейный 1 и 2 (обе не переживают середины 1 в. до н. э.); концом 2–1 в. до н. э. Н. А. Онайко датировала строительство Владимирского и Цемдолинского «домов-башен» (Онайко, Дмитриев 1982, 111).

¹⁶⁹ См. Завойкин 2023, 289–292.

¹⁷⁰ Хотя, как мы видели, процесс трансформации здесь форм землевладения начался раньше.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. 2010. Фанагорийское восстание 63 г. до н. э. (Новые нумизматические материалы) // ВДИ 1, 59–85.
- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. 2011. Новые данные о Фанагорийском восстании 63 г. до н. э. // ВДИ 2, 64–94.
- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. 2017. Фанагорийские диоболы с розой – подражания родосскому типу // КСИА 249/1, 275–281.
- Абрамзон М. Г., Завойкин А. А., Кузнецов В. Д., Сапрыкина И. А. 2019. Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из раскопок Фанагории // Нурапис 1, 5–27.
- Абрамзон М. Г., Фролова Н. А. 2007–2008. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I. 1834–2005 гг. (БИ Suppl. 2). Симферополь– Керчь.
- Абрамов А. П. 2009. Амфоры VI–V вв. до н. э. в Северном Причерноморье (классификация и периодизация). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Алексеева Е. М. 1980. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия (материалы Анапской археологической экспедиции) I. Краснодар, 18–50.
- Алексеева Е. М. 1997. Античный город Горгиппия. Москва.
- Алексеева Е. М. 2010. Горгиппия // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани I. Москва, 470–509.
- Алексеева Е. М., Антипина Е. Е., Беляева В. Н., Мокроусов С. В., Тихонова Т. С. 1992. Отчет об исследованиях Анапской экспедиции в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16924.
- Алексеева Е. М. 2023. Погребальные обряды Синдики в период греческой колонизации // Нурапис 5, 23–50.
- Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- Анохин В. А. 1999. История Боспора Киммерийского. Киев.
- Анфимов Н. В. 1941. Новые данные к истории Азиатского Боспора (Семибратнее городище) // СА VII, 258–267.
- Анфимов Н. В. 1953. Исследования Семибратнего городища // КСИИМК 51, 99–111.
- Белова Н. С. 1970. Посвятительная надпись из Кеп // ВДИ 2, 65–72.
- Болтунова А. И. 1986. Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.) // ВДИ 1, 43–61.
- Брашинский И. Б. 1965. О некоторых династических особенностях правления боспорских Спартокидов // ВДИ 1, 118–127.
- Виноградов Ю. Г. 1983. Полис в Северном Причерноморье // Е. С. Голубцова (ред.), Античная Греция 1. Москва, 366–420.
- Виноградов Ю. Г. 1991. Фанагорийские наемники // ВДИ 4, 14–33.
- Виноградов Ю. Г. 2002. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп. (Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиена (VIII. 55) и вотивной эпиграмме из Лабриса) // ВДИ 3, 3–22.
- Винокуров Н. И. 2014. Набор сельскохозяйственного инструмента из слоя пожара времени боспоро-римской войны 44/45–49 гг. городища Артезиан // ДБ 18, 102–125.
- Внуков С. Ю., Поротов А. В., Пушкарев П. Ю., Болиховская Н. С. 2012. Основные результаты архео-геоморфологических исследований Семибратнего городища и его окрестностей // ДБ 16, 77–101
- Гарбузов Г. П. 2007. Краткий обзор древнего землеустройства Таманского полуострова // ДБ 11, 59–85.
- Гарбузов Г. П. 2009. Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова // ДБ 13, 123–140.
- Гарбузов Г. П. 2013. К вопросу определения «естественной» территории Азиатского Боспора // ДБ 17, 111–132.
- Гарбузов Г. П. 2016. «Страбонов» рукав Кубани и хора Фанагории // А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 2 (Фанагория 4). Москва, 34–45.
- Гарбузов Г. П. 2018. Земельные ресурсы Боспора: теоретические оценки и реальная практика // ДБ 22, 24–39.

- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А. 2010. О состоянии хоры центров Азиатского Боспора в середине – второй половине V в. до н. э. // ДБ 14, 106–129.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А. 2011. Освоение греками земель Таманского полуострова в последней четверти VI – первой половине V в. до н. э. // АМА XV, 194–222.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А. 2012. Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вторая половина VI–V вв. до н. э.) и в составе державы Спартокидов (IV – начало III в. до н. э.) // ДБ 16, 114–149.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А. 2014. Сельская территория Таманского полуострова в период поздних Спартокидов // БИ 30, 190–228.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А. 2015. Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов // ДБ 19, 94–134.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Строкин В. Л., Сударев Н. И. 2011. Освоение греками Таманского п-ова в VI–V вв. до н. э. // ДБ 15, 90–172.
- Гарбузов Г. П., Поротов А. В., Сударев Н. И. 2017. К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани // ДБ 21, 64–81.
- Голенко К. В. 1960. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э. // НЭ II, 28–40.
- Голенко К. В. 1965. Фанталовский клад боспорских дидрахм I в. до н. э. // ВДИ 4, 141–158.
- Горлов Ю. В., Лопанов Ю. А. 1995. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ 3, 121–137.
- Горончаровский В. А. 2009. Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК в 2001–2008 гг. // БИ XXII, 150–184.
- Горончаровский В. А., Иванчик А. И. 2010. Синды // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани I. Москва, 219–234.
- Горончаровский В. А., Терещенко А. Е. 2014. Типология и хронология синдской чеканки // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы и хронология (Боспорские чтения XV). Керчь, 99–114.
- Грач Н. Л. 1972. К находке синдской монеты в Мирмекии // ВДИ 3, 133–142.
- Долгоруков В. С. 1990. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА 197, 30–37.
- Жебелёв С. А. 1953. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Москва–Ленинград.
- Журавлев Д. В., Шлотцауер У. 2014. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. // Д. В. Журавлев, Н. И. Шишлина (ред.), Государственный Исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников (Труды ГИМ 201). Москва, 150–186.
- Завойкин А. А. 1999а. Периодизация истории Киммериды // ДБ 2, 114–120.
- Завойкин А. А. 1999б. Проблема локализации Киммериды // А. В. Подосинов (ред.), Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения (Древнейшие государства Восточной Европы за 1996–1997 гг.). Москва, 220–236.
- Завойкин А. А. 2001. Боспор: территориальное государство и полис // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. I. Санкт-Петербург, 22–28.
- Завойкин А. А. 2004. Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н. э. (по материалам «Южного города») (ДБ Suppl. I) Москва.
- Завойкин А. А. 2006. Кризис «первой половины» V в. до н. э. и проблема образования Боспорского государства // РА 4, 103–111.
- Завойкин А. А. 2009. О «больших» и «малых» боспорских городах // ДБ 13, 176–205.
- Завойкин А. А. 2011. О культурном слое поселений Таманского полуострова VI–V вв. до н. э. // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований (Методика полевых археологических исследований 4). Москва–Киев, 18–39.

- Завойкин А. А. 2013. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов (БИ Suppl. 10). Симферополь–Керчь.
- Завойкин А. А. 2014. Боспорские греки и «азиатские варвары» в период архаики – раннего эллинизма // *Scripta antiqua III*. Москва, 164–196.
- Завойкин А. А. 2015. Природный фактор и физический облик сельских поселений Азиатского Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Географическая среда и социум (Боспорские чтения XVI). Керчь, 121–129.
- Завойкин А. А. 2017. «Боспор Кубанский» – остров – Гермонасса (заметки по исторической географии Таманского полуострова) // ПИФК 3, 147–163.
- Завойкин А. А. 2020. Волна 1 и некоторые другие «новые» памятники Боспора (К вопросу о потенциально «полисном» статусе некоторых древнейших поселений на Таманском полуострове) // А. В. Белоусов, Е. В. Илюшечкина (ред.), НОМО OMNIUM HORARUM. Сб. статей в честь 70-летия А. В. Подосинова. Москва, 189–206.
- Завойкин А. А. 2021а. Фанагория и Спартокиды (историко-археологический очерк) // ПИФК 4, 174–193.
- Завойкин А. А. 2021б. Варварские племена и их территории под властью Спартокидов // *Hypanis 3*, 58–71.
- Завойкин А. А. 2022а. Китей: размышления о «малом боспорском городе» // ДБ 27, 102–113.
- Завойкин А. А. 2022б. Оборонительные сооружения и некоторые проблемы исторической периодизации Фанагории VI–I вв. до н. э. // *Археологические вести* 35, 105–118.
- Завойкин А. А. 2023. Аспургиане: 500 стадиев между Фанагорией и Горгиппией // А. В. Подосинов (ред.), Черноморский регион в античности и средневековье: проблемы исторической географии (Древнейшие государства Восточной Европы. 2023 год). Москва, 272–305.
- Завойкин А. А., Завойкина Н. В. 2017. Ильичевская крепость и ее обитатели в I–II вв. н. э. // ДБ 21, 122–153.
- Завойкин А. А., Колесников А. Б., Сударев Н. И. 2016. Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории // А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 2 (Фанагория 4). Москва, 110–207.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2012. Некоторые проблемы археологической топографии Фанагории // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Проблемы урбанистики (Боспорские чтения XIII). Керчь, 130–146.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2023. Священный участок на «Верхнем городе» Фанагории // *Hypanis 5*, 92–131.
- Завойкина Н. В. 2018. Новая посвяtitельная надпись из Фанагории // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 4 (Фанагория 7). Москва, 106–116.
- Завойкина Н. В. 2022. Новые надписи из раскопок Фанагории // *Hypanis 4*, 107–122.
- Зинько В. Н., Тохтасьев С. Р. 2004. Эпитафия Гестестиона из Нимфея // БИ VII, 112–124.
- Иванов А. А. 2016. Охранно-спасательные исследования поселения эллинистического времени «Усадьба «Виноградник» в 2014 г. // ДБ 20, 241–259.
- Иванов А. А. 2020. Раскопки усадеб эллинистического времени на поселении «Усадьба (х. Воскресенский, ЮЗ окраина)» в 2019 г. (Предварительное сообщение) // ДБ 25, 176–185.
- Иванов А. В. 2011. О восточной границе Боспорского царства // БФ: Население, языки, контакты. Санкт-Петербург, 279–282.
- Иванов А. В., Каргин Ю. Ю., Сударев Н. И. 2024. Азиатский Боспор до и во время греческой колонизации // ДБ 29, 225–265.
- Иванов А. В., Сударев Н. И. 2012. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // ДБ 16, 178–199.
- Иванов А. В., Сударев Н. И. 2018. «Урочище Самойленко» – эталонный памятник греко-варварских взаимоотношений // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 2. Санкт-Петербург, 257–262.

- Иванов В. М. 2005. Греческая фортификация Северного Причерноморья VI – первой половины I в. до н. э. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Иванчик А. И., Петерс Б. Г. 1988. Новая надпись из Патрея // ВДИ 2, 119–121.
- Карышковский П. О. 1960. Ольвия и Афинский союз // Материалы по археологии Северного Причерноморья III. Одесса, 57–100.
- Кельтербаум Д., Журавлев Д. В., Шлотцауер У. 2016. Исследования в области палеогеографии Таманского полуострова // Д. Журавлев, У. Шлотцауер (ред.), Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. Москва, 21–27.
- Коваленко С. А. 2020. Монеты синдов: некоторые замечания о причинах, характере и хронологии чеканки // А. В. Белоусов, Е. В. Илющечкина (ред.), Ното Отпийт Норагит. Сб. статей в честь 70-летия А. В. Подосинова. Москва, 272–296.
- Кондрашов А. В. 2010. Новые исследования у мыса Тузла на Таманском полуострове // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Москва–Киев, 118–136.
- Коровина А. К. 2002. Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. Москва.
- Кошеленко Г. А. 1979. Греческий полис на эллинистическом востоке. Москва.
- Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д. 1992. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // Г. А. Кошеленко (ред.), Очерки археологии и истории Боспора. Москва, 6–27.
- Кошеленко Г. А., Усачева О. М. 1992. Гілон і Кепи // Археологія 2, 51–56.
- Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.
- Кузнецов В. Д. 1992. Раскопки в Кепях 1984–1989 гг. // Г. А. Кошеленко (ред.), Очерки археологии и истории Боспора. Москва, 28–44.
- Кузнецов В. Д. 2001. Метрополия Фанагории // ДБ 4, 227–236.
- Кузнецов В. Д. 2007. Новые надписи из Фанагории // ВДИ 1, 227–243.
- Кузнецов В. Д. 2010а. Фанагория – столица Азиатского Боспора // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани I. Москва, 431–469.
- Кузнецов В. Д. 2010б. О времени основания Фанагории // ДБ 14, 313–321.
- Кузнецов В. Д. 2016. Фанагория и Синдика: некоторые заметки // А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории (Фанагория 4). Москва, 250–278.
- Кузнецов В. Д. 2021. Архаические стены Фанагории // Нураніс 3, 111–130.
- Кузнецов В. Д. 2024. Синдика и её монета // ПИФК 2, 31–55.
- Кузьмин Ю. Н. 2020. О датировке надгробия Никея, сына Никанора // ВДИ 1, 115–119.
- Малышев А. А. 2007а. Погребальный обряд и планиграфия Раевского некрополя // А. А. Малышев (ред.), Юго-восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя (Некрополи Черноморья I). Москва, 137–141.
- Малышев А. А. 2007б. Заключение // А. А. Малышев (ред.), Юго-восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя (Некрополи Черноморья I). Москва, 243.
- Малышев А. А. 2010. Юго-восточная периферия // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани I. Москва, 583–595.
- Малышев А. А. 2021. Полуостров Абрау в римское время // Нураніс 3, 147–170.
- Малышев А. А., Батченко В. С. 2020. Фронтир на юго-востоке Синдики: по материалам Раевского городища // Археология, этнография и антропология Евразии 48/2, 69–79.
- Малышев А. А., Новичихин А. М. 2022. Полуостров Абрау в эпоху раннего железа // Нураніс 4, 162–185.
- Масленников А. А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. Москва.
- Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. 2018. Некрополь Волна-1 (2017 г.) (Краснодарский край, Таманский полуостров) // Города. Селища. Могильники. Раскопки 2017 (Материалы спасательных археологических исследований 25). Москва, 220–231.

- Молева Н. В. 2002. Очерки сакральной жизни Боспора (избранные статьи). Нижний Новгород.
- Молева Н. В. 2010. Боспорские антропоморфные надгробия с греческими надписями в лапидарной коллекции Керченского музея // Из истории античного общества 13. Нижний Новгород, 148–163.
- Мусбахова В. Т. 2014. В поисках границы между Европой и Азией: Гекатей Милетский // В. Т. Мусбахова (ред.), Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии. Санкт-Петербург, 75–92.
- Новичихин А. М. 2011. Границы Синдики // Былые годы. Черноморский исторический журнал 3. Сочи, 11–15.
- Новичихин А. М. 2014. Об этногенезе синдов // Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы международной научно-практической конф. Ч. I. Нальчик, 110–121.
- Онайко Н. А. 1967. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // СА 2, 155–169.
- Онайко Н. А. 1980. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. Москва.
- Онайко Н. А., Дмитриев А. В. 1982. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н. э. // ВДИ 2, 106–122.
- Паль Е. П., Соколов М. П., Петров П. А., Безматерных А. Е. 2020. Раскопки античного поселения Усадьба (х. Вознесенский, ЮЗ окраина) в Анапе (предварительное сообщение) // ДБ 25, 307–319.
- Паромов Я. М. 2023. История археологических исследований на Таманском полуострове (1792–2016 гг.). Москва.
- Сапрыкин С. Ю. 2002. Боспор на рубеже двух эпох. Москва.
- Смирнова Н. В. 2002. Новые надписи из Горгиппии и Патрея // ДБ 5, 224–233.
- Савостина Е. А., Тихонова Т. С. 2021. Мастерская коропласта в контексте городской жизни и ремесленного производства Горгиппии // ДБ 26, 277–299.
- Соколов П. М. 2024. Исследование каменной дороги эпохи эллинизма на хоре Горгиппии в 2019–2020 г. // ДБ 29, 391–411.
- Соколова О. Ю., Павличенко Н. А. 2002. Новая посвятельная надпись из Нимфея // Hurboreus 8, 99–121.
- Сокольский Н. И. 1963. Кепы // А. И. Болтунова (ред.), Античный город. Москва, 97–114.
- Сокольский Н. И. 1964. Святилище Афродиты в Кепях // СА 4, 101–118.
- Сокольский Н. И. 1965. Новые памятники синдской скульптуры // КСИА 100, 86–96.
- Сокольский Н. И. 1975. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА 143, 21–30.
- Сокольский Н. И. 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. Москва.
- Сударев Н. И. 2014. Греки и варвары в Синдике // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова. Санкт-Петербург, 95–102.
- Суриков И. Е. 2016. «Остров Тамань», Боспор Синдский и город Гаргаза // Д. В. Журавлев, У. Шлотцауер (ред.), Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы международного круглого стола, 7–8 июня 2016 г. Москва, 90–95.
- Суриков И. Е. 2021. Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // И. Е. Суриков. Античная Греция. Механизмы политической жизни (Opuscula selecta III). Москва, 320–341.
- Суриков И. Е. 2024. Таманский п-ов как «два острова», или о чем *не* говорит Гекатей (полемиическая заметка) // ДБ 29, 425–436.
- Толстикова В. П. 1984. К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н. э.) // ВДИ 3, 24–48.
- Толстикова В. П., Нефедкин А. К. 2010. Армия. Вооружение. Фортификация // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани II. Москва, 602–655.

- Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В. 2017. Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу. Москва.
- Тохтасьев С. Р. 1992. Из ономастики Северного Причерноморья. II. Фракийские имена на Боспоре // А. К. Гаврилов (ред.), Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 178–199.
- Тохтасьев С. Р. 2002. ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина 4. Санкт-Петербург, 11–33
- Тохтасьев С. Р. 2004. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I. (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ 3, 144–180.
- Тохтасьев С. Р., Финогенова С. И. 2003. Новые данные о культе Афродиты в Гермонассе // *Nyrboreus* 9/1, 83–88.
- Тункина И. В. 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). Санкт-Петербург.
- Фролов Э. Д. 2001. Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. Санкт-Петербург.
- Фролова Н. А. 1997. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. I. Монетное дело Боспора 49/48 г. до н. э. – 210/211 г. н. э. Москва.
- Шаров О. В., Самарина Т. А. 2009. Семибратнее городище на рубеже эр // Пятая Кубанская археологическая конференция (Материалы конф.). Краснодар, 426–430.
- Шелов Д. Б. 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. Москва.
- Шелов Д. Б. 1981. Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации (Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо–1979). Тбилиси, 232–247.
- Шелов–Коведяев Ф. В. 2024. De titulis Bosporanis et viciniis VIII // ДБ 29, 475–496.
- Яйленко В. П. 1982. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. Москва.
- Яйленко В. П. 1986. Одна боспорская эпитафия // Г. А. Кошеленко (ред.), Проблемы античной культуры. Москва, 222–226.
- Яйленко В. П. 2004. Вотив Левкона I из Лабриса // ДБ 7, 425–442.
- Яйленко В. П. 2017. История, эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. Санкт-Петербург.
- Яйленко В. П. 2023. Античная географическая традиция о фанагорийском острове и попытки коррекции её буром // ДБ 28, 455–495.
- Яйленко В. П. 2024. Лесбосские эолийцы на Тамани: каталог свидетельств и вопросы основания Гермонассы да Фанагории // ДБ 29, 497–535.
- Braund D. 2007. The Sindians of the Taman Peninsula c. 400 BC: Polyaeus' Tirgitaos, Numismatics and Demosthenes' Grandfather // С. Л. Соловьев (ред.), Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э. Санкт-Петербург, 17–21.
- Dan A., Gehrke H.-J., Kelterbaum D., Schlotzhauer U., Zhuravlev D. 2016. Foundation Patterns on Two Bosphorus: Some Preliminary Thoughts on How and Why the Greeks Settled on Asiatic Shores of the Black Sea Straits // Д. В. Журавлев, У. Шлотцауер (ред.), Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола. 7–8 июня 2016 г. Москва, 109–120.
- Sudarev N. I., Garbuzov G. P., Ivanov A. V., Kargin Yu. Yu., Mataev V. V., Voronin K. V. 2021. The Asian Bosphorus before and during the Greek Colonisation // J. Fornasier, A. V. Bujskich (Hrsg.), An den Ufern des Bug / На берегах Бугу. Deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen (Frankfurt Archaeological Studies 42). Bonn, 43–72.
- Tsetskhladze G. R., Kondrashov A. V. Notes on the Rescue Excavation of Tuzla Necropolis (1995–1997) // North Pontic Archaeology (Colloquia Pontica 6). Leiden–Boston–Köln, 345–364.

Н. В. Завойкина

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ФАНАГОРИИ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э.¹

Аннотация. В статье публикуются две новые надписи, и одна подвергнута ревизии. Первая – фрагмент посвящения с рельефом богини времени правления царя Евпатора (153/4 – 172/3 гг.) (рис. 1). Она найдена во вторичном использовании при исследовании раскопа «Нижний город» в Фанагории в 2024 г. Вторая надпись – надгробие Афасы 334 г. (рис. 2). Найдено на хоре Фанагории (в 4 км от южной границы города) в 2023 г. Имя Афаса впервые встречается в античной антропонимии. Предполагаем, что оно могло образоваться в результате выпадения безударной *йот* в конце имени Ἀφάσια. Хотя, не исключаем вероятность негреческого происхождения имени Афаса. В надгробии 334 г. впервые среди боспорских надписей упоминается «кладбищенский» штраф за осквернение погребального мемориала и прописана большая сумма в золотых, которую надлежит выплатить царю. Анализ синхронных памятников позволил предположить, что идея монетизации нарушений на городских некрополях была заимствована из римской юридической практики эпохи ранней империи. Осквернителю мемориала Афасы надлежит 50 000 золотых внести в государственную казну. Слово «золотые» используется в эпитафии как синоним слова статеры. Поскольку с последней четверти 3 в. – 341/2 г. на Боспоре из-за девальвации чеканятся так называемые медные статеры, то сумма 50 000 золотых фиксирует сильные инфляционные процессы в экономике Боспора начале 330-х гг., связанные с обесцениванием денег и удорожанием уровня жизни населения Фанагории. Третья надпись сделана на золотом перстне и была опубликована С. Р. Тохтасьевым. Ее ревизия выявила неточность в прочтении личного имени его владельца. В ней уверенно читается «Νεομῶδου ψυχή, – душа Неомода», а не «*Νεογῶα<ι>ος ψυχή», как предполагал первоиздатель. Форма букв в надписи, особенно характерна форма *дельты*, позволяет датировать ее концом 3 – первой половиной 4 в. Вероятно, тогда же был изготовлен и перстень. Завершает статью обзор позднеантичной антропонимии Фанагории.

Ключевые слова. Боспорское царство, Фанагория, надписи, 3–4 в. н. э.

N. V. Zavoykina

NEW EVIDENCE ON THE HISTORY OF PHANAGORIA IN THE FIRST CENTURIES A.D.

Abstract. This article discusses two new inscriptions and revises another, previously published one. The first one is a fragment of a dedication with a relief of a goddess from the reign of King Eupator (153/4–172/3 CE) (Fig. 1). It was discovered as a secondary use object during the excavation of the Lower City of Phanagoria in the year 2024. The second inscription is the tombstone of Aphasa from 334 CE (Fig. 2), found during 2023 in the Phanagoria chora (4 km from the southern boundary of the city). The name Aphasa appears for the first time in ancient anthroponymy, and it may have originated from the shortening of the name Ἀφάσια, though the possibility of a non-Greek origin is not excluded as well.

The 334 CE tombstone is notable for being the first Bosphoran inscription to mention a “cemetery” fine for desecrating a burial, specifically, a large penalty in gold to be paid to the king. Analysis of contemporary monuments suggests that the concept of monetizing violations in city necropoli was borrowed from Roman legal practices of the early empire. The desecrator of Aphasa’s memorial would have to pay 50 000 gold coins to the state treasury, with the term “gold” in the epitaph meaning “staters.” Given that, from the last quarter of the third century to 341/2 CE, the Bosphoros issued “copper staters” due to currency devaluation, the sum of 50 000 gold highlights significant inflation in the Bosphoran economy in the early 330s, reflecting currency depreciation and rising living costs in Phanagoria.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

The third inscription, engraved on a gold ring and initially published by S. R. Tokhtasiev, was re-evaluated in the present article, revealing an error in the owner's name reading. The inscription clearly reads "Νεομ|όδου ψυχή" ("the soul of Neomod") rather than the previously assumed "Νεογοα<ι>ος ψυχή." The letter shapes, especially the form of the delta, suggest a dating to the late third to the first half of the fourth century, which is likely also the time of the manufacture. The article concludes with a review of the late antique anthroponymy of Phanagoria.

Keywords. Phanagoria, inscriptions, early centuries, late antiquity.

Регулярные археологические исследования на территории Фанагории и ее хоры практически ежегодно пополняют архив надписей. В 2023–2024 гг. были найдены новые надписи. Две из них публикуются ниже.

Надпись № 1. Фрагмент правой части массивной мраморной стелы (рис. 1).² Обколоты все стороны, кроме правой. С правой стороны сохранился обработанный край плиты. Размеры плиты: высота – 26 см, длина – 16–17 см, толщина – 12 см. Найдена во вторичном использовании в кладке стены 22/2-1 в ходе археологических исследований на раскопе «Нижний город» в 2024 г.

В верхней части стелы сохранилась правая сторона рельефа погрудного изображения женской фигуры в гиматии с согнутой под острым углом в локте левой рукой, обрамленного профилированной прямоугольной рамкой.

Под рельефом видны фрагменты двух строк надписи. В 1-й строке буквы вырезаны крупнее примерно в два раза, чем во 2-й строке. Высота букв: в стр. 1 – 2,2–2,3 см; в стр. 2 – 1 см (*омикрон*) – 1,6 см.

Надпись:

ΒΑΣΙΛΕΩΣ
ΠΑΤΟΡΟΣ ΦΙΛΟ

В стк. 2 левая часть *πι* уничтожена сколом.

Реконструкция.

1. [Βασιλεύοντος] βασιλέως
[Τιβερίου Ἰουλίου Ἐ]πάτορος φιλο-
[καίσαρος καὶ φιλορωμαίου, εὐσεβοῦς]

Перевод: В царствование царя Тиберия Юлия Евпатора, друга цезаря и друга римлян, благочестивого...

Отличие в размерах букв в строках повлияло на их количество в каждой из строк в реконструкции надписи. В результате, имеем в стк. 1 – 20 букв, в стк. 2 – 28 букв, в стк. 3 – 30 букв. Сохранившиеся слова позволяют уверенно восстановить начальные строки надписи, содержащие датировочную формулу с именем царя Евпатора (154/155–172/173 гг.). Соответственно, надпись датируется временем правления Тиберия Юлия Евпатора. Наличие рельефа с погрудным изображением женской фигурой и надписи, начинающейся с датировочной формулы, позволяют определить тип надписи как посвятельный. Ближайшей аналогией выступают посвящение Зевсу Сотеру фиасотами из Пантикапея 82 г. (КБН 76) и посвящение Зевсу и Гере Спасителям *аристопилитами* царя Тирана (КБН 36). Так, стела КБН 76 увенчана рельефным фронтоном, в тимпане рельефное погрудное изображение Зевса со скипетром (КБН-Альбом № 76). Под

² Хранится в Государственном музее-заповеднике «Фанагория» (ФМ-КП-153/1 А2586).

Рис. 1. Посвятительная надпись с рельефом погрудного изображения женской фигуры (фото сделано с разрешения руководства музея-заповедника «Фанагория», фотограф О. И. Ткаченко)

фронтоном вырезана посвятельная надпись, которая начинается с устойчивой формулы с именем правящего царя: Βασιλεύοντος βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου Ῥησκουπόριδος, φιλοκαίσαρος καὶ φιλωμαίου, εὐσεβοῦς.... На постаменте КБН 36 под карнизом рельеф – погрудное изображение Зевса и Геры, между ними колонна (КБН-Альбом № 36). Под рельефом вырезана надпись, начинающаяся также с формулы с именем правящего царя, в данном случае Тиберия Юлия Тирана. Приведенные аналогии позволяют считать, что изображение женщины в рельефе следует отождествлять с изображением богини, которой было сделано посвящение.

Как показывают различные источники, Афродита Урания была наиболее почитаемым в полисе божеством на протяжении всей истории его существования.³ Однако надежных оснований отождествлять рельефное изображение богини из нового посвящения с Афродитой нет.

³ Кузнецов 2006, 155–156; Завойкина 2019, 255–256.

Надпись № 2. В марте 2023 г. в музей-заповедник «Фанагория» поступило надгробие, найденное случайно при проведении плантажных работ в поле между поселениями Вышестеблиевская 14 и Вышестеблиевская 15. Эти поселения расположены примерно в 4 км от южной границы городища Фанагория, то есть находятся на её хоре. Следовательно, публикуемое надгробие принадлежит жителю (-ям) Фанагорийского полиса.

Надгробие представляет собой массивную известняковую плиту, ее лицевая сторона по бокам оформлена филенкой (рис. 2). Верх надгробия уничтожен сколом. Частично отколота нижняя часть плиты. Её размеры: высота – 54–56 см, толщина – 19 см, длина – 57 см. Вдоль задней стороны плиты идет полуовальный выпил (рис. 2а). Эпитафия в 10 строк сохранилась практически полностью, скол уничтожил начало первой строки. Размеры букв: в стр. 1–7 – 3,5 см, в стр. 8–10 – 3 см. В поле стр. 8 после букв ΤΕ видна тонко процарапанная *дельта*; так же под стр. 10 видны неровные и тонко процарапанные буквы: - - ΝΙΑΔΝΑ - ΩΙ *vac.* Δ. По всей видимости, это остатки другой надписи.

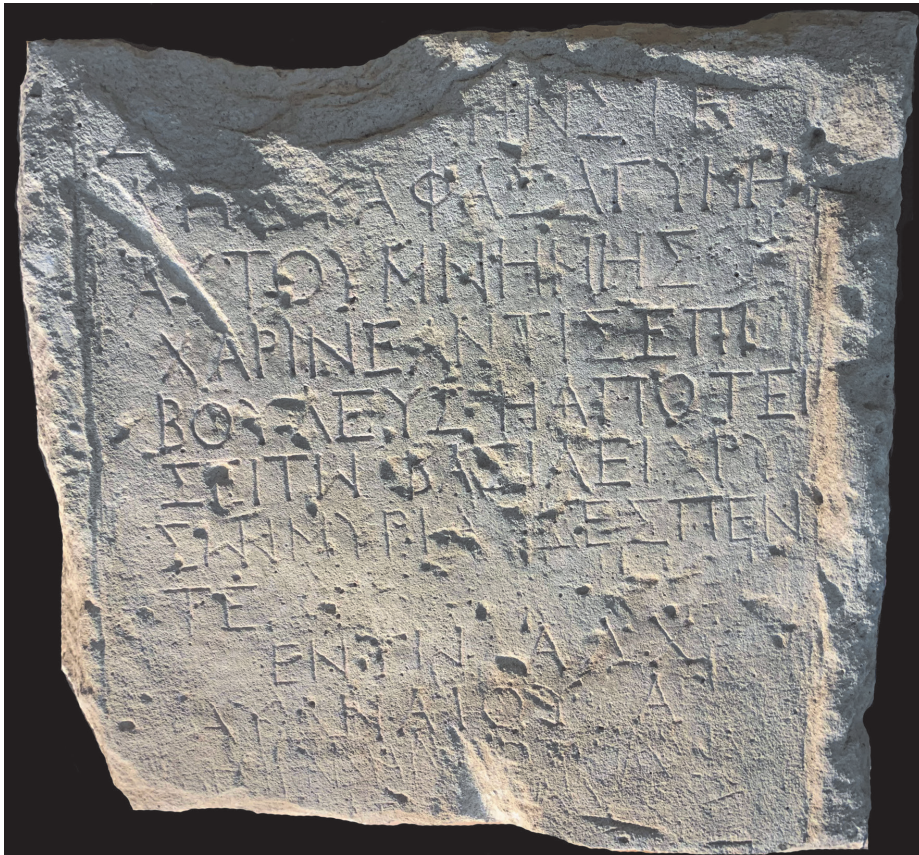
Надпись:

1. - - - - ΗΝΣΤΗ *vac.*
- ... ΛΗ.Ι ΑΦΑΣΑΓΥΝΗ
- ... ΑΥΤΟΥΜΝΗΜΗΣ *vac.*
- ... ΧΑΡΙΝΕΑΝΤΙΣΕΠΙ
5. ΒΟΥΛΕΥΣ·ΝΑΠΟΤΕΙ
ΣΕΙΤΩ·ΒΑΣΙΛΕΙΧΡΥ
ΣΩΝ ΜΥΡΙΑ ΔΕΣ ΠΕΝ
ΤΕ
ΕΝΤΩΑΛΧ
10. ΑΥΔΝΑΙΟΥ Α

В начале стр. 1 внизу виден левый угол первой буквы. Далее следует лакуна, уничтожившая 5 букв. В конце стр. 1 после *сигмы* видна вертикальная гаста *tau*, ее верхняя часть уничтожена сколом. В начале стр. 2 более поздняя борозда уничтожила большую часть *лямбды*, на камне видна ее верхушка. Далее верхний скол стелы уничтожил *эту* и следующую за ней букву, на камне сохранилась частично ее правая гаста. В начале стр. 3 поздняя борозда уничтожила *ипсилон*, на камне виден левый усик верхушки буквы. В начале стр. 7 *омега* и *ню* вырезаны в лигатуре. Далее после ΜΥΡΙΑ идет небольшой пропуск перед ΔΕΣ.

Эпитафия:

1. - - - - [τ]ήν στή-
λην Αφασα<ι> γύνη
αὐτοῦ μνήμης
χάριν. ἐάν τις ἐπι-
5. βουλευση, ἀποτεί-
σει τῷ βασιλεῖ χρυ-
σῶν μυριάδες πέν-
τε
ἐν τῷ ΑΛΧ
10. Αὐδ<υ>ναίου Α´

Рис. 2. Эпитафия Афасы (фото сделано с разрешения руководства музея-заповедника «Фанагория», фотограф О. И. Ткаченко)

Рис. 2а. Полуовальный выпил на оборотной стороне плиты с эпитафией Афасы (фото сделано с разрешения руководства музея-заповедника «Фанагория», фотограф О. И. Ткаченко)

Перевод: «Такой-то стелу Афасе, жене своей, (установил) памяти ради. Если кто-то причинит вред, то он заплатит царю пять раз по десять тысяч золотых. В 631 г. б. э., (месяца) Авдуная, 1-го числа».

Эпитафия датирована серединой декабря 334 г. по современному летосчислению. По содержанию она распадается на две части – собственно эпитафию (стр. 1–4) и формулу наказания за причинение ущерба (стр. 4–8). Завершает надпись календарная дата по понтийско-вифинской (боспорской) эре.

1–2 строки. Надгробие поставлено женщине по имени *Αφασα* ее супругом. От первой буквы его имени сохранился левый нижний угол, который может принадлежать как *σιγμe*, так и *δελτε*. Имя супруга вырезано в *nom. sing.* и состояло из пяти букв. Женское имя *Αφασα* не отмечено в сводах древнегреческой ономастики.

Среди греческих антропонимов отыскивается мужское имя Ἀφάσιος, образованное от сущ. ἡ ἀφασία.⁴ Оно отмечено в одном из городов Мисии в 3 в. н. э.⁵ Имя Ἀφάσιος указывает на вероятность существования его женской формы – Ἀφάσια, поэтому не исключено, что имя Αφασα восходит к антропониму Ἀφάσια. Отклонение от норм греческого койне вполне характерно для его периферийных вариантов, к которым относится боспорский «диалект». Особенно это заметно в позднеантичных надписях. Имя Αφασα образовалось, по всей видимости, из-за выпадения безударной йоты перед концевой альфой. Однако на подобной трактовке не настаиваем. Существует вероятность, что имя Αφασα новое в боспорской ономастике, оно проникло в Фанагорию с представителями населения, которые осели в городе после набегов готских и сармато-аланских племен на боспорские поселения во второй половине 3 – начале 4 в. н. э. В частности, одно из таких новых имен, Ρανακ, встречено на амфорном фрагменте из винодельческого комплекса (винодельня № 10) конца 3 – 4 в. на раскопе «Верхний город» в Фанагории.⁶

4–8 строки. В них прописано наказание в виде штрафа за дурное обращение с погребальным памятником Афасы: ἐάν τις ἐπιβουλεύσῃ, ἀποτείσει τῷ βασιλεῖ χρυσῶν μυριάδες πέντε – «если кто-то причинит вред, то заплатит царю пять раз по десять тысяч золотых». Отмеченная формулировка впервые встречена в надгробных надписях Боспора, и заслуживает особого внимания.

Повреждение погребальных памятников, как правило представителей знати или богатых горожан, считалось серьезным правонарушением в Римской империи и сурово каралось. В *Codex Theodosianus*, в Юстиниановых *Digesta* и *Codex* целые разделы посвящены *violatio sepulchri*.⁷ Вплоть до 3 в. н. э. действие *violatio sepulchri* распространялось только на погребальные сооружения (Sent. Pauli 1.21.8), но не затрагивало собственно захороненных тел.⁸ Умышленный ущерб мог караться даже смертной казнью, но обнаружение и наказание виновных, денежная компенсация за содеянное, в значительной степени зависели от знатности погребенного, и того, кто применял или нарушал установленный закон.⁹ Сказанное подтверждается, в частности, свидетельством из Путеол, где городской муниципалитет оштрафовал осквернителей захоронения декурионов на 20 000 сестерциев.¹⁰ На основании анализа римских эпитафий первых веков было выделено шесть видов нарушений, связанных с погребениями: продажа семейных гробниц; захоронение инородного тела в гробнице; извлечение и выбрасывание человеческих останков из погребений; какое-либо строительство на территории вокруг усыпальниц; порча или уничтожение эпитафий; любые действия не согласованные с владельцем усыпальницы.¹¹ *Sepulchri violate actio*, иск, которым охранялась неприкосновенность гробниц, мог предъявить любой гражданин Римской империи. В городах восточных провинций подобный иск подавали до эдикта Каракаллы 212 г. преимущественно представители провинциальной знати, обычно обладавшие римским гражданством. «Кладбищенские штрафы» в городах империи были, в значительной мере, вынужденной мерой, реакцией на процветающий в городах вандализм на кладбищах. Эпиграммы-проклятия мародёрам составляют целый раздел Палатинской антологии. На множестве надгробий высечены надписи, запрещающие что-либо менять или трогать на погребальном участке. Археологический масштаб проблемы засвидетельствован в огромном количестве исследованных погребальных памятников с явными следами грабежей. К «кладбищенскому» вандализму относится не только ограбление могил, но и их загрязнение отходами человеческой жизнедеятельности. Это зафиксировано литературными источниками (Petr. 71) и надписями (CIL V 1490; см. также CIL 6.2357 и др.).

⁴ <https://lgpn-ling.huma-num.fr/index.html?filter=Ἀφάσιος&filterBy=name>.

⁵ LGPN VA, Ἀφάσιος.

⁶ Завойкин, Завойкина 2021, 118.

⁷ Например, см. Digest. 11.8.1.6.

⁸ Thomas 2004, 60–66; Rebillard 2009, 59–62.

⁹ Rutgers 2013, 497–500.

¹⁰ Bodel 2004, 149–170.

¹¹ Caldelli, Crea, Ricci 2004, 402–403.

Violatio sepulchri применялось в городах восточных провинций империи. Об этом свидетельствуют греческие эпитафии, в которых, по крайней мере со 2 в., упоминаются наказания в виде выплаты штрафа за осквернение погребальных памятников на городских кладбищах.¹² В зависимости от статуса провинции штраф поступал в личную казну императора (*fiscus*), казну государственную (*aerarium*), какая-то сумма могла выплачиваться полису. Среди провинциальных надписей имеется две эпитафии 2–3 вв., которые вводятся тем же выражением, что и в фанагорийском памятнике: *ἐὰν τις ἐπιβουλεύσῃ*... Это эпитафии из Фессалоник (IG X,2 1s 1422; SEG 56.804) и поселения Тириайон в Ликии¹³ (Naour 1980, № 28). В них после *ἐπιβουλεύσῃ* четко прописаны виды нарушений погребений, облагавшихся штрафом, и указана точная сумма в динариях. В эпитафии из Фессалоник, выполненной на мраморном саркофаге, читаем: ... *ἐὰν δέ τις ἐπιβουλεύσῃ τῶν κληρονόμων αὐτῆς τοῦ ἔσω κατατεθῆ[ναι] ἢ ἄλλος τις, δώσει τῷ ταμείῳ προστείμου* ✕ *,ε* («если же кто из ее родственников навредит с целью кого-то другого положить внутрь, то заплатит штраф казначею в 50 динариев»). Эпитафия из Тириайона вырезана на известняковой базе, которая служила основанием для колонны (*τὸ κίων*). На колонне стояли статуи (*τὰ ἐπικείμενα*, наверхия) погребенных. Этот дорогостоящий мемориал охраняла от вандализма фраза о наказании: ... *ἐὰν δέ τις ἐπιβουλεύσῃ τῷ κίονι καὶ τοῖς ἐπικείμενοις, θήσει τῷ φύσκῳ* ✕ *,αφ'* («если же кто-то нанесет вред колонне и наверхиям, то выплатит фиску 501 денариев»). Среди надписей отыскалась эпитафия Элия Александра 240 г. (EAM 138), которая содержит схожую формулировку наказания за осквернение погребального памятника: ... *ὁ ἄν δὲ τοῦτον <τὸν> βωμὸν λο[ιμ]άνη δώσει τῷ φύσκῳ* ✕ *φ'* («кто бы ни испортил этот алтарь¹⁴, выплатит фиску 500 динариев»).

Возвращаясь к эпитафии Афасы отметим, что в ней не назван объект порчи (*τελαμών*, *κίων*, *ἐπικείμενα*, *βωμός* и т. п.). Внешний вид массивной стелы не дает возможности точно определить тип памятника. Приведенные выше параллели позволяют считать, что название погребального мемориала Афасе было просто пропущено в тексте (как в эпитафии из Фессалоник) и, возможно, не случайно. На предположение, что памятник Афасе состоял не только из надгробной плиты, наводят как ее значительные размеры, так и полукруглый выпил на задней ее стороне. Можно думать, что внешний вид мемориала не нуждался в поименовании в эпитафии. Не указан в эпитафии Афасы и конкретный вид нарушения, который облагается штрафом. Отсутствие точного наименования вида нарушения погребения, который может быть нанесен, в эпитафии Афасы подводит к мысли, что штрафу в Фанагории могло подвергаться любое осквернение погребения на некрополе.

Отмеченное стилистическое совпадение в надписях о выплате штрафов в фанагорийской эпитафии и в двух эпитафиях из римских провинций, как представляется, не случайно. Оно наводит на предположение, что взимание кладбищенских штрафов в различных античных государствах было необходимым инструментом охраны дорогих погребальных памятников, регулирования прав собственности на земельные участки и семейные усыпальницы на некрополях крупных городов. Не следует упускать из виду, что торговля погребальными предметами, в том числе, краденными, была делом прибыльным. Многочисленные примеры вторичного использования более древних стел для изготовления новых надгробий в античных городах (в том числе и в боспорских) свидетельствуют, что объектами кладбищенского торгового оборота выступали, помимо прочего,

¹² Например, действие *violatio sepulchri* зафиксировано рядом эпитафий из городов Нижней Мезии 2–3 в. (Радулова 2013, 95–102).

¹³ Маленькая община на территории ликийского города Балбур. К. Наур относит погребальные памятники Тириайона к Балбуру (Naour 1980, 11–12).

¹⁴ Об алтаре как погребальном памятнике и месте хранения костей погребенного сообщает эпитафия Гая Туллия Гесперия конца 1 – начала 2 в. н. э. (CIL VI, 36467).

каменные погребальные памятники или их части. Причины этой торговли и штрафов кроются в неравном распределении ресурсов и сильной социальной дифференциации античного общества, необходимости выживать, кто как может. Не последнюю роль в вандализме на кладбищах, особенно в грабежах богатых склепов и мемориалов, играло постоянно увеличивающееся за счет притока новых поселенцев население городов, нередко чуждых греческой культуре и языку и не связанных родством с погребенными. Надежно установлено, что со второй половины 3 в. крупные боспорские города, Пантикапей и Фанагория¹⁵, переживают приток новых поселенцев – это жители разрушенных готами Горгииппии, Танаиса¹⁶, а также представители варварских племен, согнанные «скифскими войнами» с привычной территории проживания. Это население, в массе своей бедное, должно было выживать и обустраиваться на новых местах за счет потребления накопленных городом ресурсов в разных сферах его жизнедеятельности. К подобным ресурсам относились и городские некрополи.

Нельзя исключать вероятность того, что взимание штрафов за различные виды нарушений на кладбищах было заимствовано боспорской властью из практики римского права. Это мнение поддерживается другими римского-боспорскими аналогиями. Царская казна на Боспоре именовалась словом *φείσκος*, которое является греческой транслитерацией латинского термина *fiscus*.¹⁷ Словом *fiscus* с правления Августа обозначалась личная казна императора. Фиск на Боспоре – это личная казна царя. Она находилась, как показывает надпись середины 2 в. из Горгииппии, под управлением коллегии чиновников, которую возглавлял официал в должности *ὁ ἐπὶ τῶν φείσκων* (руководитель фисков). С конца 1 в. до н. э. римские весовые стандарты использовались при чеканке боспорских золотых и медных монет. Список можно было бы продолжать, но вполне очевидно влияние римской не только финансовой, но и, как представляется, правовой системы на боспорскую.

«... ἀποτείσει τῷ βασιλεῖ ...». Почему же в фанагорийской эпитафии оговаривается специально, что следует именно царю, а не государственному чиновнику или городским властям, заплатить за ущерб достаточно крупную сумму, да еще, в золотых монетах. Вполне закономерен вопрос: какое из боспорских казнохранилищ может подразумеваться в выражении «выплатить царю»? Из надписей 2–3 в. известно о существовании на Боспоре, как уже было отмечено, царской казны, которая обозначалась словом *φείσκος*, и общегосударственной казны, которая называлась *βασιλικὸν ταμειῶν* (КБН 1096). Доходы в царскую казну должны были поступать с налогов, податей и прочих сборов, главным образом, с населения так называемой царской хоры.¹⁸ Источниками доходов общегосударственной казны были различные сборы и штрафы, главным образом, с городов и поселений на хоре полисов, и, вероятно, храмовых земель. Фанагория и ее округа не входили в состав «царской хоры», поэтому налоговые сборы и прочие выплаты из этого полиса поступали в государственную казну (*βασιλικὸν ταμειῶν*). Поэтому предполагаем, что выражение «выплатить царю» в фанагорийской эпитафии подразумевает, что штраф необходимо внести в государственную казну Боспорского царства.

«... χρυσῶν μυριάδες πέντε...». Под определением «золотые монеты» подразумеваются в надписи боспорские статеры. По свидетельствам Гесихия и Суды, слово «золотой» было синонимом слова «статер».¹⁹ Таким образом, в фанагорийской эпитафии 334 г. отмечается словарное заимствование из повседневной лексики. Штраф в 50 000 статеров представляет весьма крупной денежной суммой. Он заставляет подозревать высокий социальный статус погребенной. В городах Нижней Мезии подобные штрафы укладывались в сумму

¹⁵ Кобылина 1956, 85 сл.; Ворошилов, Ворошилова 2015, 16–19.

¹⁶ Завойкина 2005, 102–105.

¹⁷ Болтунова 1968, 69–74.

¹⁸ Существовала также царская сокровищница, которая обозначалась иранским словом *γάζα* (как можно заключить по названию должности ее хранителя – *ὁ περὶ αὐτὴν γαζοφύλαξ* (КБН 45, 49).

¹⁹ Hsch.: *Στατήρ ἐλέγετο τὸ χρυσίον*; Suid.: *Στατήρ, τὸ ἐκ χρυσοῦ νόμισμα*.

Рис. 3. Перстень Неомода
(по: Тохтасьев 2015)

от 3000 до 5000 сестерциев²⁰, в Малой Азии – преобладали штрафы в 1000–1500, но есть случаи в 3000 и 5000 сестерциев.²¹ Фанагорийский штраф за нарушение захоронения сопоставим лишь с данными из Рима, где зафиксированы выплаты в 50 000 сестерциев²², 100 000 сестерциев и более.²³

Однако столь значительной сумме выплаты, указанной в эпитафии Афасы, находится объяснение. Дело в том, что с правления царя Фофорса (285–308 гг.) на Боспоре чеканятся медные статеры.²⁴ По сути, с правления Котиса III происходила катастрофическая девальвация боспорских статеров, которая привела к их обесцениванию к концу 3 в., хотя тип и метрология монет сохранялась.²⁵ Экономическая ситуация на Боспоре, как показывают даты тезаврации монетных кладов, постоянно ухудшалась из-за военных набегов варваров Меотиды во второй половине 3 – первой половине 4 в.²⁶ Такое положение дел в монетном деле Боспора должно было иметь неприятные экономические последствия и привести к удорожанию продуктов питания, обнищанию населения, и, безусловно, к росту государственных поборов. К их числу относятся и штрафы за порчу надгробий. В 334 г., когда было установлено надгробие Афасе, Боспором правил Рескупорид V. В этот год эмиссий статеров не было, не чеканились статеры и в 335 г.²⁷ Двухлетнее отсутствие чеканки статеров должно было усугубить и без того высокую инфляцию в боспорской экономике. Точными данными о ценах и покупательной способности боспорских статеров в 330-е годы мы не располагаем. В итоге, исходя из имеющихся сведений о девальвации статеров, штраф в 50 000 «золотых» представляется вполне реалистичным.

В заключении нельзя не обратить внимание на многовековую живучесть устоявшихся названий в повседневной лексике – статеры Боспора традиционно именуется «золотыми» в эпитафии Афасы, хотя к 334 г. таковыми не являлись почти 100 лет.

Надпись № 3. В томе «Золото Фанагории» (Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 2) С. Р. Тохтасьев опубликовал надпись, сделанную на щитке золотого перстня, и прочитал ее как «*Νεογοα<ι>ος ψυχή» (рис. 3).²⁸ Исследователь затруднялся определить этимологию имени Νεογοα<ι>ος,

²⁰ Радулова 2013, 99.

²¹ Panciera (cur.) 2004, 546.

²² Ibid., 401 sqq.

²³ Ibid., F5, 11, 26, 35, 38, 60, 61, 101, 102, 123, 124, 134.

²⁴ Абрамзон и др. 2019, 27–28, 244–245; Абрамзон, Безуглов и др. 2020, 14, 39–40.

²⁵ Абрамзон, Кузнецов 2017, 22; Абрамзон, Безуглов и др. 2020, 27–28.

²⁶ Абрамзон и др. 2019, 17–20; Абрамзон, Безуглов и др. 2020, 13–16.

²⁷ Абрамзон и др. 2019, 21.

²⁸ Тохтасьев 2015, 294–206.

Рис. 4. Образец дельты на статере Фофорса (по: Абрамзон, Кузнецов 2017, илл. 190. 282)

²⁹ Тохтасьев 2015, 294.

³⁰ Там же, 371, № 37, 373, табл. 12.

³¹ КБН-Альбом № 99.

³² Сапрыкина 2015, 246–247.

³³ Абрамзон, Кузнецов 2017, 94, илл. 188, 2814–2815, илл. 189, 2828, 2831, 2832 и др.

³⁴ IG XII.5 137, 1033, 1040; IG XII.5.273, 274, 373, 1033 и пр.

³⁵ IG VII 1793, SEG I 332.

³⁶ Абрамзон, Кузнецов 2017, 12–17; Голофаст 2021, 44–48.

³⁷ Об этом ярко свидетельствуют богатые гробницы городской элиты, открытые раскопками позднеантичного некрополя, см.: Ворошилов, Ворошилова 2019, 174–181; 2022, 53–68; Абрамзон, Ворошилов, Ворошилова 2020, 27–36.

которое не имеет никаких аналогий. М. Ю. Трейстер датировал перстень 2–3 вв. н. э., но С. Р. Тохтасьев не исключал и 4 в.²⁹ В пользу поздней даты, по его мнению, свидетельствуют не только палеография, но грубая работа в литье перстня. В этой надписи привлекает внимание необычное имя. На фотографиях высокого качества, опубликованных в статье³⁰, отчетливо просматриваются расхождения между буквами в стк. 1–2 и чтением имени, предложенным Тохтасьевым. Прежде всего, в конце стк. 1 вместо *гаммы* ясно видна *мю*. Правую вертикальную гасту *мю* перекрывает сверху заплыв металла, эту гасту Тохтасьев не учел. Левая сторона и центральная часть *мю* сохранилась достаточно хорошо. Таким образом, в стк. 1 видны буквы NEOM-. В стк. 2 исследователь усмотрел курсивную *альфу* по аналогии с формой *альфы* в надписи КБН 99.³¹ Методика палеографического анализа не предполагает подобного сравнения по следующим причинам. Надписи выполнены на различных поверхностях и различными способами: на щитке золотого перстня надпись выполнена из напаянных мастером греческих букв, вырезанных из золотой фольги³², а в надгробии КБН 99 – резчик по камню выбил надпись на известняковой плите. Курсивная *альфа*, как показывают близкие по характеру изготовления надписи на монетах, амулетницах, перстнях 2–3 вв. не была в ходу – употреблялась *альфа* с прямой или ломаной гастой. Очевидно, что С. Р. Тохтасьев принял *мю* за *гамму*, а *дельту* за *альфу* в результате этих неточностей и получилось непонятное имя Νεομοδος. Аналогии форме *дельты* обнаруживаются на реверсе статеров 594 г. б. э. (= 297 г. н. э.) царя Фофорса из фанагорийского клада 2011 г.: к правой наклонной гасте «приписан» с левой стороны неровный полуовал, нижний край которого в некоторых случаях закруглен внутрь (рис. 4).³³ Обнаруженная аналогия уточняет датировку перстня, изготовление которого можно отнести к концу 3 – первой трети 4 в. Итак, надпись на щитке золотого перстня выглядит как Νεομῶδου ψυχή («душа Неомода»).

Генетивная форма Νεομῶδου восходит к ном. sing. Νεομῶδης или Νεομῶδους. Оба варианта являются формами с измененной корневой огласовкой ЛИ Νεομῆδης или Νεομῆδους. Имена Νεομῶδης и Νεομῶδους встречаются преимущественно в надписях Делоса и Пароса.³⁴ Ограниченный ареал распространения этих имен подводит к заключению, что для ономастикона позднеантичной Фанагории имя Νεομῆδης или Νεομῆδους было, по всей видимости, редким. Изменение корневой огласовки η на ο (Νεομη- на Νεομο-) не встречается в боспорских надписях. Вариант с ошибкой мастера, изготавливавшего буквы исключен, скорее, можно думать об ошибке того, кто предоставил текст заготовки к надписи на золоте. В последнем случае подразумеваем самого Неомода, заказчика и владельца перстня-амулета. В целом, отмеченную замену *эты* на *омикрон* сложно объяснить как изменения в вокализации или чередовании гласных в др.-греческих именах в позднеантичных надписях. Она не логична, следовало бы ожидать вместо *омикрон* появление *эпсилон*, Νεομῆδης.³⁵ Это заставляет предполагать, что форма Νεομῆδης/Νεομῆδους отражает, возможно, местное произношение греческого имени Νεομῆδης/Νεομῆδους в позднеантичное время.

Позднеантичный период в истории Фанагории по археологическим и нумизматическим материалам был не так давно подробно рассмотрен рядом исследователей.³⁶ Поэтому повторять сказанное еще раз нет необходимости. Отметим лишь, что в последней четверти 3–4 в. Фанагория оставалась важным торгово-экономическим и производственным центром, вела активную морскую и сухопутную торговлю.³⁷ В городе проживали представители разных этносов. Наряду с боспорскими греками, отмечены выходцы из варварского окружения Боспора,

Таблица 1. Новые имена жителей позднеантичной Фанагории

№ п/п	Имена фанагорийцев третьей четверти 3–4 вв.	Место находки памятника
1	Ранак, торговец вином	Винодельня № 10 ³⁹
2	Фиайс, торговец вином	Винодельня № 10
3	Харитон, торговец вином	Винодельня № 10
4	Афаса (жен.), имя погребенной	Надпись № 1
5	Неомод, имя богатого фанагорийца	Надпись № 2
6	Апа(турий?), покупатель вина	Винодельня № 10
7	Фео(гнид?), торговец вином	Винодельня № 10
8	Не(окл?) покупатель вина	Винодельня № 10
9	Аф(раний?), покупатель вина	Винодельня № 10

мигранты из центров Малой Азии и Ближнего Востока, прежде всего, из Иудеи. Впрочем, в античную эпоху столь пестрый этнический состав вполне обычен для приморских городов с крупным портом и обширными коммерческими связями.

Ономастический материал позднеантичного времени в Фанагории довольно скудный и представлен в трех лапидарных памятниках – КБН 988, 1003³⁸, 1051.⁴⁰ Основная его часть была проанализирована в моей работе 2013 г.⁴¹ В этих надписях учтено всего 9 антропонимов. С этого времени список имен фанагорийцев пополнился благодаря новым находкам. Прежде всего, это семь антропонимов, вырезанных на стенках амфор из раскопок винодельни (№ 10) на раскопе «Верхний город» (по большей части сохранились начальные слоги имен).⁴² К этому же списку следует причислить женское имя Афаса (надпись № 2). Ревизия надписи на золотом перстне из Фанагории, опубликованном С. Р. Тохтасьевым, позволила добавить к списку имя Неомод (надпись № 3). Несомненно, это не столь впечатляющий материал по сравнению, например, с не столь давними открытиями элитных погребений позднеантичного времени на некрополе Фанагории⁴³ или причального сооружения фанагорийской гавани⁴⁴ того же периода времени. Постепенно число надписей второй половины 3–4 в. увеличивается и вместе с ними растут наши знания об именах, сферах деятельности и образе жизни населения города. В то же время, делая на основе анализа столь незначительной группы имен (всего учтено 18 антропонимов) какие-либо выводы о составе населения позднеантичной Фанагории или преобладании в городе носителей греческих имен преждевременно.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. 2017. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории (Фанагория 5). Москва.
- Абрамзон М. Г., Новичихин А. М., Сапрыкина И. А., Смекалова Т. Н. 2019. Третий Гай-Годзорский клад позднебоспорских статеров. Москва.
- Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2020. Золотые индикации из позднеантичного склепа в Фанагории // *Нурanis* 2, 27–36.
- Абрамзон М. Г., Безуглов С. И., Гунчина О. Л., Сапрыкина И. А., Смекалова Т. Н., Устаева Э. Р. 2020. Последнее золото Боспора. Клады статеров III в. н. э. с поселения Волна I (Архиометрия Причерноморья 1). Москва.

³⁹ Имена № 1–3, 6–9 даны по: Завойкин, Завойкина 2021, 118–119.

⁴⁰ Завойкина 2013, 250–251, № 11 (о принадлежности надгробия 307 г. к лапидарию Фанагории).

⁴¹ Там же, 293–294.

⁴² Завойкин, Завойкина 2021, 118–119.

⁴³ См. прим. 37.

⁴⁴ Кузнецов, Ольховский 2011, 27–31.

- Болтунова А. И. 1968. Новая надпись из Горгиппии и несколько замечаний об организации управления государственными доходами Боспорского царства // *Eirene VII*, 67–76.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2015. Население Фанагории по материалам позднеантичного некрополя // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья. Археологические данные (Материалы конференции). Москва, 16–19.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2019. Тайник в позднеантичном склепе из Фанагории (предварительная публикация) // *КСИА 257*, 174–181.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2022. Золото в погребальном костюме жителей позднеантичной Фанагории // *Huqanis 4*, 53–68.
- Голофаст Л. А. 2021. Фанагория 4–7 вв. по сведениям письменных источников и данным археологии // *Huqanis 3*, 42–57.
- Завойкина Н. В. 2005. Об одном последствии готского разрушения в середине III в. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Периоды дестабилизации, катастроф (Боспорские чтения VI). Керчь, 102–105.
- Завойкина Н. В. 2013. Фанагорийское общество // В. Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 1 (Фанагория 1)*. Москва, 240–313.
- Завойкина Н. В. 2019. Сакральные граффити на керамике из ранней Фанагории // *ДБ 24*, 255–273.
- Завойкин А. А., Завойкина Н. В. 2022. Винодельня на акрополе Фанагории // *КСИА 265*, 104–124.
- Кобылина М. М. 1956. Фанагория // *МИА 57*. Москва.
- Кузнецов В. Д. 2006. Новые надписи из Фанагории // *ВДИ 1*, 155–172.
- Кузнецов В. Д., Ольховский С. В. 2011. Подводные археологические исследования в Фанагории // *Нептун 6*, 26–32.
- Радулова Л. 2013. *Violatio sepulchri* в надписи от Долна Мизия // *Societas classica. Cultures and Religions at the Balkans, the Mediterranean and the East IV*. Veliko Tarnovo, 95–106.
- Розанова Н. П. 1941. Новые надписи Таманского полуострова // *СА VII*, 247–257.
- Сапрыкина И. А. 2015. Техника изготовления золотых изделий из Фанагории // М. Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории (Фанагория 2)*. Москва, 208–265.
- Тохтасьев С. Р. 2015. Надписи на перстнях, содержащие слова ХАРА и ΨΥΧΗ // М. Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории (Фанагория 2)*. Москва, 202–207.
- Яйленко В. П. 2010. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. Москва.
- Bodel J. 2004. The Organization of the Funerary Trade at Puteoli and Cumae // S. Panciera (ed.), *Libitina e Dintorni. Libitina e i luci sepolcrali, le Leges Libitinariae Campanae lura Sepulcrorum. Vecchie e nuove iscrizioni (Libitina 3)*. Atti dell'XI Rencontre Franco-Italienne sur l'Épigraphie. Rome, 149–170.
- Caldelli M. L., Crea S., Ricci C. 2004. *lura Sepulcrorum a Roma: consuntivi tematici ragionati* // S. Panciera (ed.), *Libitina e Dintorni. Libitina e i luci sepolcrali, le Leges Libitinariae Campanae lura Sepulcrorum. Vecchie e nuove iscrizioni (Libitina 3)*. Atti dell'XI Rencontre Franco-Italienne sur l'Épigraphie, Roma, 309–427.
- Panciera S. (cur.). 2004. *Libitina e Dintorni. Libitina e i luci sepolcrali, le Leges Libitinariae Campanae lura Sepulcrorum. Vecchie e nuove iscrizioni*. Atti dell'XI Rencontre Franco-Italienne sur l'Épigraphie (Libitina 3). Roma.
- Naour Ch. 1980. *Tyriaion en Cabalide. Épigraphie et géographie historique*. Zutphen.
- Rebillard É. 2009. *The Care of the Dead in Late Antiquity (Pucci. Cornell Series in Classical Philology 59)*. Ithaca.
- Rutgers L. 2013. *Cemeteries and Catacombs* // *The Cambridge Companion to Ancient Rome*. Cambridge, 497–521.
- Thomas Y. 2004. *Res religiosae: On the Categories of Religion and Commerce in Roman Law* // A. Pottage, M. Mundy (eds.), *Law, Anthropology, and the Constitution of the Social: Making Persons and Things*. Cambridge, 40–72.

В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин, М. С. Чашук

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДАНИЕ (464) НА «ВЕРХНЕМ ГОРОДЕ» ФАНАГОРИИ¹

Аннотация. Статья представляет собой публикацию материалов раскопок здания позднеархаического – раннеклассического времени, открытого в южной части раскопа «Верхний город». Построенное на поверхности материка из сырцового кирпича, это здание состояло из четырех (первоначально из трех) помещений, расположенных в ряд с запада на восток. Южная и западная части здания остались за пределами исследованной площади, поэтому точные его размеры и планировка остались нам неизвестны. Из-за плохой сохранности, обусловленной прежде всего тем, что его стены и полы помещений во многих местах уничтожены поздними ямами, полную стратиграфическую картину удалось получить только для восточного помещения, которое со временем было разделено на два. Здесь выявлены четыре горизонта жизни («пола») здания. Из них только самый ранний, обустроенный на поверхности материкового песка, представлял собой специальную глиняную намазку, а остальные, так как эти поверхности подстилал рушенный сырец, являлись просто выровненными поверхностями, на которых зафиксированы глинобитные очаги. Первый и второй периоды жизни здания (а, б) разделены катастрофическим для этого района города событием ок. 480 г. до н. э. Финальная фаза (г) в жизни здания, отделенная от предыдущей (в) слоем рушенного сырца, также завершается в общем пожаре ок. 450/40 гг. до н. э.

Привлекают внимание три ямы, открытые в восточном помещении, относящиеся к самому раннему периоду жизни здания. Особенно специфичны находки, связанные с одной из них (801), которая на момент разрушения стен была пустой. Прежде всего, это 35 миниатюрных вотивных светильников, которые концентрировались у края ямы и упали в неё в момент катастрофы. Контекст и характер находок позволяет предполагать, что это помещение служило для культовых, а не бытовых целей. Признание этого может служить дополнительным аргументом в пользу мнения об общественном характере всей постройки.

Ключевые слова. Фанагория, «Верхний город», планировка, стратиграфия, общественное здание, яма, вотивные приношения.

V. D. Kuznetsov, A. A. Zavoykin, M. S. Chashuk
A PUBLIC BUILDING (NO. 464) IN THE “UPPER CITY” OF PHANAGORIA

Abstract. This article discusses the findings from the excavation of a late Archaic – early Classical period building discovered in the southern part of the “Upper City” excavation area. Constructed from mudbrick directly on the bedrock surface, this building consisted of four rooms (originally three) aligned from West to East. The southern and western parts of the building are located outside the excavated area, leaving their exact dimensions and layout unknown. Due to the site’s poor preservation, mainly due to its walls and floors being heavily damaged by later pit digging, a creation of complete stratigraphic picture was only possible for the eastern room, which was eventually subdivided into two separate rooms. Four levels, or “floors”, were identified in this area. Only the earliest level, laid directly on the bedrock sand, consisted of a special clay coating, while the subsequent levels, underlain by fragments of broken mudbrick, were merely flattened surfaces where clay hearths were located. The first and second occupation phases of the building (a, b) are separated by a catastrophic event that occurred in this part of the city around 480 BCE. The final phase (d) of the building’s use, separated from the previous phase (c) by a layer of broken mudbrick, also ends in a major fire around 450/440 BCE.

Of particular interest are the three pits discovered in the eastern room associated with the earliest phase of the building’s use. Out of them, the most interesting are the findings from one of these pits (801), which was empty at the time the walls collapsed. Most striking are

¹ Работа выполнена в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

35 miniature votive lamps that were clustered at the pit's edge and fell inside at the time of the catastrophe. The context and nature of these items suggest that this room served a ritual purpose rather than a domestic one. This interpretation may add to the support of the idea that the entire structure was, indeed, a public building.

Keywords. Phanagoria, "Upper City", layout, stratigraphy, public building, pit, votive offerings.

В 2012–2013 гг. исследовалось здание, построенное из сырцового кирпича на поверхности материкового песка. Оно находится на южной стороне небольшой площади, которая с восточной стороны ограничена еще одним общественным зданием 294 (рис. 1). И хотя значительная часть описываемого здания осталась за пределами раскопа, а сохранность той его части, что была открыта, оставляет желать лучшего², анализ расположения этой постройки играет значительную роль для общего понимания планировки данного участка городской застройки.

Итак, здание 464 находилось вдоль западной половины южного борта раскопа.³ Соответственно, его помещения, расположенные в ряд с востока на запад, открыты частично (рис. 1, 2).⁴ Первоначально их было три. В какой-то момент жизни здания восточное помещение было разделено стеной-перегородкой (464/2) на два – пом. 1 и 2 (рис. 1; 3. 1).⁵ Первое из них было, очевидно, квадратным в плане, площадью, ориентировочно, 15–20 м²; второе, прямоугольное, вытянутое с севера на юг – площадью ок. 5,5 м², а с учетом части оставшейся за пределами раскопа, могло иметь площадь около 8–10 м² (т. е. изначальное помещение «1+2» занимало площадь примерно 25–30 м²). Площадь открытой части пом. 3 равна 18 м², в целом же она могла достигать 30 м². Площадь пом. 4 в пределах раскопа составила 6,5 м², а с учетом ее частей под западным и южным бортами, скорее всего, превышала 15 м².

В принципе допустимо предположение, что помещение 4 не было крайним, и здание имело продолжение далее к западу до границы квартала, которая нам не известна. Также невозможно утверждать, что данная постройка ограничивалась одним рядом помещений, к югу от которых не было других. Таким образом, мы можем реконструировать план здания (или его части?) лишь условно, не претендуя на его полноту и завершенность (рис. 1). При этом важно отметить, что с севера вплотную к длинной северной стене здания примыкали два помещения дома 802: стена-перегородка между этими помещениями должна была упираться в эту северную стену (южной стены дома 802 обнаружить не удалось). Однако планиграфия застройки данного участка не дает возможности считать, что объект 802 мог представлять собой часть здания 464.

Еще одно замечание о планировке западной части, расположенной к югу от линии т. н. «Центральной» улицы. Постройки здесь располагались к востоку (294) и югу (802, 464) от площади, мощенной окатанным камнем (498), под углом ~30° друг к другу. При этом юго-западный угол здания 294 находился почти напротив центра пом. 1 здания 464, всего в 0,32 м от внешнего фаса его северной стены. Восточная же стена на каменном фундаменте шириной 1,10 м (206) второго строительного периода здания 294 на 1,32 м выходила краем за линию внешнего фаса южной стены пом. 4 и далее «обрывалась» (не сохранилась). Если трассу этой стены продлить далее к югу до гипотетически реконструируемых линий северной и южной стен здания 464, то можно предположить, что на стене с каменным фундаментом они замыкались, образуя, небольшое помещение трапециевидной формы (рис. 1).

² Внутреннее пространство пом. 3 в значительной части уничтожено котлованами последней четверти 5 в. до н. э. (494, 496), как и некоторая часть пом. 1+2 (котлованом 492), а также поздними ямами (407, 378, 439); от пом. 4 ямы (397, 493, 495) оставили лишь жалкие «обрывки» между их внешними контурами.

³ В отличие от большинства других архаических и раннеклассических построек, стены здания 464 отклоняются от оси С–Ю к востоку (на ~5°), а не к западу (на ~2–11°).

⁴ В длину прослежены на 15 м. Принимая в расчет несохранившуюся часть (восточную) дома и часть, оставшуюся к западу от границы раскопа, общую длину его следует оценивать порядка 20 м, но возможно и больше.

⁵ Изначально единому помещению было присвоено наименование «пом. 1+2». То же самое мы наблюдаем в ходе перестройки соседнего здания 294: большое прямоугольное северное помещение (1+2) в заключительной фазе жизни здания (в) было разделено стеной-перегородкой, поставленной прямо на пол, на два помещения, южное из которых было узким прямоугольным, а большое северное – квадратным (см. Абрамзон и др. 2019, 7–9).

Рис. 1. Юго-западный угол раскопа «Вернем город» (чертеж с элементами условной реконструкции стен)

Для правильного понимания планировочных решений и построения реконструкций, необходимо принимать во внимание тот факт, что на этом участке наблюдается значительное понижение поверхности материка с юга на север. Это обстоятельство при нивелировке площади под строительство заставляло прибегать к небольшому террасированию поверхности. Так, здание 464 располагалось на верхней микротеррасе, а здание 294 и дом 802 на следующей, поверхность которой примерно на полметра ниже. Поэтому южный торец стены-перегородки (802/2) дома 802 в нижней своей части упирался не в стену 464/1, а в материковый край верхней микротеррасы.

Для характеристики стратиграфической позиции исследуемого архитектурного объекта (464) довольно плохой сохранности важны следующие моменты. **1.** Стены здания были возведены на поверхности материкового песка. **2.** Окончательно здание погибло в пожаре, находки из слоя его разрушения позволяют определить дату этого события около середины 5 в. до н. э. или чуть позже.⁶ **3.** В помещениях 1 и 2 выявлено *четыре* горизонта жизни («полов») (рис. 4. 1). Следует отметить, что только самый ранний из них представлял собой специально сделанную намазку – прослойку чистой серо-желтой глины, которая покрывала поверхность материкового песка (*a*). Все последующие полы (что обычно в строительной практике архаической Фанагории) выявлены как некие поверхности, на которых

⁶ По оценке Ю. Н. Кузьминой и Г. А. Камелиной, датировки находок аттической чернофигурной керамики из помещений (в целом) за все периоды их существования укладываются в пределах 530/520–485/475 гг. до н. э. (Кузьмина, Камелина 2015, 316, 318).

Рис. 2. Здание 464, общий вид с запада

фиксируются очаги (здесь – б, в, г) и другие следы бытовой жизни. Это объясняется тем, что новые полы устраивались на глиняном массиве рушенного сырца стен предыдущего времени и потому не требовали какой-либо дополнительной намазки: было достаточно выровнять поверхность в помещении здания, построенного над руинами старого, на необходимом уровне.⁷ Второй пол (б) разделен с предыдущим толстым (до 0,30 м) слоем рушенного сырца. На его поверхности прослеживаются остатки обгоревшей глинобитной конструкции (очаг?) толщиной 2–3 см и линза пропекшегося до черно-бурого цвета сырца под ней. Конструкция имела неправильные (в целом – округлые) в плане очертания (рис. 5. 3, 4). Третий пол (в) также отделен от предыдущего слоем рушенного сырца (ок. 0,30–35 м). На этот пол была поставлена стена-перегородка (464/2) и на нём зафиксирован

⁷ При перестройке нередко стены построек нового строительного периода возводились поверх стен предыдущего (например, в здании 294, в доме 839–836–677).

Рис. 3. Здание 464, полы на разных уровнях (фазах) жизни, виды с юга: 1 – пом. 1+2 (в); 2 – пом. 3 (а)

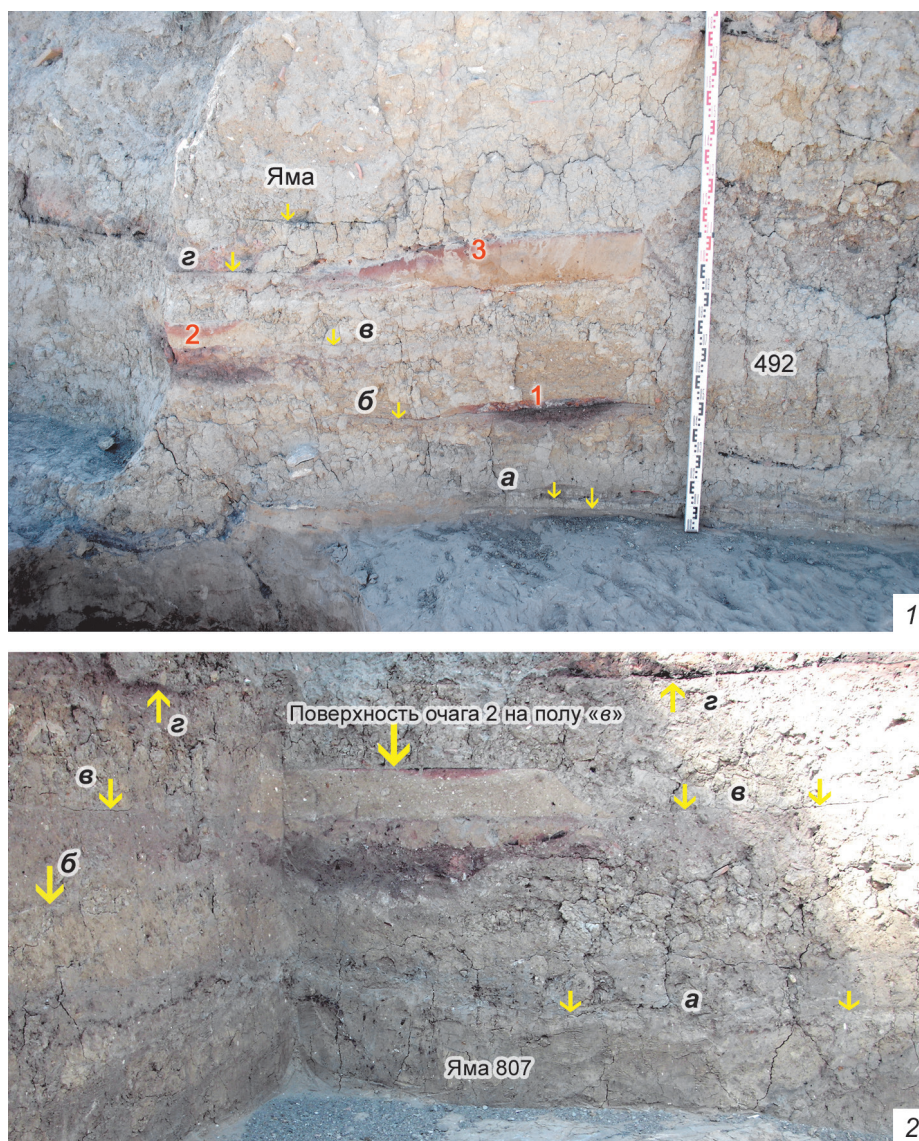
фрагмент крупного глинобитного очага (уходит в борт)⁸, имевшего в плане, видимо, подпрямоугольные (или более сложные) очертания (рис. 4; 5. 2). Выше пола «в» в борту отчетливо читается поверхность (г), на которой лежит мощная (до 0,20 м) и протяженная с востока на запад (1,1 м) линза песчанистой глины (западная ее часть срезана котлованом 492) обожженной на поверхности и в верхней части массива (рис. 4. 1 (3)).⁹ Весьма примечательно, что на этой поверхности под слоем обгоревших сырцов хорошо видна прослойка древесных угольков, особенно много их в восточной части (Центральный участок). Эта прослойка доходит до останца сырцовой кладки восточной стены помещения 1 и «обрывается» у обгоревшей обмазки ее западного фаса (рис. 4. 1; 5. 1).

На уровне нижнего пола в пом. 1+2 функционировали ямы (801, 806, 807), которые оказались *перекрыты* развалом стен дома ранней фазы (а) его жизни. Находки из ям датируют их засыпку не позже начала 5 в. до н. э. (см. ниже). А поскольку стены стоят на материке, можно полагать, что строительство дома

⁸ Ровная, гладкая горизонтальная поверхность на 6 см возвышающегося над полом очага была окрашена продуктами горения в черный цвет, под поверхностью глины на 2–3 см обожжена до состояния печины, под которой желтая глина, смешанная с песком, в которой присутствуют небольшие вкрапления известняков. Ниже – ярко выраженные следы горения (сверху печина, под ней – угли с золой). Боковые грани глинобитной площадки очага наклонены к полу примерно под 45°, слегка вогнутые (рис. 4. 1 (2), 2; 5. 2).

⁹ Определить ее функциональное назначение не представляется возможным. По своей структуре она выглядит подобно очагу, однако непомерно большие размеры этого объекта едва ли позволяют так его атрибутировать. Но при этом не может быть сомнений в том, что функционал объекта связан с процессом горения на его поверхности.

Рис. 4. Дом 464, стратиграфические разрезы в пом. 1+2: 1 – вид с севера, фото 2013 г.; 2 – вид с ВСВ, фото 2005 г. (буквами «а–г» и стрелками отмечены горизонты жизни, цифрами «1–3» – очаги)

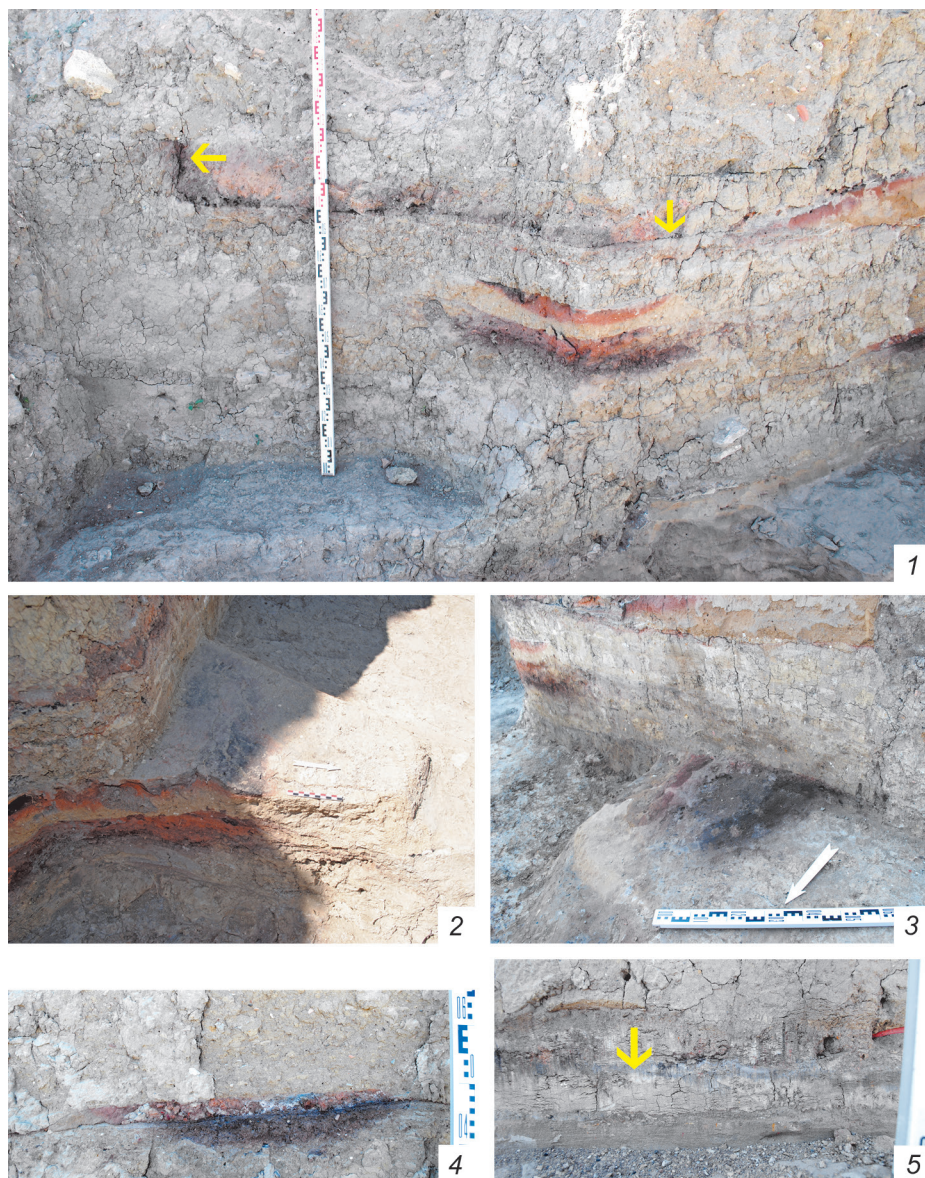
относится *не позднее*, чем ко второму строительному периоду (ок. 520–480 гг. до н. э.)¹⁰ в застройке этого района города.¹¹ В таком случае фазу «б» его жизни можно отнести ко времени после пожара, который мы датируем 480 г. до н. э., т. е. к 3-му строительному периоду, а фазы «в» и «г» суммарно синхронизовать с другими постройками 4-го строительного периода, тоже завершившегося общим пожаром (ок. 450/40 гг. до н. э.).

Для рассмотрения вопросов хронологии здания 464 первостепенную роль играет анализ стратиграфического положения трех ям, обнаруженных на уровне нижнего пола в помещении 1+2, и находок из них. Кроме того, эти объекты представляют определенный интерес для суждения о функциональной специфике данного помещения.

Дело в том, что эти ямы не прорезают руины здания, окончательно погибшего в общем для этого района города пожаре, который случился ок. 450/40 гг. до н. э., а перекрыты ими. Как уже отмечено, ямы, выявленные на уровне нижнего пола в пом. 1+2, были *перекрыты* развалом стен здания ранней фазы (а) его жизни (рис. 6).

¹⁰ Завойкин, Кузнецов 2024, 172–174, 180, табл.

¹¹ В частности, в пользу такого допущения говорит находка на раннем полу (а) горла хиосской амфоры (Завойкин, Кузнецов 2024, 174, рис. 6. 2), демонстрирующей переходную форму от варианта «с воронковидным горлом» к варианту «ранних пухлогорлых» (ориентировочная дата – ок. 530–520 гг. до н. э.). Однако нельзя исключать того, что здание было построено раньше, еще в первый строительный период (540–530/20 гг. до н. э.).

Рис. 5. Дом 464, стратиграфические разрезы в пом. 1+2, детали:
 1 – стрелками отмечен горизонт «Г» и следы пожара на внутреннем фасе восточной стены помещения, вид с СВ; 2 – очаг 2, вид с СВ; 3, 4 – очаг 1, вид с СЗ и с севера (в разрезе); 5 – участок пола «а» в разрезе, вид с севера

Яма **801** располагалась около стены-перегородки (464/3)¹² между пом. 1+2 и пом. 3. Её устье открыто с уровня нижнего пола, который был заметно наклонен в сторону ямы (рис. 6. 1). Участки пола, примыкавшие к яме колоколо-видной формы (нависавшие над ней)¹³, несколькими ярусами, «ступенями» обрушились в нее (рис. 7. 1–5), достигая ближе к центру ямы её дна, покрытого прослойкой черной сажи. Таким образом, мы наблюдаем вовсе не «проседание» грунта в заполнении ямы, как могло бы показаться, а то, что на момент обрушения пола в яму она практически была пуста. Об этом же говорит и то, что все находки в яме сделаны на уровне обрушенных участков пола или над ними (рис. 7. 1а–5а). В итоге имеем такую ситуацию: поскольку пустая яма не могла быть перекрыта полом (отсутствие следов какой-либо конструкции, способной поддерживать глинобитный пол над пустотой ямой делает такую «реконструкцию» необъяснимой), остается признать, что яма была вырыта и функционировала в течение первого периода жизни здания.

¹² Западная придонная часть ямы заходит под кладку, вернее – под материковое её основание.

¹³ Диаметр ямы по верху 1,1–1,15 м, по дну 1,8–1,9 м.

Рис. 6. Яма 801, этапы расчистки:
1 – вид с севера; 2 – вид с ЗЮЗ;
3 – вид с севера

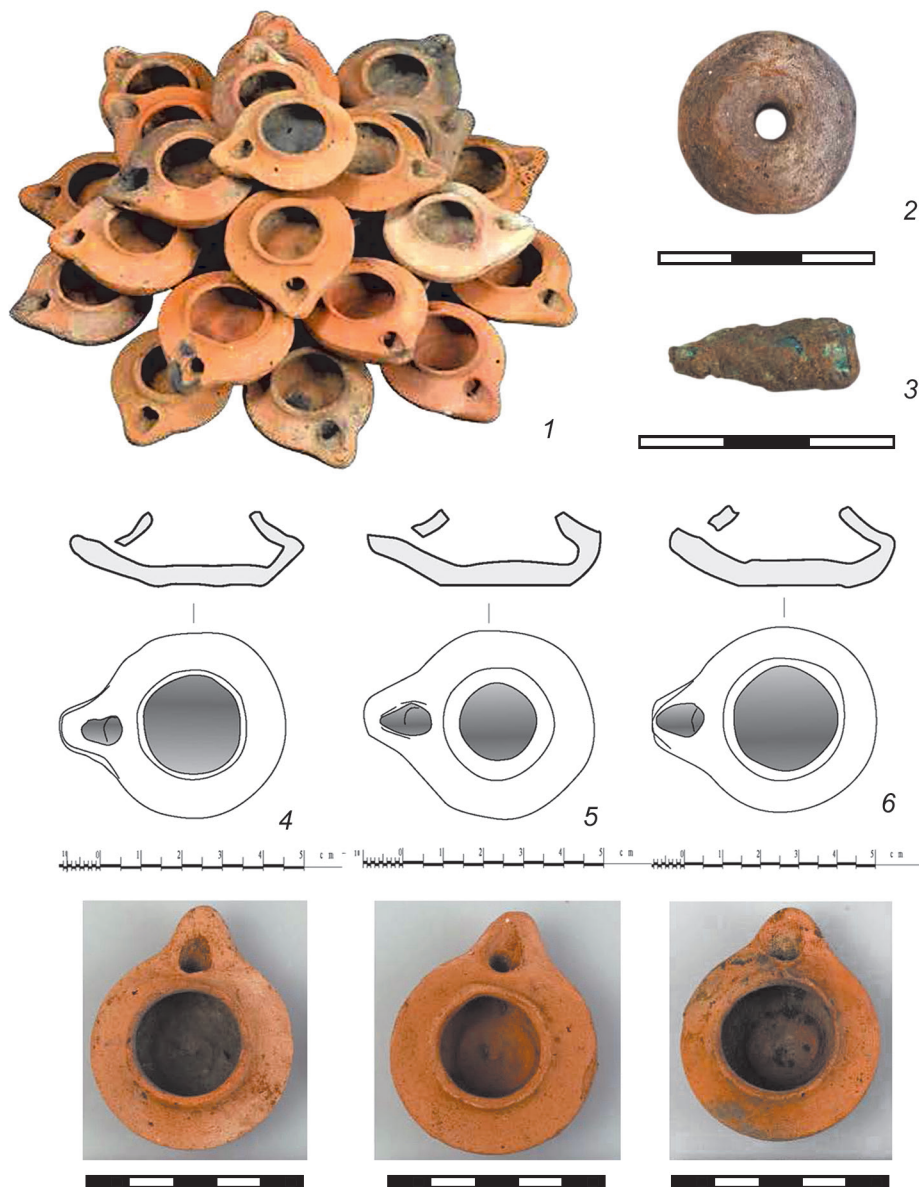

Рис. 7. Яма 801, этапы выборки заполнения ямы (1–5) и находок из нее на соответствующих уровнях (1a–5a)

Рис. 8. Находки из ямы 801:

1, 4–6 – светильники; 2 – пряслице;
3 – наконечник стрелы

Находки «из ямы» 801 несомненно относятся к слою, связанному с периодом жизни и первого разрушения здания 464. Находки эти специфичны. Здесь, при отсутствии обломков амфор (и других находок, характерных для заполнения ям «мусорным» грунтом), найдено помимо двух фрагментов ионийской керамики, нескольких обломков чернолаковой (киликов – 13 фр., скифоса – 1 фр.) и чернофигурной (12 фр., рис. 9) аттической посуды, обнаружены 35 целых миниатюрных однорожковых красноглиняных светильников (рис. 8. 1, 4–6), пряслице (рис. 8. 2) и два бронзовых трехлопастных наконечника стрел (один из них фрагментирован; рис. 8. 3).

Подобные светильники были найдены и в других местах: *один* в яме 807 (единственный светильник иного типа со следами копоти на рожке, см. ниже); *четыре* в пом. 1 (по крайней мере два из них – над ямой 806); *два* в пом. 2; *пять* в пом. 3. Все эти светильники, кроме светильника из ямы 807, были обнаружены в 2012 г. в слое, который перекрывал ранний пол – т. е. в слое разрушения

со следами пожара, иногда в сопровождении наконечников стрел (6 экз.), как и в ямах (801 – 2 экз., 806 – 1 экз.).¹⁴ Помимо того, что концентрация светильников в одном месте аномально высока, нужно особо отметить их специфику. Все они, изготовленные в местной мастерской, имеют практически одинаковую форму и размеры. Это небольшая неглубокая чашечка с загнутым внутрь бортиком и рожок с небольшим отверстием для фитиля, ручка отсутствует (рис. 8. 4–6). Размер таких светильников делает их практически непригодными для использования в быту – слишком мал объем резервуара для масла, в некоторых случаях рожок располагался на одном уровне с дном емкости для масла, а иной раз фитильное отверстие отсутствует вовсе.¹⁵ Очевидно, что долго гореть они не могли, а то и не могли гореть вовсе и, надо полагать, не были на это рассчитаны. Следы нагара от фитиля на рожках отсутствуют. Иначе говоря, эти предметы, скорее служили «символами света», были моделями светильников, а не действующими осветительными приборами.¹⁶ Таким образом они, очевидно, служили *вотивными* приношениями, предназначенными неким почитаемым божествам, возможно, связанным с подземными (*хтоническими*) культами. Не случайно миниатюрные светильники нередко находят в погребениях и святилищах.¹⁷

Принимая в расчет сказанное, очевидно, что яма 801 служила не для утилизации бытового мусора, а выполняла какую-то иную функцию. Что же касается даты ямы, заполненной руинами здания первой фазы его жизни, наиболее ценны для её определения фрагменты чернофигурной аттической керамики. В ней были обнаружены обломки киликов типа Sub-A. Практически все фрагменты относятся к мастерам так называемой *Безлистной группы* (The Leafless Group). Подобные сосуды характеризуются заполнением свободного от центрального сюжета пространства виноградными лозами с гроздьями без листьев. Сосуды данной группы не выходят за пределы первой четверти 5 в., ряд из них датируются еще последним десятилетием 6 в. Центральным сюжетом росписи является симпосий Диониса и его свиты – сатиров, менад, комастов. Зачастую фигуры изображены в движении. Как отмечает Дж. Бизли, ранние варианты работ мастеров данной группы неплохого качества, но уровень исполнения росписи в целом остается низок.¹⁸

С уверенностью можно сказать, что к данной группе относятся три фрагмента.

1. Это венец килика со сценой симпосия (рис. 9. 1).¹⁹ Центральное место занимает фигура обнаженного сатира, согнувшегося в поясе пополам, на спине он несет бурдюк с вином. Сатир располагается в районе ног возлежащей фигуры в длинных одеждах (сохранилась часть изображения). Похожие возлежащие фигуры принято относить к Дионису.²⁰ Подобная композиция в виде сатира, наливающего возлежащему Дионису вино в канфар, довольно часто встречается как на других формах²¹, так и на киликах, вероятно, предшествовавших нашим экземплярам.²² Еще от одной фигуры сохранилось изображение лишь нижней часть тела – танцующего/бегущего персонажа в длинных штанах (на ногах следы белой краски). Придонная часть килика декорирована незалитыми лаком лучами, которые зачастую орнаментировали более ранние экземпляры.²³ На внутренней стороне килика в сохранившейся части *тондо* представлено изображение лысого бородатого сатира, слева от которого некое существо с круглой головой, волосы на которой выделены гравировкой, поверх волос – короткие штрихи пурпуром (венки?), за спиной – крылья (сирена?).²⁴ Килик, по всей видимости, относится к работе ранних мастеров данной группы. На это указывают четко прорисованные детали с использованием белой и пурпурной краски.

¹⁴ Такой же светильник был найден в подвале храма 835. Еще два открытых миниатюрных светильника этого типа найдены в ходе разборки сырцовых стен этой постройки (Завойкин, Кузнецов 2023, 119, рис. 27. 2). Не исключено, что это своего рода строительные жертвы, примеры чему в Фанагории хорошо известны (см.: Завойкин 2007; 2018). Встречаются сравнительно немногочисленные находки таких светильников и в других местах «Верхнего города».

¹⁵ Ср.: Howland 1958, 85; Pemberton 1985, 271–307; Шилейко 2014, 287–289, 396, рис. 1. 1.

¹⁶ Ср. Журавлев, Завойкин 2007, 133, 145.

¹⁷ Завойкин 2017, 214–215, кат. 60.

¹⁸ Beazley, 1956, 632.

¹⁹ Хранится в Государственном музее-заповеднике «Фанагория». ФМ-КП-6/30 А159.

²⁰ Beazley 1956: 716.66; CVA Adria – Museo Archeologico Nazionale 2, Italia 65. Roma, 1989, pl. 40. 5; Петракова, Букина 2021, кат. 34.4.

²¹ Например, скифос 490–480 гг. до н. э. (CVA Musée de Laon 1, France 20. Paris, 1963, pl. 24. 7–9).

²² Dallas Museum of Art, no. 1972.5, последняя четверть 6 в. до н. э. (<https://www.dma.org/art/collection/object/3197797>). На данном экземпляре возлежащим представлен Геракл.

²³ Например, CVA Villa Giulia 3, Italy 3. Milano-Roma, 1927, pl. 29. 2.

²⁴ Аналогии изображению сирен в композиции нам неизвестны.

²⁵ ФМ-КП-6/24, 29, 33–35 А153, 158, 162–164.

²⁶ Например, см.: CVA Leiden, Rijksmuseum van Oudheden 2, The Netherlands 4. Leiden, 1978, pl. 62. 4–6, сосуд относится к 510–500 гг. до н. э.

²⁷ Положение рук и торса сатира напоминает изображение сатира, бегущего влево (на встречу мулу, на котором сидит менада), представленного на киафе из Эрмитажа, датированном 510–50 гг. до н. э. (Горбунова 1983, 208–209, кат. 187). Однако нижняя часть изображения на нашем фрагменте осложнена «наложением» еще чего-то, подчеркнутого гравировкой.

²⁸ Ср.: Musée du Louvre, num. Sp 10421 (<https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010264295>); Nazařčuk 2010, B-193, 194.

Рис. 9. Чернофигурная аттическая керамики из ямы 801 (1–6)

2. Фрагменты венца килика в стиле «eye cup» (рис. 9. 3).²⁵ Центральное место занимает изображение сатира, располагающееся между двумя апотропеическими глазами (сохранился один). Центральный сюжет состоял из нескольких фигур, об этом говорят фрагменты росписи.²⁶ Возле прилепа одной из ручек, справа от глаза, обнаженный танцующий бородатый сатир представлен в профиль вправо, верхняя часть его тела развернута в противоположную сторону; на его голове венчик, выполненный пурпуром. Под ручкой фрагмент изображения дельфина. С левой стороны от изображения глаза представлен бородатый сатир влево, тоже с пурпурной повязкой на голове, но в иной позе (не ясна).²⁷ Анализируя детали росписи, можно отнести изображение к числу ранних работ группы (ок. 500–490 гг.).²⁸

3. Венец килика (рис. 9. 5).²⁹ Как и предыдущие варианты, сюжет изображения представляет дионисийскую сцену: две сидящие (влево) задрاپированные фигуры с венками (?) в руках; судя, по следам краски в районе подбородка, изображения мужские. Между ними – бегущий вправо или танцующий персонаж (комаст?; в области подбородка остатки пурпурной краски – борода?). Перед сидящей слева фигурой – персонаж, сидящий на муле (сатир?). Похожий сюжет нередко встречается на сосудах данного типа.³⁰ Стоит отметить, что роспись на представленном экземпляре силуэтная и схематичная, все изображение выглядит небрежным. Стилистика фигур не позволяет с уверенностью выделить определенных персонажей. Вероятно, данный фрагмент следует отнести к последнему десятилетию существования группы. В нижней части фрагмента два сквозных отверстия, видимо, для подвешивания. Возможно, фрагмент относится к работе *Cauly painter*, который известен своими «грубыми» работами и «одетыми» сатирами.³¹

К данной группе, скорее всего, относятся еще два небольших фрагмента:

4. Фрагмент килика с изображением головы вправо (рис. 9. 2).³² Судя по следам белой краски, с помощью которой проработано лицо, перед нами изображение менады. Подобные изображения характерны для данной группы: менады изображались танцующими рядом с сатирами, в т. ч. с сидящими на мулах.³³

5. В тондо килика сохранилось изображение обнаженного комаста (?) вправо (рис. 9. 6), через левую руку переброшена хламида, складки переданы гравировкой и пурпурной краской.³⁴ В центре донца отверстие. Аналогичный мотив росписи, но стилистически далекий от нашего экземпляра, встречается на вазах, выполненных сразу в двух техниках – краснофигурной и чернофигурной.³⁵ Похожие изображения, однако в более упрощенной технике, встречаются и на экземплярах *The Leafless Group* и датируются началом 5 в. до н. э.³⁶

6. Придонная часть открытого сосуда (килика?) (рис. 9. 4). Изображение не интерпретируется.

Итак, разрушение здания 464 первого периода его жизни и, соответственно, заполнение ямы 801 следует относить к первым десятилетиям 5 в. до н. э., вероятнее всего – ко времени общего пожара 480 г. до н. э.

Две другие ямы (806 и 807) располагались немного восточнее первой. В придонной части они частично пересекались между собой (рис. 10; 11. 5, 6).

Яма 806 была выкопана в пом. 1+2 почти вплотную к внешней северной стене (464/1), придонная ее часть немного заходит под материковое основание этой стены (рис. 10. 2). Как и в случае с ямой 801, поверхность пола в помещении в области примыкания к устью ямы заметно понижается в сторону неё (рис. 10. 2; 11. 1, 2). Насколько возможно судить, к моменту разрушения здания она уже была засыпана и даже как бы «запечатана»: поверх ямы лежал пласт глины (ок. 10 см в толщину), который возвышался над полом. Его нижняя поверхность, вогнутая

²⁵ ФМ-КП-6/24, 29, 33–35 A153, 158, 162–164.

²⁶ Например, см.: CVA Leiden, Rijksmuseum van Oudheden 2, The Netherlands 4. Leiden, 1978, pl. 62. 4–6, сосуд относится к 510–500 гг. до н. э.

²⁷ Положение рук и торса сатира напоминает изображение сатира, бегущего влево (на встречу мулу, на котором сидит менада), представленного на киафе из Эрмитажа, датированном 510–50 гг. до н. э. (Горбунова 1983, 208–209, кат. 187). Однако нижняя часть изображения на нашем фрагменте осложнена «наложением» еще чего-то, подчеркнутого гравировкой.

²⁸ Ср.: Musée du Louvre, num. Cp 10421 (<https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010264295>); Nazarčuk 2010, B-193, 194.

²⁹ ФМ-КП-6/31 A160

³⁰ Musée du Louvre, num. Cp 10436, первая четверть 5 в. до н. э. (<https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010264307>); Moore, *Phlippides* 1986, 307, pl. 113, no. 1762. Начало 5 в. до н. э.

³¹ Beazley 19566, 649–650; например, см. The British Museum, num. 1864, 1007.1696 (https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1864-1007-1696).

³² ФМ-КП-6/12 A141

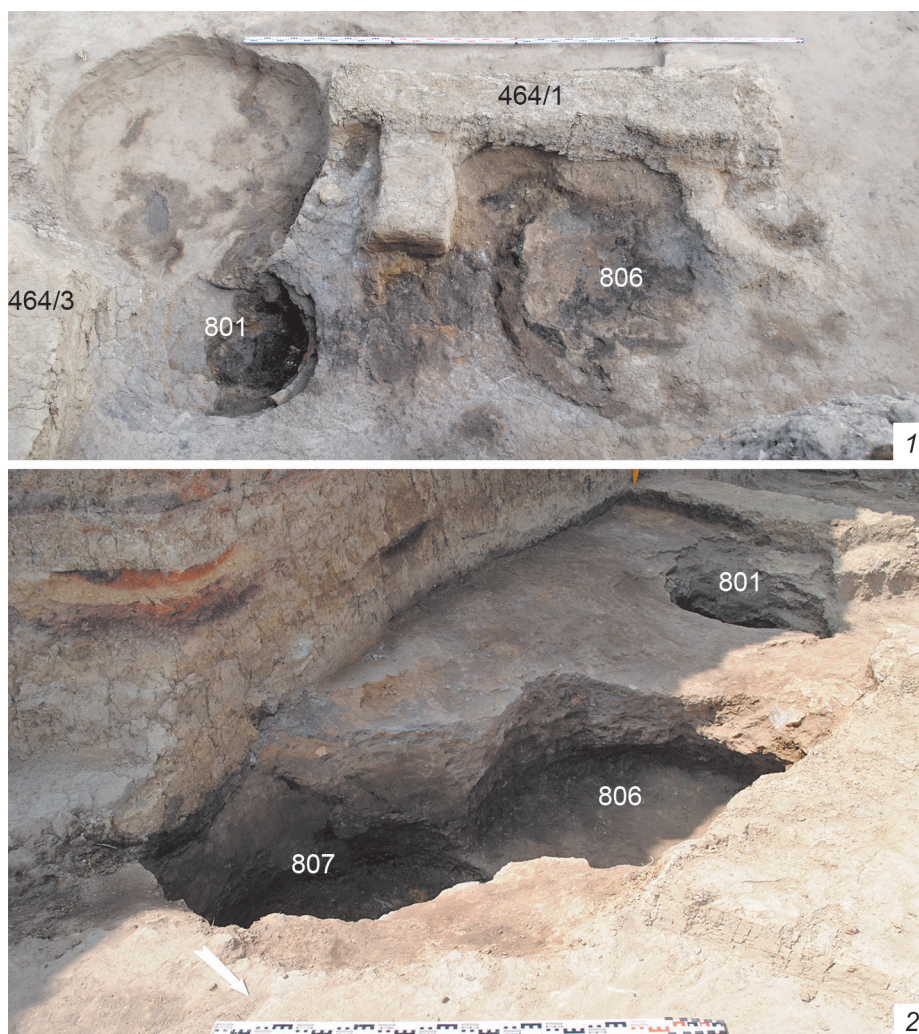
³³ Например, см.: Государственный музей-заповедник «Фанагория» ФМ-КП-78/7 A2185 ГК 22882640.

³⁴ ФМ-КП-6/25 A154.

³⁵ Beazley 1971, no. 325.

³⁶ Moore 1987, 37, pl. 40, nos. 239, 240 (500–490 гг. до н. э.); Ashmolean Museum, no. AN1879.151 (<https://www.ashmolean.org/collections-online#/item/ash-object-471064>); Moore, *Phlippides* 1986, 309, pl. 113, no. 1775 (начало 5 в. до н. э.).

Рис. 10. Помещение 1+2, ямы 801, 806, 807 на уровне пола «а»: 1 – до вскрытия (вид с юга); 2 – после их вскрытия (вид с СВ)

над ямой, имела черный («сажистый») цвет от продуктов горения (рис. 10. 1; 11. 1, 2). В верхней части заполнения ямы обнаружен развал ионийской «протофасосской» амфоры, у которой отсутствует ножка (рис. 11. 3; 12. 1). По своим морфологическим характеристикам она относится к *третьей* серии по классификации С. Ю. Монахова или к варианту А-1Б, по А. П. Абрамову.³⁷ По форме тулова эта амфора наиболее близка тарным сосудам из патрейской ямы-склада последней четверти 6 в. до н. э.³⁸ На ручке амфоры имеется клеймо Θ .³⁹

Помимо амфоры в яме, заполненной темно-коричневым грунтом со следами пожара (печина, угли, обгоревшая земля), были найдены фрагменты лутерия (рис. 12. 12), стенок амфор (164 шт., в т. ч. одна с концентрическими кругами и точкой в центре, рис. 12. 10). Кроме того, найдены:

– профилированные фрагменты амфор: хиосских ранних пухлогорлых (4 фр., рис. 12. 2, 11), клазоменских (6 фр.), эолийских красноглиняных (14 фр., рис. 12. 4), «протофасосских» (19 фр., рис. 12. 3);

– столовой и кухонной посуды: кувшина (1 фр.), мисок (3 фр.), миниатюрная чашечка на плоском поддоне (рис. 12. 8), фрагмент лепного горшка (1 фр.);

– ионийской керамики: стенок (8 шт.), амфоры (1 фр.), кувшина (1 фр.), киликов (3 фр.), мисок (2 фр.), втулка/ручка светильника с петлевидным окончанием (1 фр., рис. 12. 14);

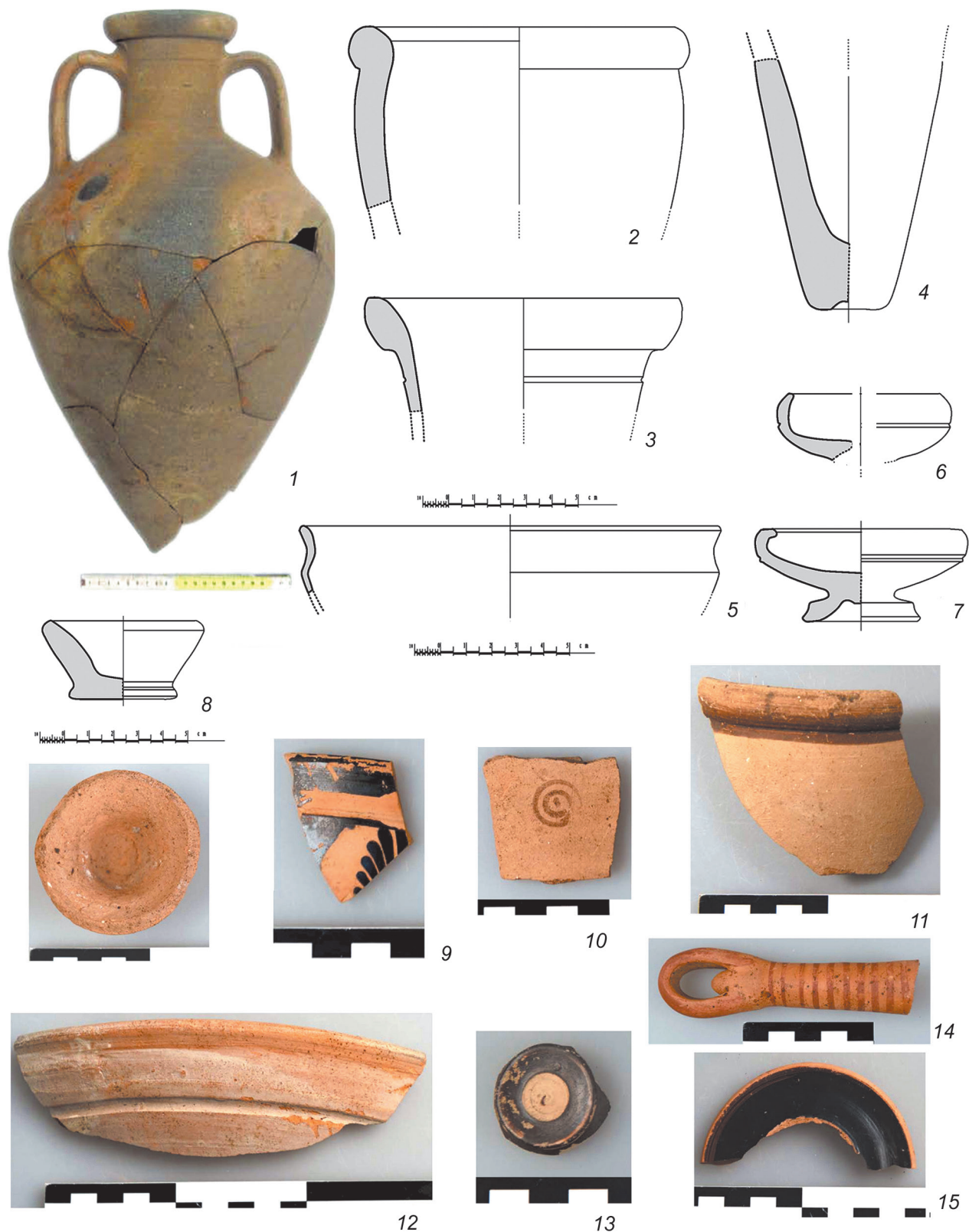
³⁷ С. Ю. Монахов датированные по комплексам амфоры *третьей* серии относит к концу 6 – началу 5 в. до н. э. (Монахов 2003, 40–41, табл. 24). А. П. Абрамов (2020, 88) датирует амфоры варианта А-1Б последней четвертью 6 в. до н. э.

³⁸ Абрамов 2006, 20, 34, рис. 9. 12.

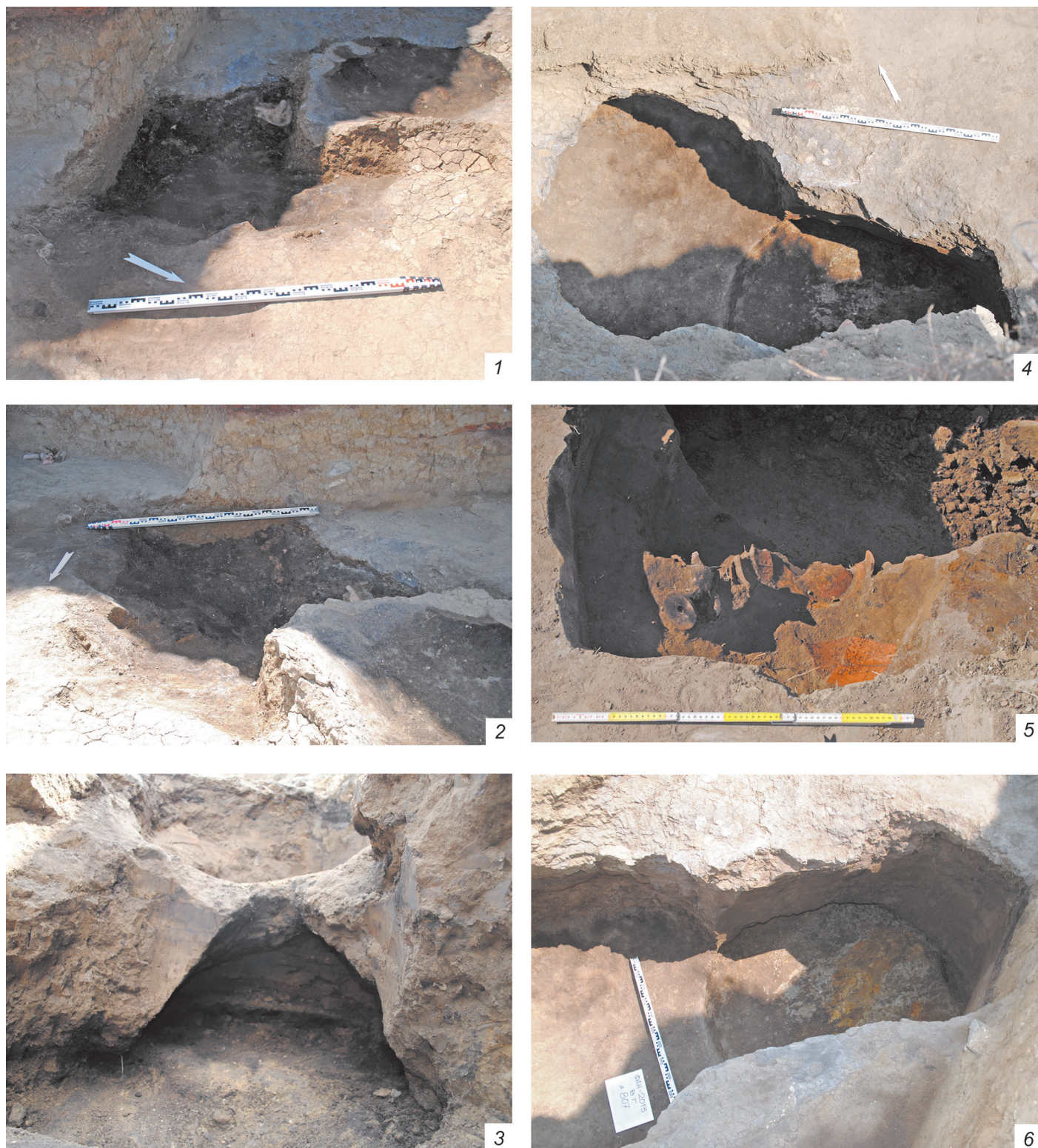
³⁹ Завойкин 2024, 105, рис. 3. 9а. Д. Е. Чистов датирует эти и другие клейма на ионийских амфорах этой группы главным образом концом 6 – первой половиной 5 в. до н. э., соотнося с тарными сосудами третьей серии по классификации С. Ю. Монахова, но отмечает случаи присутствия клейм **Е** в домах третьей четверти 6 в. до н. э. (Чистов 2022, 445–446, 448, табл. 1, № 13 и 9, 11, рис. 1. 13 и 9, 11).

Рис. 11. Этапы вскрытия ямы 806: 1 – вид с ЮЗ; 2 – вид с ЗСЗ; 3 – вид с севера; 4 – вид с ЮЗ; 5 – вид с севера; 6 – вид с СЗ (деталь: придонная часть ямы 807 ниже дна ямы 806)

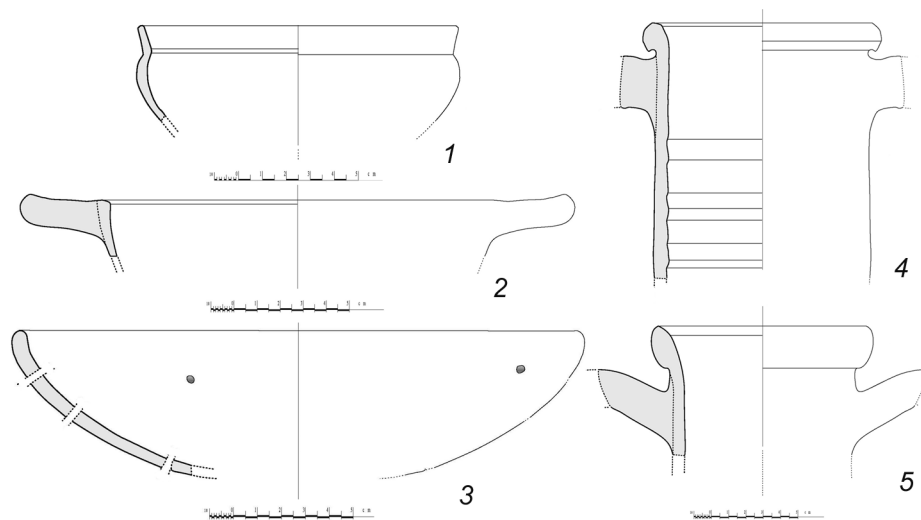

Рис. 12. Находки из ямы 806: 1–4, 10, 11 – амфоры; 5–7, 9, 13, 15 – чернолаковая керамика (в том числе 9 – чернофигурная); 8 – миниатюрная чашечка; 12 – лутерий; 14 – ручка с петлей ионийского светильника

Рис. 13. Этапы вскрытия ямы 807: 1, 2, 5 – верхние уровни (виды с СВ, ССЗ и севера); 3, 4, 6 – на уровне дна (4, 6 – виды с ЮЮЗ, 3 – вид с СЗ из ямы 806)

Рис. 14. Находки из ямы 807, фрагменты: 1 – ионийской миски; 2 – аттического скифоса; 3 – красноглиняной миски со следами ремонта; 4, 5 – амфор

– аттической чернолаковой керамики: стенки (10 фр.), профили кувшина (1 фр.), киликов (4 фр., рис. 12. 5, 15)⁴⁰, чашевидных скифосов (2 фр., в т. ч. один с чернофигурной пальметтой, рис. 12. 9)⁴¹, миниатюрных мисочек на подставке (2 фр., рис. 12. 6, 7)⁴², светильника (1 фр.); бронзовая стрела.

Состав находок из ямы маркирует временной интервал между 525 и 480 гг. до н. э. и в целом соответствует датировке материала из ямы 801.

Как уже было сказано, в придонной части яма 806 «пересекается» с нижней частью ямы **807**, которая глубже (рис. 13. 3, 4, 6). Изначально эта яма имела колоколовидную форму, т. е. устье её в плане было круглым. Однако стенки ямы почти по всему периметру обвалились, и сохранились только в нижней части (рис. 13. 6). Поэтому можно лишь предполагать, что диаметр устья ямы не мог быть значительно больше одного метра, диаметр же её на дне достигал 1,6–1,7 м, а общая глубина – около 1,2 м. Участки пола, примыкавшие к яме, наклонены в её сторону (рис. 13. 4). После того как борта ямы обрушились, поверхность над провалом (он имел форму неглубокой траншеи, ориентированной с ЮЮВ на ССЗ) оказалась перекрыта горелой прослойкой. Поверх неё залегал слой рушенного сырца – остатки стен здания раннего периода (рис. 13. 1, 2), ниже яму заполнял серовато-желтый песок, а у дна – прослежены прослойки с мелкими фракциями пещины, углями и золой (рис. 13. 3).

Не вызывает сомнений, что яма 807 функционировала, как и две предыдущие, в первый период жизни здания 464, но определить наверняка, предшествовала ли она яме 806 (на наш взгляд, это вероятнее) или же относится к более позднему времени – сказать наверняка не представляется возможным.

Находки из ямы:

- стенки амфор (118 шт.);
- профилированные фрагменты амфор: красноглиняных эолийских (8 фр., рис. 14. 4), «протофасосских» (9 фр., рис. 14. 5);
- столовой посуды: кувшина (1 фр.), мисок (6 фр., в т. ч. одна «со следами ремонта», рис. 14. 3), лощеного сосуда (1 фр.);
- ионийских сосудов: стенки (2 фр.), мисок (2 фр., рис. 15. 9), сильно обгоревшая ножка килика (рис. 15. 7), фрагмент донной части хиосского кубка, миниатюрная ольпа (рис. 15. 3);

⁴⁰ Тип С, с вогнутым венцом – Sparkes, Talcott 1970, 91–92, fig. 4, nos. 398–413: 525–480 гг. до н. э.

⁴¹ Cup-skyphos – Ibid., 109, fig. 6, pl. 25, nos. 572–578: 500–480 гг. до н. э. Ср. Nazarčuk 2010, 154, pl. 79, B-89: СНС Group, конец 6 – начало 5 в. до н. э.

⁴² Stemmed dish, convex and small – Sparkes, Talcott 1970, 138, fig. 9, pl. 35, nos. 966–985: 525–480 гг. до н. э.

Рис. 15. Находки из ямы 807: 1 – миниатюрный светильник со следами горения на рожке; 2 – «конусовидный предмет»; 3 – миниатюрная ольпа; 4 – керамическое пряслице; 5, 6, 8 – фрагменты аттической керамики (в том числе расписной: чернофигурной – 6, краснофигурной – 8); 7, 9 – фрагменты ионийской керамики

Рис. 16. 1 – западный край глинобитной эсхары в углублении на полу («а») пом. 3 здания 464, вид с юга; 2 – эсхара на полу пом. 1 здания 294, вид с ССВ; 3 – фрагмент протомы, найденной рядом с эсхарой в пом. 1 здания 294

– аттической чернолаковой керамики: стенки сосудов (12 фр.), киликов (19 фр., в том числе стенка мелкофигурного килика, Vand-cup (рис. 15. 6)⁴³, венчик с ручкой скифоса (рис. 14. 2), краснофигурной крышки леканы (?) (рис. 15. 8), миниатюрный светильник со следами горения на рожке⁴⁴ (рис. 15. 1), керамическое пряслице (рис. 15. 4), «конусовидный предмет» (рис. 15. 2).

Итак, ямы, выявленные на уровне нижнего пола в пом. 1+2, функционировали в ранний период жизни дома 464 и были перекрыты развалами сырцовых стен ок. 480 г. до н. э. По всей видимости, на момент разрушения стен две из них (806, 807) уже были засыпаны, а одна (801) функционировала, т. е. была открыта, и стенки ее обрушились в момент катастрофы. Мы допускаем, что эти ямы последовательно сменяли одна другую. Очевидно, что это помещение не могло быть жилым. Можно было бы думать, что оно служило для каких-то хозяйственных целей. Однако весьма специфичный состав находок, которые в основном

⁴³ Сохранился фрагмент изображения бегущего вправо обнаженного атлета (?), голова повернута влево, с левой руки свешивается хитон. Детали фигуры и хитона процарапаны, складки выделены пурпурной краской. Третья четверть 6 в. до н. э.

⁴⁴ Ср. Журавлев, Быковская, Желтикова 2007, № 23.

располагались на поверхности пола, примыкавшей к устью ямы 801, побуждают к рассуждению в ином направлении.

Исследуемый участок города отличается наличием площади, которая была фланкирована с восточной и южной сторон двумя необычными зданиями (294/206 и 464). Площадь с северной стороны выходила на «Центральную» улицу. В этом месте находился храм, который перестраивался в течение длительного периода времени.⁴⁵ Необычность зданий 294/206 и 464 заключается в том, что каждое из них представляет собой вытянутые в линию помещения, выходящие на площадь. При этом в главное помещение объекта 294 с площади вела каменная лестница (№ 818). Все это свидетельствует о том, что описываемые строительные объекты представляют собой своего рода «правительственные» учреждения, т.е. резиденции полисных магистратов архаического времени. Очаги, которые являлись, скорее всего, своеобразными алтарями-эсхарами, а не бытовыми очагами⁴⁶, могли служить для исполнения религиозных обрядов, которые сопровождали деятельность магистратов.

Естественно, предлагаемая интерпретация носит характер гипотезы, поскольку не обеспечена неоспоримыми доказательствами. Однако очевидно то, что здание 464 (вместе с комплексом 294) принадлежало к категории построек общественного назначения нерелигиозного характера.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Завойкин А. А., Кузнецов В. Д., Сапрыкина И. А. 2019. Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из раскопок Фанагории // *Hesperis* 1, 5–27.
- Абрамов А. П. 2006. Комплекс амфор последней четверти VI в. до н. э. из Патрея // *ДБ* 9, 11–35.
- Абрамов А. П. 2020. Греческие амфоры 6–5 вв. до н. э. в Северном Причерноморье. Москва.
- Горбунова К. М. 1983. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Ленинград.
- Журавлев Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л. 2007. Светильники VI – первой половины III в. до н. э. Т. I (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника). Киев.
- Журавлев Д. В., Завойкин А. А. 2007. Светильники из святилища Элевсинских богинь «Береговой 4» // *ДБ* 11, 127–184.
- Завойкин А. А. 2007. О строительной жертве из Фанагории // Из истории античного общества, 9–10. Сб. научных трудов к 60-летию проф. Е. А. Молева. Нижний Новгород, 42–54.
- Завойкин А. А. 2015. Фанагория. Верхний город. Объект 815 // Д. В. Журавлев, О. Л. Габелко (ред.), *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова*. Москва, 110–114.
- Завойкин А. А. 2017. 60. Светильники однорожковые, миниатюрные // В. Д. Кузнецов, В. П. Толстикова (ред.), *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства*. Москва, 2014–215.
- Завойкин А. А. 2018. Новая строительная жертва из Фанагории // *ПИФК* 3, 90–97.
- Завойкин А. А. 2024. «Протофасосские» амфоры в стратиграфическом контексте «Верхнего города» Фанагории // *ПИФК* 2, 95–112.
- Завойкин, Кузнецов 2023. Священный участок на «Верхнем городе» Фанагории // *Hesperis* 5, 92–131.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2024. Фанагория в период поздней архаики – ранней классики (стратиграфия, хронология, периодизация. 2) // *ДБ* 29, 156–184.

⁴⁵ См. Завойкин, Кузнецов 2023.

⁴⁶ Ранее мы не отметили тот факт, что в соседнем помещении 3 в небольшом округлом углублении (восточная его часть была уничтожена котлованом 496 и поздней ямой 378) размером 1,25×0,72 м в плане и глубиной 0,21 м были расчищены остатки подпрямоугольной (изначально) глинобитной конструкции, сохранившаяся сторона которой ок. 0,40 м, а высота не превышала 3 см над поверхностью углубления, специально обустроенного с поверхности пола вплотную к северной стене помещения. Поверхность этого глинобитного сооружения несла на себе выраженные следы воздействия огня, т.е. мы имеем дело с остатками небольшого очага. Он по своим размерам и структуре аналогичен глинобитному очагу в северном помещении здания 294 (приподнят над полом на 6–8 см, имеет прямоугольную форму размером 0,62×0,42 м), рядом с которым был найден фрагмент протомы богини (рис. 16).

- Кузнецов В. Д. 2013. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2013 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной) (В 6 томах) // НА ИА РАН. Р-1. № 40811, 40812–40817.
- Кузьмина Ю. Н., Камелина Г. А. 2015. Лепная керамика из раскопок объекта 464 в Фанагории // ПИФК 1, 316–322.
- Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Москва–Саратов.
- Петракова А. Е., Букина А. Г. 2021. Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки. Санкт-Петербург–Керчь.
- Чистов Д. Е. 2022. Клейма на «протофасосских» амфорах в позднеархаических контекстах Березанского поселения // А. П. Медведев (ред.), «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сб. научных трудов к 70-летию проф. С. Ю. Монахова. Саратов, 441–450.
- Шилейко И. Н. 2014. Миниатюрные светильники из Ольвии, Борисфена и поселений хоры // БИ XXX, 392–410.
- Beazley J. D. 1956. Attic Black-Figure Vase-Painters. Oxford.
- Beazley J. D. 1971. Paralipomena. Oxford.
- The British Museum (https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1864-1007-1696)
- Brownlee A. B. 1985. Attic Black Figure from Corinth: III // Hesperia 64/3, 337–382, pls. 68–96.
- CVA Adria – Museo Archeologico Nazionale 2, Italia 65. Roma, 1989.
- CVA Musée de Laon 1, France 20. Paris, 1963.
- CVA Villa Giulia 3, Italy 3. Milano–Roma, 1927.
- CVA Leiden, Rijksmuseum van Oudheden 2, The Netherlands 4. Leiden, 1978.
- Howland R. H. 1958. Greek Lamps and Their Survivals (The Athenian Agora IV). Princeton.
- Moore M. B., Philippides M. Z. 1986. Attic Black-Figured Pottery (The Athenian Agora XXIII). Princeton.
- Moore M. B. 1987. Attic Black Figure and Black Glazed Pottery // The Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Lybia. Final Reports. Vol. III. Pt. 2, 2–52.
- Musée du Louvre (https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1864-1007-1696).
- Nazarčuk V. I. 2010. B. Black-Figured Pottery // N. A. Lejpuskaja et al. (eds.), The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. Vols. 1–2. (Black Sea Studies 13). Aarchus, 143–170.
- Pemberton E. G. 1985. Ten Hellenistic Graves in Ancient Corinth // Hesperia 54/3, 271–307.
- Sparkes B. A., Talcott L. 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. (The Athenian Agora XII/1, 2). Princeton.

СОКРАЩЕНИЯ

АДСВ	– Античная Древность и Средние Века
АМА	– Античный Мир и Археология
БИ	– Боспорские Исследования
БФ	– Боспорский Феномен
ВДИ	– Вестник Древней Истории
ГИМ	– Государственный Исторический Музей
ГМИИ	– Государственный Музей Изобразительных Искусств им. А. С. Пушкина
ДБ	– Древности Боспора
КБН	– Корпус Боспорских Надписей. Москва–Ленинград, 1965
КБН-Альбом	– Альбом иллюстраций к Корпусу боспорских надписей. Санкт-Петербург, 2004
КСИА	– Краткие Сообщения Института Археологии
КСИИМК	– Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры
МАИЭТ	– Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии
МИА	– Материалы и Исследования по Археологии СССР.
НЭ	– Нумизматика и Эпиграфика
ПИФК	– Проблемы Истории, Филологии, Культуры
РА	– Российская Археология
СА	– Советская Археология
СГМИИ	– Сообщения Государственного Музея Изобразительных Искусств им. А. С. Пушкина
ТГИМ	– Труды Государственного Исторического Музея
Фанагория	– В. Д. Кузнецов (ред.), Фанагория. Результаты археологических исследований
ХСб	– Херсонесский Сборник
SEG I	– Hansen P. A. <i>Carmina Epigraphica Graeca saeculorum VIII–V a. Chr. n.</i> (Texte und Kommentare 12). Berlin–New York, 1983
CH XI	– Abramzon M. G., Kuznetsov V. D. <i>Coin Hoards. Vol. XI. Greek Hoards. The Cimmerian Bosphorus.</i> (Colloquia Antiqua 32). Leuven–Paris–Bristol, 2021
BAR	– British Archaeological Reports
BAR 1102	– Frolova N. A., Ireland S. <i>The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD.</i> (BAR International Series 1102). Oxford, 2002
BMC 21	– Hill G. F. <i>Catalogue of the Greek Coins of Lycaonia, Isauria, and Cilicia</i> (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum XXIV). London, 1900
CH XI	– Abramzon M. G., Kuznetsov V. D. <i>Coin Hoards. Vol. XI. Greek Hoards. The Cimmerian Bosphorus</i> (Colloquia Antiqua, 32). Leuven–Paris–Bristol, 2021
CIL	– Corpus Inscriptionum Latinarum (1863–)
CVA	– Corpus Vasorum Antiquorum
DOC 1	– Bellinger A. R. <i>Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 1. Anastasius I to Maurice. 491–602.</i> Washington, 1992
EAM	– Thanasis R., Touratsoglou G. <i>Epigraphes Anō Makedonias (Elimeia, Eordaia, Notia Lynkēstis, Orestis).</i> Tomos A', <i>Katalogos epigraphōn.</i> Athens, 1985

Сокращения

IG	– Inscriptiones Graecae (1873–)
IGCH	– Thompson M., Mørkholm O., Kraay C.M. An Inventory of Greek Coin Hoards. New York, 1973
J. Surf. Invest.: X-ray, Synchrotron Neutron Tech.	– Journal of Surface Investigation: X-ray, Synchrotron and Neutron Techniques
LGPN V.A	– T. Corsten (ed.), Lexicon of Personal Greek Names. Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia.
RIC	– Sutherland C. H. V. et al. The Roman Imperial Coinage (10 vols). London, 1984–1994
RN	– Revue Numismatique
RPC I	– Burnett A., Amandry M., Ripolles P.P. Roman Provincial Coinage. Vol. I. London–Paris, 1992
RPC IX	– Hostein A., Mairat J. Roman Provincial Coinage. Vol. From Trajan Decius to Uranius Antoninus (249–254). London–Paris, 2016
SEG	– Supplementum Epigraphicum Graecum
SEG XL	– Pleket H. W., Stroud R. S. (eds.), Supplementum Epigraphicum Graecum. Vol. XL (1990). Brill, 1993
SNG BM I	– Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. IX. British Museum. Pt. I. Price M. The Black Sea. London, 1993
SNG France 5	– Sylloge Nummorum Graecorum France, Vol. 5. Amandry M., Levante E. Département des monnaies, médailles et antiques. Mysie. Bibliothèque Nationale de France. Paris, 2001
SNG Moskau	– Sylloge Nummorum Graecorum Russland. Staatliches Historisches Museum Moskau. Abramzon M., Frolova N., Peter U. Münzen Des Nördlichen Schwarzmeergebietes. Berlin–Boston, 2019
SNG Stanc.	– Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. XI. The William Stancomb Collection of the Black Sea Region. Oxford, 2000
SNG v. Aulock	– Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Sammlung v. Aulock Collection of Greek Coins from Asia Minor (4 vols.). New Jersey, 1987
SNR	– Schweizerische numismatische Rundschau
The Athenian Agora	– The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by American School of Classical Studies at Athens. Princeton, New Jersey

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

HYRANIS
Труды отдела классической археологии ИА РАН
Том 6

Под общей редакцией В. Д. Кузнецова

Научное издание

Подготовка иллюстративного материала
и изготовление оригинал-макета: В. Б. Степанов

Подписано в печать 28.11.2024. Формат 60×90/8
Усл. печ. л. 28,0. Уч.-изд. л. 26,2. Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в типографии: ООО «Новые решения»

ISBN 978-5-94375-449-4

9 785943 754494